

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., и.о. проректора по научной работе Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.**

— д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук**

В.В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — доктор наук,

Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д.и.н.,

проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** —

д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** — д.и.н., проф., Московский город-

ской педагогический университет; **Наталици М.** — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** —

д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** — д.пол.н., д.ф.-м.н.,

проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 3. М.: ИИУ МГОУ. 274 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

Индекс серии «История и политические науки»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712

© МГОУ, 2015.

© Издательство МГОУ, 2015.

Адрес Отдела по изданию научного журнала

«Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences »

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MSRU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Acting Vice-Principal for scientific work of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjlov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and Political Sciences». 2015. № 3. M.: MSRU Publishing house. 274 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

<i>Лавренов С.Я., Соколов А.М.</i> ПЛАНИРОВАНИЕ ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: МИФЫ И РЕАЛИИ	8
<i>Монин С.М.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ (ИЮНЬ – ОКТЯБРЬ 1941 г.).....	23
<i>Терняев А.П.</i> РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА СССР В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	37
<i>Горячева В.Р.</i> БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	46
<i>Кузнецова О.Д., Аверченко М.А.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	52
<i>Ермаков Д.Н.</i> АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	68

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>Смоленский Н.И.</i> ПРОБЛЕМА ЛОГИЧЕСКОГО: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	79
<i>Яснитский Н.А.</i> ТРАКТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АНГЛИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. В БРИТАНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX ВВ.	87
<i>Варшавский Д.И.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ БЫТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ.....	99
<i>Скаковский А.А.</i> МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В РАБОТАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ	109

Отечественная история

<i>Климова Л.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В МОСКВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	116
<i>Архипов С.В.</i> БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг.	125
<i>Кулянов Р.В.</i> МЕСТО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ	134
<i>Кулянов Р.В., Ершов К.П.</i> К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1810-1917 гг.)	141
<i>Акопян В.З.</i> ОТНОШЕНИЕ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ДИСПЕРСНЫХ ЭТНОСОВ ЮГА РОССИИ.....	148
<i>Горлов В.Н.</i> МОСКОВСКИЙ МЕТРОПОЛИТЕН ИМ. В.И. ЛЕНИНА КАК ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА СТОЛИЦЫ СССР	156
<i>Орлова А.С.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1946-1956 гг. КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР.....	165

Луков Е.В. ТЕМА «СИБИРСКОГО БОГАТСТВА» В ДИАЛОГЕ РЕГИОНОВ И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА В 1990-е гг.	173
Рассохо-Анохина В.Н., Саберов Ф.К. КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-МОРСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЛЕНИНГРАДА В 1937-1938 гг.	181

Всеобщая история

Сеничев В.Е. САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ И ОБРАЗ ОРУЖИЯ В «ПОХИЩЕНИИ БЫКА ИЗ КУАЛЬГНЕ»	186
Шелудченко Н.П. ТОРГОВЫЕ, МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЕРМАНИИ И РОССИИ В IX–XVIII в.	191
Мишин А.В. ГЕРМАНО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1920-х гг.	202
Балуев А.Ю. ФАКТОРЫ УСПЕХА ИНТЕРВЕНЦИИ США В ГВАТЕМАЛЕ В ИЮНЕ 1954 г.	209

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ

Хлопов О.А. УКРАИНСКИЙ ФАКТОР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЫ	217
Малькевич А.А., Горбатова Н.В. МИФОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ.....	228
Павловский В.Г. ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	236
Калачев Д.Н. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ	243
Керимов А.А. РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	251
Епифанов А.С. ПАРТИЯ ВЛАСТИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Панов А.И. КУДА ВЕДЕТ НАС ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?	266
НАШИ АВТОРЫ	270

CONTENTS

SECTION I. ON THE OCCASION OF THE 70TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. Lavrenov, A. Sokolov. PLANNING WAR AGAINST THE SOVIET UNION BY GERMANY: MYTHS AND REALITIES.....	9
S. Monin. THE DEVELOPMENT OF THE USSR AND THE UK MILITARY AND ECONOMIC COOPERATION (JUNE–OCTOBER 1941)	23
A. Ternyaev. REORGANIZATION OF INDUSTRIAL PRODUCTION IN THE USSR AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	37
V. Goryacheva. SOVIET PEOPLE'S CHARITY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	46
O. Kuznetsova, M. Averchenko. THE ORGANIZATION OF FOOD SUPPLY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	52
D. Ermakov. AMERICAN MILITARY AND TECHNICAL AID TO THE SOVIET UNION IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR: HISTORICAL AND POLITOLOGICAL ANALYSIS	68

SECTION II. HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

N. Smolensky. PROBLEM OF LOGIC: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT	79
N. Yasnitsky. POLITICAL SITUATION IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY ENGLAND GIVEN BY BRITISH AND NATIVE HISTORIOGRAPHY OF XIX-XX CENTURIES.....	87
D. Varshavski. USING THE RESULTS OF MILITARY ARCHAEOLOGY AS A SOURCE FOR STUDYING EVERYDAY LIFE OF RED ARMY SOLDIERS	99
A. Skakovskiy. MARXIST CONCEPT IN THE WORKS OF MARBURG SCHOOL FOUNDERS	109

Native History

L. Klimova. THE PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN LOCAL AUTHORITIES IN MOSCOW IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY	116
S. Arkhipov. RUSSIAN ORTHODOX CHURCH'S CHARITY DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877-1878.....	125
R. Kulyanov. THE PLACE AND ROLE OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE THROUGH THE CONTEXT OF OVERCOMING THE REVOLUTIONARY CRISIS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY	134
R. Kulyanov, K. Ershov. OF TOURISM AND SERVICE ON THE HISTORY OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE (1810-1917)	141
V. Akopyan. ATTITUDE TO WORLD WAR I OF DISPERSED ETHNIC GROUPS OF SOUTHERN RUSSIA.....	148
V. Gorlov. MOSCOW UNDERGROUND, NAMED AFTER V.I. LENIN, AS A VISITING CARD OF THE CAPITAL OF THE USSR	156
A. Orlova. FEATURE FILMS OF 1946-1956 DEPICTING THE GREAT PATRIOTIC WAR AS REFLECTION OF CHANGES IN THE USSR'S POLITICAL LIFE.....	165
E. Lukov. THE THEME OF «SIBERIAN WEALTH» IN THE DIALOGUE BETWEEN REGIONS AND THE FEDERAL GOVERNMENT IN THE 1990-S.	173

<i>V. Rassokho-Anokhina, F. Saberov.</i> PERSONNEL PROBLEMS IN THE SYSTEM OF NAVAL SCHOOLS IN LENINGRAD IN 1937-1938	181
--	-----

Native History

<i>N. Sheludchenko.</i> TRADE, INTERSTATE AND CULTURAL RELATIONS THROUGH THE CONTEXT OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF GERMANY AND RUSSIA IN THE IX-XVIII CENTURIES	186
<i>A. Mishin.</i> GERMAN-YUGOSLAVIAN RELATIONS THROUGH THE CONTEXT OF THE EUROPEAN DIPLOMACY OF THE 1920S	191
<i>A. Baluev.</i> FACTORS OF THE USA'S INTERVENTION SUCCESS IN GUATEMALA IN JUNE, 1954	202
<i>V. Senichev.</i> SACRED FUNCTION AND THE IMAGE OF WEAPON IN "TAIN BO CUAILNGE"	209

SECTION III. POLITOLOGY

<i>O. Khlopov.</i> UKRAINIAN FACTOR IN ENSURING EUROPEAN ENERGY SECURITY	217
<i>A. Malkevich, N. Gorbatova.</i> MYTHOLOGY AS A FACTOR OF YOUNG PEOPLE'S POLITICAL SOCIALIZATION	228
<i>V. Pavlovsky.</i> ISSUES OF STATE CIVIL SERVICE DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA	236
<i>D. Kalachev.</i> CONTEMPORARY SYSTEM OF INTERNATIONAL SECURITY: BASIC PARAMETERS	243
<i>A. Kerimov.</i> THE DEVELOPMENT OF POLITICAL PARTIES AS A FACTOR IN THE LEGITIMATION OF POLITICAL POWER	251
<i>A. Epifanov.</i> THE RULING PARTY IN ELECTORAL PROCESSES IN MODERN RUSSIA	259

SCIENTIFIC LIFE

<i>A. Panov.</i> WHERE DOES GLOBALIZATION DRIVE US?	266
<i>OUR AUTHORS</i>	270

РАЗДЕЛ I. К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 94(430) “1940/1941”

Лавренов С.Я.¹, Соколов А.М.²

¹Московский государственный юридический университет

²Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

ПЛАНИРОВАНИЕ ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: МИФЫ И РЕАЛИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности военно-стратегического планирования Германией войны против Советского Союза. Основные мифы (в рамках ревизионистского подхода), искажающие этот процесс, сводятся к попыткам утверждения о превентивном (оборонительном) характере этой войны со стороны Германии, об отсутствии цельного плана войны у Берлина, что сопровождалось импровизационным (ситуативным) характером принимаемых Гитлером решений, игнорировавших советы высших военных, и явилось основной причиной несостоятельности плана «Барбаросса», последующего краха концепции «блицкрига» и разгрома Германии.

Авторы, на основе имеющихся в наличии документов приходят к выводу, что подобные утверждения не соответствуют действительности, относясь к разряду исторической мифологии. Анализ отечественной и немецкой историографии по данной проблеме позволяет утверждать о наличии у Берлина перед Второй мировой войной «многовариантной» стратегической концепции, направленной на расширение «жизненного» пространства, главной целью которой являлось завоевание Советского Союза и овладение его ресурсами. Это не исключало в отдельных случаях импровизационного характера действий Берлина, обусловленного стремлением с максимальной выгодой использовать сложившуюся международно-политическую обстановку.

Ключевые слова: военно-стратегическое планирование, нацистская Германия, расширение «жизненного пространства» (Lebensraum), концепция «молниеносной» войны, план «Барбаросса».

© Лавренов С.Я., Соколов А.М., 2015.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ для разработки темы «Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР» (номер заявки 14-31-12089).

S. Lavrenov¹, A. Sokolov²

¹*Moscow State Juridical University*

²*Military University of the RF Ministry of Defence, Moscow*

PLANNING WAR AGAINST THE SOVIET UNION BY GERMANY: MYTHS AND REALITIES

Abstract. The article envisages the specifics of Germany's military strategic planning war against the Soviet Union. Basic myths in this field (in the framework of the revisionist approach) distort this process and concentrate on: the attempts of postulating the thesis of a preventive (defensive) character of this war on behalf of Germany; absence of any integrated war plan in Berlin, that was accompanied by spontaneous (situational) character of taking decisions by Hitler who ignored advice and recommendations of the top military echelon that finally became the main reason of failing of the "Barbarossa" plan, successive collapse of the "blitzkrieg" concept and the defeat of Germany. Having analyzed the detected documents and sources the authors come to the conclusion that such statements do not correspond with the reality and belong to historical mythology.

The analysis of domestic and German historiography on this problem allows to state that before World War II Berlin had a 'multiversion' strategic concept aimed at broadening the "living space" the main purpose of which was conquering the Soviet Union and taking its resources. That did not exclude the situational character of Berlin's behavior in some cases, which was determined by the aspiration to use the real international-political situation with most advantage.

Key words: military strategic planning, Nazi Germany, broadening of the "living space" (Lebensraum), concept of blitzkrieg, the "Barbarossa" plan.

Анализ современной зарубежной и отечественной историографии проблемы показывает, что при изучении особенностей планирования Германией войны против Советского Союза, несмотря на прошедшие семь десятилетий после окончания войны, продолжают воспроизводиться версии, которые, казалось бы, уже были преодолены в ходе предшествующих научных дискуссий. Наиболее устойчивым среди них является тезис о «превентивном», оборонительном характере планирования военных действий со стороны Германии против Советского Союза.

Эта проблема, став одной из ключевых уже в ходе известного «спора историков» в Германии (1986-1987 гг.), по-прежнему является предме-

том активного дискурса не только в ФРГ, но и в России. Одной из причин этого является то, что она носит ярко выраженный политизированный, а не только академический характер. Когда в момент разгара «спора историков» в консервативных средствах массовой информации ФРГ появились материалы, в которых нападение вермахта на СССР именовалось "превентивной войной" [28, S. 38-43], одновременно прозвучали требования переосмыслить сущность операции «Барбаросса», сам характер войны против Советского Союза. Хрестоматийным в этом отношении стал подход, изложенный немецким историком Э. Топичем в нашумевшей в свое время книге «Война Сталина», в которой утверждалось, что Советский Союз в 1939–1941 гг.

преследовал “империалистические цели” по отношению к своим западным соседям, предъявил Германии “ультимативные требования” в ноябре 1940 г. (в ходе переговоров В.М. Молотова и А. Гитлера в Берлине. – Прим. авт.), и последней, в силу сложившихся обстоятельств, ничего не оставалось как предпринять “упреждающий удар”, чтобы “своевременно себя спасти” [36, S. 140-145]. Версия Топича о том, что советское руководство «само спровоцировало» Гитлера на нападение, занимает устойчивое место в современной немецкой историографии.

Тесно сопряженным с рассмотренным выше тезисом о «превентивности» войны со стороны Германии является утверждение об отсутствии у Берлина цельного плана ведения войны, то есть о преимущественно ситуативном, «импровизационном», «многовариантном» характере его действий в ответ на возникающие вызовы и угрозы, а также конфигурацию международно-политической обстановки, благоприятную для эффективного использования военной силы для решения поставленных целей [33]. Этот вопрос носит принципиальный характер, поскольку позволяет возложить единоличную ответственность за крах «блицкрига» против Советского Союза на Гитлера, обелив политическую и военную элиту, причастную к планированию и ведению войны. Авторы придерживаются мнения, что, несмотря на действительно ситуативный характер принятия ряда решений, в конечном счете, они исходили из долгосрочных стратегических установок Гитлера, в целом разделявших высшим военным руководством нацистской Германии.

Проблема планирования Германией войны, таким образом, по-прежнему, сохраняет свою актуальность как в силу особой, в том числе политико-идеологической, значимости, так и наличия дискуссионных, не до конца проясненных вопросов. Характеризуя сложившуюся ситуацию, один из авторов 10-томника «Германский Рейх и Вторая мировая война», известный немецкий историк Ю. Ферстер по этому поводу высказался следующим образом: «Среди историков, разумеется, существует единое мнение о том, что результаты германо-советской войны все еще явно прослеживаются в современной политике» [19, S. 1136].

В статье предпринята попытка анализа военно-стратегических аспектов планирования Германией военных действий против Советского Союза. Политико-идеологические основания планируемой войны преднамеренно оставляются за скобками исследования, поскольку они достаточно подробно рассмотрены в отечественной и зарубежной историографии [11; 22; 29 и др.].

В исторической науке ФРГ до определенного момента, вплоть до 1980-х гг., не подвергалось сомнению, что проблема мотивации решения о войне против Советского Союза, принятом Гитлером летом 1940 г., может быть решена только в контексте долгосрочных политических целей «Третьего рейха», а именно мирового господства Германии. Итогом исследований Г. Вайнберга, Х. Тревор-Ропера, Э. Йеккеля, А. Куна, А. Хильгрубера о внешнеполитической программе, целях войны и стратегии Гитлера стал вывод о том, что намерение Гитлера напасть на СССР не вытекало исключительно

из военной ситуации 1940 г., но было органическим следствием его «восточной Программы», выработанной до 1933 г. [16, с. 59-67]. Решение о нападении на СССР полностью соответствовало главной цели Гитлера, изложенной в «Майн кампф» (1924) и во «Второй книге» (1928) [25], равно как и в его заявлениях после вступления в должность канцлера в январе 1933 г. В частности, А. Хильгрубер пришел к однозначному выводу о том, что «при нападении Гитлера на СССР не могло быть и речи о «превентивной войне» в обычном смысле этого термина, т.е. о «военных действиях, которые предпринимаются с целью предvarить или упредить готовившуюся агрессию» [24, S. 533].

В 1960-е – 1970-е гг. от случая к случаю в ФРГ предпринимались попытки утверждать, что в развязывании войны против Сталина решающую роль играли не программные установки Гитлера, а сложившаяся военно-стратегическая обстановка и «чреватая агрессией» внешняя политика Советского Союза [16, с. 59-67]. Однако сторонники данной точки зрения занимали в западно-германском научном мире в основном маргинальные позиции, несмотря на то, что их публикации получали значительные тиражи.

Вряд ли случайным совпадением является то, что реанимирование на Западе нацистского мифа о вынужденном характере войны Германии против Советского Союза совпало с началом перестройки в СССР, готовя тем самым идеологическую почву для дискредитации советского строя. Показательной в этом отношении стала заказная публикация советского офицера-перебежчика В.Б. Резуна

(псевдоним – В. Суворов), осевшего в Англии. В книге «Ледокол», опубликованной в 1989-1990 гг. в ФРГ и Англии, В. Суворов попытался представить Советский Союз в качестве агрессора [35], фактически бездоказательно ретранслируя тезисы нацистской пропаганды, озвученные после нападения Германии на СССР. Эта, как и последующие книги Резуна, получили беспрецедентное тиражирование. Наряду с Суворовым в процесс реабилитации нацистского мифа о превентивном характере войны Германии против СССР был вовлечен ряд зарубежных историков и публицистов. Помимо уже упомянутого западногерманского социолога Э. Топича, в этом ряду оказались Й. Хоффман, Э. Нольте, Г.-К. Кальтенбруннер и др.

В частности, Й. Хоффман в своей историко-логической конструкции исходил из того, что весной 1941 г. «Советский Союз обладал мощным военным превосходством», «военные и политические приготовления Красной Армии к нападению на Германию достигли кульминации», а «Гитлер не имел ясного представления о том, что действительно готовилось с советской стороны» и поэтому «своим нападением 22 июня 1941 г. предвосхитил нападение Сталина» [28, S. 29].

Однако даже гипотетическая возможность превентивного удара со стороны Красной армии нацистским руководством не рассматривалась, о чем свидетельствуют немало первоисточников. В частности, 7 мая 1941 г. Геббельс записал в дневнике: «Русские еще ничего, кажется, не подозревают. Свои войска они разворачивают таким образом, что их положение отвечает нашим интересам, лучшего мы не можем

и желать». В донесении генеральному штабу от 21 мая 1941 г. военный атташе при посольстве Германии в Москве генерал Э. Кестринг подчеркивал: «...Нет никаких признаков наступательных намерений Советского Союза» [31, S. 310]. В свою очередь, начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер 22 мая 1941 г. в своем дневнике отметил оборонительный характер всей конфигурации группировки Красной Армии в западных приграничных округах, и отсутствие признаков подготовки к наступлению [13].

Схожая оценка была выражена и в секретной телеграмме германского посла в СССР графа Ф. фон Шуленбурга, направленной из Москвы в Берлин 6 июня 1941 г.: «... Россия будет воевать только в том случае, если на нее нападут. Все военные мероприятия носят чисто оборонительный характер» [32, р. 636-637]. Добавим – в отличие от планов Германии, которым был присущ откровенно наступательный характер.

Впервые в концептуальном изложении цели германской экспансии были оглашены Гитлером на совещании 5 ноября 1937 г., на котором присутствовало высшее военное руководство страны [14, с. 52-62]. Необходимость перехода к политике завоеваний, заявил тогда Гитлер, обусловлена тем, что режим экономической автаркии невозможен для Германии, поскольку не позволяет обеспечить ее достаточным количеством сырья и продовольствия. В «эпоху хозяйственных империй», утверждал Гитлер, «захват большого жизненного пространства» является единственным спасением. Поэтому «добиться решения герман-

ского вопроса можно только путем насилия, что всегда связано с риском [1, с. 70]. Исходя из данного императива, Гитлером на совещании была дана установка на подготовку Германии к войне [21, р. 359]. Для расширения экономического потенциала Германии Гитлер планировал провести в Европе ряд «малых» войн. В качестве первых объектов экспансии были названы Австрия и Чехословакия. Сроки полномасштабной войны с Англией и Францией были отнесены на будущее, но не позднее 1941–1944–45 гг., поскольку, по мнению Гитлера, осталось всего лишь пять или шесть лет до того, как «два антагониста, вдохновленных ненавистью» (Англия и Франция) сократят разрыв с Германией в уровне вооружений [34, р. 106].

Гитлер рассчитывал достичь поставленных целей, используя не только растущий военный потенциал Германии, но и весь арсенал политико-дипломатических средств. Балансируя на противоречиях между ведущими европейскими державами, манипулируя их стремлением канализировать германскую агрессию на восток, он рассчитывал избежать той критической ситуации, в которой оказалась Германия в период Первой мировой войны. Определенное время ему удавалось добиваться этого, что позволило достичь впечатляющих успехов в проведении первоначальной завоевательной политики на Европейском континенте. Однако те же роковые вопросы, которые стояли перед кайзеровской Германией, продолжали довлеть и над ним. Но, в отличие от кайзеровского руководства, заблаговременно разработавшего план войны (на основе оригинального плана «Шлиффена»), Гитлер во многом

руководствовался общей «картиной» войны, не имеющей четкой последовательности главных ударов, что обуславливало ситуативный характер решений, принимаемых на ее различных этапах.

После аншлюса Австрии (1938 г.) и захвата Чехословакии (1939 г.) вопрос о том, где наносить первый удар в надвигающейся «большой» войне – на западе или на востоке, гитлеровское руководство было вынуждено решать примерно так же, как и кайзеровский генеральный штаб. После оценки возможных для Германии последствий гитлеровские генштабисты пришли к выводу, что единственно правильным решением в сложившейся ситуации является первоначальный разгром Франции, а затем Советского Союза. Это решение было принято, несмотря на то, что в программе завоевательной стратегии Германии («личной» войне Гитлера), в качестве главного объекта экспансионистских устремлений Германии был определен Советский Союз [25, S. 650-651]. Уничтожение социалистического государства и овладение его огромным ресурсным потенциалом рассматривалось не только в качестве императивного условия для закрепления господства Германии в Европе, но и с целью создания плацдарма для последующего развертывания борьбы за мировое господство.

Тем не менее, завоевание Советского Союза было отнесено нацистским руководством на более позднюю перспективу, чему были веские причины. Проблема нападения на Советский Союз была тесно взаимоувязана с позицией, которую Франция и Англия могли занять в отношении «восточной политики» Германии. Несмотря на то,

что Париж и Лондон подталкивали Германию к агрессии против Советского Союза, трудно было ожидать, что эта поддержка будет беспредельной, что ведущие западные державы не вынашивают замыслов обескровить и истощить в ожесточенной борьбе не только Советский Союз, но и Германию. Гитлер был уверен, что Париж не смирится с гегемонией Германии в Европе [6, с. 102]. Соответственно, стоило вермахту втянуться в затяжные бои на просторах Советского Союза, как с высокой степенью вероятности следовало ожидать удара с тыла. Особое опасение у Гитлера вызывала безопасность Рурской области, главной промышленной базы Германии, которая могла быть захвачена Францией.

Долгосрочным планам Берлина, в первую очередь, могла помешать антигерманская коалиция Советского Союза, с одной стороны, и Англии с Францией, с другой, если бы у последних возобладал прагматичный подход к оценке военно-стратегической обстановки над довлеющим антисоветизмом. Берлин был готов на любые шаги, чтобы не допустить подобного союза, даже если бы пришлось пойти на временное сближение с Москвой. Смысл такого сближения Гитлер объяснил в одной из бесед с Г. Раушнингом в 1934 г., который в тот момент являлся президентом сената свободного города Данциг: «Вероятно, мне не избежать союза с Россией. Я придержу его в руке как последний козырь. Возможно, это будет решающая игра моей жизни. Ее нельзя преждевременно начинать... Но она никогда не удержит меня от того, чтобы столь же решительно изменить курс и напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на Западе.

Глупо было бы думать, что мы будем всегда идти прямолинейно, куда глядит нос, в нашей борьбе. Мы будем менять фронты, и не только военные...» [6, с. 77].

Соответственно заключение пакта о ненападении между Германией и с Советским Союзом в августе 1939 г. нельзя рассматривать в качестве импровизационного акта в ответ на вялотекущие переговоры между СССР и англо-французской стороной. Стратегически Гитлер был давно готов к этому шагу. С точки зрения Берлина, заключение пакта, помимо возможности избежать угрозы войны на два фронта, позволяло сделать еще один важный шаг для подготовки войны против Советского Союза. Проблема для Берлина заключалась в том, что, в отличие от ситуации накануне Первой мировой войны, ни Германия, ни ее союзники в тот период не имели географического соприкосновения с СССР, что предполагало, в качестве промежуточной задачи, необходимость завоевания Польши. После того, как Польша оказалась вернуть Данциг (немецкое название Гданьска. Прим. авт. – С.Л., А.С.) Германии, предоставить немецким войскам «коридор» в направлении советской границы, а также присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, Гитлер окончательно исключил ее из числа возможных союзников. При этом он рассчитывал, что Великобритания и Франция, являвшиеся гарантами независимости Польши, вряд ли захотят ради нее (в том числе, по причине неподготовленности своих армий к современной войне) вступать в вооруженное противоборство с Германией [7]. В беседе с В. Кейтелем он уточнил, что означала для него не-

обходимость «обращения на Восток»: «Наши интересы состоят в следующем: обеспечить этот район (Польшу) в качестве выдвинутого вперед плацдарма, который может быть использован в военном отношении и для сосредоточения...» [2, с. 64].

После завоевания Польши выбор направления последующего удара вновь встал в повестку дня. Решающим аргументом в пользу продолжения войны на Западе было стремление избежать наихудшего сценария – ведения борьбы на два фронта. По свидетельству бывшего адъютанта Гитлера Н. Белова, фюрер после разгрома Польши неоднократно во время бесед с генералами говорил, что ему необходимо «высвободить тыл» на западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм» [18, S. 183, 192], а также существенно расширить ресурсную базу для дальнейшего ведения войны против Советского Союза.

Гитлер торопился, его подстегивало опасение упустить время, пока международно-политическая и военно-стратегическая конъюнктура не изменилась к худшему для Германии. Фактор «упущенного шанса» играл важную роль в принятии этого решения. Гитлер неоднократно возвращался к этой проблеме и в более позднее время, в частности, в выступлении перед командирами дивизий перед началом Арденнского наступления 12 декабря 1944 г. [27, с. 715 ff].

Если неизбежность войны с Францией и Советским Союзом, не подвергалась сомнению, то отношение Берлина к Англии прошло длительную эволюцию. Долгое время Гитлер рассчитывал, если не на союзнические отношения, то, хотя бы на нейтралитет

Англии. Одну из последних надежд на достижение компромисса с Англией дала вялотекущая «странная» война на Западе в 1940 г., последовавшая после захвата Германией Польши. Создавалось впечатление, что Англия и Франция не хотят сжигать за собой «последние мосты», все еще рассчитывая, что Гитлер все-таки повернет острие своего следующего удара на восток.

Однако Гитлер обманул их надежды, предпочитая завершить работу по обеспечению надежного тыла на западе. После того, как объединенные англо-французские силы на континенте были разгромлены в 1940 г., Берлин рассчитывал, что на этот раз критическая ситуация, сложившаяся для Англии, заставит Лондон пойти на переговоры. Об этом в разгар французской кампании, 2 июня 1940 г., говорил Гитлер в штабе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта в г. Шарлевиль, задним числом объясняя приказ об «остановке» немецких танковых войск перед Дюнкерком. По его словам, Англия должна была лишь признать гегемонию Германии на континенте и даже могла не возвращать колонии. Главное: «настало время разделиться с большевизмом» [30, S. 189]. Но британское правительство, возглавляемое к тому времени У. Черчиллем, на уступки идти не захотело.

Выбор направления последующего удара вновь стал предметом обсуждения в немецком высшем руководстве. А. Хойзингер, начальник оперативного управления в штабе Ф. Гальдера, прокомментировал это следующим образом: «После блицкрига в Польше и Франции немецкое политическое и военное руководство находилось в состоянии неуверенности. Оно не знало,

что делать, колебалось и зондировало, поставив Германию в качестве великой континентальной державы перед проблемой ведения войны против великой морской державы Англии...” [2, с. 12].

Если верить этому свидетельству, у Гитлера отсутствовал «многоступенчатый», заранее продуманный план войны. Однако подобное утверждение не в полной мере соответствует действительности. Вынужденный импровизировать, под давлением внешних обстоятельств, Гитлер настойчиво и целеустремленно «расчищал» себе дорогу для решения давно сформулированной, главной стратегической задачи на этом этапе – подготовке агрессии против Советского Союза.

То, что в те месяцы нацистским руководством обсуждались и другие варианты возможных действий, в том числе «периферийная стратегия» в Средиземном море (сторонниками ее были Э. Редер и А. Хойзингер), целью которой было разрушение морских коммуникаций Британской империи, или «африканский» вариант, нацеленный на создание колониальной империи в Африке, не отменяет этой общей тенденции. В конечном счете, выбор был сделан в пользу плана «Морской лев» («Зеелеве»), нацеленный на вывод Англии из войны путем подготовки десантной операции на остров. Однако вследствие организованной англичанами устойчивой обороны и чрезмерного риска операции по вторжению, последняя была отменена.

Существует, впрочем, и иная точка зрения по этому поводу, высказанная генерал-фельдмаршалом Г. Рундштедтом: «Мне кажется, что фюрер по сути дела не хотел вторжения в Англию... Настоящая причина, почему Германия

не форсировала Ла-Манш, заключается в том, что Гитлер весьма сильно рассчитывал, что он сумеет добиться политического соглашения с Англией» [3, с. 130]. Важное свидетельство принадлежит также генерал-фельдмаршалу Ф. Паулюсу, хорошо осведомленному о происходящем: «При ретроспективном рассмотрении событий мне представляется, что для последовавшего отказа от этой операции (Зеелеве. Прим. авт. – С.Л.) существовали следующие причины: риск и боязнь потери престижа в случае неудачи операции; надежда заставить Англию пойти на мир под простой угрозой вторжения в сочетании с подводной войной и воздушными налетами; намерение не слишком ущемлять Англию, так как Гитлер издавна надеялся достичь с ней взаимопонимания; сформировавшееся уже летом 1940 г. намерение Гитлера напасть на Россию» [2, с. 191].

В конце сентября 1940 г. Гитлер стал связывать надежды подавить сопротивление Англии с разгромом Советского Союза. Овладение его огромным ресурсным потенциалом позволяло вести затяжную войну не только с Англией, но в перспективе и с США, если последние решились бы выступить на стороне англичан. Ради этого Гитлер был готов рискнуть войной на два фронта. Фактически это означало возвращение к стратегической схеме кануна Первой мировой войны [23, S. 107].

Берлин решил оставить непокоренную Англию в тылу в расчете на скоротечный разгром СССР, причем преимущественно своими силами. Уверенность в возможности этого была настолько высока, что Гитлер первоначально не намеревался при-

влекать к военной кампании ни Италию, ни Японию, связанных с Германией военными обязательствами. Им отводилась роль прикрытия Германии с флангов и тыла, Италия должна была создавать угрозу Великобритании в Средиземноморском бассейне, Япония – США, ее потенциальному союзнику, на Тихом океане [9, с. 39].

Самоуверенность Берлина основывалась на предшествующих успехах блицкрига, существенном увеличении экономико-ресурсной базы Германии, непоколебимой уверенности в превосходстве вермахта перед Красной армией. К тому времени Германии удалось покорить Австрию, Чехословакию, Польшу, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Францию (частично оккупирована), Данию, Норвегию (впереди была Греция, Югославия и Албания), расширить коалицию за счет Болгарии, Румынии и Венгрии. В отличие от Первой мировой войны, вермахт сумел сделать то, чего не смогла добиться кайзеровская армия – разгромить в «молниеносной» войне сильную французскую армию.

Подготовка войны против СССР велась с присущей немецкому характеру педантичностью и тщательностью. Ни один военный план вермахта не готовился столь тщательно [2, с. 195], не прошел такой многоступенчатый анализ и отбор, прежде чем принять завершенную форму в Директиве № 21 («Барбаросса»).

Официально вопрос о войне против СССР был поставлен 21 июля 1940 г. на совещании Гитлера с командующими видами вооруженных сил, где были определены основные цели и замысел похода на Восток [4, с. 60]. При планировании войны против СССР с са-

мого начала реализовывался принцип многовариантного подхода. На различных этапах к планированию войны против СССР привлекались как штаб оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) во главе с генерал-полковником А. Йодлем (непосредственное участие в разработке этого документа принял референт по делам сухопутных войск из отдела «Оборона страны» подполковник Б. Лоссберг), так и главное командование сухопутных войск (ОКХ) во главе с генерал-фельдмаршалом В. Браухичем (начальник генерального штаба – генерал Ф. Гальдер), формально находившегося в подчинении ОКВ (начальник штаба – В. Кейтель).

На совещании 31 июля 1940 г., где присутствовали Браухич, Гальдер, Кейтель и Йодль, Гитлером были обозначены основные элементы оперативно-стратегического замысла: 1) удар на Киев с выходом к Днепру; 2) удар через Прибалтику и Белоруссию на Москву; 3) последующий охватывающий удар с севера и юга с целью захвата Европейской части СССР; 4) проведение отдельной, вспомогательной операции по овладению нефтеносными районами Баку. Вопрос о направлении главного удара вермахта – на Москву или Киев – оставался открытым [8, с. 8]. Как видно из этих соображений, Гитлер прибегнул к классической схеме стратегического наступления, которой традиционно придерживался германский генштаб: нанесение глубоких ударов, охватывающих главные силы противника с целью их окружения и последующего уничтожения.

Решающее значение придавалось фактору времени, военную кампанию предполагалось осуществить в

виде доказавшей свою эффективность «молниеносной» войны, где в ходе генерального сражения (включающего ряд операций) должны были быть разгромлены основные силы русских. Нападение на СССР предполагалось осуществить не позднее мая 1941 г., на «уничтожение жизненной силы России» отводилось 5 месяцев, до наступления осенней распутицы. Гитлер ориентировал участников совещания на разгром Красной армии в ходе «одного стремительного удара», вновь повторив, что «если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия...» [8, с. 8]. Расчеты Гитлера исходили из возможности капитуляции советского правительства или его свержения. В противном случае Красную Армию предполагалось преследовать вплоть до Уральского хребта [1, с. 76].

По оценке генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, «генеральный штаб сухопутных войск воспринял намерения Гитлера относительно СССР с двойственными чувствами. Он видел в походе против России опасный шанс открытия второго фронта, который мог быть усугублен высоковероятным вступлением в войну Соединенных Штатов против Германии. Такой группировке Германия могла противостоять только в том случае, если бы успела быстро разгромить Россию. Однако сила России представляла собой большую неизвестную величину...» [2, с. 195].

Проблема для военных планировщиков заключалась также в том, что им предстояло найти способы решения двух сложных задач: организации фронтального прорыва, а затем трансформации прорыва в глубокие охва-

тывающие удары, которые должны были замкнуться вокруг основных сил Красной Армии. Главный вопрос заключался в том, где и какими силами прорывать советский фронт? Первоначальные предложения о прорыве фронта на одном направлении были признаны несоответствующими масштабности задачи.

Руководствуясь принципиальными установками Гитлера, генерал Э. Маркс разработал «Оперативный проект Восток (Ост)», представленный Гальдеру 5 августа 1940 г. В проекте предусматривались действия уже двух ударных групп: одной на южном, другой – на центральном, главном, направлении. Задачей первой группы являлось взятие Киева, второй, после достижения рубежа Рогачев-Витебск, предстояло нанести удар на Москву, после чего ей предстояло повернуть фронт на юг и во взаимодействии с южной группой немецких войск занять Украину.

Выбор главного удара обосновывался особым значением Москвы в качестве «экономического, политического и духовного центра» Советского Союза, соответственно делался вывод о том, что овладение ею «разрушит целостность русской державы». Конечный рубеж наступления немецких войск устанавливался по линии Дон – Волга – Северная Двина. Выход на этот рубеж, по мнению Маркса, поставил бы советское руководство в безвыходное положение, заставив капитулировать [8, с. 8]. Для прикрытия северного фланга группы армий «Центр», Маркс предлагал создать особую группу войск, которая должна была вести наступление в направлении нижнего течения Западной Двины, Пскова и Ленинграда.

В соответствии с концепцией «молниеносной» войны, приоритетное значение придавалось действиям танковых армий, которые, подобно бронированным кулакам, пронизав фронт русских, должны были осуществлять глубокие прорывы в тыл советских войск, с последующим их окружением и уничтожением в многочисленных «котлах». Учитывая, что советское командование вынуждено держать значительные силы на границах с Японией, Турцией и Финляндией, проект исходил из того, что СССР сможет выставить против Германии не более 119 стрелковых и кавалерийских дивизий, а также 28 мотомехбригад. Исходя из этого, Маркс пришел к выводу, что для гарантированного разгрома Красной Армии потребуется 147 немецких дивизий, включая 24 танковых и моторизованных [8, с. 9].

Концептуально план Маркса исходил из предположения о неспособности Красной Армии выдержать первый мощный концентрированный удар вермахта и полной бесперспективности попыток СССР оказать сопротивление Германии после утраты промышленных центров в европейской части страны. Что касается промышленной базы на востоке Советского Союза, то она не обладала «достаточно высокой производительностью», чтобы компенсировать понесенные потери. Возможность эвакуации советской промышленности из западных районов в восточные не рассматривалась в качестве заслуживающей внимания.

Свои оперативные проекты представили также фон Зоденштерн и подполковник Лоссберг (так называемый «этюд Лоссберга»). Предложенные проекты подверглись обсуждению на ряде

оперативных совещаний с участием Гитлера, Браухича, Гальдера и других генералов. Вступившему 3 сентября 1940 г. в должность первого оберквартирмейстера генерального штаба (начальника оперативного управления) генералу Ф. Паулюсу предстояло обобщить предыдущие разработки и представить на их основе уточненный план вторжения.

Представленные проекты, несмотря на существенные различия, исходили из высокой вероятности разгрома основных сил Красной Армии в ходе первых приграничных сражений и развала СССР после того, как тот лишится большей части своей европейской территории. Для достижения этой цели предлагалось нанесение мощных рассекающих ударов с последующим расчленением, окружением и уничтожением в гигантских котлах советских войск. В качестве наиболее благоприятной ситуация рассматривалась та, при которой советские войска основными своими силами оказали бы сопротивление в приграничной зоне. В этом случае вермахт, за счет своего превосходства в силах и средствах, а также маневренности, нанес бы поражение советским войскам в кратчайшие сроки. Относительно этих принципиальных подходов к ведению войны против Советского Союза между Гитлером и высшими военными разногласий не было, что опровергает утверждение о существовании какой-либо оппозиции со стороны последних завоевательным планам фюрера относительно Советского Союза.

Независимо от того, кто занимался планированием, военно-стратегические соображения основывались на существенной недооценке военного и экономического потенциала Советско-

го Союза, который так и остался для германских генштабистов (чего они так опасались) «большой неизвестной величиной». В немалой степени такой недооценке сил противника способствовали недостоверные данные немецкой разведки. В частности, начальник разведотдела «Иностранные армии – Восток» полковник Э. Кинцель утверждал, что Красная Армия будет разбита уже в приграничных районах, поскольку ее «парализует страх перед немецкой армией, и она будет лишена способности принять какое-либо решение» [8, с. 9].

Генерал Йодль был более осторожен в своих оценках, исходя из того, что для разгрома Красной Армии потребуется не менее 120 дивизий, сосредоточение и развертывание которых на Восточном фронте займет не менее четырех месяцев. Соответственно, наступление осенней распутицы и зимних холодов обуславливают необходимость отсрочки начала военных действий против Советского Союза. Эти аргументы повлияли на решение Гитлера о переносе начала войны против СССР на следующий, 1941 г. [12, с. 142].

Принципиальное значение имело решение Гитлера (поддержанное Йодлем, Лоссбергом и др.) о нецелесообразности глубокого эшелонирования войск, все три группы армий должны были развернуть наступление по всему фронту одновременно, что должно было оказать ошеломляющее воздействие на противника, не позволило бы ему передислоцировать войска на какое-либо из угрожаемых направлений [2, с. 207].

Идеи, изложенные в проектах Маркса и Лоссберга, послужили основой для завершающего планирования

войны против СССР. Эта работа Ф. Паулюсом в основном была завершена в ноябре [8, с. 10]. Последний вариант плана предусматривал, как и в варианте Лоссберга, создание трех групп армий – «Север», «Центр» и «Юг», которые должны были наступать соответственно на Ленинград, Москву и Киев. К восточной кампании планировалось привлечь 130–140 дивизий [20, S. 370]. 5 декабря проект (с условным названием «Отто») был представлен Браухичем Гитлеру. Последний, согласившись с его основными положениями, приказал немедленно приступить к практическим мерам по подготовке войны против СССР. На основе одобренного плана Лоссберг под руководством Йодля подготовил директиву № 21 («план «Барбаросса»), подписанную Гитлером 18 декабря 1940 г.

Планирование войны жестко увязывало политико-идеологические, военно-стратегические и экономические цели войны. Ликвидация советской государственности предполагала последующую колонизацию страны с целью максимального использования ее ресурсного потенциала. На территории Советского Союза экономический штаб ОКВ, в частности, рассчитывал захватить около 75% советской промышленности, а также необходимые сырье и продовольствие для дальнейшего ведения войны [17, S. 271].

Возможность того, что «война на Востоке» может принять затяжной характер, не рассматривалась в качестве альтернативы, заслуживающей глубокого анализа. Безусловно, военные планировщики, по долгу своей службы, были обязаны рассмотреть различные, даже маловероятные, сценарии развития событий. В частности,

в проекте Лоссберга рассматривались возможные варианты действий СССР, в том числе и такой, при котором «русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредоточиваться у границы немецким войскам». Однако было признано «невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства... Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска» [13]. Подобная оценка содержалась и в разведывательных сводках, поступавших в Берлин. В частности, в сводке № 5 от 13 июня 1941 г. Генштаба сухопутных войск Германии отмечалось, что «со стороны русских, как и прежде, ожидаются оборонительные действия» [13].

Несмотря на тщательное военное-стратегическое планирование и всестороннюю подготовку вермахта, реальный ход войны против Советского Союза стал быстро расходиться с запланированным. Неприятным сюрпризом для командования и личного состава вермахта стали стойкость и выносливость советского солдата, способность советских войск продолжать сопротивление в исключительно тяжелых условиях боевой обстановки, в том числе в многочисленных окружениях, их готовность к самопожертвованию. Как отмечал участник сражений на восточном фронте, Г. Метельман, «русские зарекомендовали себя умелыми, выносливыми и бесстрашными солдатами, разбивая в пух и прах наши былые предрассудки о расовом превосходстве» [10, с. 288].

Благодаря беспрецедентной по своим масштабам переброске промыш-

ленных предприятий из угрожаемых районов на восток страны, руководство Советского Союза, сумело, вопреки предвоенным прогнозам немецких аналитиков, развернуть здесь мощную военно-экономическую базу. В свою очередь, экономика Германии, несмотря на жесточайшую эксплуатацию экономической и ресурсной базы оккупированных стран, не справлялась с требованиями принявшей затяжной характер войны. Потерпев поражение под Москвой, Берлин, несмотря на предстоящие годы ожесточенной борьбы, фактически уже проиграл войну.

Таким образом, имеющаяся в наличии источниковая база не позволяет говорить о «превентивном» (оборонительном) характере войны со стороны Германии. Это было заблаговременное, последовательное осуществление стратегических установок, сформировавшихся у Гитлера еще до прихода к власти нацистского режима. Несмотря на то, что принятие ряда решений Гитлером, действительно, носило во многом ситуативный характер, обусловленный стремлением использовать с максимальной выгодой сложившуюся международно-политическую и военно-стратегическую обстановку, на самом деле, эти решения представляли собой целеустремленную реализацию принципиальных стратегических установок Гитлера, в совокупности представлявших его личный «план» войны. «Военной» оппозиции его намерениям, за исключением вполне объяснимых разногласий, сопровождавших поиск оптимальных оперативно-стратегических решений, в тот момент не существовало. Высшие военные в целом разделяли точку зрения о реалистич-

ности заявленной фюрером завоевательной программы. Организованная оппозиция среди немецкого офицерского корпуса сформировалась значительно позже, когда стало очевидным неизбежное поражение Германии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 62-89.
2. Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М., АПН, 1972. 342 с.
3. Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. М., 1961. 368 с.
4. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. / Пер. с нем. М., 1969. 628 с.
5. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т.1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933-1941. М., Наука, 1973. 768 с.
6. Дашичев В.И. Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938-1939 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Спец. издание. С. 72-80.
7. Келлерхофф С.Ф. Вторая мировая война: почему Гитлер напал на Польшу в сентябре 1939 года? // Die Welt. 30.08.2014. <http://inosmi.ru/> (дата обращения: 13.04. 2015)
8. Кульков Е.Н. Актуальные проблемы Второй мировой войны. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5. С. 1-20.
9. Кульков Е.Н. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // Великая Победа. Т. 2. Кн. 4. М.: МГИМО-Университет. 2013. С. 28-45.
10. Метельман Г. Сквозь ад за Гитлера. М., Яуза-Пресс, 2008. 392 с.

11. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. М., 1985. 352 с.
12. Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. М., 1968. 638 с.
13. Северный А. Собирались ли СССР напасть на Германию? // Военное обозрение. 28 января 2015 // http://www.stoletie.ru/ww2/sobiralsa_li_ssr_napast_na_germaniju_919.htm (дата обращения: 14. 04. 2015).
14. «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. Составитель В.И. Дашичев. М., Наука, 1967. 752 с.
15. Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 // Отечественная история. М., 1993. № 4. С. 19-31.
16. Юбершер Г. К вопросу о “превентивной войне” // Новая и новейшая история. М., 1999. № 6. С. 59-67.
17. Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militarischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR (1933–1941). B., 1970. 477 S.
18. Below N. Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. München, 1980. 446 S.
19. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion / Hrsg von Mi-htargeschichtlichen Forschungsamt Stuttgart, 1983. 1172 S.
20. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. 764 S.
21. Evans R. The Third Reich in Power. L., Penguin, 2006. 960 p.
22. Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjeunion, (1940–1941). B., 1970. 368 S.
23. Görlitz W. Paulus: Ich stehe hier auf Befehl. – Frankfurt a. M., 1960. 314 S.
24. Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940-1941. Frankfurt a.M., 1965. 715 S.
25. Hitler A. Mein Kampf. München, 1925. 720 s.
26. Hitlers. Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. 244 S.
27. „Hitlers Lagebesprechungen“. Die Protokollfragmente seiner militarischen Konferenzen 1942–1945. Stuttgart, 1962. 971 S.
28. Hoffmann J. Die Sowjetunion bis zum Vorabend des deutschen Angriffs // Das Deutsche Reich. Bd. 4. – S. 38-97.
29. Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938. Frankfurt a. M., 1968. 490 S.
30. Klee K., Unternehmen Seelöwe. Göttingen, 1958. 261 S.
31. Köstring E. Hitler zwischen deutschen Reich und der Sowjetunion 1921-1941. Frankfurt a. M., 1965. 334 S.
32. Messerschmidt M. Foreign Policy and Preparation for War // Germany and the Second World War: The Build-Up of German Aggression. Oxford University Press, 1991. Vol. 1. 809 p.
33. Post W. Unternehmen Barbarossa: deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940/1941. Hamburg; Berlin; Bonn, 1996. 128 S.
34. Robertson E.M. Hitler's Pre-War Policy and Military Plans, 1933-1939. Citadel Press, 1967. 207 p.
35. Suworow W. Der Eisbrecher. Stuttgart, 1989. 467 S.
36. Topitsch E. Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. München, 1985. 263 S.

УДК 94(4) "1941"

Монин С.М.*МГИМО (Университет) МИД России (г. Москва)*

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ (ИЮНЬ – ОКТЯБРЬ 1941 г.)

Аннотация. Показан процесс становления военно-экономического сотрудничества между СССР и Великобританией в первые месяцы Великой Отечественной войны: от заявления британского премьер-министра У. Черчилля 22 июня 1941 г. о поддержке СССР до Московской конференции СССР, США и Великобритании 29 сентября – 1 октября 1941 г. о военных поставках в Советский Союз. Отмечается, что Англия даже раньше Соединенных Штатов распространила на СССР режим ленд-лиза. Рассматриваются пути поставок: конвоями через арктические моря или через «персидский коридор» (через занятую советскими и британскими войсками территорию Ирана).

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, Великобритания, ленд-лиз, арктические конвои, «персидский коридор».

Монин С.М.*MGIMO (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow*

THE DEVELOPMENT OF THE USSR AND THE UK MILITARY AND ECONOMIC COOPERATION (JUNE–OCTOBER 1941)

Abstract. The article deals with the first steps of the USSR and the UK military and economic cooperation in the first months of the Great Patriotic war: starting from 22 June 1941 when the British Prime Minister Churchill inaugurated the policy of aiding the Soviet Union till the conference in Moscow (September 29 – October 1, 1941) where the USSR, the USA and the UK discussed the delivery of military supplies to the Russian front. The author states that the British government left behind the USA in doing it under the lend-lease terms. The article describes the delivery routes: the Arctic Convoys and the "Persian Corridor" (across the territory of Iran controlled by the Soviet and British troops).

Key words: the USSR, Great Britain, the Anglo-Soviet agreement of July 12, 1941, the Moscow conference of the USSR, the USA and the UK (September 29 – October 1, 1941), lend-lease, the Arctic Convoys, «the Persian Corridor».

В результате нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. радикально изменилась расстановка сил в мире. СССР и Великобритания, отношения между которыми в течение предыдущего года советский посол в Лондоне Майский

охарактеризовал как «холодно-враждебные» [4, с. 11], в одночасье стали союзниками. Хотя, казалось, ни история русско-английских связей, ни их состояние накануне и в начале Второй мировой войны этому никак не могли способствовать. Главной задачей советской дипломатии после начала

Великой Отечественной войны стало создание антигитлеровской коалиции. Трагическое положение на фронте, где Красная Армия отчаянно сопротивлялась, но вынуждена была с колоссальными потерями в людях и вооружениях отступать в глубь страны, требовало не только мобилизации всех сил своей страны, но также усилий по скорейшему получению военно-экономической помощи из-за рубежа. Главные надежды при этом Москва возлагала на Великобританию и США.

Между тем наладить отношения с новыми союзниками было очень непросто. Москве следовало многое поменять в своей политике и пропаганде, избавляясь от догматических представлений и предубеждений в отношении «буржуазных демократий». Надо было выправлять то зачастую неблагоприятное впечатление, которое на Западе произвели действия Москвы в начальный период Второй мировой войны, пусть даже они были направлены на обеспечение жизненно важных интересов Советского государства. Москве трудно было забыть роль англичан в срыве тройственных переговоров по созданию антигерманской коалиции весной-летом 1939 г., что толкнуло СССР на сближение с Берлином в надежде таким путем обеспечить свои интересы. Спасать своего официально-го союзника Польшу британцы не стали, зато с готовностью собрались отправить войска в Финляндию во время «зимней войны», да еще и Баку бомбить намеревались. И все же критическое положение Советского Союза делало его более открытым к сотрудничеству, готовым принять поддержку от тех, кого еще недавно клеймили как «империалистов» и «поджигателей войны».

Со своей стороны, в Лондоне никак не могли успокоиться по поводу того, что СССР не дал втянуть себя в мировую войну в самом ее начале, а вот Англии воевать все-таки пришлось. Причем после падения Франции она фактически в одиночестве вынуждена была противостоять Гитлеру (и надо сказать, делала это с упорством, не склонив головы перед врагом). Позднее в своих мемуарах британский премьер Черчилль, говоря о роковом просчете Сталина относительно времени нападения Германии на Советский Союз, не скрывал злорадства, указывая на «ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов советского правительства... и ... поразительное незнание собственного положения». При этом британец вспоминал Немезиду – античную «богиню возмездия, которая разрушает всякое неумеренное счастье, обуздывает сопутствующую ему самонадеянность... и карает особо тяжкие преступления» [15, с. 173].

Однако жесткие реалии военного времени заставляли отбросить эмоции и исходить именно из складывавшейся на тот момент геополитической ситуации. Показательно, что уже 25 июня 1940 г., всего через три дня после капитуляции Франции, Черчилль отправил свое первое личное послание советскому руководителю Сталину, в котором подчеркивал желательность восстановления контактов между Лондоном и Москвой для обсуждения любой из проблем, «возникших в связи с нынешней попыткой Германии проводить в Европе... политику завоевания и поглощения» [14, с. 383-385]. Ответа в Лондоне, правда, не получили. В апреле 1941 г. Черчилль адресовал

Москве еще одно письмо с предостережением насчет германской опасности. Когда предчувствие грядущего столкновения Германии с СССР стало особенно сильным, Черчилль в послании президенту США Рузвельту от 15 июня заявил, что «если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер». В ответном письме глава Белого дома обещал, что при нападении немцев на Россию он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника» [15, с. 186-187].

Англичане сделали и первые подготовительные шаги. 21 июня находившийся в тот момент в Лондоне британский посол в СССР Криппс заявил советскому послу Майскому, что в случае нападения Германии на Советский Союз в Москву в срочном порядке будут отправлены английские военная и экономическая миссии и что «Британское правительство не допустит никакого промедления в оказании СССР... той помощи, на которую оно будет способно» [11, с. 513]. Намерение Великобритании и США поддержать СССР было не удивительным. При открытии Гитлером Восточного фронта отступала непосредственная угроза вторжения немцев на Британские острова, и шансы англичан на выживание резко повышались. 22 июня 1941 г. жители Туманного Альбиона действительно смогли вздохнуть с облегчением. Вечером этого дня премьер-министр Великобритании произнес по радио речь. Не преминув напомнить, что «за последние 25 лет не было более последо-

вательного противника коммунизма», чем он, Черчилль тем не менее подчеркнул: «Но все это бледнеет перед развернувшимся сейчас зрелищем... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем». Отметив привычку Гитлера уничтожать своих врагов поодиночке, британский премьер продолжил: «Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара» [11, с. 513-514].

Выступление Черчилля произвело сильное впечатление в стране и за ее пределами. Советский посол Майский записал в своем дневнике, что речь «с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи СССР... Чрезвычайно важно было, что премьер ударил своей дубиной немедленно, не давши никому опомниться. Это сразу [за]дало тон – и здесь, и в Америке... По свидетельству многих, замешкайся Черчилль с[о] своим выступлением, протяни 2-3 дня – и антисоветские элементы в стране сумели бы внести немало смуты и разложения в общественное мнение». «Только недавно «Россия» считалась скрытым союзником Германии, чуть ли не врагом, – и вдруг на протяжении 24 час[ов] она стала другом! – продолжал Майский. Переход был слишком крут, и британская mentality [умонастроение, склад ума (англ.)] еще не

успела приспособиться к новому положению» [4, с. 7].

Была, впрочем, и другая сторона этого психологического «шока» – наступившая после него чрезмерная расслабленность, успокоенность многих англичан. Казалось, что опасность отступила и можно немного расслабиться. Однако надолго ли эта передышка? Сколько продержится Красная Армия против слывшего непобедимым вермахта? Может быть, не больше 4 – 6 недель, как считали в британском военном министерстве [4, с. 8]. Или все-таки подольше? И стоит ли в этом случае организовывать массированные поставки вооружения и другого военного имущества в СССР, если, того и гляди, все это попадет в лапы к немцам? Если и помогать, то исключительно для того, чтобы СССР подольше сковывал Гитлера и не заключил с ним сепаратный мир. А еще лучше пусть два диктаторских режима истощают и ослабляют друг друга, и это будет лишь на пользу демократиям. Подобные эгоистические рассуждения имели распространение в британском истеблишменте и в широких общественных кругах, где привыкли неприязненно, а то и откровенно враждебно относиться к Советскому Союзу. Такие настроения не могли не сказываться и на реальной политике.

Конечно, и в британской политической элите были люди, прекрасно понимавшие значение Восточного фронта для судьбы их собственной страны и действительно стремившиеся помочь Красной Армии. В целом позитивно относился к укреплению сотрудничества с СССР министр иностранных дел Иден. Большую роль в организации поставок в СССР сыграл министр

снабжения лорд Бивербрук. Искренне переживал за неутешительное состояние дел в плане поддержки Советского Союза патриарх британской политики Ллойд Джордж. Встречавшийся с ним Майский записал в своем дневнике 16 августа, что тот «сильно ругал Черчилля» за то, что правительство «по существу не оказывает СССР никакой помощи. Как? Сейчас разыгрывается величайшая битва нынешней войны, величайшая битва в истории, битва, от исхода которой зависит исход войны, – а что делает Англия? Ничего не делает» [4, с. 32-33].

После 22 июня в поддержку Советского Союза оказалась настроенной и значительная часть широкой общественности. «Британский народ, – пишет известный английский историк и журналист Макс Хастингс, – с благоговением следивший за сопротивлением русских, воспринял Советский Союз как союзника с таким энтузиазмом, что привел в смятение и даже напугал свой правящий класс» [18, р. 181]. На фоне этой сложной палитры мнений в британском обществе, далеко не всегда благоприятных для Москвы, решительные заявления с Даунинг-стрит действительно имели огромное значение. Черчиллю и его единомышленникам в верхах, понимавшим необходимость оказания помощи СССР, важно было заручиться лояльностью общественного мнения в этом деле. Подмогой для них служило то, что из-за океана также последовали заверения президента Рузвельта о готовности Соединенных Штатов предоставить России всю возможную поддержку.

Заявления в Лондоне и Вашингтоне, таким образом, были сделаны, хотя и с определенными оговорками и без ка-

ких-либо конкретных обещаний. Москва приветствовала эти декларации западных лидеров. Председатель Совета народных комиссаров СССР Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. заявил: «Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г-на Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными» [2, с. 103].

В Москву 27 июня прибыли британские военная и экономическая миссии и возвратившийся вместе с ними из Лондона посол Криппс. В тот же день они были приняты наркомом иностранных дел СССР Молотовым. Криппс, в частности, заявил, что «в экономической области Англия может предоставить СССР необходимые материалы, которые у нее имеются и которые могут быть ввезены в СССР при существующих транспортных ограничениях». «Если понадобится, – продолжал британский посол, – то Англия постарается уговорить США, чтобы последние поступились дефицитными материалами в пользу СССР. Что касается промышленной продукции, то в этом отношении придется обратиться к США, так как промышленность Англии работает на свою оборону» [11, с. 49,51].

Переговоры в Москве и по военным, и по экономическим вопросам шли непросто. Так, для подготовки англо-советского соглашения о взаимных поставках, кредите и клиринге потребовалось более полутора месяцев, прежде чем 16 августа этот документ наконец-то был подписан. Нарком внешней торговли СССР Микоян, который вел переговоры с советской стороны, поначалу максимально поднял планку и попросил кредит на 100% поставляемых товаров. Англичане это не устроило, но в итоге сошлись на приемлемых для СССР условиях: 60% британских поставок шли в кредит, а 40% Москва оплачивала золотом или долларами. Начальная сумма кредита составляла 10 млн. фунтов. По величине процента сошлись на предложенных советскими представителями 3%, что было на 0,5% меньше выдвинутой британцами цифры. Советский Союз запросил 30-40 тыс. тонн алюминия. Англичане потребовали дать информацию о местонахождении алюминиевых заводов, о запасах и потреблении этого металла. Советский нарком, согласившись кое-что рассказать на этот счет «в порядке удовлетворения любопытства», выразил сомнение, что эти данные так уж необходимы Лондону для принятия решения о поставке алюминия в СССР. Гораздо важнее было то, что советские самолеты сбивают немецкие, которые при ином раскладе могли бы оказаться над Британией. Этот аргумент оказался убедительным [8, с. 164-165].

Переговоры о налаживании военного сотрудничества и организации заказов военных материалов проходили также и в Англии, куда была направлена советская военная миссия. Ее руко-

водителем стал заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Голиков, заместителем – контр-адмирал Харламов, до этого бывший начальником управления боевой подготовки Главного морского штаба ВМФ. 8 июля миссия прибыла в Лондон. Помимо переговоров об организации совместных действий против общего врага речь шла также о поставках военных материалов в СССР. С миссией встретился британский министр иностранных дел Иден. Основные переговоры проводились с высокопоставленными британскими военными. Однако порой приходилось сталкиваться с откровенно недоброжелательным отношением со стороны ряда собеседников. Так, по воспоминаниям адмирала Харламова, первая встреча с военным министром Моргенсоном прошла «в стоячку», «руки Моргенсон никому не подал. Сесть не предложил... Слушал рассеянно. А когда заговорил сам, то мы поняли, что имеем дело с ярым противником сотрудничества... Он вообще не видел смысла в англо-советском военном союзе» [13, с. 35]. Тем не менее работа по организации военных поставок в СССР продолжалась.

Советское руководство считало, что для придания прочности и эффективности создаваемому союзу двух государств следовало бы как можно скорее заключить политическое соглашение. Поначалу это не вызвало особого энтузиазма у английской стороны. Криппс неоднократно повторял, что в военной и экономической сферах Англия готова к развертыванию сотрудничества с СССР, а вот «для политического же соглашения время еще не созрело, так как накопилось немало

недоверия от прошлого...» [11, с. 48-51]. Не удивительно, что 8 июля, принимая британского посла, Сталин отметил, что «Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением». Между тем сотрудничество, о котором все время говорил посол, «немыслимо без соглашения» [11, с. 69]. Настойчивость советской стороны сделало свое дело. 12 июля было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии, которое обязывало стороны взаимно «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода...» [11, с. 82]. Этот документ стал очень важным шагом в оформлении англо-советского военного союза и в обеспечении условий для развертывания военно-экономических связей двух стран.

Положительный импульс решению вопроса о военных поставках западных держав в СССР дал визит в Москву 29 июля – 1 августа Гопкинса, личного представителя президента США. Из своей поездки американский политик вынес твердое убеждение, что русские будут сражаться до конца и выстоят, несмотря ни на что. На состоявшейся 9-12 августа у берегов Канады встрече Рузвельта и Черчилля Гопкинс доложил об итогах своего визита в Москву. Лидеры США и Великобритании отправили Сталину совместное послание. Они заверили в том, что совместно работают над снабжением СССР максимальным количеством необходимых ему материалов. Чтобы можно было быстро принять решения по распределению ресурсов, было предложено провести трехстороннюю

конференцию в Москве. Появились первые реальные результаты налаживания советско-английских военно-экономических связей. Поначалу их масштабы были невелики. В июле из Великобритании и США в СССР было отправлено всего 27 576 тонн в основном невоенных материалов [3, с. 509]. Первая «ласточка» в союзнических поставках оружия в СССР – приход 1 августа в Архангельск английского минного заградителя «Адвенчур» с грузом глубинных бомб и магнитных мин. 21 августа из Исландии вышел и через 10 дней прибыл в Архангельск первый британский конвой из 7 судов с военными грузами под кодовым названием «Дервиш».

Как сообщил 26 июля Черчилль Сталину, Британское правительство приняло решение передать Советскому Союзу 200 истребителей «томагавк» из числа тех, что должны были быть получены из Соединенных Штатов. К поставке в СССР вскоре должны были быть подготовлены от двух до трех миллионов пар ботинок, а также большое количество каучука, олова, шерсти и шерстяной одежды, джута, свинца и шеллока [9, с. 22]. Через месяц Черчилль сообщил Сталину, что готов отправить еще 200 истребителей «Харрикейн». В ответном послании от 3 сентября советский руководитель выразил благодарность за это намерение «продать» Советскому Союзу еще одну партию истребителей, хотя и отметил, что они, будучи «пущены в дело не скоро и не сразу..., не смогут внести серьезных изменений на восточном фронте» [9, с. 28]. Полученное через три дня послание Черчилля, надо полагать, приятно удивило советское руководство. В своем письме британский

премьер обратил внимание на то, что Сталин употребил слово «продать» применительно к 200 «Харрикейнам». «Мы не смотрим на дело с этой точки зрения и никогда не думали об уплате, – подчеркнул Черчилль. – Было бы лучше, если бы всякая помощь, оказанная Вам нами, покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о займе – аренде (о ленд-лизе – С.М.), то есть без формальных денежных расчетов» [9, с. 31].

Это было, безусловно, важным жестом в адрес Советского Союза, свидетельством того, что, категорически отказав своему союзнику в открытии второго фронта, в Лондоне все же понимали, что надо предпринять что-то существенное, чтобы не стубить на корню нужный самим англичанам военный союз с Россией. В британской официальной истории Второй мировой войны отмечено, что положение России было настолько отчаянным, а значение для Великобритании ее сопротивления «столь велико, что стало необходимым как-то ободрить ее» [1, с. 125]. На основу ленд-лиза англичане решили перевести свои военно-экономические отношения с русским на два месяца раньше, чем это сделали американцы! Аналогичное решение в Вашингтоне было принято только 7 ноября 1941 г. Однако, как отмечается в отечественной научной литературе, на практике английские поставки на основе ленд-лиза стали осуществляться только в конце осени 1941 г. [3, с. 510].

С точки зрения Советского Союза, темпы и масштабы военных поставок из Великобритании были совершенно неудовлетворительны. Особенно, если оценивать их на фоне грандиоз-

ных сражений на советско-германском фронте и огромных потерь Красной Армии в вооружениях и других военных материалах. Посол Майский в беседе с министром иностранных дел Иденом 26 августа заявил: «...Фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем». «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей», – подчеркнул посол [11, с. 106]. Эти высказывания Майского, сделанные по его собственной инициативе, получили полное одобрение Москвы. В телеграмме послу от 30 августа Сталин писал: «По сути дела, Английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам». Те хотят бить своих противников поодиночке. «То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает последними словами, нисколько не меняет дела». Думаю, отмечал советский руководитель, что англичане это понимают. «Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления» [11, с. 109].

Черчилль считал, что политика Москвы до 22 июня 1941 г. не давала советской стороне «никакого права упрекать нас» [15, с. 230]. Тем не менее на встрече с Майским 4 сентября он согласился с тем фактом, что Советский Союз ведет борьбу против Германии один, «лишь с маленькой поддержкой со стороны британской авиации и что весь расчет Гитлера построен на ликвидации своих врагов поодиночке». В заключение беседы британский премьер сказал советскому послу: «Не хочу вводить Вас в заблуждение: до зимы мы не

сможем оказать вам никакой серьезной помощи – ни путем создания второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия. Все, что мы можем вам сейчас дать, – это лишь капля в море» [11, с. 114-115]. При подготовке к предстоящей трехсторонней конференции по проблеме военных поставок в СССР настроения у англичан были противоречивыми. Как вспоминал Черчилль, «нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника – угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно безразлично относившегося к тому, выживем мы или нет». Военные ведомства «восприняли это так, как будто бы с них живьем сдирали шкуру» [15, с. 225]. В итоге было решено постараться обойтись прежде всего за счет американских ресурсов и не скупиться на обещания, чтобы поддержать решимость русских сражаться.

С 29 сентября по 1 октября в Москве проходила конференция трех держав по вопросам военно-экономического сотрудничества. Делегацию СССР возглавлял нарком иностранных дел В.М. Молотов, Великобритании – министр снабжения Бивербрук, США – представитель президента Гарриман. Участников конференции дважды принял Сталин. Подробно обсуждались потребности советской стороны в получении самых разных военных материалов и возможности англосаксов по их поставке в Советский Союз. В итоге трехдневных переговоров был подписан протокол, согласно которому западные державы обязались отправлять Советскому Союзу с 1 октября 1941 г. по конец июня

1942 г. ежемесячно 400 самолетов (100 бомбардировщиков и 300 истребителей), 500 танков (не более 50 % малых), сотни зенитных и противотанковых орудий, разведывательные автомобили, а также алюминий, олово, свинец, никель, медь, сталь и другие металлы и сплавы, порох, промышленное оборудование, продовольствие и др. [2, с. 332-350]. Московская конференция, безусловно, стала важнейшей вехой на пути создания антигитлеровской коалиции и особенно оформления и развертывания военно-экономического сотрудничества трех держав. При всех возможных нюансах в трактовке самих переговоров и подписанных документов обязательства сторон приобрели конкретный, юридически зафиксированный вид. Готовность СССР, Великобритании и США объединить свои ресурсы для борьбы против общей опасности придавало решениям Московской конференции особую значимость.

Однако договориться по объему, номенклатуре, срокам поставок – это еще не все. Надо с минимальными потерями доставить все грузы в страну-получатель помощи. А здесь возникали трудные проблемы и опасные препятствия. Самый короткий путь для поставки грузов из Великобритании в Советский Союз лежал через северную Атлантику в Мурманск и Архангельск (в 1941 г. в основном именно последний принимал иностранные суда). Конвои формировались в портах Великобритании и Исландии (после захвата Дании нацистами в находившейся с ней в личной унии Исландии высадились английские войска, которых затем сменили американцы). За 10-14 суток караваны

доходили до северных советских портов. Боевое охранение обеспечивал британский флот, а при подходе к советским берегам подключались также силы советского Северного флота. Задача осложнялась тем, что маршрут проходил в крайне сложных природно-климатических условиях.

В 1941 г. союзникам повезло в том смысле, что их караваны практически не встречали серьезного противодействия со стороны противника. Гитлер был уверен в скорой победе над СССР. Ему казалось, что Мурманск вот-вот падет, а Архангельск зимой сам замерзнет, так что везти грузы северным путем будет просто некуда. Однако когда стало ясно, что война затягивается, а союзные караваны идут и идут, нацисты стали перебрасывать на север Норвегии и Финляндии свои морские и воздушные силы. Апогей боевых действий в Арктике придется уже на 1942 г. Пока же в сентябре – октябре в советские порты благополучно пришли два каравана и два ушли обратным курсом. До конца года также без потерь проследовали еще четыре «туда» и два «обратно». Всего за 1941 г. в Архангельск было проведено семь союзных караванов составе 52 судов. Они доставили 699 самолетов, 466 танков, 330 танкеток и другие военные материалы. В обратную сторону к британским берегам ушло 45 транспортов со 136 тыс. тонн леса, руды и химикатов [12, с. 48]. В обеспечении безопасности союзных конвоев и в обороне Кольского полуострова свою роль сыграли базировавшиеся осенью 1941 г. на советской территории английские летчики (авиационное крыло из двух эскадрилий) и моряки (несколько подлодок и тральщиков).

В 1941 г. сложились условия для появления еще одного маршрута поставок (см., например, [5-6; 10; 16-17]). Он будет называться «южный» или «трансиранский» или «персидский коридор». Как выразился один иранский дипломат, через Иран и Каспий, используя Трансиранскую железную дорогу, можно было организовать «безопасный черный ход» для поставок в Россию [7, с. 92]. Однако «безопасность» этого «хода» не была бы обеспечена, если бы не события весны – лета 1941 г.: силовые действия англичан в Ираке, Сирии и Ливане и совместная англо-советская военная акция в Иране. В апреле в Ираке к власти пришло прогерманское правительство, которое обратилось к Берлину за военной помощью и атаковало британские войска, размещенные в этой стране на основе англо-иракского договора. Но англичане действовали энергично, разбили иракскую армию и 31 мая были уже в Багдаде.

Между тем через Сирию, где у власти (как и в Ливане) была вишистская администрация, в Ирак стали прибывать германские и итальянские самолеты. Они доставляли военные грузы для антибританских сил и вступали в воздушные бои с английской авиацией. Если бы странам Оси удалось закрепиться в Сирии и Ираке, то это резко изменило бы ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. Но собрать достаточные для этого силы Третьему рейху не удалось. Германская армия заканчивала свои операции на Балканах (бои за Крит), а главное – завершалось сосредоточение войск для нападения на СССР. 8 июня британские войска и силы Свободной Франции начали наступление в Сирии и Ливане. Сломив

ожесточенное сопротивление вишистов, к 12 июля они взяли под свой контроль обе страны.

Еще не закончилась сирийская кампания, как англичане задумались о судьбе Ирана с его столь нужной нефтью. Но в этой стране исторически их интересы пересекались с русскими. Лондону надо было трижды подумать, прежде чем в одиночку решиться на какую-либо акцию в Иране. У Советской России с Тегераном с 1921 г. существовал договор, по которому в случае возникновения угрозы ее безопасности с территории Ирана она могла ввести туда свои войска. Положение осложнялось тем, что с 1930-х гг. на иранскую сцену вышел новый игрок – гитлеровская Германия, которая очень энергично теснила старых конкурентов. Ходили разговоры о возможности профашистского переворота в Тегеране. После 22 июня 1941 г., когда стратегическая ситуация изменилась, Москва и Лондон очень быстро нашли общий язык в отношении Ирана. Черчилль писал на этот счет Сталину: «По поводу Персии. Наши интересы там заключаются лишь в следующем: во-первых, создание барьера против германского проникновения на Восток; и, во-вторых, устройство сквозного пути для поставок к Каспийскому бассейну» [9, с. 40]. Такая позиция была понятна Сталину. Эти важнейшие в тот момент вопросы создали прочную общую основу для действий двух стран, хотя при этом каждая из них не забывала и о других своих интересах в регионе.

Активное обсуждение иранских дел по дипломатическим каналам началось уже 22 июня. Первый заместитель наркома иностранных дел Вышинский принял в этот день временного по-

веренного в делах Великобритании в СССР Багдалея. Британский дипломат заявил о готовности своего правительства оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив. 27 июня на встрече Молотова с Криппсом говорилось о желательности «общей политической линии» обоих правительств в отношении Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока и о необходимости предотвратить проникновение Германии в этот регион [2, с. 14, 48]. Хотя с Ираном пока не было никаких договоренностей относительно использования его транспортно-инфраструктуры, но русские и англичане говорили о «персидском коридоре» как об уже решенном вопросе. 28 июня Микоян с конкретными цифрами обсуждал с британским послом и его сотрудниками пропускную способность Транс-иранской железной дороги, иранских шоссейных дорог и портов, а также возможности наращивания поставок [2, с. 61].

Сталин неоднократно поднимал вопрос об Иране в беседах с Криппсом. На встрече 8 июля говорилось о необходимости демарша в Тегеране с требованием удалить германскую «пятую колонну» из Ирана. 10 июля собеседники сошлись во мнении, что дипломатические меры, может быть, придется поддержать военными. О том же говорили Черчилль и Майский [2, с. 122-123, 132 и др.]. В Тегеране с удовлетворением воспринимали заявления о намерении СССР обеспечить на своей территории перевозки для Ирана, в том числе вооружения. Но в ответ шахское правительство заявляло, что оно готово оказать всяческое содействие транзиту через Иран советских грузов, но ни в коем случае не

оружия [2, с. 86-87, 116, 227]. Без этого, однако, «персидский коридор» терял свое значение для русских и англичан. Союзники не нашли общего языка с Тегераном и по поводу активности в стране прогерманских, профашистских сил. Советское правительство отдельно или вместе с британским трижды обращалось к Тегерану с нотами, в которых указывало на подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране, требовало пресечь их активность и выслать немцев из страны.

Иранская сторона всячески уклонялась от выполнения требований Москвы и Лондона, ссылаясь на то, что они носят ультимативный характер, ущемляют суверенитет Ирана и нарушают проводимую им политику строгого нейтралитета. Реза-шах и его окружение, видимо, исходили из того, что Германия скоро разгромит Советский Союз. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана», – докладывал 10 августа в Москву советский посол в Тегеране Смирнов [2, с. 227]. Сложившаяся ситуация предопределила проведение военной акции со стороны союзников. Их более не удовлетворяли словесные заверения иранцев. В условиях смертельной схватки с державами Оси вопрос о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне отходил на второй план. Черчилль в этой связи лишь подчеркнул, что Англия и Россия борются за свою жизнь. «*Inter arma silent leges*» («когда говорит оружие, законы молчат»), написал он в своих мемуарах [15, с. 246]. Советский Союз действовал на основе договора 1921 г., дававшего ему право при угрозе своей безопасности вводить в Иран войска.

Утром 25 августа 1941 г. от имени правительств СССР и Великобритании шахскому правительству были вручены ноты с объяснением причин, побудивших их ввести свои войска на территорию Ирана [2, с. 256-260]. С советской стороны в иранской экспедиции с 25 августа участвовали 44-я и 47-я армии Закавказского фронта (командующий – генерал-лейтенант Козлов, начальник штаба – генерал-майор Толбухин). 27 августа со стороны Туркмении в наступление перешла 53-я армия. Советские войска быстро продвигались в глубь страны. Активно действовали авиация и Каспийская военная флотилия. Одновременно с советскими со стороны Ирака двинулись в наступление англо-индийские войска. Они заняли юго-западные территории и порты в Персидском заливе. 29 августа союзники вошли в непосредственный контакт друг с другом. Столица пока оставалась незанятой. 27 августа в Тегеране сменилось правительство. Иранская армия получила приказ не оказывать сопротивление. Его, впрочем, практически и не было, не считая мелких стычек. 29 августа иранские войска сложили оружие перед англичанами, а на следующий день – перед Красной Армией.

СССР, Великобритания и Иран 8 сентября заключили соглашение, предусматривавшее размещение советских и британских войск в Иране. Иранские власти, однако, тянули с выполнением требований союзников по высылке немцев и их агентуры. Продолжалась прогерманская пропаганда. В этих условиях было решено двинуть союзные войска к Тегерану. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда

Реза Пехлеви. На следующий день советские и британские войска вошли в Тегеран. Официальные отношения Ирана с державами Оси были разорваны, а их представители высланы из страны. Ввод советских и британских войск в Иран стал первой совместной военно-политической акцией только что ставших союзниками СССР и Великобритании. Наряду с начавшимися в это же время военными поставками в Советский Союз это стало зримым свидетельством складывания антигитлеровской коалиции, перехода союзников к реальным, конкретным делам.

Были достигнуты важнейшие цели союзников. Исчезла угроза превращения Ирана во враждебное союзникам государство – плацдарм для германской агрессии на Среднем Востоке. Германская агентура в основном была ликвидирована или загнана в глубокое подполье. СССР и Великобритания резко укрепили свои позиции в регионе и могли теперь сосредоточиться на решении здесь других своих задач. Прежде всего предстояло наладить поставки грузов по ленд-лизу в Советский Союз через Иран. Это была перспективная, масштабная задача, которая сохраняла свою чрезвычайную важность практически до конца войны. Но чтобы обустроить транспортный “персидский коридор”, следовало коренным образом реконструировать транспортную инфраструктуру Ирана. В августе 1941 г. по иранскому маршруту можно было перебрасывать всего 10 тысяч тонн грузов в месяц. По Трансиранской железной дороге в каждую сторону могло пройти всего по 2 состава в сутки. Расширять надо было порты в Персидском заливе и на Каспии.

Решение этой многосложной проблемы сразу взяли на себя англичане. Черчилль в своих посланиях Сталину постоянно подчеркивал, что он придавал решению этой задачи первостепенное значение. В письме, полученном в Москве 30 августа, говорилось: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить ее бесперебойную работу, используя дополнительную железнодорожное оборудование, доставляемое из Индии». Британский премьер писал также об открытии сквозного пути «не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями» [9, с. 27, 31, 33-34].

В конечном счете за всю войну «персидский коридор» обеспечил перевозку в СССР 23,8% грузов по ленд-лизу, уступив в этом отношении только тихоокеанскому маршруту (47,1%) и обойдя арктический путь (22,6%). Конечно, успех первой совместной советско-британской операции не означал, что между союзниками не было никаких противоречий и трений, пусть даже скрытых за внешней дипломатической вежливостью. Это столкновение интересов проявилось, когда, например, осенью 1941 г. Лондон стал поднимать вопрос о том, что английские войска могли бы заменить советские в Иране или даже быть отправлены на Кавказ

(но никак не на советско-германский фронт). Советская сторона отклонила эти предложения. «Персидский коридор» функционировал только для ленд-лизских поставок, но не для переброски британских войск. Так, шаг за шагом, преодолевая трудности, противоречия и разногласия, СССР и Великобритания налаживали свое военно-экономическое сотрудничество. Но впереди был еще долгий и тяжелый путь к Великой Победе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Батлер Д., Гуайер Д. Большая стратегия [Т. 3]: июль 1941-август 1942. М.: Воениздат, 1967. 567 с.
2. Документы внешней политики [Т. 24]: 22 июня 1941 - 1 января 1942 / МИД РФ. М.: Международные отношения, 2000. 632 с.
3. Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества: 1938–1945 гг. М.: Собрание, 2007. 680 с.
4. Майский И.М. Дневник дипломата (Лондон, 1934-1943): в 2-х кн. [Кн. 2, ч. 2. 22 июня 1941–1943]. М.: Наука, 2009. 298 с.
5. Матишов Г.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко и др. Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.
6. Монин С.М. «Немцы назначили адмирала... на Каспийское море»: к вопросу об обеспечении ленд-лизского транзита через Иран и Каспий в 1941–1942 годах // Великая Победа [Т. 11]: сражения за Москву и Сталинград. М.: МГИМО, 2013. С. 193-214.
7. Оришев А.Б. В августе 1941. М.: Вече, 2011. 320 с.
8. Павлов М.Ю. Анастас Микоян: политический портрет на фоне советской эпохи. М.: Международные отношения, 2010. 432 с.
9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США

- и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х т. [Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли, июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.] / 2-е. изд. М.: Политиздат, 1986. 472 с.
10. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Экономическая газета, 2012. 440 с.
11. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: документы и материалы в 2-х т. [Т. 1. 1941–1943]. М.: Политиздат, 1983. 542 с.
12. Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. 364 с.
13. Харламов Н.М. Трудная миссия. М.: Воениздат, 1983. 224 с.
14. Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 1. Т. 1-2. М., 2010. 592.
15. Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 2. Т. 3-4. М., 2010. 671.
16. Юнгблюд В.Т., Чучкалов А.В. Политика США в Иране в годы второй мировой войны. Киров: ВятГГУ, 2011. 414 с.
17. Coakley R.W. The Persian Corridor as a Route for Aid to the USSR // Command Decisions. Washington: United States Army Center of Military History, 2000. P. 225-255.
18. Hastings Max. All Hell Let Loose: The World at War, 1939-1945. London: Harper Press, 2011. 748 p.

УДК 338.245.4; 94(470)“1941/1945”

Терняев А.П.*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)*

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА СССР В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются состояние промышленного потенциала Советского Союза накануне Великой Отечественной войны, соотношение германской и советской экономики. Показана чрезвычайно сложная экономическая ситуация, которая сложилась в нашей стране в начальный период войны. Раскрываются мероприятия правительства, направленные на эвакуацию уцелевших промышленных предприятий, перевод предприятий, выпускавших мирную продукцию, на военные рельсы, обеспечение трудовыми ресурсами, положение рабочих в промышленности в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, промышленность, трудовые ресурсы, реорганизация производства.

A. Ternyaev*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow*

REORGANIZATION OF INDUSTRIAL PRODUCTION IN THE USSR AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This article discusses the state of the industrial potential of the Soviet Union on the eve of the Great Patriotic War, the ratio of the German and the Soviet economy. The extremely difficult economic situation that developed in Russia at the beginning of the war is shown. The article discloses the measures taken by the government for evacuating industrial enterprises that survived, for the conversion of the enterprises producing peaceful goods on war footing, for providing them with labor resources labor, for easing the industrial workers' position during the war.

Key words: the Great Patriotic War, evacuation, industry, labor resources, reorganization of production.

Великая Отечественная война явилась судьбоносным периодом в истории нашей страны в целом и в экономической истории в частности. Германия стремилась не просто захватить часть ресурсов, наложить контрибуции и установить подконтрольный режим, на карту было поставлено само существование Советского Союза и его народа. Имея стратегическое и

тактическое преимущество, немецкое командование планировало разгромить основные силы Красной Армии в приграничных сражениях и через пять месяцев выйти на линию Архангельск – Волга – Астрахань. Намерение развязать войну на востоке не было секретом для руководства СССР, страна готовилась к неизбежной войне, в том числе укрепляла экономику, создавала мощный индустриальный потенци-

ал. Однако к 1941 г. приготовления не были завершены. Об этом свидетельствуют и результаты советско-финской войны, завершившейся накануне начала Великой Отечественной. «Зимняя война» продемонстрировала слабое развитие путей сообщения вдоль западной границы, неэффективность методов управления войсками, недостаточную вооруженность современными средствами ведения войны.

В советской официальной статистике, при сопоставлении валовой промышленной продукции СССР и Германии, в качестве отчетного брался 1937 г. В итоге делался вывод о превосходстве Советского Союза над Германией в экономическом развитии. Однако к 1940 г. Германия уже имела заметное преимущество, обусловленное ростом милитаризации ее экономики, увеличением рабочих мест в военных отраслях и принятием нацистской партией четырехлетнего плана крупномасштабного развития народного хозяйства. Кроме того, Германия, проведя безусловно блестящую военную кампанию в Европе в начале Второй мировой войны, к началу Великой Отечественной уже могла распоряжаться ресурсами оккупированных стран.

Таким образом, Германия в 1941 г. значительно превосходила Советский Союз в экономическом отношении. В течении первых трех пятилеток наша страна интенсивно проводила индустриализацию, однако на этом начальном этапе прогресс исчислялся в основном в количественных показателях. Основные финансовые потоки шли в металлургию, станкостроение, добычу ресурсов, возможности перейти на массовый выпуск уже новейших видов боевой техники, развивать элек-

тротехнику, телефонную и радиосвязь были ограничены. Страна находилась в процессе реорганизации, перевооружения и переподготовки вооруженных сил, создания мобилизационных резервов. Преодолевать отставание приходилось уже в ходе войны, расплачиваясь за это огромными потерями и жертвами. Чтобы противостоять немецкой агрессии, СССР должен был использовать объективные преимущества: огромная территория страны, большая численность трудолюбивого, терпеливого и патриотически настроенного народа, богатые природные ресурсы и др. Для их реализации потребовалась более рациональная организация военного и гражданского хозяйства, эффективное по сравнению с Германией управление комплексом всех ресурсов, использование сильных сторон планового хозяйства и господствующего положения государственной собственности. Характерно, что руководство военным хозяйством в первые годы Великой Отечественной войны оказалось более умелым, чем управление войсками, так как перед войной на производство пришли специалисты, накопившие опыт системных инноваций, сумевшие создать оборонно-промышленный комплекс и радикально перестроить саму систему управления в условиях оккупации немецкими войсками огромных территорий, где проживала значительная часть населения и размещалось около половины промышленного потенциала страны. Отечественная война потребовала немедленного перехода советской экономики к формированию военного хозяйства [2, с. 18-19]. Советский Союз был вынужден завершать индустриализацию и перевооружение

уже в ходе войны, в чрезвычайно трудных условиях.

Положение усугубилось тем, что в течение первых 2-3 месяцев после начала войны в основном кончились запасы сырья, топлива, комплектующих деталей, которые перестали поступать через органы государственного снабжения в связи с потерей южной металлургии, Донбасса и других источников. Первый этап войны (вторая половина 1941 – осень 1942 г.) был самым тяжелым из всех военных лет, в том числе в развитии экономики в целом и военно-экономической базы в особенности. На территории, оккупированной немцами, в 1941 году находилось 33% рабочих и служащих, одна треть основных фондов предприятий и производства, в том числе чугуна – 68%, стали – 58, проката – 57, кокса – 74, железной руды – 71, марганцевой руды – 35, угля – 63, электроэнергии – 62, тракторов – 57, цемента – 52%. До войны в этих районах собиралось 38% валового объема продукции зерна, сахара – 87%, выращивалось 60% поголовья свиней и 38% поголовья крупного рогатого скота. Протяженность железнодорожного пути на советской территории, подвергшейся оккупации, в ноябре 1941 г. равнялась 44,2 тыс. км, что составляло 41% длины всех железнодорожных линий СССР [4, с. 339-340]. С началом войны неизбежно требовалась полная реорганизация промышленного производства, вывоз предприятий из приграничных областей, перестройка значительной части заводов на выпуск военной продукции.

Значительный урон нанесла немецко-фашистская оккупация военной промышленности. Ее главные отрасли

располагались по линии Ленинград – Москва – Тула – Брянск – Харьков – Днепропетровск, и только 18% от ее промышленных отраслей – в Поволжье и на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В зоне военных действий оказались такие крупные индустриальные районы, как Московский, Ленинградский, Тульский, представлявшие собой основные машиностроительные центры страны.

В результате стремительного продвижения войск вермахта и захвата ими больших территорий, а также ввиду того, что значительная часть промышленности перемещалась на Восток, у нас произошел резкий спад производства стратегической продукции. Ее выпуск за шесть военных месяцев 1941 г. уменьшился в 1,2 раза. Проката черных металлов в декабре 1941 г. было произведено в 3,1 раза меньше, чем в июне 1941 г. Производство проката цветных металлов сократилось более чем в 400 раз, шарикоподшипников – в 21 раз.

С августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации и эвакуации выбыли из строя 303 предприятия, изготавливавших боеприпасы. Месячный выпуск выбывших предприятий составлял 8,4 млн. корпусов снарядов, 2,7 млн. корпусов мин, 2 млн. корпусов авиабомб, 7,9 млн. взрывателей, 5,4 млн. средств воспламенения, 5,1 млн. снарядных гильз, 2,5 млн. ручных гранат и 16,1 тыс. тонн аммиачной селитры. Подобные потери, несомненно, указывали на то, что война будет затяжной. Требовалось максимально быстро переключить и перестроить промышленность на удовлетворение запросов войны. Необходимо было произвести перестройку государственного и хозяй-

ственного аппарата, внести глубокие изменения в систему планирования и оперативного руководства, организовать производство военной продукции на тысячах заводов и предприятий, создать единое в масштабе всей страны слаженное, и быстро растущее военное хозяйство и при этом не допустить хаоса и паралича хозяйственной жизни страны, обеспечить рост и укрепление материальной базы для войны с мощным врагом [4, с. 340-341]. В процессе этой перестройки существенно менялись формы, методы и направления деятельности партийных и государственных органов, профсоюзных и комсомольских организаций, качественные и количественные характеристики задействованных трудовых ресурсов, способы компенсации возникающего дефицита рабочих рук, соотношение отраслей промышленности и ее территориальная концентрация.

Уже с первых часов войны правительство начинает предпринимать определенные меры. Основными документами, определившими дальнейший экономический курс советской власти, стали: заявление Советского правительства и указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании Совета по эвакуации с его уполномоченными на местах от 24 июня, директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня и изложение этой развернутой программы в выступлении перед народом по радио главы Советского правительства И.В. Сталина 3 июля. Наконец, 30 июня был создан Государственный Комитет

Обороны, сосредоточивший в своих руках по сути все руководящие полномочия в стране, как исполнительную и законодательную, так и партийную власть. Именно этот орган обеспечил планомерность и единство действий в деле мобилизации всех ресурсов народного хозяйства на нужды Великой Отечественной войны [1, с. 15].

С первых же дней война резко осложнила ситуацию на рынке труда в стране. Особенно актуальной эта проблема была для промышленности, требовавшей более высокой квалификации трудящихся. В период с июня 1941 до середины 1942 гг. осуществляется массовый призыв в действующую армию миллионов рабочих. Потеря огромных территорий и проживающего на них населения, прекращение работы и эвакуация на восток сотен промышленных предприятий и значительной массы населения качественно меняют характеристики и географию трудовых ресурсов страны. Врагу удалось оккупировать территорию, на которой в мирное время проживало 45% населения СССР (88 млн человек). В то же время численность населения, живущего на незанятой врагом территории в 1942 г. (в период, когда войскам фашистской Германии удалось захватить наибольшую часть территории стран) сократилась с 194,1 до 130 млн человек [6, с. 78].

О резком уменьшении среднегодовой численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, свидетельствуют следующие факты: в конце 1941 г., несмотря на все принятые меры, численность рабочих и служащих составляла только 88% от довоенного уровня (27,3 млн человек), а в 1942 г. снизилась еще больше – до 18372 тыс.

человек или 59% от довоенного уровня. Страна была вынуждена поставить за станки промышленных предприятий женщин и детей подросткового возраста. Проведенная в начале войны мобилизация в Вооруженные Силы нанесла ощутимый урон промышленности. Только в первые полтора года в действующую армию было призвано 20,7 млн человек, не менее 20% которых составляли рабочие и служащие.

В условиях, когда стране требовалось многократное увеличение объемов выпускаемой продукции военного назначения, резко сократилась численность высококвалифицированных инженерно-технических кадров. С началом военных действий из промышленности на фронт ушли 82,1 тыс. инженеров, или 26%, и 178 тыс. техников, или 59%. В станкостроении сокращение численности кадров по сравнению с 1940 г. составило 37,7%, в тяжелом машиностроении – 10,5%. До 53% инженеров и техников потеряли предприятия Наркомата цветной металлургии. Общее сокращение численности рабочих и служащих к концу 1941 г., с учетом оккупации советской территории достигло 13 млн человек [6, с. 79-80].

Огромная потребность в рабочей силе, возникшая в 1941 г., объяснялась несколькими причинами. Прежде всего необходимо было осуществить полноценную замену миллионов рабочих и служащих, ушедших на фронт. В свою очередь, большого количества рабочих рук требовало развертывание массового производства, способного обеспечить потребности воюющей страны в условиях прекращения функционирования сотен крупных предприятий военной промышленности в

ее западных областях. Эвакуация промышленных предприятий в восточные районы и масштабное строительство, развернувшееся в восточных районах, также остро нуждались в дополнительных трудовых ресурсах. И, наконец, включение в советскую экономику освобождавшихся от оккупации территорий, начиная с наступления Красной Армии под Москвой, тоже не могло обойтись без рабочих рук.

Таким образом, с первых дней войны военно-политическому руководству страны пришлось решать сложнейшую задачу: путем принятия комплекса неотложных мер обеспечить потребность народного хозяйства страны в трудовых ресурсах, одновременно сформировав гибкую и эффективную систему воспроизводства рабочей силы. Для решения этой задачи государству потребовалось в законодательном порядке ввести правовые нормы, по-новому регулирующие трудовые правоотношения.

При сохранении в качестве общего правила порядка добровольного вступления в трудовые отношения, законодатель пошел на использование таких форм кадрового обеспечения народного хозяйства, как трудовая мобилизация и трудовая повинность. Вышедший в первый день войны Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» предусматривал применение в особо установленном порядке и на срок до двух месяцев трудовой повинности для выполнения разных оборонных работ, заготовки топлива, охраны важнейших объектов. Принятый спустя несколько дней Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени

рабочих и служащих в военное время» наделял директоров и руководителей предприятий и учреждений правом устанавливать обязательные сверхурочные работы от одного до трех часов в день. Лица, не достигшие 16 лет, могли быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более двух часов в день. К этим работам не привлекались беременные женщины и женщины, кормящие грудью. Оплата сверхурочных работ должна была производиться в полуторном размере.

Отпуска сохранялись лишь у подростков в возрасте до 16 лет; а также предоставлялись по беременности, родам и в случае болезни работника. Все остальные категории трудящихся вместо отпуска получали денежную компенсацию, которая, начиная с апреля 1942 г., переводилась в сберегательные кассы в виде замороженных на период войны вкладов.

Экономический эффект от реализации положений только этого Указа соответствовал привлечению к производству 1,2 млн человек и позволил загрузить имеющиеся производственные мощности примерно на 1/3, а всего за годы войны дал возможность «сэкономить» труд 7-7,5 млн трудящихся [6, с. 81].

Необходимость удовлетворять нужды населения, хотя бы в ограниченных размерах, потребовала организации нормированного снабжения рабочих и служащих. Введение карточной системы являлось необходимой мерой вследствие сокращения производства продуктов питания и отсутствия возможности восполнить недостаток продовольственных товаров импортом. Переход к ней был

осуществлен в основном с июля по октябрь 1941 г. и в дальнейшем регулировался в зависимости от состояния ресурсов.

Нормирование потребления продуктов устанавливалось не только в целях его ограничения. Нормы потребления обеспечивались соответствующими постановлениями и своевременным подвозом продуктов, являясь, таким образом, гарантированной нормой питания для городского населения. Поскольку такого рода гарантии подрывают стимулы к труду, нормы снабжения обычно дифференцируются по производственному и социально-половому признаку. Людям, занятым тяжелым физическим трудом, устанавливаются повышенные нормы питания. Детям и кормящим матерям – льготные нормы. Работникам важных оборонных отраслей – нормы питания, приближенные к фронтовым.

Карточная норма хлеба для рабочих и служащих расчленялась на две категории. По первой, более высокой категории снабжались рабочие и служащие производственных предприятий, оборонной, топливной, химической и некоторых других важных отраслей промышленности (металлургии, машиностроения и др.), а также работавшие на стройках, на железнодорожном и морском транспорте, на речном транспорте, на основных бассейнах и на отдельных предприятиях, отнесенных к первой категории специальными решениями правительства.

Рабочие и служащие отдельных отраслей промышленности и народного хозяйства, а также работавшие в указанных выше отраслях, но не непосредственно на самом производстве, а в управленческом аппарате или обслу-

живавшие предприятия, снабжались по нормам второй категории. Помимо этого, для рабочих ряда профессий в отдельных отраслях народного хозяйства были установлены более высокие нормы снабжения хлебом – от 650 до 1000 граммов в день.

В конце 1944 г. по норме второй категории, составлявшей в годы войны 500 граммов в день, снабжалось менее 40% всех рабочих и инженерно-технических работников в городах, а по нормам от 600 до 1000 граммов – более 60%.

Для некоторых категорий рабочих были установлены более высокие нормы снабжения по особому правительственному списку. Они распространялись на подземных рабочих в угольной и других отраслях, связанных с подземными работами; на литейщиков, стеклодувов и стекловаров, металлургов горячих цехов и др. Особо повышенные нормы на мясные продукты, жиры, крупу и макаронные изделия были в 2,5 раза выше обычной нормы снабжения по рабочей карточке. Карточки первой категории на хлеб и сахар получали лица, работавшие непосредственно на предприятиях указанных отраслей. Рабочие и служащие других отраслей народного хозяйства и остальное городское население получали хлеб по нормам второй категории [4, с. 308-309].

Между тем эвакуация производительных сил на восток приняла гигантские размеры. Некоторые промышленные наркоматы были вынуждены эвакуировать почти все свои заводы. Так, Наркомат авиационной промышленности эвакуировал 85% своих заводов. В течение июля – ноября 1941 г. на восток было эвакуировано 1523

промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных, главным образом военных предприятий. В районы Урала было перебазировано 667 предприятий; Поволжья – 226, Западной Сибири – 244, Восточной Сибири – 78, Казахстана и Средней Азии – 308, а также 10 млн. рабочих, специалистов и ученых из западных и центральных областей.

Сложность эвакуации состояла прежде всего в том, что она осуществлялась в ограниченное время из очень широкой фронтовой и прифронтовой полосы, из крупных индустриальных районов страны на большие расстояния и зачастую проходила под огнем противника. Во второй половине 1941 г. по железным дорогам прошло около полутора миллионов вагонов с грузами эвакуируемых предприятий.

При наркоматах и в ведомствах были созданы специальные бюро и комиссии, на железнодорожных узлах и крупных станциях работали уполномоченные по эвакуации. Совет по эвакуации определял места, куда должны были перевозиться предприятия, брал на учет производственные, административные, складские, учебные и другие здания, пригодные для размещения эвакуированных предприятий, давал задания НКПС по выделению необходимого числа вагонов.

Было разработано положение об эвакуации рабочих, служащих и членов их семей. Первоочередной эвакуации подлежали детские учреждения, женщины, имевшие детей, и люди преклонного возраста. Для вывоза гражданского населения в сентябре 1941 г. при Совете по эвакуации было образовано специальное управление, а в местах, куда прибывали эшелоны

эвакуированных, создавались эвакуационные пункты, занимавшиеся вопросами устройства, расселения, медицинского обслуживания и питания покинувших свои родные места людей.

Ответственность за выполнение этого решения легла в основном на плечи А.Н. Косыгина. Именно ему нужно отдать должное за то, что стране удалось совершить этот чрезвычайно сложный шаг [4, с. 343].

После этапа эвакуации наступил этап преобразований. Все без исключения предприятия были переведены на военный режим и стали выпускать продукцию исключительно для нужд фронта. В этом процессе менялся весь технологический режим, весь производственный вид предприятия.

Среди работников производства возникло так называемое социалистическое соревнование», заключающееся в соперничестве между цехами за первенство в организации и нормам трудовой деятельности. Одной из форм социалистического соревнования стало движение молодежных фронтовых бригад. Это звание присваивалось тем бригадам, которые выполняли норму на 150-200% и давали только хорошую и качественную продукцию. Возникали движения стахановцев, двух-, трех- и многотонников, ставившие перед собой задачу работать за себя и за того, кто ушел на фронт [3, с. 132-133].

Благодаря работе эвакуированных предприятий и перестройке на военный лад гражданской промышленности в декабре 1942 г. увеличение производства военной продукции по сравнению с декабрем 1941 г. было весьма заметным. Выпуск самолетов увеличился за год в 3,3 раза, авиамоторов – в 5,4 раза, танков – почти в 2

раза, артиллерийских систем в – 1,8 раза, пулеметов – в 1,9 раза, винтовок – на 55% и т.д. К июню 1942 г. валовая продукция наркоматов оборонной промышленности в неизменных ценах 1926/1927 г. составила по НКАП 800 млн руб. (в июне 1941 г. 516 млн), по НКТП – 161,9 млн (в июне 1941 г. – 102,4), по НКВ – 364,3 млн (в июне 1941 г. – 460,8), по НКСП – 31,5 млн (в июне 1941 г. – 45,8).

Оценка огромного военно-стратегического и оборонно-промышленного значения эвакуации заводов на Восток – в показателях удельного веса эвакуированных предприятий и предприятий восточных районов в валовой продукции наркоматов оборонной промышленности за первое полугодие 1942 г. выглядит так: валовая продукция эвакуированных заводов НКАП к общему объему валовой продукции составила 63,9%, по НКТП – 20,7%, по НКВ – 33,9%, по НКСП – 21,8%.

По данным Госплана СССР, в марте 1942 г. выпуск военно-промышленной продукции в восточных районах страны достиг довоенного уровня всего Союза. К 1943 г. советская военная промышленность работала уже на полную мощность. В этом огромная заслуга директоров и технологов предприятий, сумевших в сжатые сроки организовать по единому плану поточное производство основных предметов вооружения и боевой техники, внедрить в производственный процесс передовые технологии, унифицировать и стандартизировать детали и узлы предметов вооружения, добившись серьезного снижения себестоимости военной продукции [5, с. 104-105].

Таким образом, благодаря успешному руководству хозяйственными

процессами в первые годы войны Советский Союз не только смог сохранить основной экономический потенциал в условиях катастрофических поражений на фронтах и оккупации значительной части наиболее экономически развитой территории, но и существенно нарастил свой промышленный, а значит, и военный потенциал. Успешная эвакуация предприятий, ускоренное преобразование мирной промышленности на выпуск военной продукции в первый год войны, заложили основу будущей победы в Великой Отечественной войне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Акмалдинова А.Р. Экономическое положение СССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в жизни советского и российского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 20 мая 2011 г. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. С. 15-17.
2. Алексеева Т.И. Экономика как фактор победы в Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война в жизни советского и российского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 20 мая 2011 г. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. С. 18-21.
3. Роженцов С.А. Промышленность Татарстана в годы Великой Отечественной войны // Народ и армия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): материалы Всероссийской научно-практической конференции, 9 апреля 2010 г. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2010. С. 130-134.
4. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2012. 440 с.
5. Тюрина Е.А. Уникальный опыт эвакуации промышленных предприятий на восток в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Наркомата авиационной промышленности СССР) // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21-22 апреля 2005 г. М.: Academia, 2007. С. 94-107.
6. Человеческий капитал в годы Великой Отечественной войны: особенности формирования и развития: монография. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 202 с.

УДК 94 (470) «1941/1945»

Горячева В.Р.*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается благотворительная деятельность граждан Советского союза в период 1941-1945 гг. Несмотря на официальный запрет благотворительности в стране, на волне патриотического подъема миллионы людей жертвовали личные средства и время на нужды армии. Русская православная церковь не осталась в стороне, активно содействуя борьбе с фашизмом. Правительство сумело приспособить возродившуюся благотворительность и религиозный подъем для моральной и материальной поддержки армии и завоевания победы.

Ключевые слова: Благотворительность, Великая Отечественная война, Русская православная церковь.

V. Goryacheva*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow*

SOVIET PEOPLE'S CHARITY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article studies charity of the Soviet Union citizens in the period of 1941-1945. Despite the official ban against charity in the country millions of people donated time and money to the needs of the army due to patriotic enthusiasm. The Russian Orthodox Church contributed to the fight against fascism too. The government managed to adapt the revived charity activities and religious enthusiasm for moral and material support of the army.

Key words: Charity, World War II, the Russian Orthodox Church.

Приход большевиков к власти ознаменовал коренную ломку устоев во всех сферах жизни русского народа. Разрушению подверглись не только социально-экономические и политические институты, но и духовно-нравственные основы жизни государства [3, с. 137]. Богатые традиции взаимопомощи в мирное и военное время, поддерживаемые самими членами императорской семьи, были прерваны, а благотворительные организации признаны капиталистическим пережитком старого времени, бесполезными

и вредными в новой системе общественного порядка [8]. Большинство из них было закрыто, а их имущество конфисковалось государством. Среди некоммерческих организаций оставались только политически нейтральные объединения в сферах науки, культуры, искусства, такие, как Всесоюзное географическое общество, Всесоюзное энтомологическое общество, Русское техническое общество, Всероссийский астрономический союз, Ассоциация натуралистов [1, с. 33].

Вскоре после прихода к власти правительство учредило Народный комис-

сариат государственного призрения, которому перешли все дела и средства прежних органов социального обеспечения [15]. В 1917-1918 гг. специальными постановлениями были ликвидированы органы опеки малолетних и несовершеннолетних, помощи увечным солдатам, инвалидам, престарелым и прочие благотворительные учреждения. Государство приступило к реализации собственной социальной политики, не предусматривающей дополнительную помощь ни от благотворительных организаций, ни от церкви. Примечательно – помощью могли пользоваться только люди, использующие свой собственный труд, не эксплуатирующие чужой [8].

Таким образом, с самого прихода большевиков к власти и вплоть до начала Великой Отечественной войны правительство принимало активные меры по разрушению института благотворительности в стране. Против нее шла активная идеологическая пропаганда, закрывались светские и духовные организации, которые поддерживали благотворительность.

Некоторое ослабление социалистической пропаганды и борьбы с капиталистическими организациями произошло в период проведения новой экономической политики, однако, с 1929 г. на основании секретной инструкции НКВД № 236/9с от 13.07.1929 г. происходила массовая «чистка» общественных объединений, что привело к резкому сокращению их количества в стране [1, с. 82].

Той же участи подвергались и религиозные организации как контрреволюционная сила и противники социализма [7]. По постановлению 1929 г. их положение стало подконтрольным

государству во всех вопросах деятельности [9]. Им было запрещено помогать нищим и больницам, проводить духовно-воспитательную работу, священники и приверженцы церкви подвергались гонениям и репрессиям. С этого момента и благотворительность окончательно становится противоправной деятельностью.

Вплоть до начала Великой Отечественной войны сохранялось такое положение Русской православной церкви, и количество религиозных организаций постоянно сокращалось: учетные сведения существования православных общин в государстве в 1938 г. приводили цифру 3617, к 1940 гг. их осталось всего 950 [7]. Эта тенденция вместе с советской пропагандой и развитием системы социального призрения формально утверждала благотворительность деятельностью ненужной и вредной, лишила ее нравственной основы.

Однако забвение благотворительности в советском обществе было недолгим и прервалось с началом Великой Отечественной войны. Призыв И.В. Сталина к организации всесторонней помощи фронту всколыхнул в народе стремление содействовать боевым действиям любыми средствами, в частности, материальной помощью государству. Уже 29 июля 1941 г. газета «Правда» публикует письма трудовых коллективов и отдельных жителей г. Брянска, г. Москвы, Республики Немцев Поволжья, перечисливших средства на борьбу с гитлеровскими захватчиками и продукты на нужды Красной Армии. Популярностью пользовалась идея ежемесячного перечисления дневного заработка в специальный фонд, поддержанная, в частности,

Брянским торфпредприятием «Пальцо» и работниками Центральной сберкассы г. Кировграда. 31 июля сообщается о значительных взносах рабочих Лискинского паровозного и вагонного депо и проделанной большой внеурочной работе. За один только январь 1942 г. в фонд жителями г. Москвы было внесено 142 млн руб. [11]. Такая спонтанная благотворительность, вызванная патриотическими чувствами и не имевшая «капиталистических мотивов», была поддержана руководством страны, что привело к открытию специальных счетов в Госбанке и созданию фонда обороны, сыгравшего большую роль в материальной и моральной поддержке армии. Эти средства стали подспорьем государству в изготовлении военной формы, оружия, боевой техники. Однако не одно государство проявляло инициативу в оснащении армии.

На личные средства населения началось активное финансирование производства бронетанковой, летательной боевой техники, бронепоездов, боевых орудий. Для этого в ряде случаев создавались специальные целевые фонды. К концу 1942 г. одних только танковых колонн насчитывалось около 150 [5, с. 140]. Выпускались именные танки на средства одного человека или трудового коллектива, такие, как «Верховский железнодорожник», «Илья Муромец», «Боевая подруга». Так, газета «Известия» публиковала в 1943 г. сведения о выделенных средствах: жители освобожденных районов Смоленской области на строительство танковой колонны «Смоленский партизан» собрали более 6 млн руб., направив еще столько же в фонд обороны. Всего по области было собрано более 22 млн

руб. Служащие и рабочие Восточно-Сибирской железной дороги собрали и перечислили в Госбанк на постройку танковых колонн и боевых самолетов более 3 млн руб., а трудящиеся Новосибирского сельского района на строительство боевых эскадрилий «За Родину» – 13,5 млн руб.

Добровольческий труд в тылу также был распространен. Рабочие бесплатно ремонтировали вышедшие из строя танки после работы и в выходные дни [12]. Субботники и воскресники, они же выходные дни, в которые люди дополнительно выходили на работу, также помогали сделать значительный вклад в поддержку экономики страны. В первом, проведенном 17 августа 1941 г. Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике, было задействовано 9 млн человек. Это принесло государству 44 млн. рублей, заработанных всего за один день трудящимися, и тысячи единиц отремонтированной техники [14, с. 137]. Женщины безвозмездно трудились в госпиталях: только в Москве около 50 тыс. волонтеров дополнительно ухаживали за ранеными при штате в 200 тыс. человек [5, с. 96]. Сотрудниками Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в период с 1941-1945 гг. было подготовлено свыше 260 тыс. медицинских сестер, некоторые из них удостоились звания Героя Советского Союза [2].

Важнейшим видом добровольческой деятельности была сдача крови. По приблизительным оценкам, за время войны было сдано 1,7 млн литров крови [14, с. 236]. На фронт в 1942 году только одной станцией переливания крови могло быть отправлено до 50 литров ежедневно. Это прямым образом сказывалось на успехах лечения ране-

ных [13]. В Великую Отечественную войну от потери крови умерло только 1 % раненых, в то время, как в Первую мировую – целых 65% [14, с. 137]. Примечательно, что часто кровь сдавалась не анонимно. Доноры отправляли записки с пожеланиями скорейшего выздоровления раненым, могли через время узнать о состоянии их здоровья, получали ответы из госпиталей.

Специфической формой благотворительности были подарки к праздникам на фронт в виде теплой одежды, белья, полотенец, табака, конфет, продуктов долгого хранения. Так, газета «Правда» сообщала о 3,5 тыс. таких подарков, собранных на Новый год жителями Коломны, о 70 тыс. руб., переданных для той же цели колхозниками Ногинского района [10].

Общая сумма денег, облигационных займов и различных ценностей, переданных населением на военные нужды, была колоссальна. Она составила около 24 млрд. руб., причем более 5,8 млрд руб. – только лишь на производство 30,5 тыс. танков и артиллерийских установок. Многие миллиарды пошли на создание подлодок, бронепоездов, боевых самолетов и прочей техники [14, с. 121].

В период боевых действий огромное количество детей становилось сиротами. Несмотря на растущее количество детских приютов (в 1940 г. их насчитывалось 3 тыс., а к концу 1945 г. – уже 5,5 тыс.) [6], многие семьи и одинокие люди усыновляли детей. Здесь были свои герои. Так, А.А. Деревская дала приют 30 детям, оставшимся без родителей, за что была награждена орденом Трудового Красного Знамени [5, с. 97]. Жительница Узбекской ССР Ф.К. Касымова усыновила 12 детей, имея уже

6 своих [5, с. 96]. Усыновление даже одного ребенка, что часто встречалось, облегчало ситуацию с беспризорными детьми, так как давало им возможность вновь обрести семью, защиту, чувствовать себя полноценными членами общества.

Церковь, несмотря на свое подавленное положение, особенно после репрессий 1936-1937 гг., заняла активную патриотическую позицию, проявила готовность помогать средствами и трудом в сложившейся ситуации, чем способствовала налаживанию отношений с властями. Правительство, в свою очередь, осознало потенциал церкви в борьбе с врагом и ее возможности в поднятии духа страны. Одной из наиболее ярких личностей того периода стал митрополит Сергей (Страгородский), проделавший колоссальную работу по сбору пожертвований от православных приходов. Собранные церковью средства были сопоставимы с отчислениями трудовых коллективов и колхозов. В период с 1942 по 1944 гг. приходы Свердловской епархии внесли на нужды обороны страны 4,6 млн руб., приходы Молотовской епархии – 4,4 млн. руб., всего же к середине 1945 г. взносы епархий составили более 300 млн руб. [4, с. 121] На строительство знаменитой танковой колонны имени Дмитрия Донского общая сумма пожертвований архиереев, священников и прихожан по призыву митрополита Сергея составила 8 млн руб. [3, с. 137].

Однако заставило принять подобную позицию правительство не только готовность церкви морально и финансово помогать общему делу – победе в войне, – но и позиция Гитлера по отношению к религиозным общинам. На оккупированных терри-

ториях разрешалось любое вероисповедание, приветствовалось религиозное разнообразие, декларируемое как свобода выбора путей нравственного развития. Вера стала инструментом усиления лояльности к правительству фашистской Германии, которое противопоставляло себя большевикам, ведущим атеистическую пропаганду. В реальности Гитлер видел в дроблении церквей ослабление духа народа, повышение его разобщенности и, как следствие, управляемости [7].

Подобная политика фашистов представляла советское руководство предпринимать контрмеры. Укрепление православной церкви, ее объединение перед лицом опасности соответствовало этой цели, поэтому встречало поддержку Сталина, поощрявшего несколько лет общественную и административную деятельность церкви.

Несмотря на «оттепель» в отношениях государства и церкви, приходская благотворительность являлась лишь дополнительным способом изымания средств в пользу государства на ведение затратных военных действий и поднятие патриотического духа населения. По самым приблизительным подсчетам, таким образом удалось собрать около 300 млн руб. на цели «патриотической деятельности» [4, с. 121]. При этом средства епархиям можно было перечислять исключительно через фонды и индивидуальная адресная помощь оставалась под запретом. Вскоре после окончания войны и некоторого восстановления хозяйственной жизни в государстве правительством были предприняты меры по постепенному снижению авторитета церкви.

Таким образом, благотворительность в годы Великой Отечественной

войны возродилась во множестве форм, которые в течение ряда лет истреблялись идеологической пропагандой. В результате именно эта деятельность позволила привлечь в экономику огромное количество финансовых, материальных и трудовых ресурсов, сыгравших значительную роль в поддержке армии. В условиях вынужденного роста количества детских домов тысячи детей были усыновлены населением, обеспечив им возможность жить в семье и сэкономив часть государственных средств на социальную опеку. Миллионы доноров крови помогли госпиталям успешно оперировать раненых. Часть такой помощи носила религиозный характер, что впервые за годы существования Советского Союза приветствовалось. Такое массовое участие в благотворительной деятельности означало самое главное – готовность советского народа сражаться за победу в войне на фронте и в тылу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 215 с.
2. История Российского Красного Креста: URL: <http://www.redcross.ru/?pid=10>. (Дата обращения: 10.03.2015).
3. Ковалева С.И. Советское общество и благотворительность в годы Великой Отечественной войны // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 137-144.
4. Марченко А.Н. Благотворительная деятельность Русской православной церкви в советском государстве (1918-1964-е годы) // Вестник ЧелГУ. 2008. № 15. С. 118-132.
5. Мурманцева В. С. Советские женщины

- в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1979. 291 с.
6. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистический сборник. Культура и здравоохранение: URL: <http://istmat.info/node/374> (дата обращения: 11.03.2015).
14. Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. М.: Военное издательство, 1985. 318 с.
7. Одинцов М.И. Государство и религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // URL: <http://www.rusoir.ru/president/works/177/>. (Дата обращения: 11.03.2015).
8. Полищук В.А., Янкович А.И. История социальной педагогики и социальной работы. Тернополь: ТДПУ, 2009 // URL: <http://banauka.ru/1211.html>. (Дата обращения: 01.03.2015).
9. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 08.04.1929 «О религиозных объединениях» // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787>.
10. «Правда» от 28.12.1941.
11. «Правда» от 04.02.1942.
12. «Правда» от 14.02.1942.
13. «Правда» от 16.02.1942.
15. Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербурга: URL: <http://encblago.lfond.spb.ru>. (Дата обращения: 01.03.2015).

УДК 338.439.6:94(470) «1941/1945»

Кузнецова О.Д., Аверченко М.А.*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва)*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Рассмотрена система организации продовольственного снабжения населения в военный период, карточная система снабжения, виды карточек, нормы снабжения по категориям населения и их изменение, структура нормированного снабжения; организационная структура торговой сети; организация снабжения рабочих в промышленности и на транспорте; показана роль отделов рабочего снабжения и продснабов в решении продовольственного вопроса в годы войны, изменения в розничном товарообороте орсов и продснабов, общественное питание на предприятиях промышленности и транспорта, децентрализованные источники продовольственного снабжения, индивидуальное и коллективное огородничество.

Ключевые слова: продовольственное снабжение, карточная система, нормы снабжения, отдел рабочего снабжения, централизованные фонды снабжения, общественное питание.

O. Kuznetsova, M. Averchenko*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow*

THE ORGANIZATION OF FOOD SUPPLY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article studies the organization of the food supply of the population during the war, the rationing cards supply system and their types, the ration quotas for different categories of the population and their changes, the structure of rationing, the organizational structure of the trade network; the supply system in industry and transport. This article also shows the role of Workers' Supply Department (WSD) and Provisions Supply Office (PSO) in solving the food problem during the years of war. The authors outline the changes in the retail turnover of WSDs and PSOs, the peculiarities of public catering at industrial and transport enterprises, as well as the decentralized sources of food supply, individual and collective gardening.

Key words: food supply, rationing system, norms of supply, department of working supply, the centralized funds of supply, public catering.

Война изменила систему организации продовольственного снабжения населения страны. Сущность перестройки снабжения городского населения состояла в переходе от свободной продажи товаров к нормированному их распределению и продаже по карточкам.

Целью продовольственной политики военного времени в первую очередь является продовольственное снабжение. Для его бесперебойного функционирования необходимы: концентрация продовольствия в государственном фонде, обеспечение жесточайшего режима экономии, на-

лаживание строгого учета всех наличных ресурсов, их распределение в соответствии с потребностями страны.

Значительная часть приводимых в статье данных получена в результате работы авторов в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ).

Первые карточки были введены в Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных зонах Московской и Ленинградской областей в соответствии с Постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. В регионах карточная система на хлеб, сахар, кондитерские изделия вводилась с сентября 1941 г., с ноября 1941 г. – на другие продукты питания¹.

За годы войны карточная система была введена в 115 городах. В городах, где карточки не вводились, осуществлялось гарантированное снабжение продуктами по существующим нормам работников предприятий, имеющих оборонное значение, и транспорта. Другие группы населения крупных городов снабжались из централизованных фондов, исходя из расчетных норм на соответствующий контингент населения, которые определялись в зависимости от состояния ресурсов. В первую очередь продуктами, отпускавшимися по расчетным нормам, обеспечивались предприятия общественного питания, оставшиеся товары направлялись в торговую сеть. Расчетные нормы были сориентированы на нормы снабжения по карточкам и не могли превышать их.

Снабжение продовольствием жителей сельской местности, не связанных с сельскохозяйственным производством, в том числе эвакуированных из

городов, осуществлялось по талонам и спискам. Особый порядок снабжения был установлен для социально-бытовых и культурных учреждений и организаций. Для работников железнодорожного и речного транспорта и связи существовали специальные транспортные карточки, по которым продажа продукции производилась в любом населенном пункте страны².

Количество населения, состоявшего на нормированном снабжении хлебом, ежегодно росло: в 1942 г. на государственном нормированном снабжении хлебом находилось 61,7 млн человек, в 1945 г. – 80,6 млн человек [4, с. 76].

Нормы снабжения устанавливались в зависимости от количества ресурсов, от характера выполняемой работы, возраста и других факторов, а также с учетом значения выполняемой работы для обороны страны и дифференцировались по 4 группам населения³: рабочие и приравненные к ним лица (ИТР промышленных предприятий, работники связи и транспорта, учителя, работники науки, искусства и литературы, медицинские работники, доноры и др.); служащие; иждивенцы; дети до 12 лет.

Снабжение хлебом и сахаром дифференцировалось по 2 категориям: к первой категории относились работники оборонной и отраслей тяжелой промышленности, а также транспорта,строек оборонной промышленности; ко второй категории – рабочие и служащие других отраслей народного хозяйства и городское население. Первоначальные нормы снабжения хлебом, сахаром, кондитерскими изделиями приведены в табл. 1.

¹ РГАЭ (бывший ЦГАНХ). Ф. 7971. Оп. 1. Д. 947. Л. 7.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 892. Л. 51.

³ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 893. Л. 74.

Таблица 1

Нормы снабжения по категориям населения

	Хлеб в г. на человека в день		Сахар и кондитерские изделия в г. на человека в день	
	1 категория	2 категория	1 категория	2 категория
рабочие	800	600	800	600
служащие	500	400	600	600
иждивенцы	400	400	400	400
дети до 12 лет	400	400	600	400

Источник: РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 946. Л. 140.

В зависимости от ситуации в экономике нормы снабжения хлебом и сахаром менялись. В конце 1941 – начале 1942 гг. в связи с оккупацией гитлеровцами основных свекловодческих районов были снижены нормы снабжения сахаром: рабочие предприятий Москвы и отнесенные к особому списку получали по 500 г сахара в месяц, рабочие остальных предприятий – 400, служащие – 300, иждивенцы – 200, дети – 300 г.

Осенью 1943 г., когда потребовалось организовать снабжение населения районов, освобожденных от оккупации, были временно снижены нормы снабжения хлебом.

Для рабочих ряда профессий в отдельных отраслях народного хозяйства были установлены более высокие нормы выдачи хлеба – от 650 граммов до 1 кг в день [8, с. 102].

При распределении мясных и рыбных продуктов, крупы, макаронных изделий, сыров также проводилась дифференциация норм снабжения: передовикам производства и рабочим важнейших отраслей промышленности, обеспечивался более высокий уровень потребления. Нормы снабжения различных групп населения всеми продуктами устанавливались в граммах на человека в месяц.

Таблица 2

Дифференцированные нормы снабжения основными продуктами питания рабочих важнейших отраслей и других категорий населения

Занятые на подземных работах в угольных и рудных бассейнах, рабочие тяжелых профессий прокатных и сталеплавильных цехов, горячих и вредных цехов оборонной промышленности с большой затратой труда:	Мясо и рыба	Жиры	Крупа и макароны
особо повышенные нормы	4500	1000	3000
повышенные нормы	3200	900	2000
Рабочие и ИТР военных предприятий по особому списку	2200	600	1500

Рабочие и ИТР остальной промышленности, транспорта и связи	1800	400	1200
Служащие	1200	300	800
Иждивенцы	500	200	600
Дети до 12 лет	400	300	800

Источник: Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., Экономика, 1968, с. 29-30; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 895. Л. 76.

По указанным продуктам более высокие нормы были введены для рабочих и ИТР важнейших предприятий, отнесенных правительством к особому списку; еще более высокие нормы, так называемые повышенные и особо повышенные, действовали для подземных рабочих в угольной промышленности, для литейщиков, стекловаров и др. Особо повышенные нормы на мясные продукты, жиры, крупу и макаронные изделия были в 2,5 раза выше обычных норм снабжения рабочих по карточкам.

В ходе войны на повышенные нормы и нормы первой категории снабжения хлебом и другими продовольственными товарами переводилось все большее количество рабочих и инженерно-технических работников: удельный вес рабочих, снабжаемых по обычным нормам, сократился – с 71,5% всех рабочих в III квартале 1942 г. до 29% в IV квартале 1942 г. Соответственно увеличился контингент рабочих, снабжаемых по нормам особого списка, с 28,5% до 68% всех рабочих.

При планировании снабжения населения особое внимание обращалось на важнейшие промышленные центры. Приказом Наркомторга СССР от 23.10.1942 г. предусматривалось, что план снабжения населения по всем областям, краям и республикам должен обеспечивать первоочередность от-

грузки товаров в основные промышленные районы страны. Так, на Урале процент рабочих, снабжавшихся по повышенным нормам и нормам первой категории, был выше, чем в целом по СССР.

В отдельных отраслях промышленности в целях стимулирования производительности труда и ускорения работ снабжение дифференцировалось в зависимости от выработки.

Принцип дифференцированного распределения воплощался также в установлении специальных повышенных норм снабжения в виде дополнительного питания для беременных женщин, кормящих матерей, доноров, больных¹. Обеспечивалось дополнительное питание детей в городах и рабочих поселках [12, с. 39].

По непродовольственным товарам не устанавливались нормы отпуска товаров. Каждой категории населения предназначалось установленное количество товаров широкого потребления, выраженное в условных единицах – купонах. В соответствии с имевшимся количеством купонов их владелец мог приобрести любые нормированные промышленные товары, которые были в продаже.

За годы войны нормированное снабжение промышленными товарами охватило 60 млн. человек. К концу во-

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 26. Л. 2.

йны продажа промышленных товаров жителям городов стала осуществляться по специальным ордерам. Сельское население снабжала промышленными товарами потребительская кооперация, реализуя выделяемые ей централизованные фонды через сеть своих магазинов [5, с. 469].

В военное время правительство обеспечивало сохранение стабильных низких цен на продовольствие и промышленные товары, а также довоенные тарифы на коммунальные услуги и транспорт. В годы войны государственные розничные цены повысились лишь на алкогольные напитки и табачные изделия. Помимо государственных цен в стране существовали «пайковые цены», цены колхозного рынка и коммерческой торговли.

Карточное снабжение приводило к ряду отрицательных явлений: ограничивало выбор и объем закупок товаров, замедляло оборачиваемость товаров, снижало их качество, сужало ассортимент товаров для потребителей. Товары становились доступными не каждому покупателю, имеющему деньги, а лишь владельцу соответствующей карточки.

В связи с введением карточной системы изменилась **организационная структура торговой сети**. Усилилась централизация управления снабжением.

В деятельности Наркомторга СССР и его органов на местах появились новые функции: мобилизация продовольственных ресурсов, строжайший контроль за их использованием, планирование и учет снабжаемых контингентов, разработка норм снабжения продовольствием, введение закрытых форм торговли.

В структуре Наркомторга было образовано специальное Управление по карточному снабжению, руководившее большим аппаратом, созданным на местах для выдачи карточек. Это управление осуществляло контроль правильности выдачи карточек и товаров по карточкам.

Для выдачи карточек были организованы бюро продовольственных и промтоварных карточек при Совнаркоммах республик, при областных, краевых, городских, районных Советах депутатов трудящихся. На территории РСФСР на конец 1945 г. работало 1779 карточных бюро с фактическим штатом 8749 человек¹.

Наряду с карточками существовали так называемые лимитные, заборные продуктовые и промтоварные книжки, которые выдавались ответственным работникам партийного и государственного аппарата. Трудящимся помимо промтоварных карточек по мере возможности выдавались ордера, главным образом, на готовые изделия – обувь, костюмы, пальто.

В 1941 г. печаталось 12 видов карточек, в 1942 – 51, в 1944 г. – 100-135 различных видов карточек и талонов².

Организация снабжения рабочих в промышленности и на транспорте

В целях обеспечения преимущественного продовольственного снабжения рабочих 19.02.1942 г. СНК принял постановление о создании отделов рабочего снабжения (орсов) при важнейших предприятиях страны³. Систе-

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 226. Л. 3.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 153. Л. 11. Здесь и далее ценностные показатели приводятся в масштабе цен 1961г.

³ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 692. Л. 102.

ма орсов была создана в кратчайший срок – за 2-3 месяца, с февраля по май 1942 года.

Орсы являлись хозрасчетными организациями государственной торговли с самостоятельным балансом, имели расчетные счета в Госбанке и пользовались банковским кредитом. Торговля, которую вели орсы, осуществлялась ими как за счет товаров из государственных фондов в порядке централизованного снабжения, так и за счет продукции, поступавшей в их распоряжение из имевшихся при орсах подсобных хозяйств, а также за счет децентрализованных заготовок.

Орсы были созданы в 60 отраслях народного хозяйства. Всего в стране в 1942 г. было 1986 орсов, в 1944 г. – более 4000, к концу войны – более 7600 [8, с. 130].

Наркомат черной металлургии, например, имел орсы в 43 городах, которые обслуживали более 600 тысяч рабочих и их семей. В Москве в годы войны было создано и действовало около 500 орсов. Всего орсы обслуживали 48% населения, находившегося на нормированном снабжении.

Деятельность орсов была направлена на решение двух основных задач: продажу товаров по карточкам рабочим, ИТР и служащим предприятий и членам их семей и создание собственных подсобных хозяйств для обеспечения дополнительного снабжения рабочих предприятий. Орсы приспособляли деятельность своей сети – розничной и общественного питания – к режиму работы рабочих и служащих, которых они обслуживали.

Руководство орсом осуществлял начальник, являющийся одновременно и заместителем директора предпри-

ятия по рабочему снабжению. Орсы предприятий находились в двойном подчинении – директора предприятия и главного управления рабочего снабжения наркомата. Главные управления рабочего снабжения наркоматов получали и распределяли по своей системе централизованные фонды товаров, осуществляли общее руководство орсами, контроль за их работой. В некоторых случаях между главурсами и орсами имелось дополнительное звено управления – специализированный главурс, объединявший лишь часть орсов в системе того или иного наркомата. Например, при Наркомате путей сообщения имелось Главное управление рабочего снабжения (Главупс НКПС). Но одновременно имелись дорожные управления рабочего снабжения как самостоятельные хозяйственные единицы (дорурс), которые руководили орсами отдельных железных дорог [1, с. 61-63].

В области торговой деятельности орсы руководствовались указаниями Наркомторга СССР и его местных органов, соблюдая установленные правила торговли, порядок и нормы отпуска товаров, цены на товары.

Наряду с орсами в промышленных центрах страны функционировали продснабы. Продснабы – это конторы продовольственного снабжения рабочих и служащих в отдельных отраслях народного хозяйства. Они, как и орсы, имели сеть магазинов, столовых и других предприятий. Продснабы в централизованном порядке получали продовольственные товары от государства. Продснабы вели торговлю только продовольственными товарами, подчинялись непосредственно вышестоящей организации – тресту, Наркомторгу.

Наркомторг СССР установил порядок выделения фондов орсам и контроля за их расходованием, в соответствии с которым фонды продовольственных товаров для орсов выделялись в централизованном порядке в целом на область. Главурсы распределяли выделенные на квартал фонды между орсами своих наркоматов. Продовольственные и промышленные товары отпускались орсам в первую очередь. Больше половины городского рыночного фонда важнейших непродовольственных товаров также распределялось через орсы.

Розничный товарооборот орсов и продснабов

В 1940 г. объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли составлял 17353 млн. руб.; минимального значения розничный товарооборот достиг в 1942 г., когда его объем составлял 44,3% к уровню 1940 г.¹

В связи с освобождением временно оккупированных территорий и увеличением товарных ресурсов розничный товарооборот возрастал: в 1944 г. он достиг 11830 млн. рублей или 66% довоенного уровня, в 1945 г. – 16014 млн. руб., что составляло 91,2% по сравнению с 1940 г.² Оборот общественного питания, составлявший в 1940 г. 2294 млн. руб., или 13,1%, в 1943 г. увеличился до 24,6% всего розничного товарооборота страны³.

Объем реализации продовольственных товаров составил в 1945 г.

8851 млн. руб., увеличившись по сравнению с 1942 г. в 2,3 раза. Несмотря на то, что объемы реализации сахара, муки и хлеба в 1945 г. намного отставали от довоенных показателей, в целом общая сумма реализации продовольственных товаров достигла уровня 1940 г. (100,9%). Удельный вес продовольственных товаров увеличился с 57,6% в 1940 г. до 69,7% в 1945 г. Если учесть, что реализация продовольственных товаров производилась также через сеть общественного питания, то удельный вес продовольственных товаров, реализованных через торговую сеть и общественное питание в общем объеме розничного товарооборота страны увеличился с 63,1% в 1940 г. до 75,6% в 1945 г. [11, с. 39].

В 1945 г. объем продаж промышленных товаров составил лишь 60% уровня 1940 г. Доля непродовольственных товаров в товарообороте сократилась с 42,4% в 1940 г. до 30,3% в 1945 г.

В 1940-1941 гг. ведущая роль в розничном товарообороте СССР принадлежала системе Наркомторга СССР (53%). Формирование системы орсов и продснабов почти во всех отраслях промышленности и транспорта внесло значительные изменения в структуру розничного товарооборота. В 1942 г. весь объем розничного товарооборота сократился в 2,3 раза, а оборот Наркомторга СССР – более чем в 3 раза. В 1943 г. оборот Наркомторга достиг минимального значения за весь военный период, составив лишь 36% розничного товарооборота. С введением коммерческой торговли в 1944 г. удельный вес оборота Наркомторга увеличился до 39% в розничном товарообороте СССР, а к 1945 г. – до 42%. В 1942 г. оборот орсов и продснабов увеличился на

¹ Рассчитано: РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 153. Л. 11.

² Рассчитано: РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 221. Л. 10-11.

³ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 153. Л. 11. Д. 210. Л. 10-13. Д. 221. Л. 10-11.

28,5% по сравнению с 1940 г. Удельный вес их в общем объеме товарооборота возрос до 23%. В 1943 г. оборот орсов увеличился еще на 41,7%, их доля в структуре розничного товарооборота страны резко повысилась – до 30%, а в 1945 г. – до 33%¹.

Особенность розничного товарооборота орсов и продснабов в годы войны проявилась в большем удельном весе общественного питания по сравнению с долей его во всем розничном товарообороте страны. К 1943 г. удельный вес общественного питания орсов увеличился до 46,4% оборота общественного питания СССР, тогда как доля их в розничном товарообороте СССР составляла 29,35%.

За 1941-1942 гг. число предприятий розничной торговли резко сократилось: с 397,7 тыс. на 1.1.1941 г. до 165,9 тыс. на 1.1.1943 г., т.е. в 2,4 раза [14, с. 10-11]. С 1943 г. торговая сеть предприятий розничной торговли и общественного питания начала постепенно увеличиваться: на 1.1.1944 г. она составляла уже 44% от довоенного уровня по торговле и 68% по общественному питанию.

К концу войны сеть магазинов, палаток и других предприятий торговли орсов составила 44,8 тысяч предприятий, или 18,3% общего количества предприятий розничной торговли СССР².

В товарной структуре розничного оборота орсов за годы войны произошли существенные изменения: увеличилась доля продовольственных товаров за счет сокращения доли про-

мышленных товаров. По данным Главурса НК путей сообщения, доля продовольственных товаров при общем росте товарооборота увеличилась с 72,6% в 1944 г. до 77,3% в 1945 г., что свидетельствует об улучшении снабжения трудящихся продуктами питания.

Розничная реализация всех продовольственных товаров составила в 1945 г. по НК путей сообщения 479,2 млн. рублей, превысив сумму реализации 1941 г. в 1,6 раза. Также значительно возросла продажа непродовольственных товаров (на 23%), однако доля их в розничном обороте орсов НКПС к 1945 г., составила лишь 22,7%³.

Товарооборот обеспечивали два основных источника: централизованные фонды нормируемых и регулируемых товаров и местные ресурсы, в том числе децентрализованные заготовки, продукция собственных подсобных хозяйств, продукция, производимая предприятиями орсов, самозакупки продовольственных и промышленных товаров.

В 1942 г. продовольственное положение в стране оставалось еще очень тяжелым, поэтому частыми были случаи недопоставки производителями государственных фондов продовольствия и промышленных товаров, предназначенных Главурсам. В связи с этим выборка фондов основных продовольственных товаров оставалась неполной: орсы нефтяной промышленности реализовали фонды по мясу на 93%, по рыбе – на 93,8%, по жирам – на 86,6%; на железнодорожном транспорте недовыборка фонда по растительному маслу составила 6,5%, по сахару – 12,4%, по кондитерским изделиям – 22,1%.

³РГАЭ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1270. Л. 6.

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7971, д. 163, л. 21; д. 221, л. 15-16.

²РГАЭ. Ф. 1884, оп. 46, д. 1531, д. 91; оп. 69, д. 29, л. 8-9.

Практиковалось отоваривание фондов заменителями основных продовольственных товаров. По данным Главурса химической промышленности, фонды по мясу в 1943 г. примерно на 40% отоваривались яичным порошком, сухим молоком, яйцом и другими продуктами; в качестве заменителя по жирам использовались брынза, сыры, сгущенное молоко, которые покрывали около 10% всего фонда жиров¹.

В 1944-1945 гг. выборка товарных фондов значительно улучшилась. Почти по всем продовольственным товарам фонды отоваривались полностью и в установленные сроки.

Общественное питание на предприятиях промышленности и транспорта

В годы войны роль и значение общественного питания существенно возросли. В 1944 г. услугами общественного питания пользовались около 25 млн. человек, что в два с лишним раза больше, чем до войны. Возрастание роли общественного питания в годы войны объясняется рядом причин: изменением уклада жизни семей из-за мобилизации в армию мужчин и увеличением числа работающих женщин. Женщины не могли уделять прежнее количество времени и сил домашнему хозяйству. Работа на производстве в одну, а иногда в две смены также способствовала тому, что люди все больше пользовались общественным питанием, в связи с этим значительно уменьшилось домашнее приготовление пищи. Рост значения общественного питания в годы войны объясняется также и тем, что,

взятое под контроль общественности, оно давало возможность более рационально использовать имевшиеся ресурсы продовольствия.

За годы войны изменилась структура сети общественного питания: центральное место заняли столовые. В начале 1941 г. удельный вес столовых в общем числе предприятий питания СССР составлял 49,7%, к концу 1942 г. доля их увеличилась до 59,1%, к концу 1944 г. - до 76,9%. В сети орсов и продснабов доля столовых возросла с 65,5% в 1941г. до 83,5% в 1945 г.²

По данным Главурса НК химической промышленности, увеличение в 1943 г. сети столовых примерно на 20% было связано не только с организацией новых орсов, но являлось результатом расширения сети на крупных объектах путем организации цеховых столовых в целях улучшения обслуживания потребителей и приближения столовых к производству. Организация цеховых столовых способствовала ликвидации очередей. В годы войны столовые сыграли первостепенную роль в питании, обеспечивая горячей, свежеприготовленной пищей рабочих и служащих, работавших по 12 и более часов.

Наркомторг СССР установил порядок расходования продукции во всех предприятиях общественного питания, определил нормы раскладок на основные продукты применительно к условиям военного времени.

Орсы дополнительно снабжали рабочих продукцией своих подсобных хозяйств через предприятия общественного питания. В 1944 г. на предприятиях Наркомата боеприпасов за счет подсобных хозяйств потребность в овощах удовлетворялась на 60%, в

¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7971, оп. 2, д. 153, л. 23; д. 221, л. 15-16.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 1002. Л. 158-160.

картофеле – на 40% [8, с. 60]. За счет продукции подсобных хозяйств ор-сов на одного трудящегося в среднем приходилось сверх централизованных фондов 84 кг картофеля и овощей в 1943 г. и 119 кг в 1944 г. [13, с. 141]. Продукция подсобных хозяйств использовалась для укрепления трудовой дисциплины и повышения производительности труда. СНК СССР принял постановление от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий», которое предоставляло право директорам промышленных предприятий устанавливать преимущественный порядок снабжения для рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки. Таким рабочим в первую очередь отпускались продовольственные (кроме хлеба) и промышленные товары; выдавалось дополнительное горячее питание за счет ресурсов подсобных хозяйств без зачета в норму, установленную по карточкам; производился дополнительный отпуск сверх установленных норм по продовольственным карточкам картофеля, овощей, яиц, молока и других продуктов. Постановлением предусматривались меры наказания для нарушителей трудовой дисциплины. Работникам, совершившим прогул, хлеб отпускался по пониженным нормам: на 200 г на предприятиях, где норма отпуска хлеба составляла 600 г и более, и на 100 г – на остальных предприятиях. Введение таких строгих мер оказало существенное влияние на сокращение количества прогулов и других нарушений трудовой дисциплины.

Организация дополнительного питания для передовиков производства

использовалась повсеместно. Различные виды дополнительного питания (второе горячее питание, усиленное диетическое питание, стахановские обеды, спецпитание, холодные завтраки) стимулировали рост производительности труда, закрепление рабочей силы на предприятиях. В некоторых отраслях промышленности дополнительным питанием пользовались до 60% всех рабочих [2, с. 559].

Организация различных видов дополнительного питания способствовала лучшему снабжению работников ведущих отраслей промышленности. Так, в танковой промышленности второе горячее питание получали более 66% всех рабочих, 20% пользовались усиленным диетическим питанием и почти столько же рабочих получали хлеб по 100 г в день в дополнение к карточной норме. В угольной промышленности, где половина рабочих снабжалась по повышенным и особо повышенным нормам, более 40% рабочих получали второе горячее питание и более 30% – холодные завтраки. В легкой промышленности второе горячее питание получали 40% рабочих, в текстильной – 25% [14, с. 78].

В годы войны в системе Наркомторга СССР насчитывалось 1200 образцовых столовых. Однако в большинстве столовых имелись самые разнообразные и во многом общие недостатки, наиболее распространенным из которых были большие очереди. В начале 1944 г. на одном из московских оборонных предприятий впервые был введен метод самообслуживания. Инженеры завода сконструировали специальную стойку, по которой передвигались подносы с пищей. В результате очереди исчезли, время обеда сократилось до

20 минут, на 1/4 удалось сократить количество обслуживающего персонала.

Однако наиболее серьезной проблемой в организации общественного питания и торговли стало увеличение случаев расхищения и разбазаривания продовольственных и промышленных товаров. Недостаточный контроль за расходованием продуктов приводил к недовесу по блюдам, нарушениям норм закладки сырья в блюда, отпуску продуктов по запискам и спискам [8, с. 113].

В целях пресечения злоупотреблений в торговле и общественном питании 22 января 1943 г. ГКО принял постановление «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Наркомторг СССР разработал мероприятия по борьбе с незаконной выдачей продуктов, с прямым хищением продовольствия и обеспечению полной и своевременной выдачи продуктов питания и товаров широкого потребления населению. Для этого был создан специальный орган – Главное управление государственной торговой инспекции, задачей которого, помимо контроля за отпуском товаров предприятиями торговли и общественного питания, была также борьба с различными злоупотреблениями в торговле и общественном питании.

Постановление СНК от 6.II.1943 г. «О мерах улучшения общественного питания в г. Москве» ставило задачу ликвидации фактов плохого обслуживания жителей столицы, пользовавшихся общественным питанием: неудовлетворительного приготовления пищи, однообразия меню в столовых и т.п. Во исполнение постановления Наркомторг СССР установил для всех

московских столовых обязательный ассортиментный минимум трех первых блюд (овощного, крупяного, комбинированного), трех вторых блюд (мясного, рыбного, яичного, овощного или комбинированного) и горячих напитков. Это постановление обязывало всех руководителей столовых создавать десятидневный запас продуктов. Хотя в этом постановлении речь шла о Москве, фактически оно имело прямое отношение ко всей системе общественного питания в стране.

По данным Главурса НК химической промышленности, в результате проведенной работы за II полугодие 1943 г. в 12 столовых не было ни одной жалобы на качество пищи, однообразие меню или задержку в обслуживании. Во всех столовых был введен широкий ассортимент блюд (не менее двух первых и трех вторых). Санитарное состояние столовых улучшилось, проводилась ежедневная проверка качества сырья и готовой продукции. Важной проблемой общественного питания было его крайне неудовлетворительное материально-техническое оснащение, в большинстве столовых не хватало утвари, посуды, спецодежды.

Изменения в ассортименте выпускаемых блюд характеризовались увеличением доли вторых блюд за счет сокращения доли первых блюд, что говорит об улучшении качества питания. О повышении калорийности питания свидетельствует также возрастание удельного веса мясо-рыбных блюд в составе вторых блюд с 38% в 1942 г. до 58,8% в 1944 г.¹

Лучшие, наиболее полноценные продукты, как правило, в первую очередь передавались предприятиям об-

¹ РГАЭ. Ф. 349, оп. 1, д. 1270, л. 5.

щественного питания, что позволяло значительно улучшать качество выпускаемой продукции. Удельный вес передаваемых в общественное питание орсов НК химической промышленности мясопродуктов составил в 1942 г. 58,7% всей реализации этих товаров, в 1943 г. эта цифра увеличилась до 66,4%; доля рыбопродуктов соответственно увеличилась с 41% до 42,5% всей реализации; животного масла – с 38% до 40,6%, сахара – с 22% до 26%; овощей и фруктов – с 50% до 65,6%. В 1943 г. было передано на общественное питание 52,7% всего реализованного молока и молочных продуктов, 30,8% хлеба¹. Развитие собственной продовольственной базы орсов НК химической промышленности позволило использовать для общественного питания значительно больше картофеля и овощей, чем в 1942 г.²

В первый период войны калорийность питания городского населения снизилась с 3370 калорий до войны до 2555 калорий в 1942 г., или на 24%. Во второй период войны калорийность поднялась до 2750 кал. в 1943 г. и 2810 кал. в 1944 г.

В 1943 г. потребление хлеба и муки составило 96% довоенного уровня, в 1944 г. этот показатель составил 83,5%. Потребление крупы и бобовых, составлявшее в 1942 г. 73% довоенного уровня, в 1944 г. возросло до 114%. Потребление картофеля уже в 1942 г. превышало довоенный уровень на 31,6%, в 1944 г. – в 2,3 раза [6]. Уровень потре-

бления молока и молочных продуктов до конца войны не достиг довоенного показателя, в 1944 г. он составил 69,5% от уровня 1940 г. Несколько увеличилось потребление мяса и мясопродуктов – с 42,1% довоенного уровня до 59,5%. Потребление сахара и кондитерских изделий составляло в 1944 г. лишь 22,4% уровня 1940 г. В целом потребление продуктов растительного происхождения (кроме сахара) снизилось значительно меньше, чем продуктов животного происхождения.

Сужение ассортимента продовольственных товаров, а по некоторым товарам ухудшение качества отражалось на их пищевой ценности, поэтому большое внимание уделялось витаминизации пищи. Предприятия пищевой промышленности, производившие витамины, обеспечивали ими торговлю и общественное питание. В 1944 г. через предприятия общественного питания население получило более 4,3 млрд. человеко-доз витаминов [8, с. 119]. В рационе питания населения в годы войны наблюдалась острая нехватка белков. Большую пользу для общественного питания приносили подсобные предприятия орсов, наладившие производство белковых дрожжей.

Децентрализованные источники продовольственного снабжения

В целях расширения местной продовольственной базы для улучшения снабжения заводских столовых продовольствием СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановлением от 7.9.1940 г. обязали директоров предприятий и местные советские организации создавать подсобные хозяйства огородно-овощного и животноводческого направления, земельные участки для которых выделя-

¹ РГАЭ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1270. Л. 10.

² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 2. Д. 381, Л. 12, 15; Ф. 8875. Оп. 42. Д. 489. Л. 14; Ф. 8225. Оп. 1. Д. 6546. Л. 17; Ф. 8627. Оп. 15. Д. 1151. Л. 13; Ф. 349. Оп. 1. Д. 1291. Л. 22; Ф. 1884. Оп. 69, Д. 48. Л. 99, 168.

лись из государственного фонда. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7.4.1942 г. установило порядок выделения земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих [3, с. 653]. Создание и развитие системы подсобных хозяйств приобрело широкий размах: только в системе орсов количество подсобных хозяйств составило около 30 тысяч.

Посевная площадь подсобных сельскохозяйственных предприятий в промышленности и на транспорте увеличилась с 1366 тыс. га в 1940 г. до 3104 тыс. га в 1943 г., т.е. в 2,3 раза. поголовье крупного рогатого скота за этот период увеличилось в 1,5 раза и составило в 1943 г. 904 тыс. голов [14, с. 185].

Расширение сети подсобных хозяйств происходило за счет промышленных наркоматов, системы Наркомторга СССР и Центросоюза.

Система Наркомторга СССР располагала обширной сетью подсобных хозяйств. Посевная площадь подсобных хозяйств Наркомторга составила в 1944 г. 175,9 тыс. га, что на 55,9 тыс. га превышало посевы 1942 г. В подсобных хозяйствах Наркомторга в 1943 году был организован откорм 200 тыс. голов свиней, подсобные хозяйства торгующих организаций получили 1,0 млн. тонн овощей и картофеля и до 0,5 млн. тонн зерновых культур.

Небольшие подсобные хозяйства создавались в системе потребительской кооперации: при сельпо, рабочих кооперативах, отдельных столовых. Сельскохозяйственные работы в таких хозяйствах производились, как правило, силами работников этих организаций. За 1944-1945 гг. подсобные хозяйства системы Центросоюза получили более 178 тыс. тонн картофеля, 83 тыс. тонн ово-

щей, 21,5 тыс. тонн молока, 5,5 тыс. тонн мяса и птицы, 1,6 млн. яиц [10, с. 153].

Промышленные предприятия оказывали помощь подсобным хозяйствам орсов: предоставляли транспорт, осуществляли ремонт оборудования, а также на время сева и уборки предоставляли рабочую силу. Заинтересованность организаций в создании собственной продовольственной базы усиливалась установленным порядком распределения продукции. Половина полученного мяса, рыбы и зерна и полностью все остальные продукты (картофель, молоко, яйца и др.) использовались для улучшения питания рабочих и служащих сверх карточных норм.

В марте 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах развития подсобных хозяйств промышленных предприятий в 1944 году», в котором подводились итоги деятельности подсобных хозяйств по созданию собственной продовольственной базы для снабжения рабочих и служащих. В постановлении отмечались значительные успехи, достигнутые подсобными хозяйствами по выращиванию основных сельскохозяйственных культур, а также проводился тщательный анализ недостатков, приведших к снижению урожайности культур и к росту их себестоимости. Проанализировав и обобщив итоги работы подсобных хозяйств промышленных наркоматов в 1943 г., правительство установило для них основные производственные задания на 1944 г. Плановое задание на 1944 г. по расширению посевных площадей было выполнено подсобными хозяйствами на 107%, площади посевов составили в 1944 году 575074 га¹.

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 69. Д. 1002(1). Л. 103 (Здесь и далее ценностные показатели – в мас-

Значительное внимание в подсобных хозяйствах уделялось животноводству. Разведением и откормом свиней занимались как крупные хозяйства, так и мелкие свинооткормочные пункты при торговых организациях и предприятиях общественного питания. Свинооткормочные пункты составляли 25% всех подсобных хозяйств, организованных при столовых. Начиная с 1944 г., поголовье крупного рогатого скота значительно превосходило не только плановые задания, но и уровень предыдущих военных лет. Сравнительно успешно развивалось в подсобных хозяйствах промышленные предприятия пчеловодство, рыболовство.

Доля подсобных хозяйств в снабжении рабочих и служащих промышленных предприятий в 1945 г. составляла до 60% по овощам и 38% по картофелю. Подсобные хозяйства и другие децентрализованные источники продовольствия уменьшали значение государственных рыночных фондов некоторых продуктов в питании населения: в 1944 г. доля централизованного фонда в потреблении городского населения по картофелю сократилась до 11,6 % по сравнению с 15% в 1942 г., по овощам – до 8,9% против 11,9% в 1942 г. Государство оставалось основным поставщиком хлеба населению (96% всего потребляемого хлеба), а роль государственных централизованных фондов в обеспечении населения мясом возросла с 44,8% в 1942 г. до 52,3% в 1944 г. [15, с. 107].

Начиная с урожая 1944 г., картофель, овощи, молочная продукция, получаемые от подсобных хозяйств и децентрализованных заготовок

предприятий и учреждений, а также организаций торговли и общественного питания после выполнения обязательств перед государством, засыпки семенных фондов и расходов на производственные нужды, использовались полностью для улучшения питания в столовых и буфетах, детских садах и яслях предприятий и учреждений сверх централизованных фондов, и в норму отпуска по карточкам не засчитывались.

В годы войны в торгующих организациях, орсах и продснабах широкое развитие получило производство товаров широкого потребления. По данным Госплана СССР, только за 1943 г. подсобные предприятия по производству промышленных товаров системы Наркомторга и Центросоюза изготовили различной продукции на 200 млн. рублей, предприятия орсов и продснабов произвели предметы широкого потребления на 50 млн. рублей¹. Предприятия орсов в основном занимались производством и ремонтом одежды и обуви, производством валяной обуви, металлоизделий, культтоваров, детской игрушки, безалкогольных напитков, соли, мыла и т.п., используя для этого местное сырье и отходы обслуживаемых ими предприятий. Выпуск изделий ширпотреба осуществлялся за счет временно свободных мощностей промышленных предприятий и постоянно действующих мастерских орсов. Сеть предприятий производственно-бытового назначения орсов постоянно расширялась. Количество предприятий системы Главурса НКПС увеличилось с 479 в 1942 г. до 4662 в 1944 г., НКХимП – соответственно

¹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 69. Д. 29. Л. 5; Д. 48. Л. 58; Ф. 349. Оп. 1. Д. 1270. Л. 2. Д. 1201. Л. 16.

с 90 до 300 [11, с. 16]. Определенные трудности в работе предприятий производственно-бытового назначения были связаны с ограниченностью фондов необходимого сырья и материалов, недостатком помещений и оборудования, дефицитом квалифицированной рабочей силы.

Значительную роль играли мастерские орсов по ремонту и пошиву обуви и одежды, парикмахерские, прачечные и т.п.

Индивидуальное и коллективное огородничество

Начало организованному движению огородничества было положено в декабре 1933 года, когда было принято постановление СНК СССР «О развертывании индивидуального рабочего огородничества» [4, с. 23]. Число огородников в стране достигло полутора миллионов человек.

В годы Великой Отечественной войны огородничество получило дальнейшее развитие. К 1945 г. в стране насчитывалось свыше 18 миллионов огородников¹, собравших с 1626 тыс. гектаров посевных площадей 9552 тыс. тонн картофеля и овощей. На одну семью огородника пришлось в 1945 г. 515 кг картофеля и овощей. Благодаря коллективному и индивидуальному огородничеству городское население получило в 1942-1945 гг. дополнительно более 26 млн. тонн картофеля и овощей [7, с. 163].

Огородничество имело две формы: коллективное и индивидуальное огородничество. Земля, предоставленная предприятию под огороды, в случае коллективной формы огородничества

не делилась на участки. Все работы осуществлялись коллективно. Полученный урожай делился между участниками коллективного огорода согласно количеству затраченного труда каждым огородником. Индивидуальная форма огородничества предполагала раздачу земли отдельным огородникам. Земельные участки под огороды выделялись размером не более 0,15 гектара. Работа на участке осуществлялась в индивидуальном порядке огородником и членами его семьи. Весь выращенный урожай целиком шел в распоряжение семьи огородника.

По решению Наркомторга СССР местные торговые организации развернули розничную торговлю семенами, рассадой, минеральными удобрениями и огородным инвентарем. Росту числа огородников способствовала обстановка на колхозном рынке: цены на картофель и овощи на рынках крупных городов постоянно росли. В 1943 г. огородничеством занималось уже 40% городского населения. Доходы рабочих и служащих, полученные ими от индивидуальных и коллективных огородов, освобождались от обложения сельскохозяйственным налогом.

Этапы развития снабжения армии в годы войны

Первый, начальный этап, охватывает период с начала войны до середины 1942 г. Продовольственное обеспечение войск в период стратегической обороны в основном базировалось на использовании разбронированных мобилизационных запасов на базах Госрезерва, Наркомзага и созданных к началу войны запасов на продовольственных складах приграничных военных округов. В этот период войны

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 893. Л. 73.

основное внимание уделялось своевременной эвакуации продовольствия из тыловых районов армий и фронтов вглубь страны.

Во второй период войны, с ноября 1942 г. по июнь 1943 г., во время Сталинградской и Курской битв, главной задачей было максимально приблизить запасы продовольствия к войскам. В армиях содержались 15-суточные запасы. Армейские запасы продовольствия размещались в три эшелона, что создавало благоприятные условия для маневра ими в ходе наступательной операции.

На третьем этапе войны, начиная со второго полугодия 1943 г. и до конца войны, основными источниками снабжения для большинства южных и центральных фронтов стали местные продовольственные ресурсы. Всего за 1943 сельскохозяйственный год силами войск действующей армии, внутренних военных округов и аппаратом Главупрпродснаба Советской Армии было заготовлено 4,7 млн. т зерна, картофеля и овощей, а вместе с сеном и продукцией подсобных хозяйств — около 7 млн. т продовольствия и фуража.

По мере успешного продвижения советских войск на запад излишки продовольствия, оставленного войсками фронтов в их тыловых районах, передавались военным округам, гражданским организациям, совхозам и колхозам, что способствовало восстановлению разрушенного гитлеровцами народного хозяйства в прифронтовых районах нашей страны.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны служба тыла успешно справилась с бесперебойным

снабжением войск продовольствием и фуражом. Общий расход основных видов продовольствия и фуража на довольствие Советской Армии за годы Великой Отечественной войны составил около 40 млн. т. Только из местных ресурсов было заготовлено и обращено на довольствие войск свыше 20 млн. т продовольствия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверченко М.А. Рабочее снабжение в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. эконом. наук. М., 1988.
2. Вознесенский Н.А. Избр. произв., 1931-1947. М.: Политиздат, 1979. 606 с.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1957. 888 с.
4. История Великой Отечественной войны. Т. 6. М.: Воениздат, 1965. 621 с.
5. История социалистической экономики. Т. 5. М.: Наука, 1978. 565 с.
6. Известия. 1933. – 26 дек.
7. Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1970. 391 с.
8. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. 231 с.
9. Советская торговля за 30 лет. М., 1947. 352 с.
10. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 3. М., 1963. 397 с.
11. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 504 с.
12. Советская торговля. М., 1956. 352 с.
13. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. М.: Госторгиздат, 1944.
14. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. М., 1964. 208 с.
15. 35 лет советской торговли. М., 1952. 152 с.

УДК 327.5, УДК 94

Ермаков Д.Н.*Московский государственный областной университет*

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье критически проанализирована экономическая и политическая несостоятельность оценок решающей роли англо-американской военной помощи СССР в годы Второй мировой войны. Основываясь на реальных экономических показателях, автор показывает выдающуюся политическую роль советского руководства в создании отечественного оборонно-промышленного комплекса. Зарубежные политики перманентно стараются принизить роль Советского Союза в достижении общей победы над фашистской Германией. Начиная с 1945 года – фактического объявления ведущими западными странами «холодной войны» Советскому Союзу, наши недруги, используя фальсифицированные сведения и документы, навязывают общественному мнению искаженное видение операций РККА на восточном фронте («завалили немцев трупам»). Наряду с отрицанием решающего значения войсковых наступательных операций Советской Армии, в разгроме вермахта, под сомнение ставится наличие в СССР современной военной науки, технологий и новаций в оборонной промышленности. В представленной статье делается попытка показать величие трудового подвига, совершенного советскими учеными, инженерами, рабочими.

Ключевые слова: Вторая мировая война, ленд-лиз, военно-техническая помощь, военные заводы, оборонно-промышленный потенциал, военная техника и вооружения, второй фронт.

D. Ermakov*Moscow State Regional University*

AMERICAN MILITARY AND TECHNICAL AID TO THE SOVIET UNION IN THE YEARS OF THE SECOND WORLD WAR: HISTORICAL AND POLITOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article critically analyses the economical and political inconsistency of the assessment of the decisive factor of the Anglo-American aid to the USSR during the years of the World War I against Hitlerism. Based on the economical parameters, the author shows a noteworthy political role of the Soviet leadership in building the national military industrial complex in the shortest time. Foreign politicians have been consistently trying to diminish the role the Soviet Union played while achieving the common victory of the anti-Hitler coalition countries over Nazi Germany. Starting since 1945, after effectively declaring “cold war” against the Soviet Union, our enemies have been using falsified data and documents to create a distorted vision of the operations conducted by the Red Army on the Eastern front in the public eye (“filled up Germans with corpses”).

© Ермаков Д.Н., 2015.

Not infrequently, the foundation of such “historical research” contains objective data which is not denied by national historians - presence in the Red Army of a vast number of American trucks and cross-country vehicles, significant role of canned stewed meat, dry milk, and antibiotics provided by the US. However, the true subtext of our ill-wishers’ works is aimed at diminishing the intellectual potential of the Russian people, an urge to present them as dim-witted executors of the leadership’s orders. Along with denying the decisive factor of the Soviet Army’s offensive operations in the defeat of the Wehrmacht, they put in doubt the Soviet contemporary science of warfare, technology, and innovations in the military industry. This article attempts to show the greatness of the labor heroism of Soviet scientists, engineers, and workers.

Key words: second world war; lend-lease»; military and technical aid; war plants; military-industrial potential; military equipment and weapons; second front.

Весной две тысячи пятнадцатого года Великая Россия отметила славную дату – семьдесят лет Победы. Социально-политическая нестабильность в современной России, явившаяся следствием давления стран НАТО, вновь ставит на повестку дня вопросы самодостаточности российского государства. Западные «партнеры» стараются показать решающую роль «второго фронта» в победе над фашистской Германией, а следовательно, представить Советский Союз и его правопреемницу – Россию в качестве недееспособной страны, выжившей в годы Второй мировой войны исключительно благодаря поставкам по ленд-лизу. Президент России В.В. Путин, осуждая позицию наших союзников по Второй мировой войне, отмечает: «Сегодня мы видим не только, к сожалению, попытки переиначить, исказить события той войны, но и циничную, ничем не прикрытую ложь, наглое очернительство целого поколения людей, отдавших практически все этой Победе, отстоявших мир на земле. Иногда “язык не поворачивается, чтобы пересказать все эти бесстыдные выводы, наблюдения так называемые, не имеющие ничего общего с правдой» [7].

Соединенные Штаты Америки использовали ленд-лиз в качестве ин-

струмента «дистанционного» ведения войны на стороне антигитлеровской коалиции без реального участия своих солдат в боевых действиях. Идея ленд-лиза была разработана в 1940 г. («lend» – давать взаймы, «lease» – сдавать в аренду или наем). США обуславливали передачу военного имущества и техники другим странам взаймы, на время опасности, в обмен на получение политических «бонусов». Необходимость ленд-лиза американскому народу Т.Ф. Рузвельт обосновывал следующими доводами: «Представьте себе, что загорелся дом моего соседа, а у меня на расстоянии 400-500 футов от него есть садовый шланг. Если он сможет взять мой шланг и присоединить его к своему насосу, то я смогу помочь ему потушить пожар. Что же я делаю? Я не говорю ему перед этой операцией: «Сосед, этот шланг стоил мне 15 долларов, тебе нужно заплатить за него 15 долларов». Мне не нужны 15 долларов, мне нужно чтобы он возвратил мой шланг после того, как закончится пожар» [22. с. 385-387].

Президент США 28 октября 1941 г. утвердил решение Конгресса о распространении на СССР закона о ленд-лизе. Официальное извещение Правительству СССР об этом решении было

направлено 30 октября, а в СССР оно было обнародовано во время праздника Октябрьской революции 7 ноября 1941 года [1. с. 106].

Зарубежные фальсификации истории о вкладе СССР в победу над Германией начались сразу после окончания Второй мировой войны. Сегодня, в условиях приближения новой «холодной войны» американские политические «ястребы» предпринимают, к сожалению, далеко не безуспешные попытки лишить российское гражданское общество одной из важных духовных «скреп», которые нас объединяют – Великой Победы.

В частности, военный эксперт из вашингтонского Совета по внешней политике Стивен Бланк отмечает: «Мне не понятно, как без американских поставок Советский Союз вообще мог выиграть войну против Германии в те сроки, в которые он добился победы фактически. Важно помнить, что эта помощь была всесторонней. Она включала в себя продовольствие для армии и тыла, продукты питания составили примерно пятую часть всего ленд-лиза. Советские солдаты называли американскую тушенку “вторым фронтом”, такую она имела для них ценность. Американская помощь включала в себя также огромное количество разнообразных двигателей, танковых и авиационных, и транспортных средств, без которых немыслима современная маневренная война и которых советским вооруженным силам так сильно не хватало. Это почти 80 тысяч джипов, более 150 тысяч легких грузовиков, свыше 200 тысяч тягачей “Студебекеров”, из которых был сформирован костяк моторизованной транспортной системы советской армии и которые позво-

лили ей наступать, начиная с 1943 г. и наступать довольно быстро. Ленд-лиз помог расширить еще одно узкое место в системе материально-технического обеспечения советской армии и дал ей возможность вести маневренную войну. Я имею в виду средства связи. Это и телефонный кабель, который Советский Союз получил в количестве полутора миллиона километров, и 35 тысяч радиопередатчиков, и 380 тысяч полевых телефонов. Я уже не говорю о поставках качественной стали, алюминия, штамповочных прессов, сильно поднявших производительность труда на танковых заводах. В конце концов, не следует забывать и просто о вооружениях, переданных Советскому Союзу» [5].

Подобное мнение не основано на реальных фактах истории поставок вооружений и техники по ленд-лизу. Автомашин стали поступать в Архангельск в конце 1941 г., когда немецко-фашистские войска потерпели поражение под Москвой. Только осенью 1941 г. на побережье Персидского залива в Бушире, Андимешке, Хорремшехре и Рафадае началось строительство заводов по сборке американских автомобилей. В массовом количестве автомашины, полученные от западных союзников, стали поступать в Красную Армию в 1943 году» [9. с. 139]. Известно, самые драматические и тяжелейшие по накалу боев 1941-1942 гг. РККА провела на отечественной технике и конной тяге. Запоздали, однако, наши союзники...

К концу войны автопарк советских Вооруженных Сил состоял из 58 % машин отечественных марок, 33 % – поступивших по ленд-лизу и 9 % трофейных. Действительно, во фронтовых

перевозках ведущая роль принадлежала автотранспорту, однако в советском тылу 85 % всего грузооборота приходилось на железные дороги.

В рамках программы ленд-лиза советскому военно-морскому флоту было передано 28 сторожевых кораблей, 99 тральщиков, 78 больших охотников за подводными лодками, 202 торпедных катера, 60 малых охотников, 49 десантных судов и барж [13, с. 20-25]. Даже для простых обывателей, не говоря про военных специалистов, понятен вспомогательный характер данных поставок. Какого-либо серьезного влияния на победу советского ВМФ вспомогательные и сторожевые суда, разумеется, оказать не могли. Основную тяжесть военных батальон вынесли на себе надводные корабли-линкоры «Парижская коммуна», «Марат», «Октябрьская революция», которые, несмотря на дореволюционную постройку, прошли модернизацию и громили сухопутные части врага в Крыму, Ленинграде, на Балтике. Бессмертной славой покрыли себя мощнейшие довоенные крейсера «Киров», «Максим Горький», «Молотов», легкие крейсера «Красный Кавказ», «Червона Украина», «Красный Крым», которые ударами своих орудий сорвали наступательные операции немецко-фашистских войск. Имевшие мощнейшее вооружение ПВО, наши корабли превратили морские гавани в могилу для летчиков люфтваффе, стремившихся во что бы то ни стало заставить замолчать их смертоносные орудия.

Советские подводники, воевавшие на лучших в мире подводных лодках, выпущенных советскими заводами накануне и во время войны: «Декабрист», «Малютка», «Сталинец», «Щука», на-

долго отбили охоту у врага хозяйничать в советских водах.

История развития военного производства в годы Великой Отечественной войны показала неисчерпаемые возможности национальной промышленности в создании за короткие сроки новых отраслей промышленности, оказавшихся способными оперативно переключиться на производство сложных технических изделий. Прочный советский тыл, созданный в годы войны, явился неотъемлемой составляющей оборонной политики государства. Действительно, высокая степень боевой готовности Вооруженных Сил, в первую очередь, определяется не только временем боевого развертывания армейских соединений, но и способностью экономики перестроиться на военный лад. Эвакуация сотен крупнейших предприятий в восточные районы СССР продемонстрировала эффективный менеджмент советского партийно-государственного руководства.

Современная война – это, в первую очередь, противостояние моторов. И Вторая мировая война не стала исключением. Действительно, многие довоенные образцы военной техники показали свою слабую боевую эффективность. Например, танкетки, тяжелые бронемшины БА-10А, легкие плавающие танки с пулеметным вооружением, имевшиеся в РККА накануне войны, частично были уничтожены в первые месяцы либо захвачены противником. Их производство в дальнейшем не возобновлялось. Однако мы начали производить уникальные танки, САУ. Советский Союз производил лучшее стрелковое оружие. Например, самозарядные винтовки СВТ-40, захваченные в первые месяцы на

складах РККА, полюбились немецким солдатам, а вражеские инженеры делали безуспешные попытки скопировать гениальное творение тульского конструктора Токарева. Неувядаемой славой покрыли себя противотанковые орудия ЗИС-2 и ЗИС-3 конструктора Грабина. В начале войны значительная часть пушек была захвачена гитлеровцами. Во всем вермахте успешно бороться с советскими танками Т-34 могли только трофейные советские орудия, получившие у наших солдат название «гадюка». Зенитное вооружение советского ВМФ в основном составляли крупнокалиберные пулеметы ДШК, не позволившие гитлеровским стервятникам хозяйничать в небе.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, оценивая вклад тыла в обеспечение победы, отмечал, что «война выиграна, не хочу никого обижать, но в основном за счет человеческих и промышленных ресурсов Российской Федерации. Это исторический факт» [14]. Действительно, все промышленные районы советской Украины были захвачены гитлеровцами в первых числах войны.

Советское руководство, осознававшее отставание СССР от военнотехнического потенциала Германии, стремилось максимально оттянуть начало военной фазы противостояния. Стараясь не нервировать более сильного противника, поэтапно, начиная с 1940 г. советская экономика переводится на военные рельсы. О степени интенсификации можно судить по тому, что за годы третьей пятилетки в строй было введено три тысячи новых военных заводов. [19, с. 196].

Начальный период войны ознаменован тяжелейшими потерями Крас-

ной Армии, которая отступила в глубь территории СССР до 850 км на северо-западном и 900–1200 км на юго-западном направлении. На временно оккупированной территории до войны проживало более 40 процентов населения и производилось более 33 процентов валовой продукции. До 41 процента железнодорожной сети оказалось в районах, захваченных врагом [4, с. 703].

В мобилизационном плане на третий квартал 1941 г. предусматривалось строительство в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири предприятий оборонного комплекса [11, с. 10]. На временно оккупированных территориях оказалось более 80 процентов промышленных предприятий, из них 94 процента оборонных [8, с. 60].

Важным центром размещения промышленных предприятий стала Новосибирская область. В довоенные годы в городе были построены авиационный завод № 179 и авиационный завод имени Чкалова. Первоначально заводы выпускали фронтовой истребитель И-16, а затем перешли на ЛаГТ различных модификаций. Действительно, по ленд-лизу в Советский Союз поступала и иностранная авиационная техника («Харрикейн», «Спитфайр», «Томагавк», «Киттихоу», «Аэрокобра», «Бостон», «Дуглас»). И многие злопыхатели, комментируя подвиги Покрышкина и Кожедуба, утверждают, что они, мол, воевали на американских «Аэрокобрах», однако, именно советские ЯКи, ЛаГТи и МИГи похоронили победные реляции летчиков люфтваффе. Важно подчеркнуть, что поставки авиатехники составили всего 11 процентов от общего объема советского авиационного производства

в годы Великой Отечественной войны. По поставкам истребителей это соотношение равно 16 %, по количеству поступивших бомбардировщиков – 20 %. Помимо истребителей и бомбардировщиков советская авиационная промышленность произвела 37 тыс. штурмовиков, аналогов которым в Великобритании и США – не выпускалось и, соответственно, такие самолеты не поставлялись. Далеко не все самолеты иностранного производства поступали в боевые подразделения. Значительная их часть отбраковывалась приемными комиссиями по причине производственных дефектов и повреждений при транспортировке и сборке. Говоря о подвиге отечественных авиастроителей, следует привести сухой язык цифр: Новосибирский авиазавод с декабря 1942 г. стал изготавливать модернизированные самолеты Як-9. Одновременно производились Як-7 ДИ различных модификаций. За годы Великой Отечественной войны в Омске, в Новосибирске и в Москве было выпущено 14579 истребителей Як-9 различных модификаций [10, с. 9].

В первые месяцы с момента начала войны ощущалась нехватка боеприпасов. И проблема заключалась не только в том, что при отступлении из Белоруссии и Прибалтики РККА пришлось взорвать крупные склады боеприпасов, а в сложности самого процесса их производства. Советский Союз потерял более двух третей мощностей по производству боеприпасов. Одновременно с авиационными заводами в Новосибирской области быстрыми темпами возводилось мощное предприятие по производству боеприпасов, на котором удалось наладить вы-

пуск самого распространенного 76-мм снаряда для противотанковых пушек.

Настоящий трудовой подвиг совершил коллектив комбината № 392, который изготовил 1868,5 тыс. зарядов для снарядов различных калибров [2, с. 412]. Одновременно комбинат справился с заданием производства пороха для снарядов М-8, М-13 («Катюша»). Действительно, значение поставок боеприпасов по ленд-лизу было достаточно велико (они достигали 53 % от общего объема советского производства), однако, в первые месяцы войны мы воевали исключительно на отечественных боеприпасах. «Особенно тяжелое положение в начале войны сложилось с производством артиллерийских боеприпасов и патронов к стрелковому оружию, а закупки их у союзников не удовлетворяли все возрастающие потребности фронта. В конце 1941 – начале 1942 г. были приняты меры для регулярных поставок из-за рубежа основных компонентов для взрывчатых веществ и порохов, а также оборудования для ежесуточного изготовления 10 млн штук 7,62-мм патронов, а также 500 станков для производства боеприпасов» [6, с. 315].

Совместным Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 16 августа 1941 г. был утвержден военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. Планом предусматривалось ускоренное строительство военных заводов и использование потенциала Татарской АССР, Удмуртской АССР, Башкирской АССР, Республики Коми, Алтайского и Красноярского краев [17, с. 44-48].

Великая Отечественная война способствовала развитию Сибири, которая по территории составляла 56 процентов территории Советского Союза.

Военные заводы были воссозданы в 35 крупных городах с населением свыше 5 млн. человек. В довоенные годы ситуация с развитием производства группы «А» обострялась не лучшим образом: в Новосибирской она составляла 23 процента от общего объема производства, в Красноярском крае не превышала 19 процентов, а в Алтайском крае – 10 процентов.

Перемещение военных заводов на Урал привело к появлению после окончания войны крупных промышленных комплексов в Омске и в Нижнем Тагиле. В 1940 г. Урал производил всего 6,83 процента всей промышленной продукции СССР, из них доля военной продукции составляла не более 12,4 процентов. Производство танков и САУ потребовало поставок броневых листов и поката. Именно в те годы ускоренными темпами строятся известные на весь мир гиганты черной металлургии: Магнитогорский металлургический комбинат, Новотажский металлургический комбинат, Первоуральский новотрубный завод. Технической основой для производства танков в Челябинске, который во время войны называли «Танкоградом», стало строительство в 1937 г. Челябинского тракторного завода. К началу войны в строй вступает известный на всю Россию Уральский вагоностроительный завод.

В довоенный период в СССР сформировалось три центра танковой промышленности: Ленинград (ЛКЗ, выпускающий танки KB-1 и KB-2), Харьков (Харьковский паровозостроительный завод), Москва (Сборочный завод № 237 осуществлял сборку легких танков Т-40, Т-50 и Т-60 из ремкомплектов, присылаемых из Горького).

Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. предписывалось перейти на производство средних и тяжелых танков ЧТЗ, Уралмашзаводу, Новотажскому металлургическому заводу, Магнитогорскому металлургическому заводу и Кузнецкому металлургическому комбинату. Число иностранной бронетанковой техники, поступившей на вооружение РККА по ленд-лизу за 1941-1945 гг., составило 11224 танков и САУ и 7342 БТР. Американские танки «Шерман» имели слабое бронирование, но отличались комфортабельными условиями работы экипажа, однако, их короткоствольное орудие не пробивало броню тяжелых немецких танков. Неплохо зарекомендовали себя на полях сражений английские танки «Черчилль», отличавшиеся сильным бронированием и хорошим вооружением. Немаловажное тактическое значение имели импортные БТР, особенно плавающие, прекрасно зарекомендовавшие себя во время наступательных операций Советской Армии в Восточной и в Западной Европе.

Важное оборонное значение для фронта имели предприятия Советской Башкирии, которые производили не только бензин и металлы, но и десятки наименований военных изделий. На Уфимском паровозостроительном заводе, осуществлялось производство бронеплощадок и бронепоездов [20, с. 217]. На Уфимском судоремонтном заводе началось производство аэросаней. РККА испытывала недостаток топлива. К сожалению, несмотря на усилия нефтеперерабатывающих предприятий Башкирии, решение проблемы дефицита топлива, особенно высокооктанового авиационного бензина, осуществлялось за счет ленд-

лиза. «В Советском Союзе импортный авиабензин и светлые бензиновые фракции использовались практически исключительно для смешивания с советскими авиабензинами с целью повышения их октанового числа, так как советские самолеты были приспособлены к использованию бензинов с гораздо более низким октановым числом, чем на Западе. Более 91 % импортного бензина имело октановое число 99 и выше, тогда как в СССР в огромном дефиците был даже бензин Б-78. Поэтому фактически поставленный по ленд-лизу авиабензин был включен в советское производство авиабензина и составил вместе со светлыми бензиновыми фракциями 51,5 % от советского производства 1941-1945 гг. Если же вычесть из итога советское производство авиабензина за первую половину 1941 г., оценив его примерно в половину от годового производства, то доля поставок по ленд-лизу поднимается до 57,8 %. Получается, что поставки по ленд-лизу авиабензина, происходившие с августа 1941 г. по сентябрь 1945 г., в 1,4 раза превышали собственное советское производство» [6, с. 315].

Российский Президент В.В. Путин поблагодарил фронтовиков и тружеников тыла: «Мы никогда не забудем то, что вы сделали для России и для мира. Скоро мы будем отмечать самый главный, самый честный праздник в нашей стране – День Великой Победы. От него нас отделяет уже 70 лет, но годы не властны ни над чувствами, которые испытывают к этому торжеству люди всех возрастов, ни над уникальной духовной силой и жизнелюбием поколения победителей» [15].

Причины победы нашего народа основываются на единстве фронта и

тыла. В.И. Ленин, раскрывая причины победы Советской России над белогвардейцами и иностранными интервентами, писал: «И мы к сознательному отношению к войне и к активной помощи ей привлекли такую массу народа, как никогда раньше. Чтобы так поголовно сочувствовали войне, понимали ее партийные и беспартийные рабочие и беспартийные крестьяне, этого ни при одном политическом режиме не было и в десятой доле, как при Советской власти. В этом были основы того, почему мы в конце концов сильного врага победили». В годы Великой Отечественной войны подтвердились пророческие слова В.И. Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть – власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» [3, с. 140].

Политическая заинтересованность правящих кругов наших заокеанских «партнеров», оскверняющих светлую память тружеников советского тыла, определяется в их стремлении переписать историю Второй мировой войны. Советский народ-победитель показывается дегенеративным созданием, пожирающим американскую тушенку. Например, участник походов по доставке ленд-лиза Владимир Панков, в передаче Кара Мурзы «Грани времени» на международной радиостанции «Свобода», привел следующую оценку иностранной помощи: «Самые разнообразные грузы, для промышленности какие-то материалы. Очень большой

был перечень грузов. Главное, конечно, это вооружение, машины и торпедные катера, паровозы и продовольствие. 4,5 миллиона тонн продовольствия, и не рога и копыта, а очень хорошего качества готовые продукты. Как пишет наш профессор, историк Супрун, подсчитали, что продовольствия хватило бы 10-миллионную армию кормить три года. Так что не надо нам забывать, что помощь была хорошая, большая. Самолетов почти 20% было доставлено от общего количества воевавших, бронетанковых где-то 16-18%, не 4%».

Еще дальше зашел в своих суждениях президент Ассоциации историков Второй мировой войны Олег Ржешевский: «Поставки из Соединенных Штатов Америки и в меньшей степени из Великобритании составили по самолетам 15%, танкам 12%, боевым кораблям более 22% советского производства. Очень важна и другая технология, которую получила наша страна, прежде всего 44 тысячи металлорежущих станков, 20% советского производства» [18].

Фальсификация истории Второй мировой войны – любимый «конек» западных историков и политиков. Остается глубоко сожалеть, что к этому «хору» зарубежных «друзей» подключились и наши соотечественники. Неудивительна позиция сына бывшего первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева Сергея Хрущева (в настоящее время – профессора Браунского университета в Род-Айленде), черпающего свои негативные оценки советского оборонно-промышленного потенциала из мемуаров своего отца. Никита Сергеевич Хрущев писал: «Мы лишились самых мощных баз по производству самолетов, танков, моторов для тракторов и автомашин. Мы оказались

без средств передвижения, у нас не стало заводов, которые обеспечивали нас автомобильным транспортом, особенно тягачами, без которых нельзя воевать. Нет тяги! Почти вся наша артиллерия была на американской тяге. Как-то, уже после смерти Сталина я предложил: «Давайте все машины, которые мы производим, дадим нашим военным, потому что просто неприлично смотреть: идет парад, а тягачи американские». Хочу тут подчеркнуть, какое количество этих машин и какого качества мы получили. Представьте, как бы мы без них наступали? Как двигались бы от Сталинграда до Берлина, я не представляю. Наши потери были бы колоссальными, потому что не было бы никакой маневренности у наших войск. А дальняя бомбардировочная авиация? В начале войны мы фактически ее не имели. Она была у нас, так сказать, символической. Иной раз несколько самолетов добирались до Берлина. Такой бомбежкой нельзя нарушить производственный потенциал противника. Когда вступили в войну США, которые поставили свою промышленность на рельсы удовлетворения запросов войны, то огромный потенциал американской промышленности создал реальную угрозу для Германии. Думаю, что Гитлер, видимо, представлял себе, что это – начало его конца» [21]. Известно, что немецко-фашистская военная машина использовала технический потенциал оккупированных стран Западной и Восточной Европы. Однако доставшиеся богатейшие военные трофеи у Франции и Чехословакии, которые на начальном этапе войны позволяли одерживать временные победы, объективно не носили долгосрочной

перспективы. Трофейная техника, захваченная гитлеровцами, не имела вариантов для промышленного производства. Германия так и не смогла наладить ее конвейерное производство. Созданные немецкими инженерами уникальные образцы военной техники: мини-подводные лодки, реактивные самолеты, вертолеты, танки «Тигр», «Королевский тигр», «Пантера», производились в достаточно ограниченных объемах и не смогли спасти Германию от военного краха. Советский Союз, внедривший конвейерную сборку, технологически обогнал фашистскую Германию, продолжавшей собирать военную технику на заводах оккупированных стран «на коленках».

В 1942 г. Советский Союз не только ликвидировал отставание от Германии по объемам производства военной техники, но и качественно обошел своего противника. В этой связи становится очевиден экономический непрофессионализм и политическая ангажированность сотрудника Гуверовского института в Калифорнии, бывшего советского диссидента Юрия Ярым-Агаева: «... Германия была намного экономически сильнее России и это факт безусловный. Но, во-первых, она была слабее Америки, во-вторых, у Америки был громадный потенциал в экономической системе. По сравнению с возможностями развития экономики немецкой, американские возможности были действительно безграничны» [5].

Поставки в Советский Союз по ленд-лизу сопровождался серьезными организационно-техническими трудностями. Во-первых, в 1941 г. американские промышленники не торопились переводить промышленность на военные рельсы. Наличие спроса на

гражданскую продукцию и отсутствие у американского правительства административных рычагов для воздействия на бизнес привели к тому, что в марте 1941 г. было произведено всего 16 танков, 283 бомбардировщика и 223 истребителя [12].

Для американской либеральной экономической модели государство передает выполнение государственных контрактов в руки частных подрядчиков – аутсорсинг. Алчность бизнеса представляла серьезную угрозу для выполнения поставок по ленд-лизу. «Для выполнения поставок администрация Рузвельта начала широко использовать так называемые контракты с фиксированной рентабельностью (cost-plus contracts), когда частные подрядчики могли сами устанавливать определенный уровень доходов по отношению к издержкам. В случаях, когда требовались значительные объемы специализированной техники, в роли арендодателя выступало правительство США, покупавшее все необходимое оборудование для последующей передачи в лизинг».

Приходившая в СССР военная, в первую очередь, авиационная техника, нередко оказывалась малопригодной для суровых морозов и низкого качества топлива.

В непростых социально-экономических условиях кризиса и внешнеполитической изоляции России российской науке предстоит противостоять попыткам фальсификации истории. Завершая статью, хотелось бы обратиться к словам Президента Российской Федерации В.В. Путина: «Мы должны твердо противостоять любым попыткам фальсификации исторических фактов, защищать правду о минувшей войне» [15].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
2. Великая Отечественная война. 1941-1945. Кн. 1. М., 1998.
3. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 38. М.: Издательство политической литературы. 1969.
4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957. Т. 2. 1957.
5. Жигалкин Ю. Одна победа на всех. Американские вопросы: общественная дискуссия в США [Электронный ресурс] // URL: <http://www.svoboda.org/content/usa-today-v-day-us-ussr/25379622.html> Опубликовано 10.05.2014 г. (Дата обращения: 10.02.2015).
6. Загадки ленд-лиза пер. с англ. С. Луговского. М.: Вече, 2000.
7. За нашу Победу! Владимир Путин призвал достойно ответить на попытки исказить правду о войне [Электронный ресурс] // URL: http://www.rg.ru/2015/03/18/pobeda.html#4886_abc2315f/1/ (Дата обращения: 10.02.2015).
8. Зверев Б.И. Оружие – фронту // Отечественная история. 1995. № 3.
9. Лаптев А.Н. Союзнические отношения в годы Великой Отечественной войны и проблема ленд-лиза: Дис. канд. ист. наук. М., 2005.
10. Лейпник Д.Л. Як-9: рядовой небес. Киев, 2000.
11. Миренков А.И. Все для фронта: перевод экономики страны на военное положение в 1941-1942 гг. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11.
12. Нестеров Ю. Ленд-лиз на два фронта [Электронный ресурс] // URL: <http://www.spesnaz.ru> (Дата обращения: 10.02.2015).
13. Подсчитано по Бережной С.С. Флот СССР. Корабли и суда ленд-лиза. СПб., 1994.
14. Путин: Россия победила бы в ВОВ и без Украины (20 декабря 2010 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2010/12/16/801573.html> (Дата обращения: 20.10.2014).
15. Путин призвал твердо противостоять любым попыткам фальсификации истории [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2015/02/04/putin-anons.html> (Дата обращения: 10.02.2015).
16. Путин пообещал поддержку ветеранам и поисковикам [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2015/04/06/vakhta-pamyati-site.html> (06.04.2015) (Дата обращения: 07.04.2015).
17. Решений партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. Т. 3, 1941–1952 гг. М., 1968.
18. Роль союзников в общей победе над фашизмом обсуждаем с директором московского музея “Союзники и ленд-лиз” Николаем Бородиным, участником доставки ленд-лиза Владимиром Панковым и президентом Ассоциации историков Второй мировой войны Олегом Ржевским [Электронный ресурс] // Опубликовано 19.04.2010 г. URL: <http://www.svoboda.org/> (Дата обращения: 10.02.2015)
19. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
20. Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1. Уфа, 1971.
21. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Часть П. Великая Отечественная война [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rodon.org/hns/vlv/index.htm> (Дата обращения: 10.02.2015).
22. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х томах. Т. 1. М.: Иностранная литература, 1958.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 16:930

Смоленский Н.И.

Московский государственный областной университет

ПРОБЛЕМА ЛОГИЧЕСКОГО: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Предметом статьи является краткий анализ проблемы логического мышления на материале взглядов представителей исторической науки и философии прошлого и современности, в число которых входят отечественные и зарубежные ученые. Историографический анализ их взглядов показывает существенную разницу между ними, хотя он является одним из источников для формирования научно обоснованного представления о предмете и понятии «логического».

Ключевые слова: историческое мышление, историческое понятие, логика, историческое и логическое.

N. Smolensky

Moscow State Regional University

PROBLEM OF LOGIC: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

Abstract. The subject of the article is a brief analysis of the problem of logic thinking, studied on the basis of the ideas expressed by the representatives of historical science and philosophers of the past and present, among which there are both domestic and foreign scientists. The historiographical analysis of their viewpoints shows there is an essential difference between them. It is stated that it is one of the sources for formation of a scientifically proved representation about the subject and notion of logic.

Key words: historical thinking, historical notion, logic, historical and logical.

Структура теоретического уровня мышления историка включает в себя набор категорий, за которым стоят – или, во всяком случае, должны стоять, – весьма определенные по предмету и проблематике области мышления: методология истории, философия истории, логика исторического познания. Реальная картина мышления характеризуется в настоящее время отсутствием необходимой системы определенности в указанном смысле. Приведем один из вариантов оценки этой ситуации: «Предмет методологии истории – дисциплина, которую также называют логикой, философией или теорией науки, не имеет четко обозначенных границ ...» [16, с. 19]. Впрочем, и позиция автора не вносит существенной определенности в изложенную ситуацию: «...вся совокупность осмысления познавательных операций и результатов исторического исследования, а также осмысления предметной области истории составляет содержание методологических исследований и должна быть включена в предмет методологии истории» [16, с. 12]. В существующих представлениях о предмете методологии истории есть, по крайней мере, два варианта его понимания: методология как общая теоретическая основа исторического познания и методология как дисциплина о методах исторического исследования [7, с. 18-19].

Весьма аналогичной выглядит ситуация с понятием философия истории: философия истории – общая теория исторического процесса [17, с. 3]; «...философия истории исследует имманентную логику развития человеческого общества, единство и многообразие исторического процесса, проблемы социального детерминизма

и социального процесса. Она дает теоретическую реконструкцию исторического прошлого, устанавливает истинность фактов и событий» [5, с. 27-28], то есть философия истории исследует проблемы истории как процесса и истории как отрасли познания.

Ситуация с предметом и понятием логики исторического познания не менее неопределенна; в данном случае предпринимается попытка ее историографического анализа.

В отечественной историографии проблема логического была впервые поставлена и исследована с опорой на весьма солидный по объему материал из истории познания Г. Шпетом; стержнем его теоретического анализа является поиск предмета понятия «логика», логического по отношению к области науки в целом и применительно к историческому познанию – в частности. «Те формы, с которыми имеют дело науки и логика, – писал Шпет, – суть понятия. Всякое научное знание находит свое выражение в форме понятия, какие бы специальные или общие проблемы не решала наука» [21, с. 40]. Развитием этого тезиса является вывод о том, что логика изучает не только науку «вообще», но и во всех ее специальных формах: «Система специфицированных по предмету понятий есть наука» [21, с. 3, 60]. Правила мышления предписываются в соответствии с этим не субъектом, а изучаемым им предметом [21, с. 43], в связи с чем Шпет обоснованно различает логику в его понимании и формальную логику. Аспектом, уточняющим смысл понятия «логическое», является постановка им вопроса о соотношении логического и реальной действительности в целом: содержание и смысл

логического – «Не в его эмпирической действительности....а в его приуроченности к «предмету вообще», так что значение соответствующей связи простирается на всякий предмет и на всякую вещь [21, с. 42].

Поскольку предмета вообще не существует – и для Шпета также, о чем невнятно говорят кавычки в тексте, – то речь идет об эмпирической действительности в качестве предмета любой науки, которая – действительность – не входит в содержание понятия логического во всем объеме. Этим сформулировано, во-первых, такое понимание логического, согласно которому его содержанием не является все богатство изучаемой реальности, как «предмета вообще»; во-вторых, ориентация понятия «логическое» на конкретный предмет означает, по мнению Г. Шпета, что в этом случае логика становится наукой о формах выражения предмета, или методологией. Задачей методологии является изучение форм выражения изучаемого; специальные понятия и их отношения становятся предметом методологии. В этой своей особенности методология выступает в качестве философской науки, где речь идет в способах доказательства, объяснительных теориях и их особенностях в зависимости от специфики предмета [21, с. 42]. Одним словом, характер истории как науки содержится в понятии науки, как его определяет логика и как его понимает философия [21, с. 45]. К этому Г. Шпет делает несколько уточняющих дополнений, относя вопрос о методах изучения истории и специфическом характере исторической науки к числу проблем методологии истории [21, с. 47]. Это же делается применительно к содержа-

нию и соотношению понятий «логика и философия истории»: «Логика истории есть логика истории как науки; философия истории есть философия истории как эмпирический действительности» [21, с. 51].

Изложенные рассуждения отмечены недостатком не только стиля, но и смысла. Весьма невнятное по содержанию понимание соотношения логики, методологии и философии истории является отчасти следствием соответствующего по смыслу понимания предмета названных дисциплин. Определенность есть в понимании предмета и задач философии истории, хотя примерно такое понимание было уже у Вольтера.

Еще одна проблема, которую вполне обоснованно не обходит своим вниманием Г. Шпет, – об истоках формирования предмета и проблематики каждой из этих дисциплин. Имеет ли практика конкретно-исторического исследования какое-либо отношение к их формированию – эта тема берет-ся Г. Шпетом не в качестве постановки проблемы, а как ее однозначное и категорическое отрицание, причем, это в равной мере действительно для разных областей научного знания. Представитель специальной науки, писал Г. Шпет, не призван и не компетентен судить о методах и логической конструкции собственной науки. Для суждения о философском и логическом значении своей науки у специалиста ученого нет «ни нужной опытности в философской рефлексии, ни даже нужного запаса философской и логической терминологии» [21, с. 49]. Г. Шпет был современником Н.И. Кареева и А.С. Лаппо-Данилевского, однако если его взгляды являются разновидностью

традиционных по тому времени представлений, то взгляды названных его современников – одна из первых в отечественной историографии попыток формирования нового отношения к практике конкретно-исторического исследования как основе теоретических поисков в области методологии и логики этого исследования.

В исследовательской литературе советского времени проблемы сущности логического и его соотношения с историческим были, как правило, тематикой исследований философского характера. Одна из самых значительных попыток такого рода представлена работами П.В. Копнина. «Под логическим, – писал он, – понимают способ теоретического овладения объектом в мышлении человека посредством создания системы абстракций [11, с. 60]. В другой, более поздней работе общепhilosophский смысл этого тезиса несколько конкретизируется в связи с постановкой вопроса о соотношении исторического и логического: «Логическое ... является отражением исторического в теоретической форме, т.е. воспроизведением сущности предмета и истории его развития в системе абстракций» [12, с. 208].

Автором в определенной степени расшифровывается также смысл понятия логическое в связи с его предметом. «В принятом нами определении в качестве объекта логического изучения берется научная теория, в то время как в традиционной логике это – понятия (термины), суждения (предложения), умозаключения (выводы)» [11, с. 62]. Копнин П.В. придерживался также, по существу, традиционных представлений об определяющей роли философии в разработке теоретиче-

ских проблем исторической науки, в том числе проблем логики исторического мышления. Возражая взглядам не названного автора, он писал: «Концепция логики науки, которой необходимо заменить якобы отжившую свой век философию, является ошибочной и несомненно наносящей вред не только философии, но и развитию познания вообще ... вопрос не в том, есть ли логика науки, а в том, что она собой представляет, каково ее содержание и отношение к философии» [11, с. 254-255].

Конечно, логику исторического мышления, как теоретическую дисциплину, необоснованно отрывать от философии, но еще менее обоснованным было бы сделать так по отношению к предмету упомянутого мышления – истории и дисциплине, его изучающей, – исторической науке.

В исследованиях философского характера советского времени не было выработано определенное, хотя бы в смысле преобладающей точки зрения, понимание предмета и задач логики и методологии исторического исследования. Отчасти это также объясняется отношением к философии как фундаментальной теоретической основе общественных наук. И.С. Кон считал, что философия помогает уяснить историку следующие теоретические аспекты исторического исследования: онтологический (необходимость и случайность и т.д); гносеологический (специфика исторического знания); методологический (методы исторического исследования); логический (способы и формы исторического объяснения) [10, с. 45]. По мнению М.А. Булатова, предметом логики являются понятия [1, с. 31], понятия – не

одна из логических форм, а основная форма мышления, вследствие чего логика – учение о понятии [1, с. 76]. Примерно такую же позицию отстаивал В.А. Вазюлин: логика, взятая в ее специфике, есть совокупность категорий, движение от категории к категории [2, с. 9]. Таким образом, понятие логического применительно к области исторического показания нуждается в осмыслении путем определения его предмета.

Проблема соотношения исторического и логического не получила специальной разработки в современных отечественных исследованиях теоретического характера; некоторые из них затрагивают данную проблему в той или иной степени [9; 15; 20; 13; 19; 18].

В зарубежной аналитической философии истории XX в. обращение к проблемам логики выражено в связи с анализом проблемы объяснения, в том числе объяснения в области исторической науки. В работах Поппера К.Р., Гемпеля К. и др. изложена так называемая дедуктивно-номологическая модель объяснения [14; 4; 3; 22]. Смысл основных ее положений сводится к следующему. Логическая структура объяснения в целом объявляется единой для истории и естественных наук, следовательно, это не логика исторического объяснения по ее предмету [3, с. 100]. Практика исторического исследования по существу выведена за пределы анализа в обосновании дедуктивно-номологической модели объяснения, которая состоит из двух частей – экспланандума и эксплананса. «Под экспланандумом – писал К. Гемпель, – мы понимаем предложение, описывающее объясняемое явление (но не само явление); под экспланансом – класс та-

ких предложений, которые приводят-ся для объяснения данного явления» [3, с. 91]. Объяснение явления состоит в подведении его под закон [3, с. 113], причем под законами подразумеваются не те или иные открытия, которые были сделаны в исторической науке или в других общественных науках (экономика), а некие универсальные гипотезы, относящиеся к другим областям исследования; понятие исторического закона трактуется, как весьма расплывчатое [3, с. 31]. Эти взгляды оказались не вполне приемлемыми даже с позиции аналитической философии, о чем говорит их критика Дреем [8]. Рациональным элементом этой критики является признание Дреем специфики исторического познания по сравнению с естественнонаучным, что – в общем виде – выглядит научно обоснованным с различных методологических позиций.

Заслуживают внимания два вывода Гемпеля, важных не только в структуре его мышления, но и для понимания степени научности последнего. Экспланандум – описание явления, но не само явление. В некоторой степени скрытый смысл этого тезиса – в отрыве познания, следовательно, и исторического, от действительности, что весьма близко подходит к одному из основных положений постмодернизма: основой познания является язык, текст, а не то, что выражено в нем, бессмысленно искать различия между описываемыми событиями и дискурсом. Это не только отрицание исторической истины как результата исследования, но и истории как науки в целом в ее традиционном понимании [6, с. 174-181].

Другой вывод – о логике объяснения как сфере выработки законов, под

которые подводятся объяснимые явления [3, с. 30]. Следовательно, логика объяснения – сфера, где формулируется универсальные законы, которые затем предлагаются историкам в качестве средства объяснения изучаемого. В лучшем случае это говорит о том, как не следует заниматься проблемами логики исторического познания: получение выводов обобщающего характера, в том числе на уровне законов, возможно только с опорой на практику исторического исследования вполне конкретных исторических событий и процессов. Становится понятным, почему за Гемпелем не числится чего-либо подобного в этом отношении.

Остается, таким образом, проблемой понимание предмета и задач логики исторического мышления, по поводу чего в литературе имеет место различие взглядов и отсутствие достаточно обоснованной трактовки в каком-либо из вариантов этих взглядов. Понятие логического входит в структуру любого вида научного познания независимо от того, идет ли речь об изучении природы или общества. Этого нельзя сказать о понятии исторического, адекватность применения которого имеет место только по отношению к общественным явлениям и процессам, как постоянно развивающимся. Таков предмет, прежде всего, исторической науки, в отличие от естественных наук, предмет которых является «ставшим», сформировавшимся на протяжении миллионов лет. Законы микромира были открыты в XX в. не потому, что их не было во времена Ньютона, их открытие было следствием развития физики, как науки. Следовательно, проблема соотношения исторического и логического не может

рассматриваться в общефилософском плане, подобно проблемам диалектики и т.д., она является проблемой общественных наук; в которых приоритет – вовсе не только по форме, а по сути, по предмету – за исторической наукой. Именно здесь понятие исторического характеризуется наибольшей степенью насыщенности конкретным содержанием явлений и процессов не с какой-то одной их стороны, а в целом, устойчивостью и неотвратимостью перемен, неисчерпаемостью многообразия и отсутствием какой бы то ни было повторяемости, сочетанием того, что произошло с неизбежностью и того, что имело место, но не сыграло какой-либо роли в цепи событий, множественностью причин и следствий и т.д. Способом изображения реальной картины исторического является описание, которое никогда не может быть исчерпывающим, но без которого и в возможно более полной его форме и степени – недостижимо понимание событий на любом его уровне, в том числе в форме логического. Историческое – основа логического, как выражения сути явлений и процессов вне конкретного проявления этой сути. Речь, однако, идет не об отрыве логического от исторического, а о их несовпадении и единстве одновременно: развитие явления (процесса) и его сущность, т.е. смысл, логика не совпадает, хотя одно без другого в реальности не существует. Вне этой взаимосвязи мышление не может постичь изучаемое: понимание сущности явления выводится из анализа его развития, а рациональная реконструкция возможна с опорой на те или иные представления о его сущности. Историк эта проблема обычно не создает заметных затруднений на

начальном эмпирическом уровне его исследования, т.е. не возникает или не воспринимается во всем объеме как проблема способа организации его мышления по поводу анализа частной конкретной проблемы именно ввиду конкретно-исторического характера изучаемых связей и явлений. Однако то, без чего отчасти может обойтись конкретно-исторический уровень описания событий, становится необходимым условием их объяснения и оценки, особенно, когда речь идет о масштабных исторических явлениях и процессах. Потребность исторического мышления выявлять логику изучаемого нарастает по мере того, как предметом этого мышления становятся все более масштабные пласты исторической реальности, осмыслить которые вне более общих – по отношению к этой реальности – или даже глобальных тенденций развития невозможно.

Таким образом, предмет логического – не конкретный ход развития событий, а скрытая в нем их сущность. Средством ее постижения являются абстрактные формы мышления различного уровня абстрагирования – научные исторические понятия, исторические теории, законы, принципы мышления, гипотеза. Формирование их содержания требует опоры не на абстракции общеполитического характера и происхождения, а на практику конкретно-исторического исследования и ее результаты. Современный уровень развития исторического познания становится основой формирования предмета логики исторического исследования, как и теоретических основ этого исследования в целом. Цель логики исторической науки двояка: познание сущности явлений путем применения

названных абстракций и изучение происхождения и природы этих абстракций. В обоих случаях этого невозможно добиться вне сферы конкретно-исторического анализа и его результата. Таким образом, логическое – составная часть методологии истории, куда входит также изучение теоретических проблем истории как действительности (онтология), и теоретических проблем истории как познания (гносеология).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булатов М.А. Логические категории и понятия. Киев, 1981.
2. Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. Изд. Московского университета, 1968. См. также Вазюлин В.А. Логика истории. М., 1988.
3. Гемпель К. Логика объяснения. Составл., перев., вступ. ст. прилож. О.А. Назаревой. М., 1998.
4. Гемпель К. Мотивы и «Охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. М., 1977.
5. Гобозов И.А. Введение в философию истории. М., ТЕИЗ, 1999.
6. Джон Тош. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М., 2000.
7. Дорошенко Н.М. Российская методология истории. СПб., 2005.
8. Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977.
9. Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX вв.: Сборник научных работ отв. ред. П.Е. Колосов СПб., 2006.
10. Кон И.С. Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки // Вопросы истории. 1963. № 9.
11. Копнин П.В. Логические основы науки. Киев, 1968.
12. Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М., 1969.

13. Мухин Р.Р. Методологические аспекты динамического хаоса // Вопросы философии. 2006. № 11.
14. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М., 1983.
15. Розов А.С. Возможность теоретической истории : ответ на вызов К. Поппера // Вопросы философии 1995. № 12.
16. Селунская А.Б. Предмет методологии истории и его современное прочтение // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Издание Московского университета, 2006. С. 17-31.
17. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003.
18. Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995.
19. Хвостова К.В. О некоторых проблемах исторического знания? // Новая и новейшая история. 2010. № 5.
20. Черняк Е.Б. История и логика (структуры исторического исследования // Вопросы истории. 1995. № 10.
21. Шпет Г. История как проблема логики. Ч. 1. М., 1916.
22. Dray W. Laws and Explanation in History. Oxford, 1957.

УДК 930(410.1)»18/20»

Яснитский Н.А.*Московский государственный областной университет***ТРАКТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АНГЛИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В БРИТАНСКОЙ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX вв.**

Аннотация. В статье рассматриваются аргументы и изменения трактовок политической ситуации в Англии в первой половине XVIII в. в английской и отечественной историографии XIX–XX вв. Определение политической ситуации в Англии XVIII века в исторических работах предпринималось с разных методологических позиций. В зарубежной историографии наиболее ранние попытки связывали определение политической ситуации с борьбой тори и вигов в парламенте и итогами борьбы этих политических группировок.

Ключевые слова: политическая борьба, тори, виги, историография.

N. Yasnitsky*Moscow State Regional University***POLITICAL SITUATION IN THE FIRST HALF OF THE XVIII
CENTURY ENGLAND GIVEN BY BRITISH AND NATIVE
HISTORIOGRAPHY OF XIX–XX CENTURIES**

Abstract. The article examines the arguments and the change of interpretations of the political situation in England in the first half of the XVIII century given by English and Russian historiography of the XIX–XX centuries. The definition of the political situation in the XVIII century England was described in historical works through different methodological positions. The earliest attempts given by foreign historiography tied the definition of the political situation with the parliamentary struggle of the Tories and the Whigs. The outcome of those political groups' fight is also mentioned.

Key words: political struggle, Tory, Whigs, historiography.

В 1802 г. в «Истории Англии» Джоном Адольфусом была сформулирована трактовка ситуации в Англии первой половины XVIII в., получившая название «Старо-торийская трактовка». Ее краткая суть сводится к тому, что вся первая половина века характеризуется как время острой политической борьбы тори, стремившихся к восстановлению баланса

ветвей власти. Баланс политического разделения властей, установленных в период Славной революции, был нарушен в ущерб полномочиям короны и в пользу правительства вигов и парламента, начиная с правления Ганноверской династии. Произошло это вследствие управления страной вигами в своих интересах во время правления двух королей «иностранцев» – Георга I и Георга II [15; p. 3].

Для обоснования этой точки зрения внимание уделялось соглашениям периода 1688-1701 гг., их разной трактовке со стороны вигов и тори, выражавшейся главным образом в борьбе за преобладание в парламенте в первой половине XVIII в.

Либерально-вигская трактовка, преобладавшая в историографии на протяжении всего XIX в., также исходила из анализа положения в парламенте и оценивала политическую ситуацию в Англии в первой половине XVIII в. как период политического спокойствия. Для обоснования данного тезиса историки либерально-вигского направления обращались к анализу тех же событий и процессов, что привели к перераспределению полномочий короны и парламента, что и историки старо-торийского направления, однако истолковывали их прямо противоположным образом. Либерально-вигские историки стремились доказать, что виги в период 1714-1760 гг. действовали на законной основе, определенной соглашениями 1688-1701 гг. Согласно их трактовке, преобладание вигов в первой половине века в парламенте и в правительстве было результатом выборов. Более того, это преобладание, по мнению либерально-вигских историков, было «необходимым», поскольку первые Георги были поглощены делами Ганновера, и «естественным», поскольку именно виги вели борьбу с якобитским движением, опиравшимся на поддержку тори и угрожавшем независимости страны. Эта трактовка, господствуя в XIX в., в целом разделялась и историками начала XX в. Общим тезисом этих интерпретаций было, как выразился в своих лекциях, изданных в 1967 г. Дж. Плумб, убеждение в том, что «по-

литическая структура Англии после 1715 г. постепенно приобрела прочность и мудрое спокойствие» [16; p. 18].

Таким образом, сопоставляя приведенные трактовки XIX в., мы можем констатировать существенное расхождение в оценке ситуации в Англии в первой половине XVIII в. Если в торийской трактовке политическая ситуация в Англии характеризовалась как время «острой политической борьбы», то в либерально-вигской трактовке длительное политическое преобладание вигов в этот период истолковывается как «политическое спокойствие», невзирая на признание факта борьбы тори за власть даже путем поддержки свергнутых Стюартов.

Традиция оценки общего положения в Англии на основе анализа политической ситуации в парламенте в первой половине XVIII в. в зарубежной историографии была продолжена и в XX в. Начиная с 20-х гг. XX в., в зарубежной историографии распространение получила трактовка Льюиса Немира и его последователей. Согласно этому пониманию стабильности в Англии в XVIII веке не было, неустойчивое положение в парламенте и кабинете министров существовало с 1714 по 1784 г. Однако политическая нестабильность объяснялась не противоборством вигов и тори, поскольку Кабинет не формировался партийным большинством в парламенте, но возникал в результате более или менее случайных объединений группировок вокруг популярного лидера. Борьба в парламенте была, согласно Немиру, за места и материальную выгоду между отдельными депутатами, а не из-за политических или идеологических разногласий. Для обоснования этой трактовки Л. Немир

и его последователи анализировали, главным образом, перипетии внутрипарламентской борьбы и личные обстоятельства политических деятелей [15; 12; 13; 14].

В 60-70 гг. XX в. историки уже неолиберального направления вновь подняли вопрос о характере политической ситуации в Англии в XVIII в. В работах Дж. Холмса, У. Спекса, Ф. О'Тормана подчеркивалось, что в начале и особенно в конце XVIII в. английское общество все более поляризовалось по отношению к сложившемуся после 1688 г. конституционному устройству. Однако подчеркивалось, что разногласия были вызваны не только политическими воззрениями тори и вигов, но и иными взглядами на направление и цель внешней политики. Кроме того, разногласия существовали и в связи с процессом усиления роли правительства. Иначе говоря, «XVIII в. привнес серьезные политические изменения, а не был просто продолжением политики предыдущего века» [10, с. 85]. Однако «поляризация» общества не означала признания этими историками острой политической борьбы в парламенте между тори и вигами, в подтверждение чего они ссылались на факт коалиции между ними ради свержения правительства Р. Уолпола.

В 80-х гг. XX в., в связи с опубликованием работ Джонатана Кларка, появились сомнения в правомерности определения политической ситуации в начале XVIII в. путем анализа политической борьбы тори и вигов. Дело в том, что Дж. Кларк вообще отрицал наличие политических партий до парламентской реформы начала XIX в. [10, с. 82]. По его мнению, в Англии в XVIII в. на вершине социальной и политиче-

ской пирамиды оставались лорды, представлявшие в своем большинстве крупных землевладельцев, поскольку именно владение землей являлось главным источником и областью вложения капиталов, накопленных в других областях деятельности (финансы, торговля, предпринимательство). Кроме того, владение земельной собственностью являлось неперенным условием реальной политической и государственной деятельности как на центральном, так и на местном уровне [10, с. 82, 85]. Кроме того, Дж. Кларк не считал, что политическое устройство Англии в XVIII в. характеризовалось преобладанием власти парламента. «И после 1689 г., и после 1714 г. и королевская, и парламентская власти укреплялись, но не за счет друг друга. Сильное государство предполагало и сильный парламент, и сильную королевскую монархию. Слабость короны в 1714-1760 гг. – иллюзия...» [10, с. 92-93]. Эта иллюзия порождена тем, что короли в этот период не применяли вето, но не по причине своего слабого влияния, а именно потому, что невозможно было представить, чтобы парламент принял решение вопреки воле короля. Во многом это объяснялось и тем, что Англия XVIII в. являлась страной «конфессиональной», в которой важную политическую роль играла англиканская церковь. Именно это обстоятельство существенно укрепляло влияние королевской власти [10, с. 82].

Дж. Кларк характеризовал политическую ситуацию в Англии в XVIII в. в целом как спокойную, однако «политическое спокойствие» объяснял прямо противоположным образом, нежели либерально-вигские и марксистские или советские историки. Первые счи-

тали это «спокойствие» результатом политических изменений Славной революции, вторые – революции середины XVII в. По мнению Кларка, политическая система Англии после Славной революции и вплоть до парламентской реформы 1832 г. в целом была ближе к XVII, нежели к XIX веку. Аргументы самого Кларка и его сторонников в ходе развернувшейся дискуссии в 80–90 гг. XX в. сводятся к следующему. Во-первых, «Билль о правах» 1689 г. не отменял ни «наследственного права», ни идеи «о не сопротивлении законному монарху», он повторял основные положения программы индependентов в середине XVII в. В итоге «Билль» не являлся реализацией идеи полного разделения властей, а лишь закреплял то разделение властей, которое уже было до революции середины XVII в. и было нарушено Карлом I. Во-вторых, по мнению Дж. Кларка, воцарение Вильгельма III является в такой же мере реализацией выбора парламента, как и «наследственного права», поскольку Вильгельм был не только мужем дочери Якова II, но и внуком Карла I. И, наконец, как считает Дж. Кларк, утверждение Акта о престолонаследии в 1701 г. не свидетельствовало о сознательном воплощении в жизнь политического принципа разделения властей. Этот документ и его содержание свидетельствуют скорее о стремлении предотвратить вовлечение Англии в орбиту германских проблем, в связи с избранием на престол представителя Ганноверской династии, путем ограничения власти королей и увеличения роли кабинета министров [19, p. 3].

При всей разности мнений по поводу трактовки Дж. Кларка, дискуссии

привели к некоторым изменениям в современных трактовках зарубежной историографией ситуации в Англии начала XVIII в. в [11; 13; 14; 15; 17; 18].

В зарубежной историографии авторы марксистского направления по-прежнему придерживаются тезиса о политической стабильности Англии в первой половине XVIII в. Однако Дж. Плам, один из представителей этого направления, основой стабильности стал считать как усиление исполнительной власти (и королевской, и кабинета министров), так и возникновение однопартийного правительства. Все эти явления, по его мнению, являлись последствиями социально-экономических изменений XVIII века [10, с. 94].

В «Истории Британии» («The Oxford History of Britain») Поль Ленгфорд, характеризуя конец XVII и начало XVIII в., согласен скорее с оценками современников, нежели историков XIX–XX вв. Согласно его мнению, «в целом время правления Анны рассматривается историками как фон для установления политической стабильности. Однако современники скорее считали, что ценой ограниченной монархии и финансовой безопасности стал политический хаос» [5, с. 375]. Период 20–40 гг. XVIII в. характеризуется П. Ленгфордом как время «стабильности», отделяющее этот период от «хаоса предыдущих лет», но и «стабильность той эпохи является скорее условной, чем реальной» [5, с. 383, 386]. Основанием для этих утверждений П. Лэнгфорда является проведенный им анализ церковной и внешней политики, установленный факт сохраняющегося влияния тори на сельские районы в центральных и западных графствах и положение в таких крупных горо-

дах, как Лондон, Бристоль, Норвич и Ньюкасл. Условность «стабильности» связывается П. Лэнгфордом и с существованием пусть и преувеличенной, но все же реально существующей якобитской угрозы [5, с. 386-388]. Не меньше оснований для сомнений в политической стабильности дает, по мнению П. Лэнгфорда, и анализ экономической и социальной ситуации. Этот анализ подводит его к выводу: «Англия XVIII в. становилась все более поляризованным обществом» [5, с. 394-395]. В Англии XVIII в. было «очевидно неравенство в условиях экономики, основанной на выгоде и деньгах» [5, с. 394-395], что «с неизбежностью давало пищу для морального возмущения и социальной критики» [5, с. 394-395]. Середину XVIII в. П. Лэнгфорд характеризует как годы ожесточенной «полемиической войны, которая велась на страницах газет, листов и памфлетов» [5, с. 395]. Полемика велась вигами и тори, они «искали вдохновляющую идею» [5, с. 395], которую нашел У. Питт в идее империи [5, с. 395].

Итак, в зарубежной историографии вывод о политической стабильности основывался на анализе парламентской ситуации. Однако в современных работах учет экономических и социальных процессов вынуждал исследователей признавать пусть и не политическую борьбу тори и вигов, но общую «нестабильность» политической ситуации в стране в целом.

В советской историографии вплоть до 70-х гг. XX в. в большинстве исторических исследований присутствовало убеждение, что в начале и первой половине XVIII в. в английском обществе преобладало настроение удовле-

ствия достигнутыми политическими изменениями и не наблюдалось острой политической борьбы [6, с. 239]. Однако в отечественной историографии эта либерально-вигская трактовка была несколько изменена и дополнена в соответствии с методологическим принципом примата социально-экономических отношений над отношениями политическими. Согласно этой трактовке, виги были тесно связаны с финансовыми, торговыми и промышленными кругами и стремились к активной внешней политике и колониальным захватам, в отличие от тори, не отличавшихся особой активностью в экономической жизни и представленных, главным образом, земельной аристократией и средним дворянством [4, с. 59]. Отсутствие острой политической борьбы между тори и вигами объяснялось главным образом тем, что антагонистических противоречий между партиями, попеременно стоявшими у власти, не было, а основное различие было связано с проблемами внешней политики.

В 70-х гг. XX в. в отечественной историографии формируется новая трактовка характеристики состояния Англии в первой половине XVIII в. Суть ее в том, что, по крайней мере, в первые десятилетия XVIII века для Англии была характерна острая политическая борьба между вигами и тори, вызванная последствиями социально-экономических процессов, начавшихся еще в середине XVII в.

Стоявший у истоков этой трактовки крупнейший специалист по проблемам английской истории М.А. Барг считал, что ситуация в Англии в первые десятилетия XVIII в. «удивительно напоминает историческую обстановку

во Франции столетие спустя, в период Июльской монархии: расцвет прожектерства, вакханалия грюндерства, неслыханные биржевые спекуляции (в которых участвуют двор и правительство), невероятно быстрое сколачивание крупных состояний, финансовые аферы, влекущие за собой разорение массы мелких и средних буржуа, коррупция сверху донизу, всеобщее падение нравов. И все это – на фоне затяжного кризиса дворянства, и прежде всего, провинциального джентри» [2, с. 279]. Отмеченные М.А. Баргом процессы относились, учитывая хронологический и смысловой контекст, именно к периоду правления вигов, и представляли собой олицетворение «торжествующего вигизма», поскольку «экономическое могущество и политическое влияние (прежде всего при дворе) постепенно сосредоточилось в руках финансовой олигархии – денежных воротил Сити – и к ущербу власти и могущества земельной аристократии» [2, с. 279]. Такая трактовка ситуации получила дальнейшее развитие в отечественной историографии в 80-90-е гг. Особого внимания заслуживает статья Е.А. Добровой «Английское Просвещение и борьба тори и вигов в 30-е годы XVIII в.» [3]. Эта статья опубликована ранее вызвавшей споры работы Дж. Кларка и П. Лэнгфорда и потому позволяет говорить о самостоятельном характере изменений некоторых акцентов в отечественных работах.

Прежде всего, Е.А. Доброва отстаивает и ранее выдвигавшийся в отечественной литературе тезис о реальном существовании политических группировок тори и вигов, считая, что отрицание за ними термина «политические

партии» при всей расплывчатости и частом распаде этих группировок неправомерно. Аргументами являются, во-первых, очевидная «поддержка одних т.н. «денежным интересом», новой прослойкой общества, и влиянием других среди «земельного интереса», живущего испокон века на доходы земли. Во-вторых, готовность одних к принятию политических и экономических новшеств и консервативная боязнь перемен у других. Наконец, самое давнее, религиозное расхождение двух группировок также имело свою политическую подоплеку. Тори поддерживали Высокую церковь как консервативный институт, выступающий за усиление власти монарха. Терпимость вигов к диссентерам объяснялась тем, что они могли значительно расширить социальную базу вигов, оказав им тем самым серьезную поддержку на выборах [3, с. 4-5].

Доброва Е.А., как впоследствии и П. Лэнгфорд, считает, что период 30-40-х гг. XVIII в. был периодом острой политической борьбы тори и вигов, периодом ожесточенной «полемиической войны». Основное содержание статьи как раз и посвящено анализу этой политической борьбы, получившей освещение в торийской и вигской прессе [3, с. 9-35]. Рассматривает она и причины обострения политической ситуации, которые, по ее мнению, сводятся к двум важнейшим. Первая, выразившаяся в расколе в лагере вигов, была вызвана недовольством части вигов осторожной внешней политикой правительства Р. Уолпола. Вторая причина обострения политической ситуации связана, по ее мнению, со стремлением сторонников Уолпола ради проведения необходимых экономических реформ

закрепить фактически сложившееся преобладание палаты общин над властью короля Георга II и палаты лордов путем изменения конституции. Обстоятельством, позволившими тори после долгого перерыва вновь выступить в качестве серьезной политической силы и получить массовую поддержку, являлось, по мнению Е.А. Добровой, недовольство экономическими мерами правительства. Среди этих мер наибольшее недовольство вызывали попытки ввести акцизы вместо прежнего налогообложения. В результате недовольство охватило как землевладельцев, живущих на земельную ренту, арендаторов, плативших эту ренту, так и мелких торговцев и ремесленников [3, с. 6-7, 32-33]. Е.А. Доброва уточняет и социальные слои, составлявшие, кроме собственно верхушки общества, опору политических течений. Опорой тори, согласно ее анализу, продолжала оставаться значительная часть населения отдаленных графств. Опорой же вигов являлись жители Лондона и портовых городов, существовавшие за счет новых способов производства [3, с. 11].

Характер политической ситуации в Англии в XVIII в. рассматривается и в современных отечественных исследованиях, посвященных английскому Просвещению как основе для понимания проблем культуры и идеологии. Наиболее интересной работой последних лет, на наш взгляд, является монография Т.Л. Лабутиной: «Культура и власть в эпоху Просвещения» [9].

Рассматривая политическую ситуацию в начале XVIII в., Т.Л. Лабутина подчеркивает, что наиболее ожесточенная борьба тори и вигов «за преобладающее влияние при дворе, в

парламенте и правительстве и тем самым привилегированное положение каждой из них», «разыгралась в период правления последних представителей династии Стюартов – Вильгельма III Оранского (1689-1702) и королевы Анны (1702-1714)» [9, с. 10].

Среди отечественных исследований последних лет особого внимания заслуживает монография М.П. Айзенштат «Великобритания нового времени: политическая история», поскольку прямо посвящена анализу политических процессов, происходивших в Англии в XVIII в. В монографии рассматривается как раз тот круг проблем, который и явился предметом разногласий в рассмотренных ранее трактатках: взаимоотношения короны и парламента, взаимоотношения тори и вигов [1].

Относительно первой из проблем мнение автора сформулировано совершенно определенно: «уже в начале XVIII века prerogatives короны фактически и формально были существенно сокращены, и в то же время роль парламента и правительства постепенно возрастала» [1, с. 33].

Этот вывод М.П. Айзенштат основан на следующих аргументах. Во-первых, об этом свидетельствует содержание третьей части «Билля и декларации прав», утвержденного парламентом в 1689 г. после бурных дебатов по поводу плана коронации Марии и последующего отказа Вильгельма от регентства и согласия Марии передать трон супругу. Билль и явился своеобразным дополнением к компромиссному решению: передаче престола «одновременно законной наследнице и лицу, избранному парламентом» – Марии и Вильгельму III. В частно-

сти, автор обращает внимание на то, что «Билль провозгласил незаконным приостановление законов или их исполнение королевским повелением; взимание сборов в пользу короля и его распоряжение ими без согласия парламента; набор и содержание войска в мирное время в пределах королевства разрешалось только с согласия парламента» [1, с. 20]. Другими словами, «сохранив королевскую власть, «Билль» ограничил ее prerogatives властью парламента и рядом конституционных положений» [1, с. 21]. Во-вторых, после коронации в феврале 1689 года Вильгельма и Марии парламента принял ряд актов, «усиливавших положения Билля о правах». Это акт о мятеже 1689 г. и акт о размере субсидии королю, принятый в марте 1690 г. Первый из актов повторял положение Билля о наборе и содержании войска, а второй конкретизировал как размер субсидий королю, так и определял, на что они могли быть израсходованы. Таким образом, Акт о мятеже предохранял парламента «от возможных попыток восстановления абсолютизма насильственным путем», а второй акт позволял контролировать монархов и ставил их в «экономическую зависимость от парламента» [1, с. 25]. В-третьих, Акт о престолонаследии 1701 г., принятый после внезапной смерти Марии и имевший главной целью предотвратить переход короны к сыну Якова II и наметивший наследником английско-го престола ганноверского курфюрста Георга Людвига, содержал дальнейшее ограничение королевской власти как важнейшее условие. В законе предусматривалась возможность коронации иностранца, но оговаривалось, «что нация не обязана вести войны

в защиту его владений за пределами Англии», что возможно «только в случае согласия парламента» [1, с. 27-28]. Кроме того, в этом Акте о престолонаследии уточнялось, что «все решения, принятые королем, будут подписываться теми членами Тайного совета, которые дали согласие на данное решение». По мнению большинства исследователей и, очевидно, автора, «введение подобной меры означало установление ответственности министерства», а не короля, за принятые решения, так как по английской конституции «король не может быть неправ» [1, с. 28]. В-четвертых, в правлении королевы Анны в последний раз применялось королевское право «вето», поскольку в дальнейшем, при первых Георгах, ввиду отсутствия собственной опоры в стране и озабоченности возможностью сохранения права владения фамильным имением – Ганновера, произошло фактическое самоустранение монархов и усиление Тайного совета [1, с. 30, 32, 33].

Таким образом, М.П. Айзенштат как подтверждает свой тезис об ограничении королевской prerogative, так и конкретизирует оставшиеся права короны. Среди них – определение внешнеполитического курса и назначение министров [1, с. 34]. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, описанный автором процесс появления такого органа, как кабинет министров, причины сосредоточения в его руках все большей исполнительной власти и формально справедливая реакция на это современников, как на появление неконституционного органа [1, с. 32-33]. Аргументы М.П. Айзенштат, на наш взгляд, раскрывают сущность политических изменений,

которые отрицал в своей трактовке Дж. Кларк. Некоторого уточнения, на наш взгляд, возможно, требует лишь первоначальная формулировка тезиса об изменениях прерогативы короны и парламента: «фактически и формально». Как представляется, приведенные М.П. Айзенштат аргументы свидетельствуют именно о том, что не все сокращения прерогатив короны были утверждены законодательно. Некоторые прерогативы короны были сокращены лишь фактически, и это относится, прежде всего, к праву «вето» (как, впрочем, уточняет и сам автор), которое не было отнято у короны, а лишь перестало использоваться [1, с. 33]. Может быть, к этому перечню следовало бы добавить и неучастие монарха в заседаниях Тайного совета? Такое же уточнение необходимо и в отношении прерогатив парламента, многие из которых не были закреплены законодательными актами, как, например, формирование кабинета на основании большинства в парламенте, свобода слова депутатов в парламенте, система «патроната» и т.д. Значимость этих уточнений, на наш взгляд, связана с тем, что именно незакрепленные законодательно прерогативы могли восприниматься и действительно воспринимались современниками как незаконные, неконституционные действия со стороны вигов и могли использоваться как обвинения в узурпации власти в межпартийной и идеологической борьбе.

Большое внимание в монографии уделено и проблеме взаимоотношения вигов и тори. Однако, судя по контексту, эта борьба была вызвана лишь разным отношением к происходящим событиям, а не разностью идейно-тео-

ретических позиций в отношении политической системы Англии. Так, для периода после Славной революции и вплоть до середины 90-х г., по мнению М.П. Айзенштат, «не наблюдалось серьезного политического разделения», было разделение либо за, либо против правительства. При этом в кабинет министров старались попасть не столько по политическим, сколько из-за соображений престижа и материальных выгод. Если и было разделение, то по конфессиональному признаку (тори – сторонники англиканской церкви, виги – покровители диссентеров) [1, с. 26].

Борьба между тори и вигами, как считает автор, обостряется лишь с середины 90-х гг. и продолжается в течение оставшихся лет правления Вильгельма III и всего правления королевы Анны, т.е. до 1714 г. Предметом разногласий в этот период были как внешнеполитические проблемы (условия Ресвикского мира, заключенного вигами), так и все те же причины материального характера (выгоды от использования системы «патронажа» или, иначе говоря, продажи должностей) [1, с. 27-30]. Исключением была лишь ситуация в момент смерти Анны, когда действия вигов, по мнению автора, были продиктованы политической причиной: предотвращением заговора тори с целью передачи престола сыну Якова II [1, с. 27].

По мнению М.П. Айзенштат, в годы правления Георга I и начала правления Георга II, когда правительство возглавлял виг Роберт Уолпол, и вплоть до 1738 г., наблюдалась «относительная политическая стабильность», разногласия между вигами и тори по-прежнему были связаны лишь с

религиозными обстоятельствами. Стабильность объясняется М.П. Айзенштат как тем, что систему «патронажа» Р. Уолпол использовал в интересах всех группировок, так и экономической политикой, устраивавшей как вигов, так и тори [1, с. 36-38].

Приведенная трактовка М.П. Айзенштат взаимоотношений вигов и тори противоречит, на наш взгляд, оценке сущности их разногласий выявленных Т.Л. Лабутиной. Согласно выводам Т.Л. Лабутиной, у тори и вигов как до, так и после Славной революции идейно-политическая проблематика та же, только поменялись их позиции. Теперь уже тори требовали не формального, а действительного разделения власти между короной, правительством и парламентом, между тем как все эти ветви власти находились целиком в руках вигов. Кроме того, многие идеи тори и вигов после Славной революции имели революционное происхождение, были заимствованы из арсенала левеллеров и индепендентов [7, с. 91; 8, с.159-168].

Новое обострение политической борьбы в период 1738-1742 г., завершившееся отставкой Р. Уолпола, по мнению М.П. Айзенштат, было вызвано не столько партийным противоборством, сколько недовольством его как политикой в целом со стороны тори, так и по вопросам внешней политики значительной части вигов [1, с. 38-40]. Доказательством того, что сближение вигов и тори было вызвано лишь недовольством политикой Уолпола, является быстрый распад коалиции вигов и тори после его отставки [1, с. 40].

Собственно идейно-политическая борьба группировок тори и вигов возникла, как считает М.П. Айзенштат,

лишь с середины 40-х г. Причинами стали меры вигов по изоляции тори от предвыборной борьбы, (в парламенте их осталось лишь 130-140 человек). Только тогда прозвучали призывы тори к корректировке политической системы как способа прекратить узурпацию власти со стороны вигов: требования изменения системы выборов, требования отмены семилетнего срока полномочий парламента. Только эти меры могли привести к изменениям и в политике: сокращению армии и отказу от вмешательства в европейские войны, что, в свою очередь, могло привести к уменьшению налогового бремени [1, с. 42]. На наш взгляд, эта критика вигов со стороны тори уже была в предшествующие годы, как убедительно показала Е.А. Доброва.

Как считает М.П. Айзенштат, эта политическая борьба, начавшаяся лишь в середине 40-х гг., проходила в условиях некоторого ослабления влияния вигов. «Слабость» объясняется расколом «партии» на персональные группировки. В течение долгого периода преобладания своей партии виги привыкли извлекать материальные выгоды из системы «патронажа» и поэтому возникли группировки, конкурировавшие между собой [1, с. 43]. В результате Британия в 1756 г. вступила в Семилетнюю войну в «обстановке политической нестабильности» [1, с. 43].

Таким образом, трактовка М.П. Айзенштат отношений вигов и тори в первой половине XVIII в. сводится к признанию действительной политической борьбы между ними лишь начиная с середины 40-х гг. Кроме того, ее трактовка отношений внутри парламента до 40-х гг. близка трактовке Л. Немира.

В итоге можно прийти к выводу, что в конкретно-исторических исследованиях в отечественной и отчасти в зарубежной историографии наблюдается определенная эволюция представлений о характере политической ситуации и сущности борьбы тори и вигов. Первоначальный тезис о «политическом спокойствии», основанный в отечественной историографии, в отличие от зарубежной, не на рассмотрении борьбы в стенах парламента, а на отсутствии классовых и экономических противоречий тори и вигов, при более детальном анализе их политических позиций в отдельные десятилетия изменился в сторону отрицания «политического спокойствия». К сожалению, единства в отечественной историографии в определении периода «острой политической борьбы» тори и вигов не наблюдается. Согласно трактовке М.А. Барга таким периодом является период 1702-1720 гг., согласно трактовке Т.Л. Лабутиной – период 1789-1714 гг., а у Е.А. Добровой – это период 30-х, по мнению М.П. Айзенштат – период 40-50-х гг. XVIII в. Анализируя аргументы исследователей, представляется возможным заключить, что политическая борьба тори и вигов имела место на протяжении всей первой половины XVIII в., причем происходило изменение форм борьбы: от преобладания парламентских способов к преимущественно идейно-политической критике.

Кроме того, хотя парламент и не выражал мнения большинства населения Англии как в силу несовершенства избирательной системы, так и механизма функционирования и принятия решений, все же политическая борьба не сводилась к борьбе в стенах парламента. Политическая ситуация зави-

села и от отношения населения к тем явлениям, которые хотя и были вызваны объективными экономическими и социальными изменениями, но проводились в жизнь благодаря усилиям той или иной политической группировки и потому отождествлялись с ними. На наш взгляд, политическая борьба должна была отражаться в формировании и противопоставлении политических идей. Как представляется, этот аспект нуждается в дополнительном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айзенштат М.П. Великобритания нового времени: политическая история. М., ИВИ РАН, 2002. 207 с.
2. Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк. // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М, 1978. 359 с.
3. Доброва Е.А. Английское Просвещение и борьба тори и вигов в 30-е годы XVIII в. // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1981. 164 с.
4. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Под ред. И.С. Галкина. Т. 1. М., 1967. 59 с.
5. История Великобритании / Коллектив авторов под ред. Кеннета О. Моргана; Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. С. 375.
6. Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963. 430 с.
7. Лабутина Т.Л. «Идеология и политические партии Англии в период становления двухпартийной системы (обзор зарубежной литературы)». // Англия XVII века: идеологи, политика, культура. СПб., 1992. 95 с.
8. Лабутина Т.Л. Идейно-политические воззрения вигов и тори в период реставрации // Проблемы Британской истории. М., 1978. 272 с.

9. Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., Наука, 2005. 458 с.
10. Соколов А.Б. «XVIII век в Англии: споры историков // Вопросы всеобщей истории. Сб. науч. тр. РГПУ, 1997. 94 с.
11. Black J. British Foreign Policy in the Age of Walpole. Edinburg, 1985. 202 pp.
12. Christie Ian R. The End of North's Ministry. Macmillan, 1958. 448 pp.
13. Diskinson H.T. The Politics of the People in the Eighteenth Century Britain. L., 1995. 256 pp.
14. Doyle W. The old European Order 1660-1800. Oxford, 1992. 420 pp.
15. Henshell N. The Myth of Absolutism. Chang and Continuity in Early Modern European Monarchy. L., 1992. 245 pp.
16. Owen John B. The Rise of the Pelhams. Methuen, 1957. 357 pp.
17. Perry K. British Politics and the American Revolution. Houndmills, 1990. 176 pp.
18. Rule J. Albion's People. English Society 1714-1815. L., 1992. 269 pp.
19. Spek W.A. Stability and Strife. England. 1714-1760. Cambridge (Mass), 1977. 224 pp.

УДК 930.2:94(470) "1941/1945"

Варшавский Д.И.*Московский государственный областной университет*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ БЫТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ

Аннотация. В данной статье речь идет об использовании отчетной документации военной археологии при изучении фронтового быта. В частности, о таком вспомогательном виде исторического источника, как протокол эксгумации. Автор проводит анализ и дает характеристику этому типу документов. Также указывается на целесообразность и особенности его использования при изучении фронтового быта солдат Красной Армии. Приводятся выводы относительно ценности информации, сообщаемой данным источником.

Ключевые слова: протокол эксгумации, военная археология, полевой материал, поисковая деятельность.

D. Varshavski*Moscow State Regional University*

USING THE RESULTS OF MILITARY ARCHAEOLOGY AS A SOURCE FOR STUDYING EVERYDAY LIFE OF RED ARMY SOLDIERS

Abstract. The article is about the use of the report documentation in military archaeology in the study of the front-line mode of life. In particular, such additional type of historical sources as exhumation reports is discussed. The author analyses and describes this type of documentation. The article also considers the expedience and special aspects of its use in studying the Red Army soldiers' mode of life at the front. Conclusions about the value of the information provided by this source are given.

Key words: exhumation report, military archaeology, field data, search activity.

В настоящее время в рамках изучения истории повседневности все чаще исследуются вопросы организации быта в войсках действующих армий в различных военных конфликтах. Особый интерес представляет изучение быта солдат Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

Для полноценного комплексного изучения этой темы очень важен правильный и наиболее полный подбор источников. К таким, в первую оче-

редь, относятся материалы личного происхождения – мемуары, дневниковые записи и письма, а так же интервьюирование самих участников событий. Не менее важным источником выступают различные архивные материалы – приказы по снабжению, отчеты по результатам проверок частей, санитарная и хозяйственная отчетность и многие другие документы, осевшие в архивных фондах. Помимо архивных, издается много сборников документов, содержащих приказы и постановления

Народного комиссара обороны [2; 7]. В качестве дополнительного источника может использоваться периодическая печать, в частности фронтовые газеты и боевые листки [1, с. 49-54]. Наглядным источником служат фото и кинодокументы, иллюстрирующие бытовые условия на фронте. Все перечисленные выше типы источников в той или иной мере могут быть полезны при изучении фронтовой повседневности.

В последние два десятилетия сформировалось поисковое движение, как часть военной археологии. Основной его целью является поиск и захоронение воинов, погибших во время Великой Отечественной войны. Однако результаты этой деятельности могут служить дополнительным источником при изучении фронтового быта. На сегодняшний день, как отмечают Гафуров А.В. и Кутявин Т.С.: «Военная археология еще не оформилась в виде полноценной науки, у нее есть свои методы, но нет до конца сформированной методологии. Однако она приносит весьма полезные для истории сведения и материалы» [3, с. 158]. Специфика военной археологии и некоторые ее особенности не позволяют поставить ее в один ряд с классической археологией. Поэтому она не получила до сих пор официального признания, и осуществляется посредством поисковой деятельности общественными организациями в рамках существующего законодательства [4].

Сведения, добываемые в поисковых экспедициях, могут пролить свет на некоторые малоизученные вопросы бытовой стороны войны, в частности степень оснащения и особенности

пользования некоторыми предметами снаряжения и обмундирования. Также существует возможность изучения солдатского жилья, однако, весьма осложненная тем, что за столь большой срок времени сооружения зачастую плохо сохранились. Кроме того, в рамках военной археологии возможно частичное изучение рациона бойцов по таре, попадающейся на местах боев. Весь полевой материал, – то есть все находки, обнаруженные на местах боев, – несет в себе информацию. Особенно это касается вещей, относящихся к снаряжению и предметам обихода солдат и командиров. И все же наибольшее количество информации предоставляет изучение результатов эксгумации останков военнослужащих. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению этого процесса, следует обратить в первую очередь внимание на тип захоронения (одиночное, братское, санитарное), и глубину залегания останков (верховое, глубинное) [5, с. 122-134].

Чтобы извлечь наибольшее количество необходимой исследователю информации из военной археологии, обязательно правильное оформление соответствующей документации, которая в нашем случае и будет являться историческим источником. Проблема состоит в том, что поисковая деятельность осуществляется различными общественными организациями, следовательно, нет и общепринятой документации по оформлению результатов ее деятельности.

Основным документом, предлагаемым для использования, является протокол эксгумации – документ, составляемый при проведении эксгумации человеческих останков и включающий

в себя полное описание костного скелета, его состояния, а также предметов, находившихся при нем на момент гибели. В разное время предлагались различные варианты протоколов эксгумации, имевших разнообразную структуру.

Приведем два типа протоколов эксгумации, их образцы даны в приложении заполненными в качестве примера. Первый (Приложение 1) предложен общественной организацией «Ассоциация поисковых объединений» и представляет из себя бланк на одном листе А4, в который вносятся основные параметры останков и место обнаружения, данные бойца, при наличии медалиона, а также глубина залегания и тип захоронения. Могут добавляться и другие параметры согласно графам, при наличии таковой информации. К недостаткам его следует отнести отсутствие граф «предметы снаряжения» или «прочее», в которых следует перечислять все элементы снаряжения, обнаруженные с останками. При эксгумации братских захоронений заполняется специальный протокол (Приложение 2).

Второй тип протокола эксгумации разработан Казанским «Всероссийским информационно-поисковым центром «Отечество» (Приложение 3). Он предоставляет более подробную информацию и заполняется на бланке из 4 страниц формата А4. В этом протоколе подробно описываются состав и состояние костных останков, с указанием их параметров, точное место обнаружения. Также в таком протоколе есть графы для подробного описания всех элементов снаряжения и обмундирования, обнаруженных с останками.

Информация, содержащаяся в актах эксгумации, описанных выше, может быть полезна при исследовании быта солдат, в частности особенностей снабжения их обмундированием и снаряжением на конкретном участке фронта. Изучая протоколы эксгумации, можно выявить особенности использования отдельных предметов амуниции, бойцами на передовой, или использование трофейных предметов обихода. К примеру, рядовой Прошин Федор Иванович,¹ обнаруженный в Ржевском районе Тверской области, был обут в трофейные немецкие ботинки. Безымянный боец РККА,² обнаруженный в том же районе, имел при себе немецкие подсумки для винтовки и ремень с пряжкой, на которой изображение немецкого орла со свастикой было намеренно затерто. Подобные примеры не являются единичными. В условиях длительных и напряженных боевых действий снаряжение быстро изнашивалось и иногда заменялось трофейным. Также зачастую это делалось по причине его большего удобства и эргономичности. Предметы личного обихода – бритвы, расчески, зажигалки, портсигары и пр. также обильно заимствовались у противника. Можно встретить примеры окопного творчества – изготовления бытовых предметов – портсигаров, посуды и прочего из подручных материалов (гильз, кусков авиационной дюрала и т.д.). Все это находит отражение в протоколах эксгумации и позволяет

¹ Протокол эксгумации № 17 от 17.07.2011. Региональная общественная организация «Историко-культурный поисковый центр «Обелиск» 127 299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 5-191.

² Протокол эксгумации № 25 от 25.07.2011. РОО ИКПЦ «Обелиск».

пролить свет на сторону солдатской жизни, не всегда упоминаемую другими видами источников.

Протоколы эксгумации необходимо использовать вкупе с другими видами источников, в первую очередь с архивными материалами – боевыми донесениями и сводками. Таким образом, зная подразделение и период гибели военнослужащих, можно определить не только степень укомплектованности личного состава снаряжением, но и типологию его образцов. При тесном использовании отчетной санитарно-эпидемиологической документации совместно с протоколами эксгумации санитарных захоронений можно проследить налаженность работы санитарного персонала по захоронению трупов и добросовестность отношения к подобной работе. Так как зачастую при переносе безнадзорных санитарных захоронений выясняется, что численность погребенных значительно отличается от указанной в санитарных документах части, производившей захоронение.

Протокол эксгумации является новым особым типом источника по истории Великой Отечественной войны, но информация, содержащаяся в нем, может быть весьма полезна при изучении фронтовой повседневности боевых частей Красной Армии. Однако ввиду нераспространенности и ограниченности, а также большой зависимости содержания их от добросовестности заполняющего, они могут использо-

ваться только как второстепенный источник и только в качестве дополнения к основным видам источников.

Говоря о военной археологии как о средстве получения источников по изучению быта и повседневной жизни комбатантов, следует отметить, что она легко подвергается воздействию внешних факторов. К ним относится в первую очередь природно-климатический фактор, например кислотность почв, влияющая на сохранность находок. Немаловажную роль имели послевоенные мероприятия по восстановлению сельского хозяйства (мелиорация, распахивание бывших позиций, засаживание их лесными насаждениями и т. д.), а также мародерство на местах боев с целью поиска оружия и ценностей. Все это, несомненно, негативно повлияло на сохранность и качество информации получаемой при исследовании полевого материала и протоколов эксгумации, однако ценность такой информации обуславливается ее уникальностью, что при комплексном использовании с основными типами источников рисует более полную картину фронтовой повседневности.

В заключение можно добавить слова директора Государственного Эрмитажа, член-корреспондента РАН, член-корреспондента РАН М.Б. Пиотровского: «Динамика военных событий легче всего просматривается через археологический материал. Поэтому каждый археолог, в той или иной степени, является военным историком» [6, с. 5].

Приложение 1.

Ф о р м а № 1

Протокол эксгумации № 17 (одиночное захоронение)

Дата эксгумации 17.07.2011

Ответственный Варшавский Д.И.

Место расположения захоронения	Сведения о погибшем по данным эксгумации	В ходе эксгумации обнаружены
Республика _____	Принадлежность к армии РККА	медальон <u>белитовая капсула</u>
Край _____	Фамилия <u>Прошин</u>	документы _____
Область <u>Тверская область</u>	Имя <u>Федор</u>	
Город _____	Отчество <u>Иванович</u>	именные вещи _____
Район <u>Ржевский район</u>	Год рождения <u>1919</u>	
С/совет <u>Хорошевский с/с</u>	в/звание <u>кр-ц</u> № в/ч _____	
Деревня <u>д. Погорелки</u>	национальность <u>русский</u>	
Расположение <u>400 м. севернее ур. Ченцово</u>	Уроженец <u>Орловская обл.</u>	
<u>Схема местности захоронения</u>	<u>Жуковский р-н</u>	номер награды _____
	<u>пос. Жуковка</u>	
	Призван <u>Жуковским РВК</u>	размер обуви <u>42</u>
	Адрес семьи <u>Орловская обл.</u>	оружие _____
	<u>Жуковский р-н</u>	вид и маркировка боеприпасов _____
	<u>пос. Жуковка</u>	
	Группа крови _____ Дата гибели <u>04.1942</u>	
	вид захоронения <u>верховое залегание</u>	
	размеры <u>80х200 см</u> глубина <u>20-30 см</u>	
	состояние к моменту эксгумации <u>полностью скелетированные останки</u>	

Приложение 2.

Ф о р м а № 2

Протокол эксгумации № 27 (братское захоронение)

Дата эксгумации 04.05.2010

Ответственный Костилов Ю.

Место расположения захоронения	Принадлежность к армии РККА	вид захоронения <u>санитарное</u>
Республика _____		размеры <u>400х250 см</u> глубина <u>100 см.</u>
Край _____	Захоронено останков	состояние к моменту эксгумации <u>скелетированные костные останки</u>
Область <u>Тверская область</u>	Всего <u>17 человек</u>	В ходе эксгумации обнаружены
Город _____	(по данным эксгумации)	медальоны _____
Район <u>Ржевский район</u>	(по данным архива)	документы _____
С/совет <u>Хорошевский с/с</u>	рядового состава <u>17 человек</u>	
Деревня <u>д. Кокошкино</u>	мл.ком.состава _____	именные вещи <u>1. котелок РККА с</u>
Расположение <u>500м. юж. ур. Соломино</u>	ср.ком.состава _____	<u>инициалами «К.В.А.»</u>
<u>Схема местности захоронения</u>	ст.ком.состава _____	<u>Немецкая аллюм. ложка-вилка с подписью</u>
	полит.состава _____	<u>«Григорьев»</u>
	в/зв. не установлено _____	номера наград _____
	гражданских лиц _____	
	установлено имен _____	вид и маркировка боеприпасов _____
	Примечание	
	(историческая справка)	
	<u>Санитарное захоронение находится в</u>	
	<u>полосе наступления 130 ОСБр. Период бое-</u>	
	<u>вых действий – февраль 1942 года.</u>	
	<u>Примерная дата захоронения – апрель</u>	
	<u>1942.</u>	

Приложение 3.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫЙ ЦЕНТР «ОТЕЧЕСТВО»

420039, г.Казань-39, а/я 122,

тел.: (843) 2363121, факс (843) 2381312,

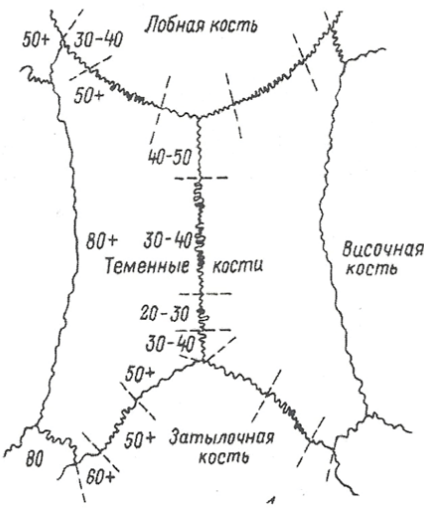
E-mail: v-ipc@mail.ru. Url: http://ipc.antat.ru, http://www.v-ipc.ru.

ПРОТОКОЛ ЭКСГУМАЦИИ № 17

на останки человека, найденного в поисковой экспедиции

Приложение к Акту захоронения		Сквозной №	
№	от « » 20 г.	(заполняется в ВИПЦ)	
Ф.И.О. руководителя экспедиции:		Дата обнаружения:	Добор:
Петров Василий Николаевич		« 17 » июля 2011 г.	Да ☐ Нет ☒
Место проведения экспедиции: Область <u>Тверская</u> Город _____ Район <u>Ржевский</u> С/Совет (волость) <u>Хорошевский</u> Урочище <u>Ченцово</u> Дата проведения экспедиции: С « 15 » июля 2014 г. По « 22 » июля 2014 г. Адрес руководителя экспедиции: Область _____ Район _____ Индекс _____ Город _____ Улица _____ Дом _____ кв. _____ Тел. _____ Факс _____ E-mail _____		Название отряда проводившего эксгумацию: <u>РОО ИКПЦ Обелиск</u> Область <u>Московская область</u> Город <u>Москва</u> Место хранения именной находки: Ф. <u>Именная находка (медальон) передана</u> И. <u>родственникам погибшего.</u> О. _____ Область _____ Район _____ Город _____ Индекс _____ Улица _____ Дом _____ кв. _____ Тел. _____ Факс _____ E-mail _____	
Место захоронения останков: Область <u>Брянская обл.</u> Район <u>Жуковский р-н.</u> С/Совет, волость _____ Населенный пункт (ближайший) _____ г. <u>Жуковка</u> Дата « 17 » сентября 2011 г. Регистрационный № могилы _____		ФИО эксгуматоров: <u>Варшавский, Д.И., Клочков М. В.</u> _____ _____ _____ Медальон на экспертизе _____ Данные медальона _____ Данные именной вещи _____	

Тип заlegания останков:	
Принадлежность к армии: РККА ☒ , вермахт ☐ , гражданское население ☐	
Пол ☒ М ☐ Ж ☐ ? ☐	Данные медальона ☐ , именной вещи ☐
	Ф. <u>Прошин</u>
	И. <u>Федор</u>
	О. <u>Иванович</u>
	Год рождения <u>1919</u>
	Воинское звание <u>красноармеец</u>
	Уроженец:
	Республика <u> </u>
	Край <u> </u>
	Область <u>Орловская область</u>
	Город <u> </u>
Район <u>Жуковский район</u>	
С/Совет <u> </u>	
Деревня <u>село Жуковка</u>	
Мобилизован РВК <u>Жуковским РВК</u>	
Адрес семьи:	
Республика <u> </u>	
Край <u> </u>	
Область <u>Орловская обл.</u>	
Город <u> </u>	
Район <u>Жуковский район</u>	
С/Совет <u> </u>	
Деревня <u> </u>	
Ф. <u> </u>	
И. <u> </u>	
О. <u> </u>	
	Информация об экспертизе:
Описание костей скелета: наличие элемента скелета (зачеркнуть) отсутствие (не зачеркивать)	
Количество найденных: Общее число бойцов в воронке, захоронении и т.д. 1	
Описание эксгумационных работ: (описание местности, грунта и т.д., вид заlegания останков до эксгумации, подвергались ли останки неполному переносу или разграблению, применение археологического способа, площадь раскопа, глубина заlegания останков, состояние останков, амуниция, снаряжение, признаки, позволяющие определить род войск и звание погибшего и другие особенности) <u>Останки обнаружены в лесу в 300 м. севернее урочища Ченцово. Заlegание останков - верховое (глубина - 10-30 см.). Эксгумация осуществлялась археологическим способом. Размеры раскопа: 2.1x1.2 метра. Состояние останков среднее. Из снаряжения имелись: кожаный ремень брючный, немецкие ботинки, пряжки от гранатной сумки и вещмешка. Из амуниции: детали к автомату ППШ, 4 корпуса от гранат РГД-33. Помимо бланка с данными в медальоне хранилась иголка с нитками. Боец был в каске, пробитой осколком в переней (лобной) части.</u>	

Схема зарастания швов черепа 	Описание черепа: <u>Лицевая часть черепа в плохом состоянии.</u> <u>В верхней части лобной кости слепое осколочное ранение (размеры 12х5 мм). Зубы в хорошем состоянии. Зубы мудрости отсутствуют.</u> Фото приложить к акту: фото места до подъема, расположение останков на месте эксгумации, фото швов черепа, именных вещей, личных вещей, останков, собранных вместе (то, что сфотографировано, подчеркните).																				
Дополнения: <u>Останки располагаются в вытянутом положении, головой на юг, ногами на север. Останки имеют несколько осколочных повреждений на теле и одно в лобную кость головы. Расположены останки в верховом залегании, в 20 метрах от второй линии немецких траншей.</u>																					
Точное место обнаружения останков: <table style="width: 100%;"> <tr> <td style="width: 50%;">Область <u>Тверская обл.</u></td> <td style="width: 50%;">Урочище _____</td> </tr> <tr> <td>Район <u>Ржевский район</u></td> <td>GPS:</td> </tr> <tr> <td>С/Совет, волость <u>Хорошевский с/с</u></td> <td>Система координат (WGS 84) _____</td> </tr> <tr> <td></td> <td>Погрешность _____</td> </tr> <tr> <td>Населенный пункт (ближайший) _____</td> <td>N _____</td> </tr> <tr> <td><u>д. Кокошкино</u></td> <td>E _____</td> </tr> </table>		Область <u>Тверская обл.</u>	Урочище _____	Район <u>Ржевский район</u>	GPS:	С/Совет, волость <u>Хорошевский с/с</u>	Система координат (WGS 84) _____		Погрешность _____	Населенный пункт (ближайший) _____	N _____	<u>д. Кокошкино</u>	E _____								
Область <u>Тверская обл.</u>	Урочище _____																				
Район <u>Ржевский район</u>	GPS:																				
С/Совет, волость <u>Хорошевский с/с</u>	Система координат (WGS 84) _____																				
	Погрешность _____																				
Населенный пункт (ближайший) _____	N _____																				
<u>д. Кокошкино</u>	E _____																				
Исполнитель: <table style="width: 100%;"> <tr> <td style="width: 50%;">Ф. _____</td> <td style="width: 50%;">Тел. _____</td> </tr> <tr> <td>И. _____</td> <td>Факс _____</td> </tr> <tr> <td>О. _____</td> <td>E-mail _____</td> </tr> <tr> <td>Область _____</td> <td></td> </tr> <tr> <td>Район _____</td> <td></td> </tr> <tr> <td>Индекс _____</td> <td></td> </tr> <tr> <td>Город _____</td> <td></td> </tr> <tr> <td>Улица _____</td> <td></td> </tr> <tr> <td>Д. _____</td> <td>М.П. _____</td> </tr> <tr> <td>КВ. _____</td> <td></td> </tr> </table> Подпись:		Ф. _____	Тел. _____	И. _____	Факс _____	О. _____	E-mail _____	Область _____		Район _____		Индекс _____		Город _____		Улица _____		Д. _____	М.П. _____	КВ. _____	
Ф. _____	Тел. _____																				
И. _____	Факс _____																				
О. _____	E-mail _____																				
Область _____																					
Район _____																					
Индекс _____																					
Город _____																					
Улица _____																					
Д. _____	М.П. _____																				
КВ. _____																					

Особенности:

Одиночные останки обнаружены ближе к северному краю т.н. "Ченцовской рощи" - леса, расположенного севернее урочища Ченцово. Между первой и второй линиями немецких траншей. Боец обут в немецкие ботинки, на которых видны следы ремонта и долгого использования. Вместо одного шнура кусок телефонного кабеля.

Инструкция по заполнению:

1. Протокол эксгумации составляется на каждого найденного человека, независимо «верховой» он или найден в захоронении.
2. Протокол эксгумации высылается по адресу, указанному на 1 странице, в течении 1 месяца после окончания экспедиции.
3. В графе «Протокол эксгумации» ответственный за оформление документов ставит номер протокола своего отряда, а в «прямоугольнике» ответственный от экспедиции ставит номер всех протоколов, подсчет останков ведется по протоколам, где в графе «Добор» стоит галочка «нет».
4. Графа «Сквозной №» **не заполняется**.
5. Графа «Регистрационный № могилы» заполняется после согласования с руководителем экспедиции.
6. В ячейке «Данные медальона» или «Данные именной вещи» ставится галочка, если заполнена 2 страница протокола.
7. В графе «Медальон на экспертизе» ставится галочка, если медальон отдали на экспертизу. В графе «Информация об экспертизе» пишется куда, кому и когда его отдали.
8. В графе «Тип залегания останков» укажите один из принятых вариантов залегания (санитарное захоронение, братская могила, одиночная могила или «верховой», если не один из них не подходит, опишите своими словами).
9. На схеме скелета укажите длины костей (в миллиметрах).
10. В графе «Пол» ставьте галочки, если вы не определили пол или сомневаетесь, опишите это в «дополнениях» на 3 странице.
11. В графе «Количество найденных» укажите точное число найденных вместе солдат. Номера протоколов с одного и того же захоронения, воронки и т.д. должны идти последовательно, эти номера укажите в «Дополнениях» на 3 странице.
12. Если череп расколот или найден частично, в графе «Описание черепа» опишите степень зарастания швов, а также укажите особенности челюстей (коронки, мосты и т.д.).
13. В графе «GPS. Система координат» укажите используемую вами систему координат, если она не WGS 84.
14. В графе «Особенности» на странице 4 указывайте все, что не выделено в этом протоколе и, на ваш взгляд, показалось интересным во время проведения эксгумационных работ.

Просим заполнять разборчиво

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варшавский Д.И. Периодическая печать как исторический источник для изучения фронтового быта советских солдат во время Великой Отечественной войны // Наше Отечество. Страницы истории: сб. науч. ст. Вып. XI / под ред. В.Н. Захарова. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 49-53.
2. Великая Отечественная: [Сб. документов] / Кол. авт. Институт военной истории МО РФ; Общ. ред. Золотарев Владимир Антонович. М.: Терра, 1997 в 24 т.
3. Гафуров А.В. Кутявин Т.С. Поисковое движение в изучении быта солдат Красной Армии // Поисковое движение, как форма изучения событий Великой Отечественной войны. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 30-31 марта 2005 года) / под. ред. А.В. Третьякова. Курск: Курский госуниверситет, 2005. 246 с.
4. Закон от 14 января 1993 г. №4292-1 «Об увековечивании памяти погибших при защите отечества» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 18.02.1993. № 7. Ст. 245.
5. Методические рекомендации по военной археологии (по поисковой работе на местах боев Великой Отечественной войны): Сб. ст. сост: Петров В.Н., Шкапа Н.А. М.: Азбука, 2006. 587 с.
6. Пиотровский М.Б. Война, как археологический источник // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Междунар. конф., 2-5 сент. 1998 г. / Отв. ред. Вилинбахов Г. В.; Отв. ред. Массон В.М. СПб., 1998. 343 с.
7. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13. (2-2). М.: ТЕРРА, 1997. 445 с.

УДК 930(430):141.82

Скаковский А.А.*Московский государственный областной университет*

МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В РАБОТАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье анализируется восприятие основоположниками Марбургской школы ключевых элементов марксистской теории. Аналитическому разбору подвергаются труды трех исследователей, вокруг которых сложится Марбургская историческая школа. В статье рассматриваются работы В. Абендрота, В. Хофманна и Х. Мауса, сыгравших главную роль в становлении марксистского направления историографии Западной Германии послевоенного периода. При обзоре научных трудов марбургских историков рассматривается влияние на их методологию исследования классиков социалистической теории, К. Маркса и Ф. Энгельса. В статье изложена оценка восприятия теории марксизма каждым из вышеупомянутых ученых.

Ключевые слова: историография ФРГ, марксизм, социалистическая теория, рабочее движение, В. Абендрот, Марбургская школа.

A. Skakovskiy*Moscow State Regional University*

MARXIST CONCEPT IN THE WORKS OF MARBURG SCHOOL FOUNDERS

Abstract. The article examines the perception of the founders of the Marburg School of Germany the key elements of Marxist theory. The author analyzes the works of the three researchers who were the center of Marburg historical school. The article discusses W. Abendroth, W. Hofmann and H. Mouse's works, which played major role in the development of Marxist direction in West Germany's historiography during the post-war period. The review of Marburg historians' works deals with their impact on the methodology they used to study the works of the classics of socialist theory, Karl Marx and Friedrich Engels. The article evaluates the perception of Marxism by the above scholars.

Key words: historiography of FRG, Marxism, socialist theory, labor movement, W. Abendroth, Marburg School.

Марбургская школа стоит особняком в западногерманской исторической науке послевоенного времени. Представители этой школы в своей научной и общественно-политической деятельности основывались на марксистских принципах. Однако теоретическое и методологическое восприятие

идейного наследия классиков научного коммунизма учеными приобретало субъективную окраску. Как немецкие историки Марбургской школы понимали положения социалистической теории и претворяли в жизнь теоретические постулаты марксизма, имеет огромное значение для осмысления главных тем исследований самих мар-

бургцев – истории рабочего и социалистического движения. Рассмотрим понимание марксизма у трех родоначальников Марбургской исторической школы: Вольфганга Абендрота, Вернера Хофманна и Хайнца Мауса.

Самый харизматичный представитель Марбургской школы, В. Абендрот, использовал теорию Маркса исключительно для цели исследования современных ему общественных отношений и их способности к изменению. Поэтому он обратился к анализу производственных процессов, которые с 1950-х гг. начали менять индустриальный ландшафт, вызывали разногласия в дискуссиях внутри рабочего движения [7, с. 108].

Абендрот видел в технологическом прогрессе, а именно в автоматизации производства, доказательство опасного саморазрушения обострившегося противоречия между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества [1, с. 93]. В противоположность апологетам технического прогресса Абендрот был уверен, что разногласия между производительными силами и производственными отношениями кроются не в технологическом развитии, а в социальной борьбе и победе того социального класса, который в капиталистических производственных отношениях является отчужденным. Компонент классовой борьбы Абендрот критически переносил на состояние развития Советского Союза и других социалистических стран, которые поставили себе задачу достичь стадии коммунизма или находиться на стадии перехода к нему. Абендрот сожалел о трансформациях сталинизма и партийно-бюрократических формах

правления в СССР, но он твердо придерживался действенности теории Маркса и Энгельса, не уходя в догматизм [4, с. 211].

Абендрот не добавил в марксистскую теорию никаких новых качественных компонентов, как это удалось другим ученым: Хокрхаймеру, Адорно, Альтюссеру. Однако значение Абендрота в отношении марксистской теории, прежде всего, в ее применении и идейной защите. На вопрос устарел ли марксизм, он отвечал отрицательно. Тезис о том, что класс и классовая борьба вследствие структурных изменений устарели, вызывал у Абендрота особенный протест. В противоположность современной социологии ученый писал, что антагонизм между трудом и капиталом не устранен, а поднят на новую ступень: «Аргумент о социально-экономическом подъеме прослойки менеджеров вовсе не означает, что общественная собственность на средства производства исчезает. Распорядители-менеджеры образуют с владельцами собственности неразрывное единство: они защищают их интересы, хотя сами и не принадлежат к их социальной страте и образовались путем приобретения пакетов акций. Разделение функций, возникшее из-за необходимости создания прослойки профессиональных управленцев-менеджеров, в действительности не является показателем изменения классовой структуры нашего общества...» [2, с. 74].

Марксистская теория служила Абендроту в первую очередь методом анализа изменений капиталистического общества. При этом исследователь определял две стороны метода: структурные общие условия капиталистиче-

ских производственных и управленческих отношений и анализ конкретных меняющихся экономических, политических и социальных форм [6, с. 203].

Абендрот писал об исторически-материалистическом методе и в то же время пытался сам проводить его в жизнь. Это относится, например, к его размышлениям об «Альтернативах планирования». Ученый приходит к выводу, что при капитализме, так же, как и при социалистической социально-экономической модели общества, тоже происходит планирование. Но капиталистическое планирование нацеливается исключительно на получение выгоды индивидуальной, не общественной [3, с. 217]. При рассмотрении ситуации в западногерманском обществе Абендрот хотел, прежде всего, показать две возможности качественного расширения процессов планирования. В первом случае речь пойдет о специфическом характере капитализма в ФРГ, который автор знаменитой книги о финансовом капитале Рудольф Хильфердинг (см. Гильфердинг Р. Финансовый капитал – М.: Политиздат, 1959) определил как «организованный капитализм». Второй связан с уровнем развития производительных сил во второй половине XX в., которые требовали общественного планирования капиталистической экономики с использованием атомной энергетики и прогрессивной автоматизации промышленного производства: «Возможность преодолеть разногласия между формой общественного планирования и организованным капитализмом, обеспечить прибыли для всего экономического сообщества является непосредственной потребностью исторического

периода, в котором мы живем...» [3, с. 218].

Абендрот был уверен, что реализации принципа всеобщего общественного планирования можно достичь только политически, путем постоянной борьбы всех трудящихся. Ученый склонялся к известному оптимизму в этом вопросе: «Организованный капитализм является отрицанием либерального конкурентного капитализма, что является актуальным подтверждением тезиса Маркса о том, что человечество должно ставить такие проблемы, для решения которых уже имеются условия» [17, с. 39].

Абендрот отошел со временем от этого тезиса, т.к. считал, что трансформация «организованного капитализма» в социалистическое, а с течением времени и в коммунистическое общество произойдет без классовой борьбы. Поскольку Абендрот преимущественно мыслил политически и практически, он усвоил, прежде всего, те элементы теории Маркса и Энгельса, которые могли быть пригодными в отношении окружающей его действительности. Это относится наряду с понятиями класса и классовой борьбы к функциям профсоюзов и связи демократии и социализма, т.е., в понимании ученого с проблемой реформы и революции [6, с. 218].

Общее восприятие Абендротом идей марксизма можно охарактеризовать следующим образом. Ученый знал труды Маркса и Энгельса очень хорошо и рассматривал их как надежную основу для своей собственной работы. Основополагающие аспекты этих трудов он считал не подлежащими ревизии, ценным инструментом в отношении анализа современного ка-

питалистического общества. Историк считал главным то, что правильность научной теории доказывается испытанием на практике, и идеи Маркса и Энгельса это испытание выдержали. Наряду с идеями классиков социалистической теории он осмысливал идейное наследие последователей Маркса и Энгельса. Однако их мысли служили ученому лишь подтверждающей иллюстрацией собственных умозаключений. Мы не найдем в трудах Абендрота теоретического развития марксизма, как, например, в работах Розы Люксембург, Грамши, Сартра и Маркузе. Его собственное творчество заключалось, прежде всего, в практическом применении марксистской теории для решения конкретных политических разногласий в осуществлении социалистической политики. А самое главное – в способности изучать связи между систематически-структурными и конкретно-историческими общественными процессами.

Сильный инновационный толчок получил процесс складывания Марбургской школы после прихода в университет Вернера Хофманна. В начале 1960-ых годов он – внештатный профессор в Геттингенском университете, а в 1966 г. при поддержке В. Абендрота получил приглашение в Марбург. Как и Абендрот Хофманн был опытным теоретиком, истинным ученым, стоявшим на марксистской идеологической платформе.

Приход Хофманна к марксизму был обусловлен критическим интересом к национальной экономике [9, с. 62]. Учение о прибавочной стоимости является основой критики Марксом капиталистического общества. Представление и критическая оценка

марксистских экономических категорий сформировалась у Хофманна благодаря обстоятельному изучению теоретического наследия великого ученого. Реальностью общественно-политической жизни ФРГ 60-х гг. XX в. были дискуссии о марксизме в целом. Хофманн признавал, что Маркс был не только великим представителем классической политэкономии, не только теоретиком, но тем ученым, кто своим анализом хотел дать ключ для практического изменения действительности [8, с. 29]. Он критиковал немарксистскую литературу о Марксе. Хофманн считал, что Маркс рассматривал явление прибавочной стоимости как эквивалентный обмен товара, произведенного рабочей силой, на их зарплаты, что и соответствует закону стоимости [11, с. 63].

Хофманн критически оценивал некоторые пункты марксистской теории, а именно – аспекты, связанные с формированием земельной ренты. Однако историк полностью поддерживал тезис Маркса о невозможности разрешения противоречий капитализма внутри капиталистической системы ни в ретроспективном взгляде на историю буржуазного общества, ни во взгляде на будущее современного рыночного капитализма [8, с. 45]. Это касалось также прогнозируемых Марксом «абсолютного» и «сравнительного» обнищания. Хофманн уделяет особое внимание законам развития капиталистической экономики, как их описал Маркс. Сам историк тоже подчеркивал противоречивое единство системы воспроизводства и динамики экономики [12, с. 81]. Хофманн иногда возражал против того или иного тезиса Маркса, но предостерегал дру-

гих критиков от механического перенесения моделей планирования марксистской теории. Хофманн находил у Маркса понятие отчуждения человека в капиталистических условиях. Этой теме были посвящены, например, работы современников Хофманна: Э. Фромма, Г. Маркузе и др., и ее актуальность («психическое обнищание») подтверждалась многочисленными исследованиями.

Не обошел стороной в своих исследованиях Хофманн и трудной темы «диктатуры пролетариата», которую Маркс и Энгельс рассматривали в определенной ситуации соотношения сил как неизбежную стадию перехода к бесклассовому обществу. Маркс и Энгельс исходили из преобладающего большинства пролетариата над меньшинством буржуазии. Исследователь пришел к выводу, что перспектива такой диктатуры – переход к коммунизму [10, с. 93].

Чтобы доказать жизнеспособность марксистской теории в существующих условиях, Хофманн обращался к исследованию современного капитализма. Рассматривая процессы автоматизации, начавшейся в 1950-е гг. и переносящей деятельность человека по контролю, регулированию и управлению на электронные агрегаты, Хофманн пришел к пониманию противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В классической марксистской аргументации он интерпретировал процесс автоматизации как процесс для избавления от деформирующих и разрушающих оков производственных отношений: «Итак, производительные силы в век автоматизации выступают против производственных отношений

нашего позднего капиталистического, монополистического мира...» [13, с. 264].

Прогресс техники ведет за собой общественный прогресс. Как и Абендрот, Хофманн понимал, с одной стороны, объективные возможности научно-технического прогресса, с другой стороны, он не заблуждался по поводу трудностей, которые будут испытывать представители наемного труда из-за этого прогресса. Последовательная критика капитализма была ключевым моментом научных изысканий Вернера Хофманна. В этом проявилось его следование теоретическим принципам классиков марксизма.

В то время как Абендрот и Хофманн рассматривали теорию Маркса и Энгельса в перспективе изучения современных им капиталистических отношений, их коллега, профессор Марбургского университета Хайнц Маус видел свою задачу в защите этой теории в политических дискуссиях против когорты ее противников и критиков. Он вступал в полемику, преимущественно публицистическую, с современной литературой о Марксе. Уже в 1952 г., когда он был ассистентом у Макса Хоркхаймера, Маус намеревался защищать теорию Маркса от грубого искажения, с которыми он сталкивался. Он выступал против упрощенного переосмысления диалектического метода в закрытую схему сухих законов.

Острая полемика разгорелась между Хайнцем Маусом и Вальтером Теймером. Краеугольным камнем стала трактовка последним марксистского учения (см. Theimer W. Der Marxismus – Lehre, Wirkung, Kritik, Bern, 1959). Теймер считал себя приверженцем

Конта и всегда был верен позитивизму, который он направлял как оружие против Маркса. Теймер считал позитивизм единственным легитимным методом научного анализа общественных процессов. Маус напомнил о том, что Маркс изучал Конта и презирал его позитивизм. Он критиковал утверждения Теймера о том, что предсказанная Марксом поляризация классовых структур якобы не наступила [16, с. 89]. Маус был не согласен с высказыванием Таймера о провале претворения в жизнь постулатов марксистской теории вообще и, особенно, в Советском Союзе, хотя этот упрек не был ничем подкреплен. В полемике Маус выдвинул предположение о том, что Энгельс, популяризируя исторический материализм, объективно одобрял тенденции ревизионизма в рабочем движении, позитивизма и догматизма в социалистической теории [16, с. 173]. Этот тезис объективно роднил его с Франкфуртской школой и с ее трактовкой марксизма. Это было не случайно, ведь именно во Франкфурте началось его становление как ученого.

Маус хвалил книгу немецкого историка и социолога Генриха Попица (см. Popitz H. *Zeitkritik und Geschichtsphilosophie des jungen Marx*, Basel, 1953) за тщательную реконструкцию понятия разобщенности начиная от Гегеля и Фейербаха и до Маркса. Однако вместе с этим Маус считал ошибочным то, что Попиц приписывал Марксу склонность к эсхатологии. Маус также протестовал против попытки Попица изложить теорию Маркса с позиции вульгарного материализма [15, с. 74].

Среди других публикаций, которые заслужили положительную оценку марбургского ученого, стоит упомя-

нуть диссертационную работу немецко-британского философа и общественного деятеля Ральфа Дарендорфа о Марксе (см. Darendorf R. *Der Begriff des Gerechten im Denken von Karl Marx*, Hannover, 1952). Маус по достоинству оценил высокое качество научной работы. К преимуществу диссертации ученый относил тщательно описанный методологический процесс научных поисков Маркса, справедливость его научных изысканий, которая провозглашалась не как социалистический постулат, а вывод, сделанный на основе анализа капиталистических производственных отношений. Но Дарендорф, по мнению Мауса, повредил «жизненный нерв марксистской теории» [14, с. 7] – диалектику, когда он ограничился критикой опытных данных и этим снизил значение социалистической теории для будущего.

Маус, как Абендрот и Хофманн, считал теорию марксизма ключевой для анализа современного, позднего капитализма. Он отличал Энгельса от Маркса, т. к. Энгельс в его представлении был обременен догматическими моментами. Маус так же, как и Абендрот, отмечал огромный потенциал современной технологии, которая позволит высвободить человека от общественного принуждения, но он отмежевывался от того консервативного культурного пессимизма, который исходил от критически настроенных интеллектуалов. Если Абендрот и Хофманн, несмотря на отдельные оговорки и против сталинизма [6, с. 213; 12, с. 97], и против бюрократического развития социалистических стран, настаивали на качественном различии двух общественно-экономических формаций – социализма и капитализма, то

Маус в какой-то степени отождествлял две социально-экономические системы.

Все три представителя марбургской школы не сомневались в действенном методе и центральных категориях произведений Маркса и Энгельса. Однако Хофманн не исключал критического отношения к некоторым аспектам экономических понятий Маркса. Очевидная разница в осмыслении марксизма состояла между Абендротом и Хофманном, с одной стороны, и Маусом – с другой, когда речь шла о значении и об оценке истории социалистических стран, их современном развитии и деформациях в нем.

В то же время серьезных теоретико-методологических расхождений между основоположниками Марбургской школы в восприятии социалистической теории мы не встретим. «Созвездие трех», как именовали в ФРГ научное трио марбургцев в лице В. Абендрота, В. Хофманна и Х. Мауса, прочно ввело в научный оборот западногерманской исторической мысли 1960-1970-х гг. выбиваемые по политическим соображениям марксистские тезисы, методы и приемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Abendroth W. Sozialgeschichte der europäischen Arbeiterbewegung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1965. 191 S.
2. Abendroth W. Wirtschaft, Gesellschaft und Demokratie in der Bundesrepublik. Frankfurt a. M., 1965. 150 S.
3. Abendroth W. Antagonistische Gesellschaft und politische Demokratie. Neuwied, 1967. – 578 S.
4. Abendroth W. Ein Leben in der Arbeiterbewegung. Frankfurt a. M., 1977. 287 S.
5. Abendroth W. Einführung in die Geschichte der Arbeiterbewegung. Heilbronn, 1985. 294 S.
6. Abendroth W. Thesen zum Problem des marxistischen Menschbildes im wissenschaftlichen Zeitalter, in: ders.: Die Aktualität der Arbeiterbewegung. Beiträge zu ihrer Theorie und Geschichte. Hg. Von Joachim Perels. Frankfurt a. M., 1985. S. 201. 224.
7. Diers, A. Arbeiterbewegung – Demokratie – Staat, Wolfgang Abendroth – Leben und Werk 1906-1948. Hamburg: VSA-Verlag 2006. 628 S.
8. Hofmann W. Die volkswirtschaftliche Gesamtrechnung. Berlin, 1954. 154 S.
9. Hofmann W. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? Berlin, 1955. 237 S.
10. Hofmann W. Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion. Berlin, 1956. 195 S.
11. Hofmann W. Ideengeschichte der sozialen Bewegung. Berlin. 1962. 318 S.
12. Hofmann W. Stalinismus und Antikommunismus. Zur Soziologie des Ost-West-Konflikts. Frankfurt a.M., 1967. 162 S.
13. Hofmann W. Industriesoziologie für Arbeiter. Klassenverhältnis und Arbeitsverfassung. Herausgegeben aus dem wissenschaftlichen Nachlass von Herbert Claas und Rainer Rilling. Heilbronn, 1988. 421 S.
14. Maus H. Geschichte der Soziologie, in: Werner Ziegenfuss: Handbuch der Soziologie. Stuttgart, 1956. S. 1–120.
15. Maus H. Bericht über der Soziologie in Deutschland 1933 bis 1945, in: Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 11. Jg., 1959. – S. 72-99.
16. Maus H. Die Traumholle des Justemilieu. Erinnerungen und die Aufgaben der Kritischen Theorie, Frankfurt a. M., 1981. 359 S.
17. Tjaden, K. H., Lothar P. Wolfgang Abendroth heute – kann man von ihm noch etwas lernen?, in: Sozialismus, 2006, H. 6, S. 33–39.

УДК 93/94

Климова Л.В.

Московский государственный областной университет

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В МОСКВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимодействия органов местного управления в Москве во второй половине XIX в. Исследование освещает проблему полномочий органов местной власти и влияния личных качеств глав московской администрации на их взаимоотношения с Городской думой. Неопределенные, расплывчатые формулировки законодательства приводили к дублированию функций губернаторов и генерал-губернаторов, вызывая необходимость разграничения их деятельности и определения их отношения к органам местного самоуправления на практике. В работе используется широкий круг источников, в том числе мемуары и архивные материалы.

Ключевые слова: губернатор, генерал-губернатор, местное самоуправление, администрация, городская реформа.

L. Klimova

Moscow State Regional University

THE PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN LOCAL AUTHORITIES IN MOSCOW IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Abstract. The article considers the problem of interaction between local authorities in Moscow in the second half of the nineteenth century. The study highlights the problem of the local authorities' permissions and the influence of personal qualities of the heads of the Moscow administration on their relationship with the City Council. Uncertain and vague wording of the legislation resulted in the duplication of the governors' functions and governor-generals', causing the need to distinguish their activities and their attitude to local governments in practice. The paper uses a wide range of sources, including memoirs and archival materials.

Key words: the Governor, the Governor-General, local government, administration, municipal reform.

Специфической чертой московской администрации являлось наличие в городе двух представителей государственной власти в лице губернатора и

генерал-губернатора. К середине XIX в. назрела необходимость разграничения функций представителей местной администрации и определения их отношения к другим органам управления.

© Климова Л.В., 2015.

Согласно Инструкции генерал-губернаторам от 29 мая 1853 г. они, генерал-губернаторы, являлись «главными блюстителями неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае». В Инструкцию также были включены особенные положения, относящиеся к деятельности столичных генерал-губернаторов. Указывалось, что главные начальники Санкт-Петербургской и Московской губерний обо всем, касающемся полицейского управления столицами, доносят прямо императору и испрашивают непосредственного его разрешения. Московский военный генерал-губернатор по всем предметам особой важности, а также обо всех улучшениях и исправлениях, которые он, исполняя свои обязанности, признавал нужными и полезными, имел право также докладывать непосредственно императору.

Губернатор, заведующий всеми текущими административными делами в местности, должен был исполнять все законные требования, предложения и предписания генерал-губернатора. Являясь вторым лицом в местной администрации после генерал-губернатора, губернатор тем не менее не был его заместителем. В инструкции оговаривалось, что в отсутствие генерал-губернатора губернатор управляет по правилам своей должности на том же основании, как в губерниях, где нет генерал-губернаторов. Помимо «высочайших» указов и предписаний генерал-губернаторов губернаторы также должны были исполнять циркуляры министра внутренних дел.

Расплывчатые формулировки законодательных актов неизбежно ставили вопрос о разграничении функций губернаторов и генерал-губернаторов. Предполагалось, что губернаторы будут заниматься всеми текущими административными делами, предоставляя генерал-губернаторам возможность обращаться только к наиболее важным вопросам. На деле же, по свойственной бюрократической системе Российской империи практике концентрации огромного количества дел на самом высшем уровне, генерал-губернаторы занимались решением и мелких текущих вопросов, дублируя, таким образом, функции губернатора. Политические полномочия генерал-губернатора простирались на всю территорию московского генерал-губернаторства, мелкие же административно-хозяйственные функции, в основном, на Москву. Деятельность московского губернатора распространялась главным образом на уезды Московской губернии и редко затрагивала Москву, ставшую своеобразной «вотчиной» генерал-губернатора.

Согласно Городовому положению 1870 г. функции надзора за деятельностью Городской думы возлагались на губернатора. Однако в Москве основную роль по взаимодействию с Городской думой взял на себя генерал-губернатор, принимая активное участие в ее деятельности, включая проведение самой реформы общественного управления в городе.

Необходимость реорганизации городского общественного управления в Москве назрела уже в конце 1850-х гг. Московское губернское дворянское собрание, поддержанное генерал-гу-

бернатором П.А. Тучковым¹, ходатайствовало перед верховной властью о распространении на Москву Городового положения 1846 г., действовавшего в Санкт-Петербурге. В октябре 1859 г. под председательством П.А. Тучкова был учрежден Комитет для составления предположений об улучшении в Москве городского общественного управления. В 1862 г. московский генерал-губернатор возглавил Комиссию для введения нового общественного управления в городе. Комиссия составила списки избирателей, разработала процедуру выборов, организовала их проведение и, наконец, открыла Городскую думу. Однако, даже выполнив свою задачу, Комиссия не была упразднена, продолжая действовать на протяжении всех 1860-х гг. и «выступая уже в качестве наблюдателя за неукоснительным соблюдением думой всех законодательных норм» [9, с. 93].

Вся деятельность Московской городской думы проходила под пристальным вниманием генерал-губернатора. Перед каждым заседанием Думы городской голова сообщал генерал-губернатору о дате заседания и повестке дня². О каждом реализуемом городом проекте, о всех проводимых Думой выборах городской голова докладывал генерал-губернатору, который давал свои заключения, утверждал списки кандидатов на те или иные должности по городскому общественному управлению, согласовывал действия различных органов власти. Московский губернатор в такой ситуации принимал в управлении городом фор-

мальное участие, сосредоточившись, в основном, на делах губернии.

Правительственная политика в области городского общественного управления определялось основной установкой: свести деятельность дум к чисто хозяйственным вопросам, не допустить их вторжения в сферу политики. Условия, в которые были поставлены органы городского самоуправления, не давали им возможности проявлять политическую активность. Несмотря на это, лидеры Московской городской думы, относящиеся к наиболее образованной части общества, неоднократно поднимали вопросы, выходявшие за пределы их компетенции. Наибольшую известность получили адреса и заявления Московской городской думы, обращенные к правительству, и выступления Б.Н. Чичерина³. Эти ситуации дают возможность рассмотреть деятельность московской администрации в системе взаимоотношений высших, центральных и местных органов управления, а также позицию властей по отношению к московскому общественному управлению.

«Всепопданнейший адрес» начинает служить средством выражения общественного мнения со второй половины XIX в. Использование адресов с этой целью особенно широкий размах приобретает с начала 60-х г. В 1863 г. в связи с восстанием в Польше и обострением внешнеполитической ситуации Дума обратилась к правительству с заявлением о своей готовности в случае необходимости образовать городское ополчение для обеспечения внутренней безопасности. Министр

¹ Тучков Павел Алексеевич (1803-1864) – московский генерал-губернатор в 1859-1864 гг.

² Центральный архив города Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 16. Оп. 24. Д. 2071.

³ Чичерин Борис Николаевич (1828-1904) – московский городской голова в 1882-1883 гг.

внутренних дел П.А. Валуев¹ отнесся к данному адресу крайне отрицательно. Особенно возмутило его то, что московский генерал-губернатор, одобливший эту акцию, «в деле подобной важности не считал нужным предварительно осведомиться о взгляде на оный высшего правительства». Однако после «обсуждения в Думе и формального представления генерал-губернатором» министр внутренних дел считал невозможным отказать Москве в ее инициативе [3, с. 225-226].

В 1870 г. разразился скандал в связи с другим адресом Московской городской думы. Поводом для составления адреса явилась дипломатическая акция российского правительства, которое объявило недействительными статьи Парижского мирного договора 1856 г., ограничивающие ее суверенитет на Черном море. Нуждаясь в общественной поддержке, правительство санкционировало составление благодарственных адресов сословными и общественными организациями страны, тем более что весьма сдержанная позиция прессы обеих столиц не устраивала правительство [7, с. 154].

В связи с молчанием Московской думы генерал-губернатор В.А. Долгоруков сделал «внушение» о необходимости поднесения адреса [12, с. 208]. Этим обстоятельством решила воспользоваться группа московских славянофилов, игравшая влиятельную роль в Думе. Адрес, составленный В.А. Черкасским² и И.С. Аксаковым, не ограничивался одобрением прави-

тельственной декларации, а призывал царя завершить преобразования 1860-х гг. Генерал-губернатор В.А. Долгоруков принял адрес весьма благожелательно и даже расцеловал городского голову. Однако в Петербурге на адрес посмотрели другими глазами. Адрес возвратили, а публикацию его в газетах запретили [12, с. 157]. В результате этого инцидента городской голова В.А. Черкасский был вынужден подать в отставку. Пришлось оставить Думу и некоторым гласным. Генерал-губернатор В.А. Долгоруков получил выговор за принятие адреса [5, с. 103].

В 1882 г. пост городского головы Москвы занял Б.Н. Чичерин, правовед, автор широко известного труда «О народном представительстве», общественный деятель умеренно-либеральной ориентации. При вступлении в должность головы он произнес речь, в которой большое место отвел отношениям Городской думы и правительственных органов. В секретном отделении Канцелярии московского генерал-губернатора было заведено дело на Чичерина³, что свидетельствовало о подозрении его в неблагонадежности. Речь московского городского головы по распоряжению генерал-губернатора В.А. Долгорукова была напечатана в газетах с большими купюрами. «Генерал-губернатору, – писал Чичерин в своих воспоминаниях, – понравилось то, что я говорил о необходимости власти и порядка, но вовсе не понравилось то, что я говорил о независимости. Все это в печати он велел выкинуть, так что речь появилась в “Московских ведомостях” совершенно обезображенной» [13, с. 174]. После обращения Чичерина к министру внутренних дел

¹ Валуев Петр Александрович (1815-1890) – министр внутренних дел в 1861-1868 гг.

² Черкасский Владимир Александрович (1824-1878) – московский городской голова 1869-1871 гг.

³ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 72. Д. 53.

с жалобой на В.А. Долгорукова было получено разрешение императора о напечатании речи целиком.

Б.Н. Чичерин еще не раз вызывал беспокойство властей своими либеральными речами. Выступление на банкете городских голов в дни коронационных торжеств, в котором он призвал к «объединению земских людей», стало каплей, переполнившей чашу правительственного терпения. Городскому голове пришлось уйти в отставку в августе 1883 г.

Широкий резонанс вызвал конфликт между московским городским головой И.А. Ляминам¹ и губернатором П.П. Дурново². Начавшийся из-за амбициозных претензий губернатора, он вылился в проблему о значении и месте должности городского головы и самого губернатора в системе губернской администрации. Внешне конфликт выглядел так. На 25 января 1873 г. по случаю своего вступления в должность губернатор назначил «представление всех подведомственных и подчиненных ему лиц». Московский городской голова на общее представление не явился. Он посетил губернатора накануне и, не застав его, оставил свою визитную карточку. Его неявка вызвала сильное недовольство П.П. Дурново, о чем И.А. Лямин и был извещен через генерал-губернатора. Городской голова появился у губернатора на следующий же день, но не в мундире, а во фраке, при галстуке и с орденом Святого Владимира. Губернатор расценил поведение городского головы как своего рода вызов, демонстрацию

независимости от административной власти и в присутствии свидетелей позволил себе грубо отчитать Лямина за незнание и несоблюдение им норм субординации. Возмущенный этим городской голова сразу же подал в отставку. В письме на имя московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова он заявил, что в его лице оскорблено все московское городское общество [7, с. 169].

И губернатор, и генерал-губернатор поспешили поставить в известность о происшедшем со всеми подробностями министра внутренних дел. Князь В.А. Долгоруков, докладывая со своей стороны о конфликте, выразил опасение, что в случае отставки Лямина могут возникнуть затруднения с выбором нового головы. «Городское общество, оскорбленное губернатором в лице своего представителя, – писал он, – или вовсе не представит желающих баллотироваться на эту должность, или будет стараться, чтобы выбор пал на такую личность, которая могла бы упорнее оградить свою самостоятельность и противодействовать администрации, или, наконец, будет домогаться гарантии в независимости от губернаторской власти» [7, с. 170]. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев, однако, в этом конфликте поддержал губернатора. В письме В.А. Долгорукову он заявил, что городской голова своими действиями вынудил губернатора сделать ему замечание. Отставка И.А. Лямина была принята незамедлительно.

После отставки городского головы губернатор П.П. Дурново предложил вместо выборов назначить нового главу городского самоуправления правительственной властью. А.Е. Тимашеву

¹ Лямин Иван Артемьевич (1822-1894) – московский городской голова в 1871-1873 гг.

² Дурново Петр Павлович (1835-1918) – московский губернатор в 1872 – 1878 гг.

пришлось объяснить губернатору, что в числе неотъемлемых прав городского общества, представленных ему законом, входит и право избрания своих представителей. В.А. Долгоруков также предлагал не утверждать новых выборов городского головы, а вместо этого назначить, впредь до особого рассмотрения, правительственную комиссию для управления городскими делами. Министр внутренних дел отверг и это предложение, не видя причин для принятия чрезвычайных мер. Выборы состоялись, и кандидатура нового городского головы была утверждена императором.

Показательна запись, сделанная в своем дневнике бывшим министром внутренних дел и членом Государственного совета П.А. Валуевым в январе 1874 г. и отразившая непростые взаимоотношения между высшими чинами московской администрации: «Тимашев передал мне в Государственном совете записку об упразднении в Москве должности гражданского губернатора. Я старался ему доказать, что таких мер нельзя принимать потому только, что Дурново не ладит с кн. Долгоруковым и что Дурново вообще оказался несостоятельным» [3, с. 289]. Предложение упразднить губернаторскую должность, конечно, носило единичный характер и вряд ли могло быть осуществленным, а тем более превратиться в обычную практику. Однако этот случай показывает всю сложность и неопределенность отношений московских генерал-губернаторов и губернаторов, а также отсутствие у центральной власти четкого представления о том, почему необходимо наличие в губернии этих двух институтов власти одновременно.

Не видя особой необходимости в существовании генерал-губернаторств, министры внутренних дел проводили последовательную политику усиления власти и значения губернаторов, что, впрочем, нередко встречало сопротивление других министров, опасавшихся ущемления интересов своих ведомств в губернии [6, с. 320-321]. Значение генерал-губернаторов как постоянных ходатаев о нуждах вверенной им местности и представителей самодержавной власти на местах ставилось министрами внутренних дел под сомнение. Д.А. Толстой¹ полагал, что в этом было назначение губернаторов, ведь даже сведения о местных нуждах генерал-губернаторы могли получать только от губернаторов [11, с. 103]. Сами представители московской власти также не оставались в стороне в подобных спорах. Так, например, генерал-губернатор П.А. Тучков считал, что только генерал-губернаторы, облеченные личным доверием императора и обладающие в глазах общества особым «обаянием власти», способны сообщать правительству о нуждах и потребностях края «с полным беспристрастием». В то время как губернаторы не обладают «ни достаточно независимостью от центрального управления, ни достаточными средствами к обнаружению истинных стремлений общества» [8, с. 74-75].

Существенное влияние на деятельность глав местной администрации оказывал личностный фактор. Личные качества московских губернаторов и генерал-губернаторов также влияли на характер их взаимодействия с органами общественного управления.

¹ Толстой Дмитрий Андреевич (1823-1889) – министр внутренних дел в 1882-1889 гг.

Самым запоминающимся «хозяином Москвы» во 2-й половине XIX в. стал князь В.А. Долгоруков, занимавший пост генерал-губернатора более 25 лет. В своих воспоминаниях москвичи отмечали его отзывчивость, простоту, открытость и приветливость. Управление Москвой при нем, «как и весь уклад московской обывательской жизни, носило на себе многие черты патриархального характера» [2, с. 116]. О Долгорукове «говорили как о добром правителе, но при том указывали и на то, что он любил у богатых купцов занимать деньги без отдачи, делая и, впрочем, желательные для них компенсации» [10, с. 248]. Говорили и о «благодарностях», которые он получал от богатых московских евреев за то, что предоставлял их родичам, не имевшим права жительства в Москве, возможность оставаться в ней. Это, по слухам, также повлияло на его отставку в 1891 г., так как в те годы высшее правительство было настроено по отношению к евреям весьма враждебно [10, с. 248]. Все эти слухи не мешали москвичам любить Долгорукова, который был всегда открыт для просителей разного уровня, покровительствовал искусству, опекал московское студенчество.

Вскоре после празднования 25-летнего юбилея правления Долгорукова в Москве, ему была дана отставка. Он уехал за границу и вскоре умер. Москвичи так и не смогли принять занявшего его место великого князя Сергея Александровича¹, представлявшего собой полную противоположность В.А. Долгорукову. Был он неприветливым

и высокомерным, просителей по личным делам сам никогда не принимал. Одним из первых мероприятий, введенных великим князем в Москве, стало выдворение из Москвы и Московской губернии евреев². Став генерал-губернатором, он привнес в Москву порядки Императорского двора, построив свои отношения с москвичами на основе сухой официальности, больше свойственной северной столице. «Одним из официальных мотивов назначения великого князя на генерал-губернаторский пост, который занимали обыкновенные, хотя и титулованные, генералы, было будто бы желание придать этому посту особую высоту и блеск и тем оказать внимание Москве. Но Москва дорожила простотой и отсутствием Двора и потому за назначение великого князя не была благодарна» [2, с. 119].

В один год с В.А. Долгоруковым Москва лишилась еще одного своего любимца – в отставку был отправлен московский губернатор В.М. Голицын³, снискавший «общие симпатии и расположение к себе всех кругов Москвы. Он был прост, ласков и обходителен со всеми. Его благородная, изящная красивая наружность приятна была москвичам» [1, с. 21]. По воспоминаниям, секретаря Московской городской думы Н.И. Астрова, «князь Владимир Михайлович, человек просвещенный, дворянской культуры, либерально настроенный человек, никогда не был чиновником и бюрократом. Техническое дело управления, со всеми мелочами и формализмом, было ему скуч-

² ЦАГМ. Ф. 17. Оп. 49. Д. 1510.

¹ Романов Сергей Александрович (1857–1905) – московский генерал-губернатор в 1891–1904 гг.

³ Голицын Владимир Михайлович (1847–1932) – московский губернатор в 1887–1891 гг., московский городской голова в 1897–1905 гг.

но и чуждо. Он не скрывал, что мало интересуется этой стороной дела. Если он был «представительным» губернатором на Москве, то как чиновник министерства внутренних дел он был весьма слаб и мало отвечал требованиям Петербургских канцелярий» [1, с. 21-22]. Несмотря на слабые управленческие качества губернатора, описанные Н.И. Астровым, Москва была против его отставки, а через несколько лет Московская городская дума выбрала М.В. Голицына городским головой. И хотя в должности городского головы князь Голицын также не проявил особых управленческих талантов, «но зато он был незаменимым представителем города во всех весьма разнообразных случаях, требующих достоинства внешнего и внутреннего» [1, с. 24]. Профессор В.И. Герье, много лет бывший гласным Московской городской думы, писал в своих воспоминаниях: «Кн. Голицын соединил в своем лице много условий для той влиятельной роли, которую он взял на себя... Он был человеком благовоспитанным и приветливым, что облегчало ему отношения со всякого рода людьми... Он был хорошо обставлен. Товарищем головы при нем был бывший член управы И. Лебедев – человек, в совершенстве знавший все городские дела, прямой и неутомимо работающий. Городским секретарем при нем состоял бывший мировой судья Н.И. Астров, очень способный, мягкий в формах, и ему преданный» [14, с. 220]. Таким образом, наличие опытных помощников смягчало нехватку управленческих качеств нового городского головы.

Интересно, что в своих оценках глав местной администрации москвичи делали упор на их «представительские»

функции и соответствие «патриархальному» характеру первопрестольной. Равнодушие членов Думы к низким управленческим качествам губернатора можно объяснить наличием в Москве генерал-губернатора, без которого не решался ни один важный вопрос, а также развитием общественного самоуправления, на фоне которого одним из важнейших качеств губернатора становилась способность идти на диалог с общественными органами управления и не препятствовать их инициативе. В то же время напряженные отношения с местной администрацией в период генерал-губернаторства великого князя Сергея Александровича крайне затрудняли реализацию Городской думой важных для Москвы проектов. Сергей Александрович был далек от городских дел, не пользовался уважением москвичей и Московской думы и редко поддерживал ее мероприятия [9, с. 400]. Эти отношения также накладывали свой отпечаток и на восприятие Думой благих начинаний администрации. Так, например, гласные Думы всячески противились передаче Московскому университету участка земли под строительство Музея изящных искусств, расценивая эту идею как очередную прихоть генерал-губернатора [9, с. 402].

Таким образом, во второй половине XIX в. ключевыми элементами системы местного управления в Москве являлись генерал-губернатор, губернатор, а с 1863 г. и Московская городская дума. Неопределенность формулировок законодательных актов вызывала необходимость разграничения полномочий местных органов власти и определения их отношения как к центральным, так и к общественным

органам управления. Характер их взаимодействия в существенной степени определялся личными качествами и собственными представлениями о сущности своей должности генерал-губернаторов, губернаторов и городских голов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000. 173 с.
2. Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. 215 с.
3. Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел: в 2 т. Т.1. М., 1961. 420 с.
4. Гиляровский В.А. Мои скитания. Москва газетная. М., 2006. 508 с.
5. Дневник В.А. Муханова// Русский архив. 1897. Кн. 1. С. 79-124.
6. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867 / под. ред. Л.Г. Захаровой. М., 2005. 696 с.
7. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: правительственная политика. Л., 1984. 260 с.
8. Отношение московского военного генерал-губернатора министру внутренних дел от 12 февраля 1863 года за № 1409 // Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений: Отдел административный. Ч. 1. Отд. VI. СПб., 1870.
9. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. 752 с.
10. Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. М., 2004. 432 с.
11. Тхоржевский И.И. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 4. СПб., 1902. 472 с.
12. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Дневник. 1855-1882. М., 1929. 260 с.
13. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 4. Земство и Московская дума. М., 1934. 357 с.
14. Terra Europa: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века. М., 2014. 671 с.

УДК 930.85

Архипов С.В.*Московский государственный областной университет***БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг.**

Аннотация. В данной статье рассматривается благотворительность Русской Православной Церкви во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Привлекая архивные источники, автор анализирует объемы пожертвований и гуманитарной помощи, поступившей из разных пределов Российской Империи на протяжении всей войны, на примере данных из некоторых епархий РПЦ, а также формы иного содействия Церкви, и в заключение приходит к выводу, что филантропическая деятельность Церкви сыграла весьма существенную роль в помощи освобождению славян от турецкого ига.

Ключевые слова: церковная благотворительность, пожертвования, русско-турецкая война, народная поддержка, патриотизм, сердобольные братья, военные лазареты, Красный Крест.

S. Arkhipov*Moscow State Regional University***RUSSIAN ORTHODOX CHURCH'S CHARITY DURING
THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877-1878**

Abstract. The article examines charity activities of the Russian Orthodox Church during the Russian-Turkish war of 1877-1878. With the use of archival sources the author analyzes the amount of donations and humanitarian aid received from various regions of the Russian Empire during the entire war. The data from some dioceses of the Russian Orthodox Church, as well as other forms of the Church's assistance were used to perform the analysis. The author finally comes to the conclusion that the Church's philanthropy played a very important role in the liberation of Slavs from the Turkish yoke.

Key words: church charity, donating, Russian-Turkish war, popular support, patriotism, compassionate brothers, military hospitals, the Red Cross.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. выделяется на фоне других военных конфликтов, в которых участвовала Россия в XIX в. Она отличается, в первую очередь, целями и задачами. Все остальные войны данного столетия диктовались исключительно интересами Российской Империи к приращению новых территорий или политикой

оборонительной в условиях нашествия врага на территорию непосредственно самой России.

Эта же война велась не только не на русской территории, но даже и не на территории сопредельного государства. По сути, Болгария была для нас дальним зарубежьем. И все же Россия вела эту войну с вполне определенной и, безусловно, благородной целью.

Болгарский народ – братский славянский и, что самое главное в то время, православный – томился долгие столетия под гнетом Высокой Порты. У болгар отсутствовали какие-либо права, и они подвергались всяческому притеснению. Первенцы нещадно изымались из семей для подготовки к службе в мусульманской армии. Грабительские налоги душили финансовое благосостояние болгарского общества. Болгарская Православная церковь была в униженном положении, количество священнослужителей строго регламентировалось и являло собой крайне малую величину, а церковные структуры вообще не развивались и находились под строжайшим османским контролем.

Однако XIX в. характеризовался новыми веяниями на международной арене. Некогда могучая Османская монархия начала явно дряхлеть. Остановившись в своем политическом и экономическом развитии, стремясь сохранить и упрочить традиции средневековой Порты и не желая приспособиваться к новым условиям, она становилась все более жестокой по отношению к угнетаемым национальностям. Но эти же самые народы начали понимать, что их властному врагу вскоре наступит конец, что благоприятный момент для попытки освобождения вскоре настанет. Первопроходцами стали черногорцы, сбросившие с себя турецкое владычество еще в начале XVIII в. А в веке девятнадцатом среди балканских народов первыми получили независимость греки [3]. Это стало сигналом и для других народов. Сербия, а также Босния и Герцеговина переняли эту эстафету завоевания национального суверенитета. В 70-х гг.

XIX в. за ними последовала и Болгария. В 1876 г. произошло кровопролитнейшее Апрельское восстание, ставшее отчаянной попыткой измученного народа противостоять туркам. Результатом его явились более сорока тысяч жертв, погибших от рук турецких янычар и башибузуков [4].

В свою очередь, именно на Россию как на единственную православную Империю, возлагали болгары свои надежды на освобождение. Император Александр II взвешивал все плюсы и минусы различных способов помощи болгарам, но к 1877 г. стало ясно: ни один из способов не даст желаемого болгарам эффекта, кроме военного вмешательства. При этом в России были в разгаре Великие реформы, легшие тяжким бременем на финансы страны, и недовольство императором нарастало в умонастроениях русского общества. Не все было хорошо и в императорской семье. Внебрачная связь императора с Е.М. Долгорукой создала значительную напряженность в ней. Да и в обществе скандальная ситуация популярности императору не добавляла.

И все же Александр II решился на военное вторжение в пределы Османской империи. 12 (24) апреля 1877 г. война была официально объявлена [1, с. 26-27]. Это событие вызвало небывалый патриотический подъем в русском обществе и привело к единению и совпадению точек зрения по вопросу вызволения единокровных и единокровных болгар из средневекового плена. Люди не скупались на щедрое пожертвования освобождаемым, собирая крупные суммы и гуманитарную помощь.

Принимала активнейшее участие в сборе средств и Русская Православная

Церковь¹. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. достигла необычайных масштабов. Жертвовало как просто население, как монастыри и храмы, так и непосредственно высшие иерархи Церкви. Ценнейшим источником по истории благотворительности является Отчет Обер-Прокурора Святейшего Синода Дмитрия Андреевича Толстого за 1877 г., а точнее, его особая часть, называемая «Деятельность Отечественной Церкви во время войны с Турцией».

Еще задолго до начала войны вышел указ Синода от 24 ноября - 1 декабря 1876 года, согласно которому все женские монастыри и общины должны были озаботиться созданием отрядов «сердобольных сестер» из числа насельниц для отправления в военные лазареты, эти же монастыри должны были заняться изготовлением корпии, бинтов, перевязок и всего, что требуется для обработки ран, а согласно указу от 3-15 марта 1877 г., и мужские монастыри были привлечены к образованию отрядов «сердобольных братьев» из монашествующих и послушников, к тому способных и благонадежных². А сразу после объявления войны Святейший Синод распорядился о том, чтобы, напечатав потребное количество экземпляров, разослать манифест об объявлении войны по епархиям с предписанием обнародовать манифест в соборах, церквях и монастырях³. Чле-

ны Святейшего Синода призвали духовенство и мирян к пожертвованиям на санитарные нужды армии⁴. С осени 1877 г., ввиду наступающих холодов и продолжающихся военных действий, и существенного увеличения расходов на войну, Синод призвал монастыри и скиты, находящиеся вдоль железных дорог, предоставить все свободные и резервные помещения для устройства госпиталей для выздоравливающих или больных воинов и изготавливать все необходимые материалы для перевязки больных и раненных воинов⁵.

Сбором пожертвований на военные нужды занимались две организации: Славянское Благотворительное общество, известное также как Славянский Комитет [2, с. 353], и Общество попечения о больных и раненных воинах, вскоре после войны переименованное в Общество Красного Креста. Славянское благотворительное общество начало свою деятельность в Москве 1858 г., и имело два филиала – в Санкт-Петербурге и Киеве. А Общество попечения о больных и раненных воинах, основанное в 1867 г., имело собственные склады для хранения гуманитарной помощи в крупных городах Российской Империи.

Произведем выборку о деятельности нескольких епархий РПЦ по сбору пожертвований в пользу воинов и на санитарные нужды армии, а также по организации временных лазаретов в монастырских помещениях и создании местных отрядов «сердобольных братьев» и «сердобольных сестер».

В Костромской и Галичской епархии были образованы отряды сердобольных братьев и сестер. Основная

¹ Центральный государственный исторический архив г. Москвы (далее ЦГИАМ). Ф. 203. Оп. 525. Д. 8. Ч.1. Л. 1, 4.

² Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф.797, Оп. 97. Д. 353, Л.170 об.

³ РГИА. Ф. 797, Оп. 97, Д. 619, Л. 5

⁴ РГИА. Ф. 797, Оп.97, Д.433. Л. 265-265 об.

⁵ Там же. Л. 139.

работа была проделана Костромским Богоявленским Анастасиинским девичьим монастырем, в котором образован отряд из 66 сердобольных сестер¹ и организован сбор материала для госпиталей с большинства епархиальных обителей. В итоге Макариево-Унженский монастырь пожертвовал в Общество Красного Креста 320 аршин холста и 15 мотков ниток на сумму 30 рублей, Авраамиево-Городецкий – 775 аршин холста на сумму 70 руб, Предтеченский Железоборовский пожертвовал 6 пудов холста, мерой более 10000 аршин, на сумму 100 р². В самом Богоявленском монастыре функционировал Костромской Дамский комитет Общества попечения о больных и раненых воинах. К 1 января 1878 г. изготовлено и отправлено в действующие армии через центральные склады 800 пудов (около 10,8 т) белья, одежды и прочих принадлежностей³.

Также активное участие приняли и посильную поддержку оказали Галичский, Николаевский, Староторжский девичий, Троицкий Белбазский девичий, Богородице-Федоровский монастыри, а также Богородице-Федоровская и Кинешемско-Вознесенская женские общины.

Путем кружечного сбора было накоплено 833 р. 66,75 копеек в монастырских и 5489,44 руб. в приходских и соборных храмах⁴.

Богоявленский монастырь также организовал госпиталь для больных и раненых воинов: в подведомственном Богоявленскому, упраздненном Крестовоздвиженском монастыре, было

выделено под данные нужды 2 здания на 60 коек, в Назаретской пустыни – 1 здание на 15 коек, дом, прилегающий к монастырю – под мастерскую Дамского комитета, флигель данного здания – под склад вещественных пожертвований. Монастырь на собственные средства произвел ремонт зданий: обновление наружной обшивки стен и их покраску, обеспечение провода воды из городского резервуара, обивку внутренних стен склада и устройство в нем печей, потратив около 2000 рублей⁵. Ипатьевский монастырь предоставил резервное, находящееся вне монастыря, здание, с возможностью размещения до 10 коек, с наличием кухни, а также неограниченным и полностью безвозмездным подвозом всего необходимого продовольствия для приготовления пищи. Макариево-Унженский, Богородице-Игрицкий, Городецкий Авраамиев, Николо-Бабаевский и Предтеченский Железоборовский монастыри, а также Кривоезерская пустынь изъявили желание предоставить примыкающие к монастырям здания, монастырские гостиницы и некоторые хозяйственные помещения, которые можно было бы в течение короткого времени переоборудовать под лазареты.

В Кишиневской и Хотинской епархии, которая находилась ближе всего к Балканскому театру военных действий, и, следовательно, была вынуждена в первую очередь принимать вереницы больных и раненных воинов, а также гражданских лиц, была оказана следующая помощь.

Речульский женский скит, при содействии Княгини Шаховской, предоставил во временное пользование с

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 433.

² Там же. Л. 9 об.

³ Там же. Л. 10 об.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 11 об.

последующим возвращением, «...14 лиц из числа указных и приватно проживающих в монастыре послушниц»¹. Указанные люди исполнялистряпные и прачечные обязанности при военных лазаретах, при этом монастырь не понес никаких издержек², что говорит о наличии запасных средств в обители.

Пожертвований, пришедших на имя Преосвященных, поступило за весь период войны 5387 руб. 35 коп³. Путем кружечного сбора Кишиневская консистория получила 997 руб. 58 коп. и от духовенства 43 руб. 83 коп.

При Кишиневском Архиерейском доме была организована лечебница, где полностью были вылечены 27 больных, а после выписки они были снабжены полушубками, парой белья и единовременной выплатой в 3 рубля. Средства на это были затрачены частично лично Преосвященным, частично благодаря пожертвованиям от частных лиц.

Общая же сумма всех видов пожертвований от епархии составила 8575 руб. 93,5 коп⁴.

Традиционно, наиболее посильную поддержку и помощь оказала Московская епархия, которой на тот момент руководил известный владыка, член Святейшего Правительствующего Синода Православной Российской Церкви, митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов), в прошлом – просветитель алеутов, который в будущем получит заслуженное церковно-народное название «Апостол Америки и Сибири».

Из мужских монастырей поступило в сердобольные братья 22 человека, на которых было выделено 140 руб., из женских монастырей сердобольными сестрами стали на время 63 насельницы, также Покровская община сестер милосердия предоставила 35 своих сотрудниц⁵, таким образом, общая численность составила 120 человек.

Помимо этого, для исполнения «священноцерковнослужительских обязанностей» откомандировано Московской епархией в военно-временные госпитали, сформированные Московским военным округом, 16 иеромонахов и 12 послушников, с полным укомплектованием церковной утварью, богослужебными книгами и другими вещами, а также деньгами на сумму 283 рубля, 45 копеек⁶.

Корпии, бинтов, полотенец, халатов, постельного белья было изготовлено монастырями, частными лицами и организациями на сумму 1314 руб. 78 коп⁷.

Монастыри, храмы, церковные общины щедро жертвовали денежные средства в пользу Общества Попечения о больных и раненных воинах. К примеру, Свято-Троицкая Сергиева Лавра на санитарные нужды армии пожертвовала и отправила в Московское местное управление общества Красного Креста 18 июля 1877 г. для отсылки в Главное управление общества 1000 руб. Также в благословение воинам отпущено из Лавры крестиков и образков на протяжении войны на сумму 149 руб. 70 коп. В 1876 г. через Сергиев Посад проследовал поезд с огромным количеством воинов, на угощение которых Лавра потратила 844 руб. 80 коп.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 14136. Л. 182.

² Там же.

³ Там же. Л. 186 об.

⁴ Там же. Л. 187 об.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 36-36 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 44 об.

Согласно отчету митрополита Иннокентия, всего было пожертвовано 22946 руб. 34 коп¹.

Что же касается организации в монастырских зданиях и помещениях лазаретов для больных и раненых воинов, то дело здесь обстояло следующим образом.

Московский Спасо-Андроников монастырь организовал в своих стенах госпиталь на 25 коек, в который были безвозмездно отпущены мука, крупа, масло растительное и сливочное, освещение и отопление; Московский Свято-Данилов открыл госпиталь на 20 мест².

Общежительный Николо-Угрешский монастырь устроил масштабную военную лечебницу для больных и раненых на 50 человек, совокупно с медицинским пособием. На что пожертвовал 7750 руб. Соинвесторами лечебницы выступили пустыни: Давидова, Берлюкова, Екатерининская; монастыри: Пешношский, Гуслицкий, Старо-Голутвин, Ново-Голутвин, Белопесочский, и в итоге была собрана рекордная сумма: 22559 руб. 22 коп³.

Будучи только что возобновленным, Иоанновский монастырь, стараниями почетной гражданки г. Москвы Марьи Александровны Мазуриной, предоставил помещение для раненных воинов на 200 человек.

При больнице в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и в Лаврском Доме, находящемся на Переславской улице, были устроены два госпиталя для больных и раненных воинов на 50 кроватей в каждом. Сумма, потраченная Лаврой и подведомственными ей мо-

настырями на содержание и лечение воинов, составила 17924 руб. 12,5 коп., а на переоборудование Лаврского дома под лазарет – 6504 руб. 10 коп. Общая же сумма затрат составила 24428 руб. 22,5 коп⁴.

Всего же, общая сумма всех пожертвований и расходов от всех духовных лиц, организаций, мирян Московской епархии, составила гигантскую сумму: 104784 руб. 94,5 коп⁵.

Немалое участие в помощи, как братским славянским народам Балканского полуострова, так и воинам Императорской армии, сражавшимся за освобождение этих самых народов от османского ига, приняла столичная Санкт-Петербургская епархия. Храмы, причты и частные лица в самом городе собрали 27111 руб. 84 коп., количество денежных сборов по устроенным в церквях кружкам Общества Красного Креста составило 9856 руб. 82 коп⁶. Интерес представляет информация о пожертвованиях из Финляндии, а также других стран, в которых располагались приходы, подведомственные Санкт-Петербургской епархии. Например, часть средств в Финляндии была собрана в финских марках, и составила 493 мар. 50 пен. храмов и физлиц, часть же была собрана в рублях, составив 4598 руб. 97 коп, путем кружечного же сбора было накоплено 657 мар. 50 пен. в первой категории, и 317 руб. 80 коп. во второй категории денежных пожертвований. Интерес также вызывает тот факт, что относительно православного прихода в г. Ницца, во Франции, где было собрано 3361 фр. 17 сант., не имеется сведе-

¹ РГИА, ф. 796, оп. 158, д. 1413а. Л. 50 об.

² Там же. Л. 58 об.

³ Там же. Л. 60 об.

⁴ РГИА, ф. 796, оп. 158, д. 1413а. л. 62 об.

⁵ Там же. Л. 62.

⁶ Там же. Л. 69.

ний о накопленных путем кружечного сбора средствах, что указывает на то, что юрисдикция Общества Красного креста не распространялась на эти храмы. Отсутствовали кружки и в Нью-Йорке, где в пользу страждущих славян и освобождавших их воинов было пожертвовано всего 100 долларов США. Итоговая сумма денежных пожертвований, включая пожертвования, поступившие из уездов Санкт-Петербургской епархии: 54561 руб. 28 коп., 1150 мар. 55 пенс., 3361 фр. 17 сант. и 100 долл. США¹.

Следует также рассмотреть данные об организации отрядов «сердобольных братьев» и «сердобольных сестер», изготовление разных вещей для солдат, а также организации в обителях временных лазаретов.

К примеру, от знаменитого первоклассного Спасо-Преображенского Валаамского мужского монастыря, в отряд «сердобольных братьев» отправлены 4 человека 7 августа 1877 г., корпии, бинтов, и всего прочего изготовлено не было, а Главное Управление попечения о больных и раненных воинах не признало возможным воспользоваться предложением монастыря принять на свое содержание 20 человек раненных и больных воинов. По всей вероятности, это было вызвано тем, что Спасо-Преображенский Валаамский монастырь находится посреди Ладожского озера, на значительном удалении от берегов, следовательно, транспортировка больных и раненных лиц через озеро, известное своими длительными штормами, могла бы быть затруднена и вряд ли не навредила бы здоровью пациентов². Однако

иная ситуация наблюдалась в первоклассной Троицкой Сергиевой пустыни. Несмотря на то, что отрядов «сердобольных братьев» сформировано не было, по распоряжению Епархиального начальства отправлено в распоряжение штаба местных войск Петербургского военного округа 30 сентября 1877 г. для отправления треб в военновременных госпиталях, находящихся в действующей армии: два иеромонаха, и в качестве псаломщика один послушник; на имя Сербского Митрополита отправлен тюк с бельем, копией и бинтами, весом в 5 пудов³; 29 января 1878 г. в особом здании был устроен госпиталь с церковью на 20 кроватей для больных и раненных воинов. Содержание госпиталя изволила принять на себя Великая Княгиня Александра Иосифовна⁴, за исключением «... необходимых для них кроватей, тюфяков и подушек, на покупку которых потребуется 320 руб.»⁵. Данные средства были приняты «...на счет Святейшего Синода, с отнесением расхода их на счет экстраординарного кредита из типографского капитала, на расходы, до действий типографии не относящиеся, которого ныне имеется до 2000 руб.»⁶. В целом на устройство госпиталя и содержание при нем доктора было израсходовано около 10000 руб⁷.

В Воронежской епархии собрали 8814 руб. 99,5 коп⁸. В Орловской – 17724,46 руб.; 38 человек от женских монастырей организовали отряд «сердобольных сестер»,⁹ 36 человек от

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. д. 1413. Л. 69 об.

² Там же. Л. 72.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413. Л. 70 об.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1433. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 1 об.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413а. Л. 71.

⁸ Там же. Л. 173.

⁹ Там же. Л. 95 об.

мужских организовали отряд «сердобольных братьев»¹. В Черниговской и Нежинской 13516 руб.43 коп. деньгами, больничными принадлежностями на 1392, 29 руб., помещениями под лазарет в 2450 руб., подготовлено 60 сестер для ухода за больными и ранеными². В Литовской и Виленской епархии собрали 7666,99 руб.³.

Всего же в духовное ведомство Российской Империи за 1877 г. поступило 600000 рублей⁴, а за 1878 г. – 120000 рублей на различные нужды⁵. Все это составило довольно внушительную сумму.

Помимо благотворительной, Русская Православная Церковь осуществляла также и другие формы деятельности. В самый день объявления войны Турции к Обер-Прокурору Святейшего Правительствующего Синода Православной Российской Церкви поступил экземпляр Высочайшего Манифеста, который вскоре предложено было, «напечатав потребное число экземпляров», разослать во все подведомственные Синоду структуры, храмы и монастыри. Также предписывалось сразу же по получении экземпляра Манифеста, после Божественной Литургии, оглашение его в городах на следующий по получении день, а в селах – в первый воскресный или праздничный день, с совершением тогда же торжественного молебствия с коленопреклонением⁶.

В Москве на следующий день после известия о подписании Высочайшего

Манифеста об объявлении войны Турции состоялись молебны⁷ о ниспослании русскому воинству победы в начавшемся противостоянии⁸.

Через три дня Святейшим Синодом было сделано Распоряжение о возношении во всех церквях по прежним примерам⁹, всенедельных молитв Богу о победе над врагом, которые необходимо было распечатать в количестве 50000 экземпляров¹⁰ по приблизительному числу храмов. Общая стоимость распечатывания экземпляров составила 527 руб. 36 коп.¹¹

Представители военного духовенства присутствовали и на полях сражения и поддерживали моральный дух солдат, также присутствовали контакты с Болгарской Православной Церковью (Болгарским Экзархатом), в том числе, и в виде совместного сослужения и евхаристического общения¹².

Таким образом, подытоживая исследование, следует отметить, что Русская Православная Церковь оказала существенную поддержку делу освобождения южнославянских народов от турецкого ига. Безусловно, деятельность Церкви во время войны не ограничивалась одной только благотворительностью, однако составила основу ее посильного соучастия этому благому и справедливому предприятию.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1082. Л. 11.

⁸ ЦГИАМ. Ф. 203. Оп. 525. Д.7. Л. 1а.

⁹ Существовал шаблон молитвы о послании войску помощи Божией, однако в него были внесены дополнения: « ... а им же судил еси, положить на брани души своя за Веру, Царя и Отечество, тем прости согрешения им, и в день Праведного Воздаяния Твоего воздай венцы нетленные» - РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1082. Л.13 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д.1082. Л. 9

¹¹ Там же. Л. 42.

¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 620. Л. 281.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1413. Л.96

² Там же. Л. 175 об.

³ Там же. Л. 116.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 619. Л.19.

⁵ Там же. Д. 620. Л. 145

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 1082. Л. 5.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гарковенко П. Война России с Турцией 1877 – 1878 года. М.: Тип. К. Индриха, Сретенка и д. Карлони, 1879. 970 с.
2. Кочуков С.А. Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877-1878 гг.: дис. ... док. истор. наук: 07.00.02. Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского.
3. Палеолог Г.Н, Сивинис А. Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб.: Типография Морского министерства, 1867. 552 с.
4. Страшимиров Д. История на Априлското въстание. Т. III. Въстание и пепелища. Пловдив, 1907. 460 с.

УДК 930

Кулянов Р.В.*Российский государственный университет туризма и сервиса (г. Москва)*

МЕСТО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Аннотация. В исследовании речь идет о месте и роли Государственного совета в преодолении последствий Первой русской революции 1905-1907 гг. в России, в частности – в процессе формирования новых структур власти и выработки законодательных актов, а также о деятельности Государственного совета в сложный период Первой мировой войны. Внимание в работе акцентируется на том, что Государственный совет мог способствовать разрешению кризисных явлений в стране и обществе, только преодолев внутренние политические противоречия в самом Совете, сотрудничая с российским императором, Советом министров России и уважительно относясь к традиционным ценностям. Анализируется роль в истории Государственного совета в частности и страны – в целом, таких политических фигур, как П.А. Столыпин, В.В. Меллер-Закомельский, П.Н. Дурново, В.Н. Коковцов и др.

Ключевые слова: Российская империя, Русская революция 1905-1907 гг., Государственный совет, преодоления государственного кризиса.

R. Kulyanov*Russian State University of Tourism and Service, Moscow*

THE PLACE AND ROLE OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE THROUGH THE CONTEXT OF OVERCOMING THE REVOLUTIONARY CRISIS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article considers the place and role of the State Council in overcoming the consequences of the first Russian revolution of 1905-1907. The author gives particular attention to its role in the formation of new power structures and the development of legislation, as well as to the activities of the State Council in the difficult period of World War I. That is why the special emphasis in this work is focused on the fact that the State Council could help to overcome the crisis in the country and society only on condition that it overcame its own internal political contradictions in close cooperation with the Russian emperor and the Council of Ministers of Russia, being respectful towards the traditional values. The article also analyzes the role of such political figures as: P.A. Stolypin, V.V. Meller-Zakomelsky, P.N. Durnovo, V.N. Kokovtsov, and others, in the history of the State Council in particular, and in the country's as a whole.

Key words: the State Council, the Russian Empire, Russian Revolution of 1905-1907, overcoming national crisis.

История Государственного совета уже давно находится в сфере внимания отечественных исследователей. Но если в дореволюционной литературе (П.П. Кузьминский, Д.И. Пихно, В.М. Устинов) Госсовет рассматривался как едва ли не единственное спасение от социальной смуты, а в советский период (А.Д. Степанский) – как изначально реакционная структура, то в настоящее время акцент в работах, посвященных Государственному совету (В.А. Демин, В.Г. Кошкидько, Е.А. Юртаев) делается на юридическом аспекте (принципы формирования и функционирования). Вне исследовательского поля до сих пор остается вопрос о деятельности Госсовета, направленной на преодоление последствий революционных потрясений в России начала XX столетия. А именно этот вопрос как никогда актуален сегодня, когда Российская Федерация ликвидирует последствия социальных кризисов конца XX – начала XXI вв.

Цель данного исследования, таким образом, состоит в том, чтобы посредством изучения сути политических кризисов, сотрясавших Государственный совет изнутри, постараться проанализировать и обобщить деятельность Совета, направленную на преодоление последствий Первой русской революции 1905-1907 гг., поскольку кризисы эти – прекрасный показатель того, что происходило в самом российском обществе.

Реформированный в течение 1906-1907 гг. Государственный совет должен был участвовать в решении стоявших перед всей Российской империей насущных социально-политических проблем, которые были настолько остры, что выработка приемлемого решения

вызывала в стенах Государственного совета не просто жаркие дискуссии, но и настоящие кризисы, грозившие обрушить реформируемую систему власти.

Стоит оговориться, что порой политические группировки сознательно провоцировали тот или иной кризис, рассчитывая усилить свои позиции и влияние на монарха и на правительство.

Однако, как это не покажется парадоксальным, без кризисных ситуаций не удалось бы выработать рациональные подходы к стоящим перед обществом вопросам социально-политической стабильности [10, с. 129]. Именно этим объясняется наше внимание в первую очередь к кризисам Государственного совета.

6 июня 1908 г. был принят законопроект об установлении штата морского генерального штаба и об отпуске средств на его содержание и сам штат. Это дало повод правым в Государственном совете обвинить правительство в посягательстве на права верховной власти и отклонить проект. Но премьер-министр П.А. Столыпин усмотрел в этом решении Государственного совета покушение на авторитет правительства и добился вторичного обсуждения, прохождения проекта через Государственный совет и его утверждения. Российский император, со своей стороны, очень ревниво относившийся к своим полномочиям, счел утверждение законодательными учреждениями штата военно-морского учреждения покушением на свои prerogative и отказался утвердить этот закон. Ответом на это стало прошение П.А. Столыпина об отставке. Эту просьбу российский монарх отклонил,

одновременно поручив Совету министров разработать правила утверждения подобных штатов впредь. Этот инцидент (вызванный, в сущности, рядовым вопросом) показал, что различные ветви власти в России с трудом приходят к компромиссу и что после революционных событий 1905-1907 гг. политические амбиции первых лиц государства превалируют над интересами страны [2, с. 34-39]. Было понятно, что данный инцидент, хотя и был исчерпан, но он не последний в истории реформированного Государственного совета.

Второй кризис разразился в 1910 г. в связи с обсуждением законопроекта Столыпина о введении земских учреждений в шести западных губерниях [1, с. 55]. Вопрос этот оставался чрезвычайно важным для реформ, осуществляемых премьер-министром, поскольку давал возможность передачи части полномочий по развитию территорий из центра в регионы и способствовал перенесению богатого земского опыта туда, где местное население не было еще в массе своей привлечено к решению насущных вопросов.

Проект был провален на Государственном совете большинством в 30 голосов, в том числе значительной частью правых, которые считали, что введение в западных российских губерниях земских учреждений усилит националистический сепаратизм. А это в свою очередь может дать новый толчок антиправительственным настроениям и поднять новую революционную волну.

Столыпин в этом случае подал прошение об отставке. Однако российский император вновь не только отклонил эту просьбу, но и согласился на

все его условия. Лидеры правых были отправлены в отпуск до конца года, а в следующем году не были включены в число присутствующих членов Государственного совета [3, с. 12].

Однако российский император никогда не прощал Столыпину того, что вынужден был капитулировать перед его требованиями. Так, победа председателя Совета министров обернулась его политическим поражением [1, с. 56]: происходило медленное, но неуклонное усиление позиции правых в Госсовете. Доля правых увеличилась почти до одной трети главным образом за счет вновь назначаемых членов [4, с. 16-18]. Те же тенденции можно было наблюдать и в обществе в целом: обыватель был напуган революцией и постепенно «переходил на позиции» правых партий, поддерживая идею ограничения гражданских и политических свобод.

Насущные проблемы, стоящие перед страной, требовали консолидации общества, и в первую очередь – консолидации власти, тогда как последнюю раздирали политические амбиции.

П.А. Столыпин рассчитывал преодолеть недопонимания, возникавшие у него при обсуждении важнейших государственных вопросов в Государственном совете, добиваясь у императора права влиять на назначение новых членов, представляя ему свои рекомендации. Но и сам император (и само общество) поддерживало тех, кто, по сути, выступал инициатором усиления конфронтации в Государственном совете, инициатором ненужных политических скандалов и кризисных ситуаций.

В 1909 г. произошли в соответствии с законом пере выборы третьей части

выборных членов. В результате за счет вновь избранных членов позиции правых в Государственном совете еще более усилились. Теперь число правых в Совете достигало 72, а центристов – 79 человек.

«Группа центра» оставалась в политическом смысле малоавторитетной. В 1910 г. она распалась на три фракции – центристов, правый центр и так называемое Польское коло, объединившее польских депутатов. В том же году из «Группы центра» вышло 14 членов Государственного совета, создавших проправительственную группу так называемых нейдгардтовцев (по фамилии ее лидера – сенатора Д.Б. Нейдгардта) [1, с. 57; 9, с. 221]. Группа эта хотя и поддерживала столыпинские начинания, но была малочисленной, и не могла оказывать серьезного давления на других членов Государственного совета.

Сложилась (малочисленная) группа умеренно левых членов Государственного совета, получившая наименование «Кружок внепартийного объединения» (10-15 человек).

В результате всех изменений в составе Государственного совета произошло дальнейшее размывание центра и увеличение числа групп. К концу 1912 г. самой большой фракцией в Совете были правые – 72 человека. За ними шла Группа центра – 63 члена, правый центр – 16 членов, Кружок внепартийного объединения – 10 членов, Академическая группа – 12 членов, а также 9 внепартийных членов. 12 членов Государственного совета были членами правительства. Таким образом, при численном преобладании Правой группы в Государственном совете по разным вопросам было возможно как

правое большинство, так и центристское [1, с. 58]. Союз правых и правого центра, если и существовал по отдельным вопросам, не был постоянным, так как группа правого центра, несмотря на свою малочисленность, стремилась играть свою роль в деятельности Государственного совета. Не было единства и среди правых.

К сожалению, Столыпин уже не мог воспользоваться новым раскладом сил для дальнейшей реализации своих идей в сфере реформирования самоуправления, аграрных отношений и трудового законодательства. Хотя политический террор, жертвой которого стал премьер-министр, прервал его деятельность, стоявшие перед страной проблемы требовали своего решения, несмотря на смену руководства правительства. Застой в законодательстве, тормозящий даже самые необходимые реформы, усугублялся своего рода законодательным тупиком, созданным усилиями правых в Государственном совете [1, с. 60].

В 1914 г. большинство Государственного совета выступило с критикой правительства (премьер-министр В.Н. Коковцов) в ходе обсуждения законопроекта о борьбе с пьянством. Столкнулись политические амбиции разных лиц – от крайне правых до «независимого» политика С.Ю. Витте, использовавших вопрос о народном пьянстве как предлог для обвинений в адрес оппонентов из кабинета министров. Но вопрос борьбы с пьянством был прерогативой не только правительства, но и самого монарха, так как он считал заботу о народном здравии – физическом и душевном – одной из главных в своей деятельности. Русская православная церковь поддерживала

усилия, направленные на ограничения пьянства. Таким образом, та часть Государственного совета, которая выступала с критикой правительственных инициатив по ограничению пьянства, вступала в противоречия и с церковью, и с самим императором. Созданное – во многом благодаря стараниям императора – правое большинство в Государственном совете начинало, таким образом, не только мешать правительству, но и раздражать российского императора [8, с. 98].

Все противоречия отодвинула на второй план начавшаяся летом 1914 г. мировая война. Государственный совет единодушно поддержал объявление войны и выступил с патриотическим заявлением. Казалось, что на время военных испытаний было достигнуто единство народного представительства и верховной власти. Но трагические неудачи на фронте и явная неспособность правительства обеспечить армию всем необходимым усилили оппозиционные настроения в стране в целом и в Государственном совете в частности.

Российский император вынужден был отказаться от некоторых наиболее одиозных – с точки зрения общества – министров (военного министра В.А. Сухомлинова, министра внутренних дел Н.А. Маклакова, министра юстиции И.Г. Щегловитова, обер-прокурора Святейшего синода В.К. Саблера и ряда других чиновников); осуществив назначения на важнейшие государственные посты новых лиц, в частности – нового председателя Государственного совета [1, с. 60].

15 июня 1914 г. вместо тяжело заболевшего М.Г. Акимова (9 августа скончался), исполнять его обязанно-

сти был назначен вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев (обязанности вице-председателя временно исполнял бывший министр юстиции С.С. Манухин). Поскольку И.Я. Голубев не был сколько-нибудь авторитетной политической фигурой, все ждали появления нового председателя Государственного совета. 15 июля 1915 г. председателем Государственного совета был назначен А.Н. Куломзин, опытный чиновник, придерживавшийся умеренно либеральных убеждений. Кандидатуры на этот пост правых деятелей (например, бывшего министра внутренних дел А.Г. Булыгина) были отвергнуты [1, с. 60].

Однако и в дальнейшем противостояние власти и общества продолжалось. Все больше и больше правительство демонстрировало свою неспособность успешно управлять страной в тяжелейших условиях мировой войны. 12 августа 1915 г. сложился так называемый Прогрессивный блок, в который вошли 236 депутатов Государственной думы: часть националистов, депутаты центра, октябристы-земцы и левые октябристы, партия прогрессистов и кадеты. В Прогрессивный блок вошла и часть членов Государственного совета [1, с. 60], рассчитывавших, что новому политическому объединению удастся сплотить общественные силы для решения важнейших задач, стоящих перед государством в условиях военного времени. Главной инициативой Прогрессивного блока было создание так называемого «правительства общественного доверия».

В Государственном совете идеи Прогрессивного блока безоговорочно поддерживала малочисленная Прогрессивная (в прошлом – Академи-

ческая) группа. Определенную поддержку Прогрессивному блоку оказала «Группа центра», которая не могла выработать постоянной линии своих действий [5, с. 14-16].

Еще в 1913 г. в Государственном совете стала проявлять большую активность «Группа центра». Отчасти это было связано с тем, что во главе группы стоял энергичный и амбициозный В.В. Меллер-Закомельский. В 1915 г. Группа центра поддержала Прогрессивный блок, требовавший активизировать политику по укреплению обороноспособности страны и ее консолидации. Поддержал идею «правительства общественного доверия» и «Кружок внепартийного объединения». Таким образом, сторонников идей Прогрессивного блока в Государственном совете насчитывалось 87 человек, то есть чуть меньше половины всего его состава [1, с. 60-61]. Государственный совет, таким образом, раскололся на две приблизительно равные части, повторяя ситуацию, сложившуюся в российском обществе, причем – так же как в целом в стране, ни правые, ни левые в Государственном совете не могли перехватить политическую инициативу: правые переживали кризис, связанный как с заменой на посту ее лидера П.Н. Дурново на А.А. Бобринского, человека гораздо менее авторитетного и более осторожного, так и с желанием части правых образовать самостоятельную фракцию. «Группа правого центра» и «Кружок внепартийного объединения», составлявшие соответственно левый фланг у правых и правый фланг у левых, не смогли консолидироваться и занять ключевую центристскую позицию в Совете [1, с. 61].

Общая неустойчивость в деятельности Государственного совета, и общая его оппозиционность увеличились. В конце 1916 г. известные своими оппозиционными настроениями российские политики и государственные деятели В.В. Меллер-Закомельский и Д.А. Олсуфьев с трибуны Государственного совета подвергли резкой критике политику правительства [1, с. 61]. Это вызвало ответную реакцию со стороны российского императора, считавшего, что и в Государственном совете начинает набирать влияние оппозиционный Прогрессивный блок. К 1 января 1917 г. была произведена чистка Государственного совета. В отставку отправлены 18 членов Государственного совета (11 – сторонников Прогрессивного блока и 7 наименее активных правых). Вместо либерального А.Н. Куломзина председателем Государственного совета был назначен 1 января 1917 г. «правый политик» И.Г. Щегловитов [1, с. 61].

Соотношение сил в Государственном совете вновь изменилось в пользу правых. Но правое большинство по-прежнему оставалось непрочным. А главное, оно уже не могло принести никакой пользы стране и монархии, вместо усилий по консолидации общества, вновь развернулась внутривнутриполитическая борьба [1, с. 61].

Февральская революция 1917 г. привела к упразднению Государственного совета: с 1 мая упразднились должности членов Государственного совета по назначению, а с 6 октября признавались «утратившими силу полномочия» и его члены по выборам.

14 декабря 1917 г., уже после Октябрьской революции, Совет народных комиссаров упразднил Го-

сударственный совет как структуру, созданную самодержавием.

Подведем итоги.

Перед реформированным в 1906 г. Государственным советом стояла задача подготовки важных и судьбоносных для страны и общества законодательных актов Российской империи, в частности, связанных с реформами государственного управления, определившими облик российской государственности.

Наличие Государственного совета придавало характер законности правительственным мероприятиям. Прохождение через Государственный совет большей части законопроектов должно было служить гарантией против непродуманных или недостаточно квалифицированных решений. Государственный совет должен был способствовать достижению компромисса между правительственными структурами и ведомствами.

По сути дела Государственный совет представлял собой «сколок» российского общества, раздираемого после революции 1905-1907 гг. и во время Первой мировой войны политическими страстями. Политическая борьба в самом Госсовете, противостояние верхушки чиновничества с императорской фамилией не могло не сказаться на том, что Госсовет все более отдалялся от общественных и государственных проблем. В результате Государственный совет не смог предотвратить интегральный кризис России, повлекший за собой смену всей социальной пирамиды после 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственный совет Российской империи, Совет федерации Федерального собрания Российской Федерации в истории российского парламентаризма: преемственность и традиции. М., 2007. 184 с.
2. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906-1917. М., 2006. 376 с.
3. Кошкидько В.Г. Представительная власть в России: Формирование и функционирование (1905-1907 гг.). М., 2000. 232 с.
4. Кузминский П.П. Всероссийская трагедия: Открытое письмо членам четвертой Государственной думы и Государственного совета. СПб., 1912. 63 с.
5. Мальцева И.В. Государственный совет Российской империи в структуре монархической власти: Автореф. дис... к. ю. н. СПб., 1996. 15 с.
6. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. 655 с.
7. Пихно Д.И. Представительство Земской Руси в Государственном совете. Киев, 1909. 30 с.
8. Степанский А.Д. Политические группировки в Государственном совете в 1906-1907 гг. // История СССР. 1965. № 4. С. 49-64.
9. Устинов В.М. Учение о народном представительстве. Т. 1. М., 1912. 694 с.
10. Юртаева Е.А. Государственный Совет по Основным законам Российской империи 1906 года: законодательные полномочия // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 121-131.
11. Юртаева Е.А. Государственный совет в России (1906-1917 гг.) М.: Эдиториал УРСС, 2001. 196 с.
12. Юртаева Е.А. Государственный совет в России. 1906-1917 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS, 2010. 204 с.

УДК 930

Кулянов Р.В., Ершов К.П.*Российский государственный университет туризма и сервиса (г. Москва)*

К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1810-1917 гг.)

Аннотация. В статье анализируются основные положения и структура деятельности Государственного совета Российской империи как уникальной управленческой структуры, чья деятельность направлена на разработку и анализ законов, вырабатываемых для российского общества на протяжении XVIII – начала XX столетий. Основное внимание сосредоточено на структурных элементах Государственного совета и их функций, поскольку именно департаменты и комиссии Государственной думы решали важнейшие для Российской империи вопросы. Анализируются вопросы, связанные с формированием состава Государственного совета, выборами руководителей и их заместителей, дается общая оценка роли Государственной думы в истории российского государства и российского общества.

Ключевые слова: Российская империя, Государственный совет, департаменты, комиссии, основные положения деятельности, реформа Совета в 1906 г.

R. Kulyanov, K. Ershov*Russian State University of Tourism and Service, Moscow*

OF TOURISM AND SERVICE ON THE HISTORY OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE (1810-1917)

Abstract. The article analyses the main points and structure of the activities of the State Council the Russian Empire as a unique administrative institution, which activity was focused on the development and analysis of laws, produced for the Russian society during the XVIII - beginning of XX centuries. The paper focuses on the structural elements of the State Council and their functions, as those were the departments and commissions of the State Duma which solved the most important problems of the Russian Empire. The article also examines the issues related to the formation of the State Council, the election of the heads and their deputies, and evaluates the role of the State Duma in the history of the Russian state and Russian society.

Key words: the Russian Empire, the State Council, departments, commissions, the main regulations of the activities, the reform of the Council in 1906.

Актуальность темы исследования истории Государственного совета (1810-1917 гг.) объясняется тем, что разносторонние преобразования в экономической, политической, юридической сферах требуют переоценки исторического наследия России, ана-

лиза становления и развития органов государственной власти, эволюции формы правления российского государства, традиций и новаций в вопросах государственного управления. Особое место в истории российской государственности занимает Государственный совет Российской империи,

просуществовавший с 1810 по 1917 гг. Это – первый в истории России государственный орган, который хотя бы в некоторой степени ограничивал власть монарха, соединяя в себе лучшие силы российского общества с целью выработки норм и правил государственной жизни [1, с. 34-35].

Деятельность Государственного совета освещена в многочисленных трудах отечественных исследователей как дореволюционного, так и советского и современного (постсоветского) периодов. Среди последних капитальных работ стоит отметить труды А.П. Бородин, В.А. Демина, А.С. Сенина, в которых проанализированы различные юридические аспекты функционирования этого законодательного органа власти. Однако до сих пор нет сугубо исторического исследования, в котором бы деятельность Госсовета рассматривалась в увязке с главнейшими, поворотными событиями в истории России.

В данной статье предпринята попытка наметить основные проблемные пункты, демонстрирующие, что Госсовет являлся важнейшим звеном всей системы государственного аппарата, поскольку в круг его интересов входило рассмотрение вопросов внутренней и внешней политики, порожденных конкретной исторической ситуацией.

Государственный совет оставался – в течение более столетия законодательным, а с 1906 г. законодательным учреждением Российской империи, что предопределяло его особый статус в структуре государственной власти в 1810-1917 гг.

Государственный совет был создан императором Александром I. Алек-

сандр Павлович был известен как реформатор (хотя, пожалуй, не очень последовательный) большинства государственных структур Российской империи [2, с. 23].

Александр Павлович опирался в своем решении о создании Государственного совета на опыт деятельности (и руководства) «Непременного совета», созданного еще в 1801 г. Идею о создании подобного рода законодательных структур подал императору (и способствовал воплощению на практике) М.М. Сперанский, известный юрист и просветитель, считавший необходимым осуществление коренного реформирования государственного аппарата и правотворчества в России.

В сопроводительной записке «О необходимости учреждения Государственного совета» Сперанский, обращаясь к императору, объяснял необходимость создания данной структуры еще и тем, что в России на закон всегда смотрели как на нечто, не имеющее внутренней логики, подлежащее корректировке в ту сторону, которая была более удобна тому или иному лицу. Это в корне расходилось с общепринятой практикой законотворческой деятельности. Россия же, стремившаяся в европейское сообщество, должна была покончить с такой порочной практикой.

Работа эта, с одной стороны, была обусловлена знанием особенностей государственного развития России, а с другой, способствовала реформированию государственной системы страны. И Государственный совет занял в реформируемой управленческой системе Российской империи одно из ведущих положений [3, с. 82].

Однако даже в такой необходимой для страны реформе пришлось считаться с российскими государственными традициями. Так, членов Государственного совета мог назначить и уволить только сам император (или они могли подать в отставку). Иных процедур ротации кадров не предусматривалось. Все это делало Государственный совет по сути дела неприкасаемым. Почти все члены Госсовета были дворянами (за очень редким исключением). Но возраст, образование и чин никакой роли при подборе кандидатуры в члены Государственного совета не играли. Зачастую Государственный совет рассматривали как «тихую гавань» для отставных министров, которые спокойно досиживали здесь свой век, не особо вникая в проблемы законотворчества. Ежегодно император назначал председателя и вице-председателя Государственного совета. Данная практика была порочной, поскольку порождала не только превалирование непрофессионализма, но и коррупции (многие представители готовы были за взятку попасть в Госсовет).

После Отечественной войны 1812 г. полномочия Государственного совета были расширены, его председатель был одновременно и председателем Комитета министров, а в Госсовет вошли представители царствующего дома Романовых. Впоследствии, с 1865 по 1905 гг. деятельностью Государственного совета руководили великие князья.

Росло и количество членов Государственного совета. Если в год его создания (1810-й) их насчитывалось всего 35 человек (достаточно узкий круг), то к концу XIX столетия – 90 человек.

Всего через совет за это время прошло около 550 человек (представители высшей знати и чиновничества Российской империи).

Но дело «не в количестве, а в качестве»: о большинстве из членов Государственного совета вряд ли можно было говорить, как о специалистах в области юриспруденции, экономики и истории России.

Задачи членов Государственного совета состояли в следующем: они должны были рассматривать и анализировать законодательные предположения, а также изменения в уже существующие и действующие в Российской империи законы. Они были обязаны заниматься рассмотрением вопросов внутреннего управления государства (то есть, по сути, вопросов внутренней политики). Они должны были решать проблемы жизни государства в условиях чрезвычайной ситуации (война, катастрофы и проч.) На них возлагалась обязанность рассматривать и анализировать ежегодные сметы общих государственных доходов и расходов. Государственный совет принимал на себя функцию одобрения (или отклонения) отчетов Государственного контроля по исполнению росписи доходов и расходов и пр. [4, с. 95-97]. Все это предопределяло особость подготовки специалиста, предназначенного для работы в Государственном совете. Естественно, специалистов специально не готовили, но тщательно отбирали из различных государственных структур.

Уже с момента создания Государственный совет состоял из общего собрания, Государственной канцелярии, департаментов и постоянных комиссий. Кроме того, при нем действовали

различные временные особые совещания, комитеты, присутствия и комиссии.

Государственная канцелярия отвечала за прием всех дел, направляемых в Государственный совет; за их регистрацией и передачей соответствующим инстанциям наблюдал лично государственный секретарь. Он же определял, относится ли дело к полномочиям Государственного совета или нет. Он же контролировал прохождение его через соответствующий департамент Госсовета, где должны были обсуждаться поднятые в деле проблемы и вопросы.

Однако император мог «собственнолично» передавать в тот или иной департамент Государственного совета то или иное дело, минуя канцелярию. Однако и в этом случае департамент должен был уведомить канцелярию о поступлении дела на рассмотрение. Этот порядок должен был гарантировать рассмотрение дела, что исключало его «пропажу» среди прочих деловых бумаг.

15 апреля 1842 г. императором Николаем I был подписан регламент, который вносил определенные коррективы в действующий до того времени манифест Александра I «Учреждение Государственного совета» [5, с. 61-78]. Регламент ограничивал сферу деятельности Государственного совета, выделяя и изымая из его полномочий ряд важных направлений и дел. Однако «вакуум» заполнялся за счет увеличения рассматриваемых в департаменте административных дел и вопросов судопроизводства [6, с. 76]. С одной стороны, это усиливало (и без того непоколебимые) позиции монарха, но, с другой, несколько повышало автори-

тет Госсовета и приближало его к широким слоям общества.

Интерес представляет и эволюционный процесс изменений структуры Государственного совета, что будет рассмотрено ниже.

Департамент законов существовал в 1810-1906 гг. Его сфера – административно-территориальное право, судопроизводство, налогообложение, деятельность и штаты ряда государственных учреждений, предпринимательских структур и общественных объединений.

Департамент гражданских и духовных дел существовал в 1810-1906 гг. Отвечал за вопросы формы и порядка судопроизводства, за толкование и применение в судебной практике отдельных статей гражданского и уголовного законодательства, за возведение в дворянство и лишение последнего, за решение имущественных споров, за денационализацию, за решение вопросов, связанных с религиозными аспектами [7, с. 122].

Департамент государственной экономии действовал в 1810-1906 гг. Этот департамент отвечал за проблемы предпринимательства и народное просвещение (то, что относилось к финансовой сфере последних). Этот же департамент должен был следить за государственной казной, государственными расходами и доходами. Он имел право затребовать финансовый отчет любого министерства и ведомства Российской империи и проверить правомерность расходов по тем или иным статьям бюджета. Департамент контролировал и деятельность государственных банков.

В полномочия департамента военных дел (1810-1854 гг.) входила обя-

занность курировать все, что было связано с обороной страны, в первую очередь – армия, флот, военные кадры, расходы на содержание вооруженных сил и военного ведомства вообще и проч. Кроме того, Департамент имел право привлечения к административной и уголовной ответственности лиц из военного ведомства, подозреваемых в совершении административного нарушения или уголовного преступления. Но виновность того или иного лица должна была быть доказана только по суду. Департамент утратил свои полномочия после поражения Российской империи в Крымской войне.

Временный департамент был образован в 1817 г. для рассмотрения, анализа и обсуждения законопроектов в финансовой области. В частности – об учреждении Государственного коммерческого банка, Совета государственных кредитных установлений, а также введения питейного сбора и др.

Департамент дел Царства Польского существовал в 1832-1862 гг. Создан был после ликвидации конституционной автономии Царства Польского. В его задачи входило рассмотрение вопросов внешней политики на западных окраинах России (польские земли), где социальная обстановка оставалась долгое время взрывоопасной, а потому требовался особенно тщательный подход к ряду аспектов взаимоотношений с местным населением.

Департамент промышленности, наук и торговли действовал в 1900-1906 гг. и был создан из-за острой необходимости решения вопросов, связанных с «бумом» предпринимательства в индустриальной сфере и торговле, а также важностью вопроса по содействию развития этих экономических

секторов с наукой, способной предложить новые парадигмы развития.

Среди комиссий Государственного совета стоит акцентировать внимание на следующих структурных единицах:

- Комиссия составления законов (1810-1826). Ее задачи – кодификация законодательства;

- Комиссия по принятию прошений (1810-1835). Название говорит само за себя;

- Особое присутствие для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената (1884-1917). В задачу этой структуры входил контроль за распределением, поступающих из Комиссии по принятию прошений обращений и распределения их (после решения о соответствии последних сфере деятельности Госсовета) по соответствующим департаментам [8, с. 12].

Реформа 1906 г. (порожденная Первой русской революцией) внесла очень серьезные коррективы в формирование и деятельность Государственного совета Российской империи.

Половина членов Государственного совета стала избираться, а не назначаться.

Причем и те, кто назначался, и те, кто избирался, пользовались одинаковыми правами и были, что называется «неприкосновенными», то есть обладали иммунитетом против судебного преследования.

Назначение осуществлялось по представлению премьер-министра Российской империи и, как правило, сроком на один год, после чего происходила ротация кадров, что устраивало все стороны – императора, и исполнительную власть, и само российское общество.

Всего в первом составе реформированного в 1906 г. Государственного совета было 196 членов (98 назначенных и 98 выбранных).

Избрание проводилось по 5 разрядам:

- от православного духовенства – 6 человек;
- от дворянских обществ – 18 человек;
- от губернских земских собраний – по одному от каждого;
- от академии наук и университетов – 6 человек;
- от совета торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ – 12 человек;
- 2 человека избирались от Финляндского сейма.

Выборы были как прямыми (от губернских земских собраний) так и двухступенчатыми.

В Государственный совет не избирались лица, не имевшие права участвовать в выборах в Государственную думу, лица моложе 40 лет или не окончившие курса в средних учебных заведениях и иностранные подданные. Император сохранил за собой право назначать председателей Государственного совета и его заместителей.

По сути дела, Государственный совет, начиная с 1906 г. представлял собой известный противовес Государственной думы, отличавшейся известным радикализмом, как в обсуждении, так и в принятии важнейших для страны решениях. Высшая российская власть рассматривала Государственный совет еще и как структуру, способную в силу данных ей полномочий заблокировать принятие разрушительных и социально взрывоопасных законопроектов. Правда, это не всегда удавалось, так как члены Государственного совета из

числа «избираемых» также порой отличались радикализмом во взглядах на государство и общество. Это в известной мере подрывало авторитет самого Государственного совета.

Структура Государственного совета после 1906 г. существенно изменилась [8, с. 184]. Остались – общее собрание и Государственная канцелярия. Были реформированы два департамента, два – ликвидированы. Увеличилось число постоянно действующих комиссий. Заседания общего собрания Госсовета освещались в российских и иностранных средствах массовой информации и были, как правило, открыты для обывателя, который, впрочем, мало интересовался тем, что происходит в стенах Государственного совета.

Реформированный Первый департамент рассматривал юридические вопросы и дела, касающиеся взаимоотношений с Государственной думой, Советом министров, Сенатом и проч., а также дела об утверждении титулованного дворянства.

Второй департамент специализировался по экономическим и финансовым вопросам жизни Российской империи, ее взаимоотношениям с внешним миром.

Подведем определенные итоги нашего исследования.

Государственный совет был создан императором Александром I для того, чтобы продемонстрировать просвещенной Европе, что российским властям не чужды идеи либерализма в вопросах управления страной, а монарх не столь уж и абсолютен в своих правах. Однако смена монархов в России демонстрировала смену либерального курса на консервативный, затем – обратно, после – снова консервативный.

Менялся (структурно) и Госсовет, менялись представляющие его государственные деятели: число «правых» и «левых» менялось в зависимости от государственной политики, также изменялось и содержание законодательных актов, рассматриваемых в стенах Госсовета.

Наиболее наглядно взаимозависимость Госсовета и общественной ситуации в стране продемонстрировали события 1905-1907 гг., в результате которых Госсовет подвергся серьезному реформированию – как в количественном, так и в качественном плане.

Не обошли Государственный совет стороной и политические баталии, приведшие, в конце концов, Россию к интегральному социальному кризису и революциям 1917 г. Госсовет не смог преодолеть внутренних противоречий, которые во многом и предварили сначала его государственное бессилие, а потом и его роспуск.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бородин А.П. Государственный совет России (1906-1917). Киров, 1999. 489 с.
2. Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого: Историко-юридическое исследование. История образования русского Государственного совета сравнительно с аналогичными западно-европейскими учреждениями. Т. 1. Ярославль, 1891. 1064 с.
3. Демин В.А. Государственный совет Российской империи в начале XX в.: механизм формирования и функционирования // Отечественная история. 2006. № 6. 74-85.
4. Левенсон М.Л. Государственный совет. Пг., 1915. 110 с.
5. Манифест «Образование Государственного совета» 1 января 1810 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 61-78.
6. Отчеты по делопроизводству Государственного совета. СПб., 1870-1906. Т. 1. 759 с.
7. Сенин А.С. Государственный совет // Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996. С. 278-280.
8. Степанский А.Д. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1965. Т. 20. С. 160-188.

УДК 94(470-571)''19''

Акопян В.З.*Пятигорский государственный лингвистический университет*

ОТНОШЕНИЕ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ДИСПЕРСНЫХ ЭТНОСОВ ЮГА РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена отношению к Первой мировой войне немецкого и армянского населения Юга России – наиболее крупных дисперсных этносов в регионе в начале XX в. Их «материнские нации» оказались в войне по разные стороны фронтов. Поэтому отношение к начавшейся войне стало индикатором лояльности и верности к России. Автор показывает в целом лояльное отношение немецкого населения ко второй родине и полную поддержку российской политики со стороны армянской общины.

Ключевые слова: Первая мировая война, Юг России, национальные меньшинства, дисперсные этносы, община, добровольцы, геноцид

V. Akopyan*Pyatigorsk State Linguistic University*

ATTITUDE TO WORLD WAR I OF DISPERSED ETHNIC GROUPS OF SOUTHERN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the attitude of German and Armenian population of the South of Russia – the largest of dispersed ethnic groups in the region in the early twentieth century – to World War I. Their «mother nations» turned out to be opponents in the war. Therefore, the attitude to the outbreak of the war has become an indicator of loyalty and allegiance to Russia. The author shows that in the whole the German population was loyal to the second homeland and fully supported Russian policy on the part of the Armenian community.

Key words: World War I, the South of Russia, national minorities, dispersed ethnic groups, community, volunteers, genocide.

Настоящая статья поднимает лишь одну проблему военного периода – восприятие войны дисперсными этносами одного южнороссийского региона Российской империи, чьи «материнские нации», от которых они в свое время по разным причинам «откололись», оказались в войне по разные стороны фронтов. В качестве примера рассмотрим отношение к этой войне представителей наиболее крупных дисперсных этносов – немцев и армян.

© Акопян В.З., 2015.

Хорошо известно, какую роль в войне сыграли Германия и Австро-Венгрия, т.е. государства, являющиеся родиной российских немцев. Можно было бы предположить, что немцы, в большинстве проживавшие в моноэтнических колониях и выработавшие сильный механизм защиты от ассимиляции, как предполагало царское правительство и военные круги, должны были стать «пятой колонной» Германии в начавшейся войне. Тем более такой повод давало германское командование, питав-

шее надежду на поддержку со стороны российских немцев [5; 6; 10].

Следует отметить, что предки российских немцев стали обосновываться в России в тот период, когда на их исторической родине, представлявшей собой многочисленный конгломерат государственных образований (до 1867 г.), еще не завершился процесс оформления единой нации и не сформировалось единое национальное самосознание. Вот почему долгое время российские немцы называли себя швабами, австрийцами, баварцами и др. К тому же в России немцами называли также выходцев из сопредельных Германии стран Запада (голландцев, фламандцев, швейцарцев и др.), многие из которых со временем действительно вливались в немецкое население Российской империи. Так, например, имевшие голландские корни меннониты держались особняком от остальных российских немцев.

Уже сам факт того, что российские немцы были представлены различными субэтническими и конфессиональными группами со слабой степенью национальной консолидации в масштабах всего российского государства, не способствовал поддержке ими внешнеполитического курса Германии, шедшего вразрез с интересами самих российских немцев.

Своим «поведением» российские немцы не давали серьезного повода усомниться в их лояльности России. Конечно, в завуалированной форме у них могли иметь место «национальные предпочтения» и симпатии. Однако их усилению больше способствовали превентивные действия российских военных и гражданских властей в отношении российских немцев.

Действительно, с началом войны у правительства возникли опасения, что Германия попытается использовать немецкую диаспору в своих экспансионистских целях. В этой связи 2 февраля 1915 г. был принят закон о ликвидации иностранного землевладения и землепользования германских выходцев в приграничных местностях. Хотя он предусматривал экспроприацию земельной собственности и промышленных предприятий немцев в пределах стокилометровой приграничной зоны России, репрессивные меры проводились и на территории ряда районов Юга России. При этом экспроприацию собственности распространили как на немцев, не принявших российского подданства («неприятельских подданных»), так на принявших его в разное время («неприятельских выходцев»). Впрочем, процесс отчуждения собственности у немцев Северного Кавказа проводился частично и больше сводился к установлению контроля над колонистами, ограничению их перемещения и т. д.

Так, в одном секретном документе из Канцелярии Наместника на Кавказе от 18 октября 1915 г. сообщается: «Помощник по гражданской части Наместника Его Императорского Величества на Кавказе преподавал Начальникам губерний руководящие указания по осуществлению наиболее близкого и действительного надзора со стороны органов местной власти за немецкими колонистами,.. призвав обеспечить общественное управление колониями лицами вполне благонадежными, преданными русской власти, которым совершенно чужды немецкие националистические тенденции, собрав предварительно, при участии чи-

нов Отдельного Корпуса Жандармов, сведения, характеризующие облик каждого из должностных лиц колоний и удалив тех из них, кои окажутся не отвечающими своему назначению» [9, с. 99-100]. В документе от 13 ноября 1915 г. рекомендуется «во все немецкие колонии ныне же назначить правительственных старшин и писарей, с назначением всем им содержания за счет населения подлежащих выселению колоний, и с откомандированием в помощь старшинам полицейских стражников»¹.

Патриотическим целям служила кампания замены немецких названий населенных пунктов на русские и иные немецкие.

Немецкое население, проявлявшее лояльность к своей новой родине, с обидой восприняло жесткие меры в их отношении. Так, в письме колонистов Донской области в Государственную думу говорилось, что российским немцам «никогда не приходило в голову изменять своей присяге Русским императорам... и что при сельскохозяйственном нашем хозяйстве нам некогда думать о какой бы то ни было внешней политике, и что мы являемся покорными слугами Русского Отечества» [9, с. 96-97].

Показателен факт, когда желание показать свою верноподданность было истолковано негативно. Немцы-лютеране – жители колонии Навагинки Сочинского округа – 18 октября 1914 г. после молебна по поводу уборки урожая собрали пожертвования для направления в Московскую евангелическую лютеранскую консисторию, которая содержала лазарет для раненых

воинов. 16 декабря 1914 г. газета «Русское слово» поместила непроверенную информацию, в которой сообщалось, что немцы Навагинки собрали в пользу Германии 5000 рублей. 23 декабря колонисты провели сельский сход, принявший ходатайство «о привлечении виновных в получении ложных сообщений в газете “Русское слово” к законной ответственности» [9, с. 98].

Уездные исправники регулярно доносили вышестоящим властям о положении в колониях, настроениях немцев. Медвеженский уездный исправник Ставропольской губернии 2 ноября 1915 г. сообщает Ставропольскому губернскому правлению: «С началом войны немцы... стали вести себя тише, с русскими жителями стали обращаться более вежливо, чем раньше, но не стараются особенно дружить, относятся к русским с недоверием... Заметно было, что когда по газетным сведениям германские войска имели успех, настроение у местных немцев веселее, а когда наши войска побеждают германских, они становятся печальнее»².

Александровский уездный исправник 6 ноября 1915 г. сообщал, что в колониях: Великокняжеская Долина, Николаевская Степь, Ареваль, Лаварово, Цветополь, Тащенак, Марьины Колодцы, Сарона, в поселке Темпельгофе и в хуторах Екатеринославском, Генриха Гирса и Ивана Энбрехта «в отношении переживаемых событий колонисты проявляют большую сдержанность, открытых симпатий германцам не выражают, все повинности по поставкам в войска лучших лошадей выполнили добросовестно...»³.

¹ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 9.

² ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13, 13 об., 14.

³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 9, 9 об.

Наоборот, в докладе исправляющего делами Ставропольского губернатора полковника князя Оболенского от 14 марта 1916 г. делаются совершенно другие выводы, а с ними предлагаются соответствующие меры. Он сообщал в столицу: «По вопросу о политическом настроении этих колонистов приходится констатировать, что и здесь, в Ставропольской губернии, они, во всяком случае, представляются элементом подозрительным и, несомненно, враждебно настроенным к Государству и ко всему русскому; будучи вообще сдержанными в проявлении питаемых ими чувств пангерманизма, они, однако, позволяют себе иногда демонстративное издевательство над нашими военными неудачами...»¹.

По мнению Оболенского, Ставропольская губерния, благодаря близости к Черноморскому и Закавказскому фронту, ныне признана находящейся «на театре военных действий». В силу этого чиновник считал, что действие закона 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании «подданных воюющих с Россией держав должно быть распространено и на Ставропольскую губернию... которая может быть трактуема, как территория, входящая настоящим положением дела временно в состав Кавказского края, где применение указанного закона обязательно»².

Для того чтобы избежать репрессий, некоторые субэтнические группы немцев пытались отмежеваться от своей принадлежности к немецкой нации. Так, меннониты настаивали на своем голландском происхождении. Однако именно их власти зачастую призна-

вали самыми опасными из всех российских немцев, приводя в качестве аргументов их обособленность и отказ от несения традиционной военной службы [3, с. 349-354]. В то же время, несмотря на освобождение от службы в действующей армии, меннониты использовались военным ведомством на лесозаготовках и в санитарных учреждениях. К исходу 1915 г. более 60 % призванных на службу меннонитов находились в санитарных отрядах и госпиталях [8, с. 100].

В целом основная масса немецкого населения в годы войны еще в большей степени «замкнулась в себе». Наоборот, представители немецкой общественности всячески демонстрировали лояльность и преданность своим соотечественникам к стране пребывания.

Совершенно иная картина наблюдалась в среде российских армян.

До Первой мировой войны большая часть армянского народа проживала на своей исторической родине: в Западной Армении – в османских вилайетах Ван, Муш, Эрзерум, Сасун, Зейтун и значительно меньше в Восточной (Русской) Армении. Османская империя в мировой войне выступила на стороне Германии и Австро-Венгрии и в октябре 1914 г. первой начала военные действия против России на кавказском направлении. С конца XIX в. турецкое правительство осуществляло геноцид в отношении западных армян, кульминацией которого стало массовое уничтожение армянского народа в годы Первой мировой войны. Причем предлогом для окончательного «решения армянского вопроса» по-турецки стали подозрения в симпатиях армян к России и участие восточных армян

¹ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 44-45.

² ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 45.

в составе действующей российской армии. Хотя известно, что истинная причина крылась в стремлении уничтожить «армянский клин», препятствовавший реализации далеко идущих пантюркистских планов.

В армянских общинах России глубоко сопереживали трагическим событиям, разворачивавшимся в Османской империи на протяжении многих десятилетий в отношении их соотечественников. Особую активность проявляли национальные революционные партии (Дашнакцутюн, Гнчак, Рамкавар), деятельность которых ранее царскими властями была запрещена.

Нападение Турции на Россию вызвало небывалый патриотический подъем и надежды на освобождение Западной Армении. Российские власти, заинтересованные в привлечении армянского населения на свою сторону, изменили свое отношение к армянским партиям. Предвидя неизбежную войну с Турцией, 17 сентября 1914 г. Николай II обратился с воззванием к армянам, в котором обещал окончательное освобождение от турецкого гнета.

В связи с объявлением 22 октября 1914 г. войны с Турцией в армянских общинах создаются комитеты, приступившие к организации отрядов добровольцев и отправки их на Кавказский фронт. Видные представители общественности Нахичевани-на-Дону, Ростова, Армавира, Екатеринодара, Новороссийска, Пятигорска, Ставрополя, Святого Креста, Владикавказа, Грозного, Моздока, Кизляра, Дербента и других населенных пунктов, в своих обращениях отмечали, что создание добровольческих дружин являлось для российских армян возможностью вы-

полнить свой долг перед родным народом и Российским отечеством.

26 октября 1914 г. в армянских церквах Северного Кавказа был оглашен обращенный ко всем соотечественникам указ Католикоса всех армян о начале войны. В армавирской церкви Сурб Аствацацин выступивший перед паствой священник Геворг Сеферянц заявил: «Мы как граждане великой России и как сыны армянского народа не остановимся ни перед какой жертвой, те, кто в силах и в состоянии носить оружие, должны стать на ноги и если понадобится, пожертвовать жизнью» [12, с. 127].

Среди армянских общин, внесших вклад для успеха российского оружия, особо выделялась нахичеванская колония, объединявшая город Нахичевань-на-Дону и окрестные села, многие десятилетия имевшие самоуправление, дарованное Екатериной II. «К чести нахичеванских крестьян и горожан, – писал видный театральный деятель А. Абяян в газете “Мшак”, – считаю нужным констатировать публично, что... ни один из наших городов не может похвалиться перед Новой Нахичеванью таким множеством своих богоугодных учреждений, которыми так изобилует Новая Нахичевань и содержание которых пало на плечи новонахичеванцев, которые безропотно, добровольно каждый год платят налоги, подати» [4, с. 331].

19 ноября 1914 г. в нахичеванском соборе Св. Григория Просветителя состоялась церемония освящения боевого знамени армянских добровольцев Донской области, отправлявшихся на русско-турецкий фронт. Нахичеванская община организовала экипировку отрядов, их обучение, а затем и

проводы в Тифлис, а оттуда на фронт. Женщины во главе с госпожой Е. Берберьян создали специальный комитет, который занимался обеспечением добровольцев бельем, теплой одеждой, пропитанием [4, с. 328].

Только на территории Кубани с начала войны было сформировано четыре добровольческих армянских отряда [7]. В ежегодных списках армянских предпринимателей г. Екатеринодара, пожертвовавших внушительные средства на нужды войны, находим следующие фамилии и названия фирм: «Т-во мануфактур бр. Тарасовых», Б.В. Черачев, «Т-во бр. Богарсуковых», Торговый дом «Иван Тарасов с сыном», Х.Р. Хачадуров, «Т-во бр. Арзомановых», «Т-во К.А. Демержиев», «Арзуманов Л.Г. и К⁰», А.А. Аведов, «Алавердов Х.Е. с сыном» и десятки других [15].

Небывалый патриотизм демонстрировали жители городов Кавминвод, Ставрополя и Святого Креста. «Город Св. Креста (Карабагла), этот заброшенный уголок,.. – читаем в губернской газете, – покрытый густым налетом городских сплетен, с маленькой группой интеллигентных сил, обыкновенно далекий от интересов общечеловеческих, и он встряхнулся, и он заявил о своей готовности послужить родине» [13]. 31 октября 1914 г. в газете «Северокавказский край» священник С. Тер-Ованнисянц выступил с воззванием, заканчивавшимся такими словами: «Настал суд Божий, и он зовет нас на ратный подвиг во имя спасения Армении под протекторатом великой России» [14].

В период войны в города и села Юга России происходило переселение тысяч западных армян, чудом избежавших гибели от турецкого ятагана. Для

оказания им помощи среди местных армян развернулось широкое движение. Значительную роль играли благотворительные организации. Наибольшую активность проявляли отделения Армянского Благотворительного общества на Кавказе, женские организации, церковные попечительские советы, партии и отдельные предприниматели. Они выдавали продовольствие и одежду нуждающимся, организовывали единовременные или периодические выплаты денежных пособий, занимались трудоустройством беженцев, устраивали богадельни и приюты для стариков, размещали детей в учебные заведения и сиротские дома.

В 1914 г. в Тифлисе прошел съезд армянских обществ, в котором приняли участие 39 делегатов от провинциальных отделений Армянского благотворительного общества и около 300 представителей педагогических, литературных и других организаций России. Это собрание постановило открыть лазареты и госпитали, что было весьма актуально в условиях Первой мировой войны [11, с. 58]. Например, екатеринодарская комиссия по делам беженцев, возглавляемая Е. Пирумовой, взяла на попечение 350 человек, еще 900 помогла выехать в Закавказье. В 1915 г. в Екатеринодаре благотворительным обществом был открыт для беженцев лазарет, главным врачом которого являлся Н.А. Сырмакешев [4, с. 329].

В Нахичевани-на-Дону, чтобы придать организованный характер сбору пожертвований, местный армянский комитет разбил город на 26 участков и для каждого назначил ответственное лицо. В январе 1915 г. нашедшие в Нахичевани пристанище около 500 армянских беженцев, преимущественно

из приграничных Карсской и Батумской областей, начали получать помощь от местных благотворительных организаций, церковного попечительского совета и армянского комитета. Кроме того, для нужд беженцев, поселившихся в городах Закавказья, ими было на имя католикаса переведено 20 тыс. руб. и значительная партия одежды. Армянская интеллигенция Таганрога в начале года организовала в городском театре благотворительный вечер, в пользу беженцев было собрано 1000 руб. 30 августа 1915 г. в Нахичевани было проведено собрание представителей армянской общности, принявшее решение открыть детский приют для 250 сирот и взять их на попечение общества. Для организации приюта и ведения его дел была назначена комиссия (Г. Бахчисарайцев, Е. Шахазиз и др.). Армянских беженцев не оставили без внимания и представители ряда официальных учреждений России. В январе 1915 г. Московская городская дума приняла решение выделить в пользу беженцев 100 тыс. руб. [4, с. 330].

В январе 1917 г. на Северный Кавказ прибыл национальный герой генерал Андраник. Его пламенные выступления перед представителями общности способствовали мобилизации сил и средств на помощь беженцам. Он обличал тех национальных политиков, которые во имя своих узкопартийных и классовых интересов забывают о главном – национальном выживании. «Политика всеобщего уничтожения – политика геноцида – уже осуществлена в самых широких масштабах и в самом жестоком виде. И в силу этого классовые различия среди турецких армян... стусеивались – они все стали жертвами

одной судьбы, одного правового положения, они все живут единым идеалом, единым горем, имея перед собой одного общественного врага... В разоренной нашей стране партии пусть проповедуют не отвлеченные теоретические учения, а то, каким способом обеспечить физическое существование уцелевших остатков истребленного народа... Нам надо подумать о спасении уцелевших, чтобы завтра или послезавтра мы могли перестроить армянское общество на той же родине в соответствии с ее исторической миссией и чаяниями...» [2, с. 223]. Эти слова он произносил в Тифлисе, Армавире, Пятигорске и в других городах. Местные армяне, вняв его призыву, собрали крупную сумму для помощи беженцам и раненым военнослужащим.

Кипучую работу развернуло пятигорское отделение Кавказского армянского благотворительного общества. В 1915 г. в парке Цветник состоялось открытие здания Всесословного общественного клуба или Народного дома, построенного на средства армянских предпринимателей – Нацвалова, Карапетяна, Ходжаева и Тер-Теряна. Хотя Всесословный клуб строили не как национальное заведение, в тот сложный период в его помещениях проводились благотворительные вечера, во время которых выступали видные представители армянской и русской культуры. Спасшимся от геноцида армянам оказывали помощь и представители русской общности. Так, благотворительные вечера и спектакли в 1915 году в пользу беженцев-армян и раненых солдат устраивала жена директора Пятигорского городского общественного банка Е.К. Кузнецова. 3 августа 1917 г. в Народном доме состо-

ялся благотворительный вечер-встреча с выдающимся армянским поэтом Ованесом Туманяном. На эту встречу специально приехали Валерий Брюсов, Сергей Городецкий и Бальмонт. Классик армянской литературы, обращаясь к переполненному залу, сказал: «Наше будущее, как я и говорил всегда, и вы это знаете, связано с Россией, а чем свободнее будет Россия, тем лучше для Армении и для всего мира!» [1].

Таким образом, отношение к начавшейся войне национальных меньшинств Северного Кавказа, в частности, армян и немцев, стало индикатором лояльности и, более того, верности их второй родине. При всей трагичности и неоправданности репрессивной политики в отношении немцев в период Первой мировой войны она совершенно не сопоставима с геноцидом армянского народа, осуществленного 100 лет назад в Османской империи, когда народ, тысячелетиями живший на своей земле, был полностью уничтожен.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акопян В.З. История прихода армянской апостольской церкви города Пятигорска. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 176 с.
2. Андраник Озаян. Документы и материалы // Вестник архивов Армении. 1991. № 89-90. 494 с.
3. Алишина Г.Н. Критерии выявления «внутренних врагов» в Российской империи в годы Первой мировой войны // Два с половиной века с Россией: Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 24–27 августа 2012 г. М., 2013. 720 с.
4. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
5. Звонарев К.К. Агентурная разведка: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Кн. 2. М., 2003. 224 с.
6. Кадол А.Н. Доктрина немецкого шпионажа в этнополитике царизма в период Первой мировой войны и роль жандармско-полицейских властей в «немецком вопросе» (на материалах южных губерний Российской империи) // Два с половиной века с Россией: Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 24–27 августа 2012 г. М., 2013. 720 с.
7. Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX века – февраль 1917 г.). Краснодар, 2001. 375 с.
8. Нелипович С.Г. Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. М., 2009. 632 с.
9. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.). Сб. док. Ставрополь, 2002. 272 с.
10. Оболенская С.В. «Немецкий вопрос» и представления о немцах в России в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001.
11. Ованесов Б.Т. Благотворительность армянских общин Российской империи на Северном Кавказе // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2009. № 5 (34).
12. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. 181 с.
13. Северокавказский край. 1914. 2 авг.
14. Северокавказский край. 1914. 31 окт.
15. Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями (конец XVIII – конец XX века). Дис. ...канд. ист. наук. Краснодар, 2003. 230 с.

УДК 94 (470-25) «1960/1970»

Горлов В.Н.*Московский государственный областной университет***МОСКОВСКИЙ МЕТРОПОЛИТЕН ИМ. В.И. ЛЕНИНА
КАК ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА СТОЛИЦЫ СССР**

Аннотация. Статья посвящается восьмидесятилетию московского метрополитена – уникального московского подземного сооружения. В статье автор рассматривает период тридцатых годов, когда строительство метрополитена оказало сильное воздействие на образ жизни москвичей. Метрополитен внес коренные изменения в транспортную систему Москвы. В статье подчеркивается, что московский метрополитен является живым памятником советской эпохи, одним из значительных архитектурных сооружений, национальной гордостью страны.

Ключевые слова: Метрополитен, архитектура, транспортная система.

V.Gorlov*Moscow State Regional University***MOSCOW UNDERGROUND, NAMED AFTER V.I. LENIN,
AS A VISITING CARD OF THE CAPITAL OF THE USSR**

Abstract. The article is dedicated to the eightieth anniversary of the Moscow underground railway – a unique construction erected in Moscow underground. The author considers the period of the thirties, when the construction of the underground railway had a strong impact on the lifestyle of Moscow residents. Underground made fundamental changes in the transport system of Moscow. The article emphasizes that the Moscow underground is a living monument of the Soviet era, one of the most significant architectural structures, has become a national pride of the country.

Key words. underground railway, architecture, transport system.

Потребность в быстроходном транспорте ощущалась в Москве достаточно остро еще в дореволюционный период. В начале XX в. в мире оставалось только 5 городов с населением больше миллиона, которые не имели метрополитен (Петербург, Москва, 3 китайских города). В сентябре 1902 г. Городская дума во главе с князем Голицыным впервые стала обсуждать идею строительства метро в Москве. Она заслушала проект ин-

женеров П. Балинского и Е. Кноппе на метрополитен протяженностью сто километров и стоимостью 155 млн. рублей. Проект выглядел фантастично: хрустальный арочный метровокзал на Васильевском спуске, пути над Красной площадью, только 5 км из 100 проходили по туннелям, метро почти все на виду [1]. Этот транспортный проект был признан утопическим и отторгнут. Постановление Думы гласило: «В домогательствах на строительство метрополитена отказать». С одной сто-

роны, Москва получила хронический транспортный кризис, с другой стороны, в случае принятия этого проекта градостроительная судьба Москвы сложилась бы совсем по-другому. К новому проекту строительства метро дума вернулась вновь через 10 лет, однако претворению проекта помешала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война.

Как только советское правительство в 1918 г. переехало в Москву, о строительстве метрополитена заговорили на государственном уровне. Статус столицы требовал коренного преобразования Москвы, улучшения городского хозяйства. В.И. Ленин проявил большой интерес к плану переустройства Москвы. Вспоминая о встрече вождя с архитектором И. Жолтовским, управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР В.Д. Бонч-Бруевич писал: «При подробном рассмотрении плана строительства и благоустройства ряда площадей В.И. Ленин заговорил о городском транспорте. Ленин рекомендовал архитекторам подумать о сооружении в Москве метрополитена и устройстве глубокого ввода железнодорожных поездов» [10].

Как только закончился восстановительный период, власти выдвинули этот вопрос как важнейший в комплексе других вопросов реконструкции столицы. Ведущие специалисты и инженеры страны энергично взялись за разработку проекта, тем более, что этот вопрос подстегивал острый транспортный кризис в середине 1920-х гг. Вопрос о строительстве метро задерживался из-за недостатка технических и денежных средств вплоть до 1931 г., когда окончательно решили вопрос о строительстве метрополитена.

В июне 1931 г. Пленум ЦК ВКП (б) принял решение: «... немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метрополитена в Москве – как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешевых людских перевозок, с тем, чтобы в 1932 г. уже начать строительство метрополитена» [5, с. 113-126.]. Изначально метрополитен проектировался для того, чтобы разрешить транспортные проблемы, связанные с перевозкой огромного количества горожан. Этот аспект подчеркнул Лазарь Каганович (новоиспеченный секретарь московского горкома, стоявший за разработкой Генерального плана реконструкции Москвы) в своем выступлении на пленуме.

23 сентября 1931 г. Совнарком СССР издал постановление об организации Метростроя [3, с. 20], а уже в ноябре на Русаковской улице заложили первую шахту метрополитена. Как водится, была организована торжественная акция начала строительства. На стройку приехал секретарь МГК ВКП (б) Никита Хрущев и в присутствии большого количества москвичей вынул первую лопату грунта.

Градообразующий фактор метрополитена имел огромное значение. От способа сооружения станций и туннелей, от выбора трассы зависел облик города. К началу строительства московского метро уже многие годы метрополитен работал в столицах европейских государств. Поэтому наши специалисты могли внимательно изучать и использовать лучший мировой опыт и негативные примеры в строительстве метрополитенов в Европе.

Советская государственная экспертиза в начале 1933 г. одобрила технический проект метрополитена и в мар-

те 1933 г. СНК СССР утвердил схему линий Московского метрополитена. В связи с этим 8 апреля 1933 г. было опубликовано специальное решение ЦК ВКП (б) «О строительстве московского метрополитена», которое обязало МК ВКП (б), Моссовет и руководство Метростроя «обеспечить в дальнейшем исправление недостатков строительства, особенно по качественным показателям, добиться лучшей организации труда и установления твердой финансовой дисциплины»[9].

И.В. Сталин дал личное согласие на строительство метрополитена. Стройку курировал «железный нарком» Лазарь Каганович. Лазарь Моисеевич сумел в начале 1930-х гг. заслужить почетное звание «создателя метро».

Сооружению метро придавалось не только экономическое, политическое, но и оборонное значение. Приход к власти фашистов в Германии изменил планы советского правительства. Открытый способ строительства был заменен глубоким на многих участках метро. Метрополитен уже тогда рассматривался как бомбоубежище для населения, если начнется война. Испытания показали, что взрывная волна может добраться через разрушенный вестибюль до тоннеля. Поэтому вестибюли располагали как можно дальше от станций. Категорически запретили строить метромосты, так как они были полностью уязвимы при налетах вражеской авиации. Война подтвердила правильность решения строить станции на большой глубине.

Комсомольская площадь, улица Кирова не справлялись с огромным потоком транспорта. С другой стороны города начинали строить Дворец Советов, для которого необходимо

было соорудить линию метрополитена. Поэтому понятен выбор направления первой линии метрополитена. Расчеты показали, что схема первых линий метро должна соответствовать радиально-кольцевой планировке Москвы. Линии метро должны были быть параллельны наиболее перегруженным в транспортном отношении наземным магистралям: Сокольники-центр, центр-Крымская площадь, центр-Смоленская.

На строительство Московского метро приехали со всего Советского Союза: и металлурги Урала, и лесорубы Севера, и машиностроители Ленинграда, и шахтеры Донбасса. Со всех концов Советского Союза доставлялись для осуществления этой стройки оборудование, гранит, мрамор, металл и другие строительные материалы. Партия выдвинула лозунг «Метро строит вся страна!» В субботниках и воскресниках на строительстве метрополитена для быстрого окончания работ участвовали сотни тысяч москвичей. Метрострой превратился в всенародную стройку, в одну из великих строек коммунизма. Ход строительства постоянно освещался в прессе, газеты ежедневно писали о том, как идет строительство невиданного ранее транспорта – метрополитена. Все знали о проблемах, с которыми сталкиваются строители, и о том, как они решаются. Когда строили первую очередь метро, любой москвич мог пройти на стройку и заглянуть в котлован. На улицах Москвы можно было увидеть схемы первой очереди метро, поэтому москвичи знали, где пройдут тоннели.

Осенью 1934 г. был готов участок первой линии от «Сокольников» до

«Комсомольской». 15 октября 1934 г. в 20 часов машинист Михаил Шполянский провел первый поезд по опытному участку от станции «Комсомольская» до «Сокольники». Он сделал шесть рейсов. И ехали в первом составе почетные гости. На апробацию первого поезда метро прибыли Л.М. Каганович и Н.С. Хрущев [2].

Партийное руководство страны придавало строительству метро огромное значение, так как оно решало одну из важнейших проблем жизни города – проблему внутригородских пассажирских перевозок. Самым замечательным в выполнении генерального плана реконструкции Москвы был ввод в действие метрополитена. Наш метрополитен стал прообразом социалистического благоустройства, и в этом его историческое значение. На метро не жалели средств, строительных материалов, человеческих сил. Строительство подземных дорог продолжалось из года в год и не прерывалось даже во время Великой Отечественной войны.

Следует заметить, что Метрострой встретился с большими трудностями. Сложным оказался выбор способа работ на трассе и глубины заложения тоннелей, то есть выяснение технических условий строительства, без чего невозможно было перейти к непосредственному проектированию линий. В сложнейших геологических условиях, в плавунных, илистых песках и глинах, в раздробленных, трещиноватых, карстующих известняках метростроевцы проложили десятки километров тоннелей большого диаметра, возвели величественные залы станций метро. Профессия метростроевец тогда считалась профессией героической. В ре-

зультате неимоверного напряжения умственных и физических сил метростроевцы справились с задачей.

2 января 1935 г. газеты опубликовали постановление пленума МК ВКП (б) о завершении строительства первой очереди метро, а 6 февраля делегаты VII съезда Советов, который проходил в это время в Москве, совершили поездку по метрополитену. Но только в мае метро открылось для москвичей. Постоянно проверяли метрополитен на степень надежности.

14 мая 1935 г. открылось торжественное заседание МК и МГК ВКП (б), Моссовета и МСПС, посвященное открытию Московского метрополитена¹. 15 мая 1935 г. первая очередь метрополитена соединила Сокольники с ЦПКиО и Библиотеку имени Ленина со Смоленской площадью.

Ранним утром на станции метро «Сокольники» состоялся митинг, на котором с речью выступил И.В. Сталин, после которого метрополитен был открыт для граждан. На первой линии подземки было 13 станций. Первый поезд состоял всего из двух вагонов. Но уже к концу года поезда имели 6 вагонов. Сиденья располагались не вдоль стен, а поперек. Однако из-за такой конструкции сидений в вагоне было очень тесно. Уже перед войной его салоны были превращены в стандартные, серийные.

За строительство метрополитена Л.М. Каганович, Н.С. Хрущев и десятки других руководителей получили ордена. Приказ о пуске поездов Лазарь Каганович подписал в должности наркома путей сообщения. Бывший каби-

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 24. Д. 112. Л. 27.

нет Кагановича, первого секретаря МК и МГК занял Никита Хрущев, который строил вторую очередь метро от автозавода до Сокола.

Пуск первой линии метрополитена был настоящим праздником для Москвы. Неописуемо было ликование москвичей, опустившихся в подземное царство, многие выходили на каждой станции, щупали облицовку. Первые полгода в метро спускались как на экскурсию, спорили, какая станция самая красивая. Толпы людей специально приезжали издалека полюбоваться им. В 1930-е г. москвичи были одновременно и пассажирами, и посетителями этого удивительного торжественного сооружения. Москвичам в то время метро представлялось каким-то фантастическим видом транспорта, настоящим механическим волшебством. Все пассажиры восхищались красотой и отделкой подземных вестибюлей. Везде царили образцовый порядок и чистота. Голубые экспрессы ходили как по секундомеру. Под землей был создан великолепный «нижний этаж» столицы. По великолепию своей отделки станции, щедро украшенные мрамором, с бронзовыми статуями и настенными росписями, были похожи на музеи. Станции поражали воображение своей архитектурой, скульптурами, мозаиками, лепниной.

Вряд ли найдется москвич или гость столицы, который не пользовался услугами метро. Каждая из станций метро имела свой архитектурный облик. И наружные вестибюли, и подземные залы были со вкусом отделаны лепкой, резьбой, мозаикой; они были просторны и хорошо освещены. Стены, столбы, многоцветные колонны и полуколонны облицованы мрамором.

Применение высококачественных, стойких и красивых натуральных материалов помогло сохранить свежесть отделки станций.

Передовицы городских изданий были наполнены восторгом о первых поездках от «Охотного ряда» до «Сокольников», от «Сокольников» до «Смоленской площади». Слава Московского метрополитена разнеслась по всей нашей стране и далеко за ее пределами. Высокопоставленные иностранные государственные деятели, сопровождаемые советскими руководителями, отправлялись смотреть московский метрополитен как на экскурсию. Ни берлинское, ни парижское, ни тем более нью-йоркское с ним не сравнятся. Архитектура подземных станций, мраморных дворцов для народа, и наземных павильонов заслуженно сделала Московский метрополитен лучшим в мире. Многочисленные и очень востребованные экскурсионные маршруты восторженных иностранцев по московской подземке – тому яркое свидетельство.

Первые станции московского метрополитена были названы подземными дворцами. Первый главный архитектор московского метро С. Кравец писал: «Мы стремимся создать метро – лучшее в мире, стремимся наполнить эту фразу действенным содержанием» [6]. Зодчие получили возможность не стесняться себя в замыслах, проектировать станции просторные, высокие, освещать их люстрами, не жалея электричества, разрешалось использовать лучшие сорта мрамора, гранита, малахита, бронзу. Работа советских архитекторов для первых очередей московского метро получила самую высокую оценку. Многие станции воспринима-

лись на уровне высших достижений искусства архитектуры. По общему признанию, станции метро знаменовали собой один из важных этапов подъема советской архитектуры. Когда были введены Государственные премии СССР, в числе первых они были присуждены за архитектуру станций «Кропоткинская», «Комсомольская» – радиальная и «Киевская» Арбатского радиуса. Архитектура первых станций столичного метро поразила воображение современников своей нарядностью и праздничностью и оказала большое влияние на развитие всего советского зодчества в целом.

Пожалуй, самая необычная станция московского метрополитена – «Площадь Революция». Станция, расположенная в географическом сердце города, была призвана служить символическим изображением этого ключевого события советской истории. Станция знаменита, прежде всего, своими многочисленными скульптурами, созданными ленинградским скульптором Матвеем Манизером. 80 скульптур установлено в арочных проемах подземного дворца. Они являются обобщенными образами «строителей светлого будущего». Серия скульптур отображает путь, пройденный страной от первых дней революции через Гражданскую войну, восстановление народного хозяйства, масштабные индустриальные и сельскохозяйственные программы первых пятилеток. Бронзовые скульптуры олицетворяли силу и мощь нашего Отечества, его героическое прошлое. Главный архитектор станции Алексей Душкин вспоминал: «На эту станцию при открытии прибыл Иосиф Виссарионович Сталин. Одобрил, ходил быстро вокруг скульптур

и говорил: «Как живые, как живые» [7]. Новые поколения иностранных туристов, как и прежде, продолжают восхищенно щелкать затворами перед символическими фигурами на станции «Площадь Революции».

Несмотря на то, что ввод в действие первых линий метро облегчил пассажирские перевозки, но окончательно транспортную проблему не решил. Поэтому, не прекращая работ по сооружению первой очереди метро, метростроители прокладывали подземные трассы второй очереди, строительство которой было закончено в сентябре 1938 г. К проектированию сооружений второй очереди Московского метро архитекторы приступили во всеоружии опыта, накопленного в работе над объектами первой очереди.

Станция «Маяковская» второй очереди метрополитена была построена по проекту архитектора А.Н. Душкина. Станция строилась в очень сложных инженерно-геологических условиях, поэтому при ее сооружении использовалась заморозка. В 1939 г. автор проекта Алексей Душкин был удостоен Гран-при на Всемирной выставке в Нью-Йорке.

Тридцать шесть панно, созданных в мозаичном отделении по эскизам А. Дейнеки, посвящены теме «Сутки Страны Советов». Изображения летящих самолетов, фигуры парашютистов, лыжников, прыгунов, сцены труда помещены на фоне мирного неба Родины. Художник Дейнека задался целью изобразить многообразие жизни Советского Союза. Вся эта красота делалась мастерами вручную. Это первая станция глубокого заложения колонного типа. Современники воспринимали архитектуру станции как

большое творческое достижение, как главный архитектурный шедевр столичной подземки. Мозаики Александра Дейнеки вошли в историю отечественного искусства. Станция имеет статус объекта культурного наследия. Станция «Маяковская», удостоенная мирового признания, вошедшая в антологию архитектуры XX в., значится на золотом счету ЮНЕСКО.

Знаменитые слова И.В. Сталина: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее» во многом определили акцент на создание «подземных дворцов». В метрополитене устанавливалась качественная эквивалентность «земного» и «подземного» для снятия возможности шока при столкновении вчерашнего сельского жителя с необычностью подземного пространства. Все было направлено к преодолению чувств подземности и к созданию оптимистической, бодрой атмосферы для пассажиров. Стремались создать подземные залы станций легкими, привлекательными, светлыми, чтобы человек не боялся спускаться под землю – метро ведь было новым видом транспорта, уникальным московским подземным сооружением. Стремались создать наземные павильоны настолько привлекательными, чтобы быть ориентирами в городе. Подземный дворец был не только признаком полноценной столичности, современности, но и апофеозом свершившейся культурной революции.

Перед архитекторами ставилась задача – придать станциям облик дворцов, отразить в их оформлении символы социализма. Архитекторы сразу отвергли мысль о чисто утилитарном подходе к проектированию станций. В то время все верили, что движе-

ние к коммунизму – закономерный поступательный ход истории. Этим смыслом наполнялись важнейшие транспортные объекты: метрополитен, судоходные каналы, крупные вокзалы. Первые станции метрополитена воспринимались элементами города будущего. Метро для человека – хозяйина страны. Поэтому «...крестьянин, рабочий...видят в метро воплощение своей силы, своей власти. Раньше только помещики, только богачи пользовались мрамором, а теперь власть наша, это стройка – для нас – рабочих и крестьянин. Это – наши мраморные колонны, родные, советские, социалистические!» [4, с. 33]. Архитектура московского метро в массовом сознании воспринималась как соизмеримая по своей художественной ценности с памятниками классического зодчества, и в то же время в ней видели вошедший в жизнь фрагмент будущего, залог осуществления социалистического города.

Метро превратилось в подземное царство социализма. Прекрасный камень станций московского метрополитена рассказывал о колоссальных богатствах недр Советского Союза. Труд и богатства Советского Союза соединились в роскоши московского метрополитена, и эта роскошь принадлежала всему народу, ею пользовались и любовались миллионы советских людей. Блестящий отполированный камень различных цветов и оттенков, сталь и золото, мозаика, скульптура, барельефы, цветное художественное стекло, фрески, керамика, фарфор, хрусталь, яркий свет – все это великолепие для миллионов.

В 1930-е гг. предъявлялись очень высокие требования к качеству стро-

ительства и архитектуре станций. К работе над архитектурой метро привлекались крупнейшие мастера советского зодчества. Так, И. Фомин создал архитектуру станций «Красные ворота», «Площадь Свердлова»; Д. Чечулин – «Комсомольская-радиальная» и «Киевская»; А. Душкин – «Дворец Советов» (ныне «Кропоткинская»), «Маяковская», «Площадь Революции», «Новослободская», «Автозаводская», «Павелецкая»; В. Гельфрейх и М. Минкус – «Проспект Мира» и «Электrozаводская»; А. Щусев – «Комсомольская-кольцевая». Метро, которое стали создавать в начале 1930-х гг. советские люди, к сегодняшнему дню превратилось в одно из чудес света XX в.

Московской метрополитен должен был стать не только важнейшим объектом транспортного и оборонного назначения, но и культурно-просветительским учреждением. Наземные вестибюли и подземные станции создавались как архитектурный комплекс. Предполагалось, что каждая станция должна быть легко опознаваемой и запоминающейся. Архитекторы придавали каждой из станций строго индивидуальный характер. Они не были похожи одна на другую, но все вместе составляли единое целое. Индивидуальный стиль каждой станции позволял пассажирам ориентироваться в подземке, даже не пользуясь названиями.

Изначально так и было задумано: советское метро – это не только транспорт, но и великолепные подземные залы. Лучшие архитекторы чертили проекты мраморных станций-дворцов. Лучшие художники тоннами изводили стекло, позолоту и гранит для панно, скульптур и мозаик. Почти

каждая станция метро – произведение искусства. Гранитно-мраморный дворец с барельефами и скульптурами правильного идеологического содержания вкупе с революционными названиями станций предназначался для демонстрации величия и мощи советского государства. Лучшие из новых станций приближались к синтезу архитектуры, искусства и идеологии. Недаром несколько станций метрополитена приравниваются к памятникам архитектуры, например, «Новослободская» и «Маяковская». До сих пор образ московского метро связывается с феноменом уникального инженерного и художественного сооружения, не имеющего аналогов в мире. Комплекс станций 30-50-х гг. является уникальным памятником международного значения, обладающим высокой исторической, конструктивной и художественной ценностью.

Метрополитен внес коренные изменения в транспортную систему Москвы. Поезда метро двигались быстрее любого вида городского транспорта. Все были поражены, с какой быстротой из Сокольников можно было попасть на берег Москвы-реки в районе Крымского моста. Если раньше для того, чтобы добраться от Сокольников до центра требовалось около часа, то с вводом метро москвичи тратили на это всего 10-15 минут.

До 1955 г. московское метро носило имя Л. Кагановича, а затем ему было присвоено имя В.И. Ленина. С каждым годом увеличивалось число перевозимых метрополитеном пассажиров. Так, если за весь 1935 г. было перевезено 40 млн. человек, то с конца 1939 г. метрополитен только за один день перевозил свыше миллиона пассажиров

[8, с. 85]. Теперь нам трудно представить Москву без метро. Московский метрополитен превратился в основной вид городского транспорта и обеспечил надежную транспортную связь многих новых районов с центральной частью города. Сейчас метрополитену приходится принимать ежедневно уже 9 миллионов человек. Без метро каждый житель Москвы терял в течение года около 200 часов, или один месяц рабочего времени, из-за того, что наземный транспорт не мог полностью удовлетворить потребности городского населения.

Метрополитен стал достопримечательностью столицы СССР. В отличие от Москвы, в любой другой столице мира метро является лишь транспортным средством. Московское метро считается самым красивым в мире – ни в какой другой стране нет таких монументальных и помпезных станций. Московский метрополитен является живым памятником советской эпохи, одним из значительных архитектурных сооружений, стал национальной

гордостью страны. Архитектурно-отделочное решение до сих пор восхищает зарубежных гостей. Сразу после посещения Красной площади и Кремля они спешат спуститься в Московский метрополитен и полюбоваться красотой его подземных дворцов. Его знают во всем мире – не даром опыт строительства Московского метрополитена использовался во многих странах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вечерняя Москва. 2002. 16 мая.
2. Вечерняя Москва. 2004. 14 окт.
3. Исторические записки. Вып. 42. М., 1953. 306 с.
4. Как мы строили метро. М., 1935. 775 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. ч.3. М. 1954. 691 с.
6. Кравец С.М. Архитектурное лицо метрополитена // Строительство Москвы. 1933. № 1.
7. Метро. 2014. 11 сент.
8. Москва в цифрах. М., 1940. 144 с.
9. Рабочая газета. 1933. 8 апр.
10. Шагурина Л.. Имени вождя // Строительство и архитектура Москвы. 1977. № 10-11.

УДК 32.019.51

Орлова А.С.*Московский педагогический государственный университет*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1946–1956 гг. КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР

Аннотация. Данная статья посвящена анализу тенденций, появившихся в советском кинематографе под воздействием политической обстановки. Отражение событий Великой Отечественной войны в киноискусстве в первое послевоенное десятилетие представляло собой серьезную проблему как для партийных деятелей, так и для кинематографистов. Этот период истории кино связывают с апогеем «культа личности», малокартиньем, однако, наряду с этим в фильмах 1946–1956 гг. отражены изменения, обусловленные вхождением в сферу влияния СССР новых территорий, началом «холодной войны», наступлением «оттепели».

Ключевые слова: идеология, пропаганда, кинематограф, образная система, трофейные фильмы, война.

A. Orlova*Moscow State Pedagogical University*

FEATURE FILMS OF 1946–1956 DEPICTING THE GREAT PATRIOTIC WAR AS REFLECTION OF CHANGES IN THE USSR'S POLITICAL LIFE

Abstract. This article is devoted to the analysis of trends that have emerged in the Soviet cinema under the influence of the political situation. Depicting the events of the Great Patriotic War in films during the first postwar decade was a serious problem for the party activists and filmmakers. This period in the history of the cinema is associated with the apogee of the "personality cult", the period when there was lack of films, but along with this, movies of 1946–1956 reflect the changes resulting from the entry of new territories into the Soviet sphere of influence, the start of "cold war", and the beginning of the "thaw".

Key words: ideology, propaganda, the cinema, image system, trophy movies, war

Фильмы, посвященные событиям Великой Отечественной войны, которые были сняты после ее окончания, являются ярким примером использования фактов и переживаний недавнего прошлого для решения уже иных политических задач.

Проблеме использования художественного кинематографа в качестве

средства пропаганды в отечественной историографии посвящено достаточно большое количество работ. Одним из первых на взаимозависимость мировоззрения авторов кинокартин и общественно-политических условий, в которых они создаются, обратил внимание советский киновед Ю.М. Ханютин в исследовании «Предупреждение из прошлого» (1968), однако,

© Орлова А.С., 2015.

рассмотрение фильмов как одного из многочисленных инструментов идеологической «машины» стало широко применяться в конце 1980-начале 90-х гг. в рамках изучения особенностей становления и функционирования в СССР тоталитарной системы [20; 22; 15]. Во второй половине 1990-х гг. и 2000-х гг. «угол зрения» исследователей переместился от отдельных «механизмов» к анализу комплексного воздействия средств пропаганды (устной, письменной, наглядной), а также к выяснению степени их реального влияния на массовое сознание [23; 27; 8]. Отдельные монографии посвящены идеологической и морально-психологической подготовке населения в предвоенный период, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, но роль именно кинематографа в них раскрыта в недостаточной степени [29; 24; 17]. Появление в последние годы диссертационных исследований, главной целью которых является изучение пропагандистской составляющей художественных фильмов, позволяет говорить о том, что данная тематика остается по-прежнему актуальной [12; 18].

К настоящему времени издано значительное количество документальных источников из фондов Российский Государственный Архив Литературы и Искусства, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский Государственный Архив Новейшей Истории и Государственный архив Российской Федерации и др. [2; 6; 11; 19]. Их основу составляют делопроизводственные материалы: докладные записки, циркулярные письма, стенограммы выступлений и т.д. Данный вид источников

позволяет увидеть процесс взаимодействия власти и кинематографа.

Ценным источником для изучения особенностей советского художественного кинематографа являются материалы центральной журнальной и газетной периодической печати, поскольку в них публиковались рецензии на выпущенные фильмы, в которых оценивались идейность, художественные достоинства и недостатки кинокартин. Источники личного происхождения, прежде всего, воспоминания и письма создателей кинолент, дают представление о подготовительном и съемочном процессе [1; 5; 7; 10; 13; 16; 26; 28; 31; 32].

Стоит отметить, что воплощение образов участников и воссоздание сражений ВОВ было достаточно проблематичным как для партийных идеологов, так и для киноработников и в силу близости изображаемого, и в силу быстроты изменений внутри- и внешнеполитической ситуации. Поэтому военные фильмы этого периода стали результатом борьбы различных тенденций и взглядов.

Безусловно, И.В. Сталин стремился к утверждению за собой ореола мудрого и талантливого Стратега. Председатель КДК И.Г. Большаков в 1945 г. среди ближайших задач кинематографа назвал необходимость «достойно и величественно» воплотить на экранах «образ любимого вождя и полководца», поскольку имя Сталина «стало символом победы» [4, с. 2]. Уже в 1946 г. на экраны страны выходит кинолента «Клятва», где отражено предвидение Сталиным войны, но бездействие накануне ее из-за нежелания проливать кровь. Подчеркивается его уравновешенность, спокойствие и полный

контроль над ситуацией на фронте. Великая Отечественная война в этом фильме изображена не как перелом, изменивший жизнь страны, сознание людей, а как один из этапов истории СССР, испытание, которое с честью выдержал советский народ.

Был также выработан фундаментальный план-показать все основные сражения Великой Отечественной войны: битву под Москвой, под Ленинградом, в Сталинграде, все десять ударов 1944 г. по отдельности и, наконец, сражение за Берлин. Но осуществлены были только три темы: «Третий удар» И. Савченко, «Сталинградская битва» В. Петрова и «Падение Берлина» М. Чиаурели. Все они были отнесены к новому, художественно-документальному жанру, и съемки их отличались особым масштабом: в них участвовали целые воинские соединения. Для участия в батальных сценах «Сталинградской битвы» из лагерей военнопленных были привезены немцы. В этих сценах ежедневно снималось от 500 до 5 000 солдат, десятки танков, орудий, самолетов, автомашин, барж, лодок и т.д. [30, с. 161]. Каждая из этих кинолент отражала торжество военной стратегии Главнокомандующего, его близость к простым людям. Примечательно, что в двух из этих фильмов актер, играющий И.В. Сталина, говорит без акцента. Таким было указание самого вождя, очевидно, пожелавшего стать *национальным* лидером победившего народа [3, с. 44].

Однако наряду с картинами, где главными героями были генералы и командующие фронтами и сам Главнокомандующий, во второй половине 1940-х гг. на экранах страны появляются фильмы, прославляющие подвиги отдельных героев: «Подвиг разведчика» Б. Барнета, «Рядовой Александр Матросов» Л. Лукова, «Повесть о настоящем человеке» А. Столпера, «Молодая гвардия» С. Герасимова и др.

Первые послевоенные годы, как известно, озаменовались развертыванием «холодной войны» и новым витком репрессий в отношении представителей интеллигенции. Последнее из этих явлений подготавливалось в соответствии с полученными в период войны свидетельствами от Управления контрразведки НКГБ СССР о «различных отрицательных проявлениях и политических тенденциях» среди отдельных писателей и журналистов [6, с. 487]. Деятельность некоторых работников кинематографии также подверглась разгромной критике со стороны власти в связи с созданием 2-й серии к/ф «Большая жизнь», посвященной событиям 1944 г. в Донбассе. Художественный совет при МК, призванный посредством конструктивной критики повышать качество выпускаемых кинокартин, дал фильму высокую оценку, однако на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), где рассматривались вопросы о журналах «Звезда» и «Ленинград», А. Жданов и, затем, И. Сталин обвинили авторов 2-ой серии «Большой жизни» в фальшивом отображении советских людей и хода восстановительных работ на Донбассе. В данной картине впервые герои, которые работали полицейскими при немецкой оккупации, являются положительными, т.к. выясняется, что они делали это по заданию партизан. Жданов указал на неправильность такого подхода. В качестве еще одного недостатка, принципиально противоречащего идеологии советского государства, было названо то, что личному

в фильме придано гораздо большее значение, чем общественному. Одной из главных причин появления подобного фильма было названо отсутствие критики в области кинематографии, атмосфера семейственности в среде творческих работников кино, которые на худсовете дали картине высокую оценку [6, с. 598-599].

Судьба 2-ой серии к/ф «Большая жизнь» (она была выпущена на экраны лишь в 1958 г.), иллюстрирует ситуацию противостояния власти и работников кинематографии. Характерна реакция киноработников на совещании, посвященном обсуждению к/ф «Большая жизнь», где они заняли твердую позицию, обвинив в ошибочной позиции членов Худсовета при МК, его председателя (т.е. самого И.Г. Большакова), т.к. он в условиях мирного времени не направил Худсовет «в должную сторону» [11, с. 365]. Помимо этого, в процессе обсуждения И. Пырьев от имени кинематографистов объявил, что они хотят создания «настоящей боевой общественной организации», которая бы обладала правами, на что получил категоричный ответ И. Большакова: «Не выйдет!». Прекрасно сознавая, какую роль способно играть кино в общественной жизни, И.В. Сталин так и не допустил создания Союза киноработников, хотя остальные представители творческой интеллигенции уже имели свои профессиональные объединения.

Начало «холодной войны» отчетливо прослеживается в военных фильмах с лета 1946 г., когда на экраны страны выходит к/ф «Клятва». Согласно ему, действия французских и английских политиков способствовали развязыванию войны между Германией и Совет-

ским союзом. Кроме того, утверждает-ся мысль о единоличной борьбе СССР с Третьим рейхом, т.к. упоминаний о «втором фронте» в фильме нет. В кинолентах «Встреча на Эльбе» (1949) и «Падение Берлина» (1950) показано уже открыто враждебное отношение союзников к СССР и забвение их обязательств в период войны (за исключением образа Ф. Рузвельта). При этом создатели картин делают акцент на том, что негативно настроены против Страны советов лишь политические лидеры капиталистических стран, в то время как простые люди дружелюбны и готовы к сотрудничеству. В качестве веского основания укрепления влияния СССР в Восточной Европе декларируется необходимость обеспечения мира.

Годы с 1946 по 1953 в истории кино принято называть периодом малокартинья, так как количество выпускаемых кинофильмов неизменно сокращалось (в 1946 г. их было 9, а в 1953 – всего 3). По мнению Е. Громова, взяв курс на малокартинье, Сталин руководствовался вполне практически соображениями: чтобы прокатить фильм по всей стране, нужен примерно месяц, следовательно, двенадцати картин в год вполне достаточно для идеологической работы с населением [9, с. 449]. Однако на практике, руководствуясь стремлением получить средства от кинопроката, отсутствие отечественных кинолент было восполнено показом вывезенных из Германии «трофейных» фильмов. В августе 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило выпустить 50 зарубежных фильмов (в основном, американских и немецких), список которых был подготовлен МК и УПиА. При этом и МК,

и Агитпропу было поручено произвести в иностранных фильмах «необходимые редакционные исправления», И.Г. Большаков обязался обеспечить в течение первого года проката чистый доход более 700 млн. руб. [21, с. 96-97] Просмотр безобидных с точки зрения партийных идеологов кинокартин имел для советских зрителей далеко идущие последствия. В частности, анонимный автор письма, поступившего в Комитет партийного контроля при ЦК в 1950 г., предупреждал о том, что зарубежные фильмы «во всяком случае пропагандируют американский образ жизни, «красивую жизнь» в капиталистических странах» [19, с. 851]. Трудно объяснить подобную идейную «слепоту» советского руководства, не прекратившего демонстрацию зарубежных фильмов и после смерти вождя, ведь И. Бродский считал, что «трофейные» фильмы сделали для десталинизации больше, чем все речи Н.С. Хрущева, поскольку воспринимались как проповедь индивидуализма.

Если рассматривать образную систему фильмов о ВОВ первого послевоенного десятилетия, то в ней произошли определенные изменения. В образе советского человека, ведущего борьбу с фашизмом, подчеркивалась именно его *советскость*, т.е. то, что его поведение и поступки являются результатом становления советского государства. Подвиг героя, его самопожертвование должны быть в полной мере осознанными и ни в коем случае не вызывать у зрителей жалости. Поэтому С. Герасимову пришлось вносить значительные изменения в кинокартину «Молодая гвардия», а А. Фадееву – править роман, т.к. в числе замечаний Худсовета при МК было

указание на излишне детализированные режиссером сцены провала «Молодой гвардии» и зверской расправы немцев с молодогвардейцами, которые «во многом заслоняют жизнеутверждающие мотивы фильма» [21, с. 90]. По этой же причине был изменен финал к/ф «Звезда» по повести Э. Казакевича, и разведчики, в отличие от литературного произведения, где об их, скорее всего, трагической судьбе автор умалчивал, оставались в живых.

Интерес вызывает появление среди советских бойцов образа интеллигента Фарбера (И. Смоктуновский) в киноленте А. Иванова «Солдаты» по повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда», которая была удостоена Сталинской премии 2-ой степени. Фильм был завершен к осени 1956 г., однако из-за многочисленных переделок, инициированных Главным политуправлением, картина была выпущена на экраны лишь летом 1957 г. Фарбер изображен человеком, совсем не приспособленным к войне. Он философствует, говорит о нелепости войны как таковой, что в корне противоречит идеологическим установкам, заложенным в военных фильмах предшествующих лет. В сцене стычки между Фарбером и капитаном Абросимовым исследователь А. Прохоров увидел задуманное авторами визуальное противопоставление сталинского времени и «оттепели»: в чистенькой, с иголки шинели Абросимова и гулаговской телогрейке Фарбера как символе бывшего зэка [25, с. 166].

Коренным изменениям подвергся и образ врага. Достаточно упомянуть, что основную вину за кризис коалиции советское государство в первые послевоенные годы возлагало на Велико-

британию, а Черчилль в печати представлялся в качестве преемника Геббельса [29, с. 51]. Поэтому закономерно, что образы Чемберлена (к/ф «Клятва») и Черчилля (к/ф «Третий удар», «Падение Берлина») приобрели негативные характеристики. В разряд «врагов» перешли и представители американского командования в к/ф «Встреча на Эльбе» («Старая война кончилась... началась новая. Война с коммунизмом»).

Образы немцев дифференцированы. Мирные жители изображены как положительные персонажи. Обращено внимание на дружелюбие по отношению к ним со стороны советских солдат. Если во время войны образ фашиста в сознании советских людей был неотделим от его национальной принадлежности, и смысловая цепочка выстраивалась не иначе как «немец-фашист-зверь» [27, с. 105], то в условиях вхождения восточной Германии в сферу влияния СССР необходимо было отделить эти понятия друг от друга.

В показе генералитета и офицеров Третьего рейха кинематографисты следуют за призывом А. Довженко, прозвучавшим еще в 1943 г.: «Мы враги смертельно сильного врага... и великая слава за победу над гордым, могучим врагом, какого еще мир не знал. Вот как надо говорить о немце». Ф. Паулюс (к/ф «Сталинградская битва»), немецкий генерал из к/ф «Подвиг разведчика» и др. умны и храбры, их поведение при осознании своего поражения невольно вызывает уважение у зрителя. Однако на этом качества немцев-фашистов, заслуживающие уважения, заканчиваются. Очевидно, что сочувствия к немцу-фашисту не могло быть в советском фильме первых по-

слевоенных лет. Но в вышедшей в прокат летом 1956 г. картине З. Аграненко «Бессмертный гарнизон» отношение к плененному врагу значительно изменилось. Пленный солдат говорит о своих социалистических убеждениях, держится спокойно и отрешенно. Сама мысль о плене, которая была невозможна ни в кинематографе времен войны, ни в конце 40-х гг., здесь трактуется как шанс на спасение детей и женщин. Следовательно, звериная сущность фашистов выражена не столь ярко.

Наряду с бывшими союзниками, число недругов пополнено образом украинского националиста. Впервые в к/ф «Подвиг разведчика» (1947) коллаборационизм объясняется не классовыми противоречиями, а националистическими взглядами (отзвук бандеровского движения): предатель приходит к немцам, заявляя, что он украинец и не любит русской музыки («В Москве свои песни, у нас – свои»). В ряды неприятельских образов в 1956 г. в первый раз был включен офицер Красной Армии – капитан Абросимов (к/ф «Солдаты»). Он приказывает солдатам наступать при свете по заминированным проходам, что приводит к неоправданным жертвам. После просмотра этого фильма в Главном политуправлении при участии генералов и офицеров, он был объявлен порочным и рекомендован к запрету [2, с. 548].

Доклад Н.С. Хрущева, сделанный им в феврале 1956 г., стал переломным событием и в жизни советского общества, и в искусстве. Уже в 1957 г. будут выпущены такие фильмы, как «Летят журавли» М. Калатозова, «Дом, в котором я живу» Л. Кулиджанова,

в которых борьба с Германией будет представлена значительно иначе, чем в прежние годы. С конца 50-х гг. главным критерием художественной и идейной ценности многих картин о войне будет их «правдивость», а не воспитательная сила. Но этому предшествовал длительный процесс, проявлявшийся в сосуществовании различных тенденций в показе Великой Отечественной войны, в стремлении кинематографистов создать «боевую» профессиональную организацию, в том влиянии, которое оказали на массовое сознание «трофейные» фильмы. В результате военные киноленты второй половины 50-х начала 60-х гг. демонстрировали зрителям, что ни в семье, бывшей некогда воплощением социальной и идеологической твердыни, ни в Красной Армии, в 1940-х гг. представавшей монолитной силой в борьбе с врагом, нет надежности и единства. Семья становится местом утрат и унижений (к/ф «Летят журавли»), а командиры нисколько не заботятся о сохранении жизней солдат (к/ф «Солдаты»).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Александров Г.В. Эпоха и кино. М.: Политиздат, 1983. 339 с.
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953-1957. Документы / ред.-сост. В.Ю. Афиани. М.: РОССПЭН, 2001. 805 с.
3. Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930-х-1940-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31-44.
4. Большаков И.Г. Наши ближайшие задачи // ИК. 1945. № 1. С. 2-5.
5. Васильев Г.Н., Васильев С.Д. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Искусство, 1983. 490 с.
6. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917-1953гг. / сост. А.Н. Артизов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
7. Герасимов С.А. Жизнь, фильмы, споры. М.: Искусство, 1971. 255 с.
8. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008. 381 с.
9. Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. 495 с.
10. Довженко А.П. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Искусство, 1967. 596 с.
11. Живые голоса кино. Говорят выдающиеся мастера отечественного киноискусства (30-40-е гг.). Из неопубликованного / сост. Л.А. Парфенов. М.: Белый берег, 1999. 434 с.
12. Закиров О.А. Исторические фильмы СССР 1916-1946 гг: патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино: Дисс... канд. ист. наук. М., 2011. 393 с.
13. Иванов А. Полвека в кино. Л.: Бюро пропаганды совет. киноискусства, 1973. 64 с.
14. Из прошлого в будущее: проверка на дорогах: Об историзме кино / ред.-сост. Н. Дымшиц, А. Трошин. М.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т киноискусства, 1990. 219 с.
15. Исаева К.М. История советского киноискусства в послевоенное десятилетие: Учебное пособие. М.: ВГИК, 1992. 75 с.
16. Козинцев Г.М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. О своей работе в кино и театре Л.: Искусство. 1982. 594 с.
17. Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Альтер Эго, 2008. 336 с.
18. Колесникова А.Г. Формирование и эволюция образа врага периода «холодной войны» в советском кинематографе: середина 1950-х-середина 1980-х гг.: Дисс... канд. истор. наук. М., 2009. 235 с.

19. Кремлевский кинотеатр. 1928-1953: Документы / сост. К.М. Андерсон, Л.В. Максименков. М.: РОССПЭН, 2005. 1117 с.
20. Латышев А. Сталин и кино// Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. Сост. Ю.П. Сенокосов. М.: Политиздат, 1989. С. 489-507.
21. Летопись российского кино 1946-1965: научная монография / Отв.ред. А.С. Дерябин. М.: Канон+, 2010. 694 с.
22. Марьямов Г. Кремлевский цензор. М.: Конфедерация союзов кинематографистов «Киноцентр», 1992. 128 с.
23. Невежин В.А. Польша в советской пропаганде 1939-1941 гг. // Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. ст. под ред. Ю.С. Борисова, А.В. Голубева, В.А. Невежина. М., 1997. С. 69-86.
24. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. М.: АИРО, 1997. 288 с.
25. Прохоров А. Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб.: Академический проект – ДНК, 2007. 344 с.
26. Пудовкин В.И. Собрание сочинений: в 3 т. Т.3. Слово о фильмах. М.: Искусство, 1976. 552 с.
27. Сениявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.
28. Ромм М.И. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Искусство, 1982. 480 с.
29. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. 261 с.
30. Ханютин Ю. Предупреждение из прошлого. М.: Искусство, 1968. 285 с.
31. Эрмлер Ф. Документы, статьи, воспоминания. Л.: Искусство, 1974. 334 с.
32. Юткевич С. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Путь. М.: Искусство, 1991. 479 с.

УДК 94(571.1/.5)

Луков Е.В.*Томский государственный университет***ТЕМА «СИБИРСКОГО БОГАТСТВА» В ДИАЛОГЕ РЕГИОНОВ
И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА В 1990-е гг.**

Аннотация. В статье рассматривается комплекс транслируемых федеральному центру региональными элитами представлений и образов о «сибирском богатстве», на основании чего конструировалась доктрина новой региональной идеологии о жизненной необходимости проведения центром особой политики в отношении Сибири. Основным смысловым компонентом выстраиваемой доктрины стала идея о том, что Сибирь – это не одна из проблемных территорий России, которой требуется помощь, а исключительный регион, от развития которого зависит благополучие всей страны. Диалог ассоциации «Сибирское соглашение» и федерального центра способствовал поддержанию стабильности и целостности страны.

Ключевые слова: история Сибири, «Сибирское соглашение», региональная политика, федерализм.

E. Lukov*Tomsk State University***THE THEME OF «SIBERIAN WEALTH» IN THE DIALOGUE BETWEEN
REGIONS AND THE FEDERAL GOVERNMENT IN THE 1990-s.**

Abstract. The article considers the complex of views and images of «Siberian wealth» sent to the federal government by regional elites, on the basis of which a new regional ideology doctrine of the vital necessity for the special government policy towards Siberia was designed. The main conceptual component of the doctrine was the idea that Siberia was not one of the problematic areas of Russia requiring assistance but an exceptional region on the development of which the welfare of the whole country depended. A dialogue between the Association «Siberian Accord» and the federal government has helped to maintain the stability and integrity of the country.

Key words: history of Siberia, «Siberian Accord», regional policy, federalism.

Реформирование общественно-политической системы страны всегда сопровождается столкновением идеологий, при помощи которых участники политического процесса стремятся за-

крепить в правовом пространстве отвечающие их интересам общие принципы государственного устройства. Это касается и федеративных отношений, выстраивание которых до сих пор остается одной из важнейших задач для России. Особый интерес вызывают институты и механизмы взаимодействия федеральной и региональных властей, которые позволяли

© Луков Е.В., 2015.

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

учитывать интересы друг друга и сохранять единство страны в непростых условиях переходного периода 1990-х гг. Одним из таких институтов стали межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия, на «площадках» которых осуществлялся диалог центра и территорий. Составной частью их коммуникативного взаимодействия являлась трансляция регионами определенных представлений и образов, призванных вывести интересы субъектов Федерации на федеральный уровень, что стало бы основой пересмотра унификаторской политики макроэкономического регулирования. Традиции жесткого централизма и периодичность возникновения кризисов в нашей стране, а также проблема повышения эффективности власти делают актуальным обращение к опыту налаживания «центр-регионального» диалога относительно установления принципов региональной политики в 1990-е гг.

Объектом исследования стало взаимодействие федерального центра и сибирских территорий на «площадке» Советов межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС), направленное на достижение внутриэлитного компромисса и обеспечение политической и социально-экономической стабильности. Предметом – комплекс транслируемых региональными элитами представлений и образов, отражающих приоритетные интересы территорий и призванных закрепить на федеральном уровне идею необходимости проведения особой региональной политики в отношении Сибири. Цель исследования состоит в выявлении значимых для региональных политических элит

представлений, через продвижение которых они пытались повлиять на практики взаимодействия с Центром, чтобы впоследствии закрепить сложившиеся на основе этих практик институты в правовом поле. В частности, это касалось обоснования необходимости проведения особой региональной политики, что, в итоге, приводило к корректировке курса реформ и стабилизировало ситуацию в стране.

В условиях распада СССР и становления России как самостоятельного государства резко возросла роль регионов в жизни страны. Слабость Центра предоставляла субъектам РФ возможность активно влиять на процесс разделения полномочий в рамках выстраивания федеративной системы, что вело к нарастанию конфликта интересов. В то же время, стороны не были заинтересованы в доведении ситуации до крайних форм противостояния, а стремились лишь повлиять на установление основополагающих принципов нового общественного устройства, в частности, это касалось проведения особой региональной политики. В условиях слабости и низкой эффективности представительных органов власти стали возникать альтернативные «площадки» развития диалога территорий с Центром, одной из которых была межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», созданная 2 октября 1990 г. В работе Совета МАСС, являвшегося руководящим органом ассоциации, обязательно принимали участие представители федерального центра – Президент, Председатель Правительства, вице-премьеры, министры и их заместители, депутаты парламента и др. Важность таких встреч для Центра определялось

тем, что руководство страны получало возможность направленного воздействия на конкретный регион страны (Сибирь, Урал, Поволжье и т.д.), а местные политические элиты, в лице глав субъектов РФ, могли быть «услышаны» федеральными политиками. В ходе выстраивания диалога с Центром сибирские регионы использовали особые образы и представления, которые сознательно конструировались с целью воздействия на федеральные власти. Такие представления содержали смысловые компоненты, апеллирующие к устоявшимся в сознании общества мифам и образам.

Одним из основных представлений, при помощи которого регионы пытались оказать влияние на федеральный центр, стало устоявшееся в историко-культурном пространстве высказывание М.В. Ломоносова о том, что «богатство России прирастать будет Сибирью». В то же время представление о Сибири как *богатстве* распадалось на ряд сюжетов, которые призваны были сформировать особый подход федерального центра к проблемам региона и обеспечить институциональное и нормативное закрепление неких общих принципов проведения региональной политики. Концептуальное ядро представления о *сибирском богатстве* содержало несколько смысловых компонентов (конструктов) – богатство как кладовая, созданное богатство, люди как богатство, колониальное богатство и утрачиваемое богатство. Конструкт о *сибирском богатстве*, как кладовой природных ресурсов, дополнялся акцентами относительно важности, исключительности и незаменимости их для страны, а также сложности извлечения сырьевых запасов.

«Природные ресурсы – важнейшее богатство Сибири. В России их нельзя заменить ни ресурсами других регионов, ни импортом»¹. «Повысилась значимость восточных территорий в связи с распадом СССР ... Именно этим сегодня повышается значимость ресурсной базы зауральских территорий, так как за пределами России остались основные источники ценных ресурсных материалов»². «У Сибири особая миссия в судьбе России. На 1/10 материковых пространств планеты добывается три четверти объема нефти, 90 % газа, две трети угля страны, вырабатывается четверть электро- и теплоэнергии»³. «Сибирь – это тот регион, от которого в принципе зависит структурная перестройка страны. Потому что все валютосодержащее сырье находится в Сибири, а это чуть ли не самый надежный источник приобретения валюты»⁴. «Сибирь – благодатный край. Но суровые природные условия перед сибиряками ставят дополнительные трудности, влекут лишние материальные затраты, и не учитывать это нельзя»⁵.

¹ Концепция Комплексной программы социально-экономического развития республик, автономных округов, краев и областей, входящих в состав Ассоциации «Сибирское соглашение», одобрена Советом МАСС 10 июля 1992 г. // Текущий архив межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС).

² Стенограмма совещания руководителей федеральных органов власти РФ, субъектов Федерации, МАЭВ Урала, Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья от 2 декабря 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Д. 50. Оп. 1. Л. 5.

³ Стенограмма XVIII заседания Совета МАСС от 21 июля 1995 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 75. Л. 5.

⁴ Протокол IX заседания Совета МАСС от 9–10 июля 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 26. Л. 61.

⁵ Протокол IX заседания Совета МАСС,

Сибирское богатство изображалось не только как данное, но и созданное поколениями людей. Сибирь – «не просто географическое пространство от Урала до Байкала. Это основная финансовая мощь России, это база ее промышленности»¹. «Мы в Сибири действительно располагаем огромнейшим потенциалом. Этот творческий потенциал мы еще недооцениваем и не понимаем, каким богатством располагаем»². «В зале сегодня сидят сибиряки. Это особый народ, который всегда помнит слова великого Михайло Ломоносова о могуществе Российском, что прирастать будет Сибирью. Который чувствует себя глубоко ответственным за воплощение завета в жизнь и делает для этого все возможное»³. В контексте представления сибирского богатства особое внимание уделялось людям, проживающим в Сибири, работающим и занимающимся творчеством. «Бывая в ... областях Сибири, мы видим, насколько богата наша Сибирская земля прекрасными людьми, богатейшей природой, экономическим потенциалом»⁴. «Мы всегда отстаивали и делаем все, чтобы защитить право сибиряка на достойную жизнь. Богатство Сибири – это, прежде всего, люди, а потом уже недра и все остальное. Без людей разговора

проведенного 9–10 июля 1993 года в г. Саяногорске // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.

¹ Протокол IX заседания Совета МАСС от 9–10 июля 1993 г. // ГАНО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.

² Протокол IX заседания Совета МАСС от 9–10 июля 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Д. 26. Л. 81.

³ Стенограмма XXI заседания Совета МАСС от 19 мая 1996 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 85. Л. 15.

⁴ Протокол VII заседания Совета МАСС (Томск) от 16–17 февраля 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 23. Л. 2, 3.

о приращении могущества России Сибирью – пустой звук»⁵.

Главная мысль, которую должен был «услышать» центр – регион имеет мощный потенциал, которым необходимо разумно воспользоваться, вложить средства и это принесет пользу всей стране. В то же время, использование представления о сибирском богатстве осуществлялось не только в положительном, но и в отрицательном смысле, как «колониальном богатстве» и «утрачиваемом богатстве». Образ Сибири, как колониального богатства, использовался достаточно часто, чтобы подчеркнуть неравноправный характер существующих отношений между центром и регионом. «Длительное время развиваясь в угоду единого народного хозяйственного комплекса, Сибирь и сегодня являет собой пример экономического парадокса. Будучи наиболее богатым регионом мира по масштабу и разнообразию природных ресурсов, ее место находится на одном из последних рядов в мире с точки зрения материального благосостояния»⁶. «Чтобы перестать считать себя постоянно приставкой России, ее складом, в политике есть только честная и справедливая экономика. Построить ее – значит доказать, что Сибирь и есть Россия»⁷. «Я привез с собой российскую концепцию развития топливно-энергетического комплекса. Там абсолютно нет никакого

⁵ Стенограмма XXXI Совета МАСС от 15 января 1999 г. (Кемерово) // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 202. Л. 6.

⁶ Протокол VII заседания Совета МАСС (Томск) от 16–17 февраля 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

⁷ Стенограмма XV заседания Совета МАСС проведенного 25–26 июня 1994 года в Иркутске // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

следа территориальных проблем. Сибирь опять предлагается как сырьевая база России»¹. «Здесь есть вопросы, которые нам необходимо с учетом интересов территории обсудить, где еще возможно внести поправки, которые бы не ущемляли столь откровенно интересы региональной экономической политики»². «Мы все больше и больше себя чувствуем каким-то не только сырьевым придатком, а назову – колонией, только не знаю у кого. И думаю, что такие чувства у многих сибиряков»³. «Сибирь много дает, но и нельзя же не оставлять заделов для дальнейшего развития. Если страна, конечно, сколько-нибудь серьезно думает о собственном будущем»⁴. «На сегодняшний день – мы провинция, у нас сырье, и к нам высокомерное отношение со стороны монополий, нефтяников, газовиков»⁵.

Образ «колониального богатства» усиливался через образ «имперского» Центра «высасывающего ресурсы». «Нами сегодня командуют, из центра устанавливают тариф. А всю колоссальную прибыль забирают центральные органы власти. Комиссия по энергетике наполовину состоит из мо-

сковских руководителей»⁶. «У нас ситуация складывается таким образом, что за исключением единиц в основном останутся филиалы московских банков, которые ... высасывают из регионов последние финансовые соки»⁷. «Суть моего вопроса или мнения о создании Государственной российской продовольственной корпорации, создании федеральной структуры, которая будет ложиться мощным отсасывающим инструментом из Сибири»⁸. «РАО ЕС России, потихоньку прикармливают, я не боюсь этого слова сказать, наши мощности»⁹.

Цель формирования таких представлений можно интерпретировать в смысле того, что Сибирь и раньше использовалась центром для решения общегосударственных задач, и сейчас ситуация не меняется, регион был колонией и остается ею. В то же время образ Сибири как колонии в контексте демократических реформ должен был показать ненормальность такого положения. Если западные страны отказались от колоний, то и Россия, вставшая на путь западных демократий, не должна проводить «колониальную» политику. Немаловажную роль должно было сыграть и отрицательное отношение к колониализму, сформиро-

¹ Протокол IX заседания Совета МАСС, проведенного 9–10 июля 1993 года в г. Саяногорске // ГАНО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 26.

² Стенограмма заседания рабочей группы МАСС проведенного 2 июня 1994 г. в г. Москве // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

³ Стенограмма совещания руководителей федеральных органов власти РФ, субъектов Федерации, МАЭВ Урала, Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья от 2 декабря 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Д. 50. Оп. 1. Л. 41.

⁴ Стенограмма XVIII заседания Совета МАСС от 21 июля 1995 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 75. Л. 5, 6.

⁵ Стенограмма совещания МА «Сибирское соглашение» от 13 мая 1997 г. (Красноярск) // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 128. Л. 51.

⁶ Протокол X заседания Совета МАСС от 24 сентября 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 27. Л. 37.

⁷ Стенограмма совещания руководителей федеральных органов власти РФ, субъектов Федерации, МАЭВ Урала, Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья от 2 декабря 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Д. 50. Оп. 1. Л. 50, 51.

⁸ Стенограмма XVI заседания Совета МАСС от 25 марта 1995 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.

⁹ Протокол XXIII заседания Совета МАСС от 14 декабря 1996 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 88. Л. .

ванное в рамках советской культуры. «Сибирское соглашение» стремилось представить Сибирь не колониальной окраиной, а равноправным партнером Центра, который не просит помощи, а готов к сотрудничеству на основе выстраивания справедливых экономических отношений. Через этот образ акцентировались не вертикальные, иерархичные связи, а горизонтальные, партнерские, поскольку реформы и развитие всей страны зависят от получаемых за счет Сибири средств. Образ колонии как бы переводил необходимость проведения особой региональной политики из обычной обязанности государства в разряд некоего справедливого «воздаяния» за несправедливое отношение к Сибири, за принесенные ею «жертвы» во имя величия всей страны.

Вторым негативным смысловым компонентом, призванным воздействовать на федеральные власти при помощи представлений о сибирском богатстве, стал конструкт «утрачиваемого богатства», богатства, которое необходимо спасать. «Мы, несколько регионов Сибири, поняли нашу ответственность за судьбу регионов России, прежде всего перед сибиряками, и в то же время свою ответственность перед россиянами в том, что пророческие слова Михаила Ломоносова не могут остаться только его гениальными догадками и предвидениями»¹. «Сегодня мы должны все осознать, что потеря производственного потенциала базовых отраслей Сибири, квалифицированных кадров, сибирской науки имеют необратимые последствия. ...

¹ Протокол VII заседания Совета МАСС (Томск) от 16-17 февраля 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

Для предотвращения этих негативных последствий в целом по России, нам кажется, надо объявить Сибирь сферой первоочередных государственных интересов и сосредоточить на общегосударственном уровне усилия и концентрацию средств и приоритетов для сибирских регионов...»². «Если мы подорвем здесь (в Сибири – прим. авт. Е.Л.) воспроизводство, то и бюджет России лопнет буквально и окончательно»³. «Наши просторы в последние годы постепенно пустеют. Уезжают люди с Севера, покидают сибирскую родину немцы, украинцы, прибалты»⁴. «Ни высокий научно-технический потенциал, ни известная в мире наука, я уже не говорю об оборонном комплексе, никому оказались не нужны»⁵.

Центру транслировалось представление о катастрофически теряемом богатстве как результате проводимой «разрушительной» политики. Поскольку Сибирь не по своей вине оказалась в глубоком кризисе, то центр должен оказать срочную помощь в рамках особой региональной политики, что позволило бы сохранить сибирское богатство. Тем самым продвигались положения о необходимости совместного спасения сибирского богатства, что становилось идейной основой выстраивания взаимодей-

² Протокол VII заседания Совета МАСС (Томск) от 16-17 февраля 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 23. Л. 5-6.

³ Протокол X заседания Совета МАСС от 24 сентября 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 27. Л. 46.

⁴ Стенограмма XXXI Совета МАСС от 15 января 1999 г. (Кемерово) // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 202. Л. 6.

⁵ Стенограмма XVIII заседания Совета МАСС от 21 июля 1995 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 75. Л. 60.

ствия с центром (спасение сибирского богатства как «общее дело»). При этом шло формирование образа самого «Сибирского соглашения» как структуры «спасающей и воссоздающей сибирское богатство».

Об эффективности воздействия региональных элит на федеральных центр через конструирование особых представлений позволяет говорить то, что формируемые при их помощи образы становятся значимыми для Центра, используются во властном дискурсе (языке федеральных политиков), закрепляются в нормативных документах (программах, положениях, законах). Так, в 1995 г. председатель Правительства В.С. Черномырдин, выступая на Совете МАСС в Тюмени, заявил: «Всем понятно, что стабильное и уверенное развитие России невозможно без сибирских ресурсов. И старая формула о российском богатстве, прирастающим Сибирью, не только не потеряла своей актуальности, но и раскрывается сейчас новыми гранями. Уверен, что она в обозримом будущем просто обречена на актуальность»¹. В том же смысле высказался Б.Н. Ельцин на другом Совете МАСС: «Безусловно, Сибирь – уникальный регион нашей страны, а его жители – особая часть российского народа. Это край первопроходцев, мужественных и сильных людей. Они гордятся своим краем, убеждены в его особой роли в судьбе России. Предки нынешнего поколения сибиряков в кратчайший срок прошли от Урала до Тихого океана. Такой быстроты и энергии в освоении земель история человечества знает немного.

... Сегодня мы с вами, все россияне, – вновь первопроходцы. Говорю о масштабе и глубине начатых нами преобразований. В этом смысле мы как бы повторяем подвиг сибиряков. И кому, как не вам, активно поддерживать это великое общенациональное дело, вовлекать в него огромный потенциал своего родного привольного края»².

Слова первых лиц государства о значимости Сибири подкреплялись целым рядом нормативных актов об установлении особых условий для сибирских регионов в пользовании энергоресурсами, специальных транспортных тарифов, принятии программ развития, крупнейшей из которых стала федеральная целевая программа «Сибирь» и т.д. «Девяностые» стали временем становления новой общественной системы, причем речь шла не только о создании новых институтов, но и их идеологическом обосновании. Активными участниками данного процесса являлись региональные элиты, которые в условиях ослабления центральной власти пытались отстаивать интересы через продвижение и утверждение на федеральном уровне своего видения основ нового общественного устройства. Руководители регионов формировали и продвигали в информационном пространстве свою «картину мира», претендуя на то, что ее ключевые положения приобретут некий универсальный характер в рамках страны. То есть предпринимались попытки задать некие представления об «идеальном» федеративном устройстве, «правильной» региональной политике, «справедливом» разделении полномочий между

¹ Стенограмма XVIII заседания Совета МАСС, проведенного 21 июля 1995 года в г. Тюмени // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 75. Л. 36.

² Стенограмма XXI заседания Совета МАСС от 19 мая 1996 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 85. Л. 19.

Центром и субъектами федерации и т.д. Важнейшей составляющей становился образ территории, для формирования которого использовались определенные представления, метафоры и символы, задающие смысловой ряд отстаиваемой модели взаимоотношений центра и регионов.

На основе транслируемого представления о сибирском богатстве конструировалась доктрина, лежащая в основе новой региональной идеологии, о жизненной необходимости проведения центром особой региональной политики в отношении Сибири. Ядром выстраиваемой доктрины являлась идея о том, что Сибирь – это не один из проблемных регионов России, которому требуется помощь, а исключительный регион, от развития потенциала которого зависит благополучие всей страны. Также, представление о сибирском богатстве выступало как

форма репрезентации региональной идеологии. Через регулярное проговаривание смысловых конструктов «Сибирь – это богатство», «Сибирь – опора центра», «Сибирь – не колония» и т.д., формировалось отношение к самому сибирскому региону, из чего следовала необходимость особого, бережного отношения к нему. В ситуации кризиса 1990-х гг., когда федеральный центр испытывал острый дефицит ресурсов (политических, финансовых и т.д.), он вынужден был пойти на предоставление региональным элитам дополнительных властных полномочий. Наличие таких «площадок» для диалога, как «Сибирское соглашение» давало возможность Центру и регионам выявить значимые позиции, позволяло им «услышать» друг друга, достичь приемлемого компромисса, что способствовало поддержанию стабильности и целостности страны.

УДК 355.353:355.23(470.23–25) "1937/1938"

Рассохо-Анохина В.Н.

Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова (г. Санкт-Петербург)

Саберов Ф.К.

Михайловская военная артиллерийская академия (г. Санкт-Петербург)

КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-МОРСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЛЕНИНГРАДА В 1937–1938 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются кадровые проблемы на флоте и в военно-морских вузах в сложный период нашей истории – предвоенные годы. Специализация подготовки военно-морских кадров для ВМФ СССР, некомплект кадров по ряду причин – всё это вызывало напряжённость на службе. Причинам и путям решения данных проблем и посвящена данная статья.

Ключевые слова: кадры, флот, военно-морские учебные заведения, 1937–1938 гг., Ленинград, проблема, комплектование.

V. Rassokho-Anokhina

N.G. Kuznetsov Naval Academy (St. Petersburg)

F. Saberov

Mikhailovskaya Artillery Military Academy (St. Petersburg)

PERSONNEL PROBLEMS IN THE SYSTEM OF NAVAL SCHOOLS IN LENINGRAD IN 1937–1938

Abstract. The article is devoted to the attitude of German and Armenian population of the South of Russia – the largest of dispersed ethnic groups in the region in the early twentieth century – to World War I. Their «mother nations» turned out to be opponents in the war. Therefore, the attitude to the outbreak of the war has become an indicator of loyalty and allegiance to Russia. The author shows that in the whole the German population was loyal to the second homeland and fully supported Russian policy on the part of the Armenian community.

Key words: World War I, the South of Russia, national minorities, dispersed ethnic groups, community, volunteers, genocide.

В связи с успехами в области индустриализации СССР и принятием первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, 4 февраля 1929 г. Совет Труда и Оборона утвердил новую программу судостроения, которая предусматривала строительство в течение первой пятилетки 3

эсминцев, 18 сторожевых кораблей, 5 охотников за подводными лодками, 18 больших и 4 малых подводных лодок, речных канонерских лодок и др. судов – всего 98 боевых кораблей и 37 вспомогательных судов. Значительная часть кораблей предназначалась для Морских сил Балтийского моря. Судостроительная программа не-

однократно корректировалась в связи с возросшими экономическими и техническими возможностями Советского Союза. Вступление в строй большого числа новых кораблей требовало и увеличения количества личного состава, в том числе командиров.

Некомплект командно-начальствующего состава отчасти был компенсирован призывом командиров запаса, в том числе моряков торгового флота и студентов старших курсов технических гражданских вузов. Однако проблема нехватки кадров, особенно в связи с закладкой линейных кораблей, оставалась очень острой. Штатная численность Рабоче-крестьянского Красного флота увеличивалась практически каждый год. Рост численности личного состава был обусловлен, в том числе, и изменением призывного возраста – 19 лет вместо 21 года, что было установлено решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 28 августа 1935 г. Матросов-специалистов и младших командиров на КБФ готовили в Учебном отряде (УО), в состав которого входили различные специальные школы: машинная, артиллерийская, подводного плавания и др. В связи со строительством в годы первых пятилеток большого количества подводных лодок потребность в квалифицированных моряках-подводниках возросла многократно. Поэтому в 1931 г. школа подводного плавания УО КБФ была развернута в Учебный отряд подводного плавания (УОПП) ВМС РККА. Помимо школы по подготовке рядового и младшего начальствующего состава в УОПП существовали Курсы командного состава подводного плавания¹. В связи с развитием флота и увеличением его

численности расширялись и штаты учебных отрядов.

Долгое время строевых флотских командиров готовило лишь Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Фактически оно является преемником императорского Морского корпуса, основанного Петром Великим, сохранив в наследство от царских времен не только учебно-материальную базу, но и многих представителей профессорско-преподавательского состава, чем выгодно отличалось от других военно-учебных заведений. Обучение осуществлялось по специальностям на четырех секторах: надводном, подводном, гидрографическом и авиационном (до 1936 г.). В период с 1933 по 1937 гг. из училища было выпущено 1824 командира.

Инженеров готовило Военно-морское инженерное училище им. Ф.Э. Дзержинского, выпустившее за тот же период 446 специалистов. Это училище вело свою историю с конца XIX в. от Николаевского Морского инженерного училища и долгое время было единственным учебным заведением, готовившим инженерно-технические кадры для флота. Подготовка велась на четырех отделах: паросиловом, дизельном, электротехническом и кораблестроительном. При училище существовали т.н. параллельные курсы, где по ускоренной программе обучались курсанты из числа краснофлотцев срочной службы и младших командиров-сверхсрочников.

В октябре 1932 г. в Ленинграде была сформирована школа связи ВМС РККА, преобразованная через 5 месяцев в Военно-морское училище связи (с 1937 г. носило имя Г.К. Орджоникидзе); в период 1933–1937 гг. училище

¹ РГАВМФ. Ф. р7. Оп.1. Д. 994. Л. 63.

выпустило 224 командира-связиста. Важной ступенью подготовки командных кадров являлись также Специальные курсы командного состава (СККС) ВМС РККА, готовившие старших специалистов для кораблей 1 и 2 рангов и флагманских специалистов для штабов соединений. К 1937 г. на курсах действовали 12 секторов (отделов) по различным флотским специальностям.¹ Кроме основных отделов (артиллерийский, минно-торпедный, штурманский, химический и т.д.) при СККС действовали курсы политработников, командиров запаса, командиров из числа студентов старших курсов гражданских вузов. В 1928-1940 гг. СККС окончили более 2,5 тыс. командиров.

Кроме этого, в Ленинграде располагалась Военно-морская академия им. К.Е. Ворошилова. Академия готовила командиров и начальников штабов соединений, специалистов корабельной и штабной службы. На рубеже 1920-1930-х гг. в академии преподавали многие бывшие офицеры царского флота, имевшие большой опыт корабельной службы и преподавательской деятельности (Б.Б. Жерве, М.А. Петров, Л.Г. Гончаров, Г.А. Степанов и др.). Для лиц, выдвинувшихся на высокие командные посты из матросской среды, при академии были созданы в 1926 г. Военно-морские академические курсы. Кроме того, во второй половине 1930-х гг. академия осуществляла обучение студентов старших курсов гражданских технических вузов, призванных на военно-морскую службу. Слушатели академии принимали участие во всех маневрах КБФ, проходили стажировку на командно-штабных должностях после окончания академии.

¹ РГАВМФ. Ф. Р-7. Оп.1. Д. 927. Л. 50.

Массовые политические репрессии, начавшиеся в армии и на флоте в июне 1937 г. после процесса над маршалом М.Н. Тухачевским и группой высших военачальников, затронули и военно-морские учебные заведения. За неосторожное слово, анекдот, «социально чуждое» происхождение, «темные пятна» в биографии можно было оказаться под пристальным вниманием органов НКВД. Заслуги, опыт, преподавательский стаж в расчет не принимались.

Проблемы в комплектовании флота командными кадрами существовали и ранее, но количественный рост флота и начавшиеся массовые политические репрессии только усугубили их. Командующий Краснознаменным Балтийским флотом флагман 2 ранга И.С. Исаков так говорил об этом на заседании Военного совета при Наркоме обороны СССР, проходившем в Москве 25 ноября 1937 г.: «Морская подготовка командиров никуда не годится. Я ответственно это заявляю. Мы держим рекорд в части того, что наши курсанты меньше всех плавают, даже финны плавают в три раза больше, чем наши командиры. Приходит теоретически подготовленный человек. Он пропагандист, теоретик, он все что угодно, только не моряк. Он боится погоды, его укачивает, и он делает такие аварии, что сажает корабль на мель в штиль, среди бела дня, когда рядом стоит буй»². Не последнюю роль в снижении уровня подготовки курсантов сыграло удаление наиболее опытных преподавателей, имевших опыт офицерской службы в дореволюционном флоте.

² Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 139–140.

Многие преподаватели военно-морских учебных заведений были уволены по политическим мотивам, часть из них были арестованы. Арестам подверглись двое начальников Военно-морской академии – И.М. Лудри и А.П. Александров, начальник 2 факультета И.Д. Снитко, начальник кафедры математики Р.А. Холодецкий, преподаватели А.П. Платонов, И.Ф. Киреев, Г.Г. Саллус, В.В. Селитренников; 20 руководителей и преподавателей были уволены в 1937–1938 гг., 13 из них были арестованы. Были изгнаны из академии и уволены со службы 28 слушателей разных курсов, 9 из них арестованы.

В Военно-морском училище им. Фрунзе за тот же период были уволены 25 командиров и преподавателей, 6 из них арестованы. Например, капитан 2 ранга Н.А. Коль, старший преподаватель военно-морской тактики, бывший офицер императорского флота, обладающий богатым практическим опытом; он был арестован 23 октября 1937 г. по ложному обвинению в участии в «офицерской монархической фашистской организации»¹. После короткого следствия 12 января 1938 г. Н.А. Коль был приговорен к расстрелу.

В Военно-морском инженерном училище им. Ф.Э. Дзержинского сложилась аналогичная картина: 31 человек были уволены, 8 из них арестованы, включая начальника училища Ф.К. Рашевича. Преподаватель этого училища военинженер 1 ранга В.Ю. Горяинов, бывший мичман царского флота, опытный штурман, находился под следствием с 17 апреля 1938 г. На следствии Горяинов вынужден был признать себя виновным в участии в

антисоветском военном заговоре. Военным трибуналом КБФ 31 октября 1938 г. он был приговорён к 20 годам тюремного заключения. Через 2 месяца Военная коллегия ВС СССР, рассмотрев жалобу осужденного, в которой В.Ю. Горяинов описал незаконные методы следствия, применявшиеся к нему в особом отделе НКВД КБФ, отменила приговор и вернула дело на исследование. Без проведения каких-либо дополнительных следственных действий Особый отдел КБФ передал дело В.Ю. Горяинова на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, решением которого 10 ноября 1939 г. был вынесен новый приговор – 5 лет ссылки в северных районах Казахстана². Лишь в марте 1944 г. В.Ю. Горяинов был восстановлен на преподавательской работе в Военно-морской академии.

В Военно-морском училище связи им. Г.К. Орджоникидзе репрессиям подверглись 6 человек, на Спецкурсах комсостава – 13 человек, в Учебном отряде подводного плавания им. С.М. Кирова – 20 человек³ из числа командно-начальствующего состава.

Необоснованные аресты не могли не сказаться на качестве учебного процесса, на морально-психологической атмосфере среди преподавателей и курсантов. Например, в ночь с 20 на 21 марта 1938 г., находясь в карауле, застрелился из винтовки курсант В.Г. Журавский из ВМУ им. Фрунзе. Поддавшись требованиям политорганов, заставлявшим сообщать о любых антисоветских проявлениях, он 14 октября 1937 г. вынужден был подать рапорт об аресте мужа сестры и в даль-

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 4376. Л. 1.

² РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 6. Д. 100. Л. 118.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3498. Л. 4-12.

нейшем сильно переживал об этом¹. Очевидно, предполагая, что родственная связь с «врагом народа» приведет к отчислению из училища, Журавский решился на самоубийство.

Представляет интерес случай самоубийства преподавателя истории ВКП(б) старшего политрука Яценко из ВМИУ им. Дзержинского. Следствие установило, что 7 февраля 1939 г. Яценко проводил занятия с курсантами, до 20.15 присутствовал на совещании комначсостава. В 20.45 труп Яценко был обнаружен повешенным в уборной². В его портфеле была найдена записка, адресованная жене и детям: «Дорогая Марфуша, Володя, Роза! Прошу меня простить за мое решение. Ты мой характер знаешь, обид я вытерпел – нет предела. Дальнейшим издевательствам не намерен подвергаться. Володя и Роза! Будьте примерными комсомольцами. Если потребуется, положите свою жизнь за родину, партию и тов. Сталина»³. Оценку случившегося с недавно назначенным в военноморское инженерное училище преподавателем дал временно исполняющий дела командующего КБФ капитан 1 ранга В.Ф. Трибуц: «Яценко по происхождению сын псаломщика. Этого он нигде не скрывал, тем не менее в училище Яценко встретили настороженно и недоверчиво. Как результат этого Яценко оказался изолированным от общественности»⁴.

В.Ф. Трибуц достаточно точно охарактеризовал напряженную обстановку недоверия, которая сложилась в училище в ходе репрессий: «В училище

вообще создана была среди командного и политического состава излишняя подозрительность друг к другу. Там командиры и политработники избегали разговоров на темы не имеющие официального характера. Вся эта непартийная обстановка влияла отрицательно на поведение Яценко, а комиссар училища тов. Демидов не принял надлежащих мер к тому, чтобы ликвидировать эту обстановку, а наоборот с ней свыкся и смирился»⁵.

К недостаткам в работе военноморских учебных заведений следует отнести частую смену целевых установок, учебных программ, штатов, что осложняло учебный процесс, вело к частым перемещениям преподавательского состава, в определенной степени снижало качество подготовки специалистов. Эффективность системы подготовки молодых командиров снижалась не только частыми организационными перестройками, но и вследствие периодических «чисток» командного состава. Репрессии в отношении офицеров дореволюционных выпусков происходили и ранее, но масштабы «чистки» 1937–1938 гг. фактически перечеркнули достижения системы подготовки командных кадров. В результате уровень подготовки командиров в училищах, академии и на классах упал, так как значительно омолодился и дисквалифицировался преподавательский состав. При быстром увеличении количества и штатов училищ последние стали испытывать острый недостаток опытных преподавателей.

¹ РГВ ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 14. Л. 124.

² РГВ ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 23. Д. 72. Л. 13

³ РГВ ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 23. Д. 72. Л. 56.

⁴ РГВ ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 23. Д. 72. Л. 33.

⁵ РГВ ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 23. Д. 72. Л. 34.

Всеобщая история

УДК 904, 94, 293.11

Сеничев В.Е.

Московский государственный областной университет

САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ И ОБРАЗ ОРУЖИЯ В «ПОХИЩЕНИИ БЫКА ИЗ КУАЛЬГНЕ»

Аннотация. В статье дано описание элементов воинского культа и фактов сакрализации оружия, прослеживаемых на примере гэльской эпической традиции первого тысячелетия н.э. Образы, встречающиеся в мифе, позволяют судить о наличии культа оружия как составной части воинской традиции и кельтском обществе раннего средневековья, влияющего на поведение героев эпоса и создающего особый фон для развития воинской культуры. Анализ источника позволяет выявить архаические пласты мифологии, связывающие культ оружия древних кельтов с индоевропейским мифопоэтическим наследием и демонстрирует общность корней воинских традиций древней Европы.

Ключевые слова: раннее средневековье, кельтский эпос, мифология, культ оружия, «Tàin Bó Cúailnge».

V. Senichev

Moscow State Regional University

SACRED FUNCTION AND THE IMAGE OF WEAPON IN "TAIN BO CUAILNGE"

Abstract. The article describes the elements of a warriors' cult and the facts of weapon socialization in Gaelic epic tradition of the first millennium AD. The images presented in the myth prove the idea that the cult of weaponry was a part of a warrior's tradition in Gaelic society of the early Middle Ages. That influenced the epic heroes' behavior, and created special background for the development of military culture. The analysis of the source material allows to reveal archaic layers in mythology which connected ancient Celtic cult of weapons with Indo-European mythopoetical heritage and demonstrates the unity of military traditions in ancient Europe.

Key words: the early Middle Ages, Celtic epos, mythology, cult of weaponry, «Tàin Bó Cúailnge».

«Tàin Bó Cúailnge» или «Похищение быка из Куальгне» – ирландская героическая эпопея, сложившаяся в III-VIII вв. «Похищение» занимает

важное место не только в ирландской, но и в западноевропейской эпической традиции: его выделяет большой объем и соединение многих сюжетных линий, связывающих всех основных

© Сеничев В.Е., 2015.

участников ирландской мифологии. При этом «Похищение» – практически единственная европейская эпопея, написанная не стихами, а прозой с некоторыми поэтическими вставками.

Главный герой «Похищения», Кухулин, сын верховного бога Луга, сражающийся в одиночку против армий и героев четырех королевств Ирландии. Большая часть текста является описанием поединков, в которых одни противники героя имеют черты иномирных существ, другие – являются жителями конкретных исторических областей. Примечательно, что иномирные враги обычно разделены рекой – характерная черта мифов, повествующих о путешествии за край ойкумены. Наиболее драматичный из поединков – бой Кухулина с его названным братом Фер Диадом – закончился гибелью последнего и большим горем для самого Кухулина, который не смог противиться колдовству, вынудившему его вступить в сражение.

Королева Медб выступает в роли предводительницы войска, и ее образ сохраняет отголоски представлений о богине смерти и женщине-воине, бросившей вызов мужскому божеству. Война идет из-за волшебного Бурого Быка, который является перевоплощенным божеством и владение которым равнозначно сакральной власти. Финалом является схватка двух быков, в которой победителем оказывается Бурый Бык, а Белорогий Бык терпит поражение. Его тело разрывается на части и разбрасывается по земле, что может служить отсылкой к хтоническому мифу творения, сохранившемуся в эпосе многих не только индоевропейских народов. Архаичность сюжетов «Похищения» позволяет су-

дить о присутствии в нем глубоких мифологических пластов и мотивов, связывающих кельтские мифопоэтические воззрения I тысячелетия с индоевропейской древностью.

В тексте «Похищения» чаще всего встречается следующее описание набора оружия: меч, несколько копий для метания и щит. Этот набор почти не меняется, лишь иногда варьируется количество копий: «Взял он тогда два копья, щит да меч и затряс щитом, воздел ввысь копья, замахал мечом, и боевой клич вырвался у него из горла. Ужасен был крик Кухулина, и вторили ему духи, призраки, оборотни и демоны воздуха, а сама Немайп, богиня войны, наслала смятение на лагерь ирландцев». Это описание [2] встречается и в некоторых рифмованных вставках в тексте похищения:

*«Меч с золотой рукоятью,
Два копья, тяжелых и острых,
В руке он держал, прикрываясь
Щитом с серебряным верхом».*

Подобный набор оружия фиксирует и Юлий Цезарь в «Записках о Галльской войне» [7], при этом, описывая аналогичное снаряжение римлян довольно подробно, он упоминает о галльском оружии лишь косвенно, но тем не менее мы можем восстановить, что набор оружия континентальных кельтов первых веков нашей эры был аналогичным. Функциональная роль оружия в «Похищении» не сводится только к воинским занятиям, например, мечи в эпосе можно разделить на две категории: мечи простых воинов и мечи «легендарные». При этом мечи простых воинов описываются в нескольких словах: «Меч светлоликий с рукоятью из кости», «Изукрашенный меч с костяной рукоятью нес он на

левом боку», «с левого бока привесил боевой меч с золотой рукоятью и перекладиной красного золота» [2] (всего более 50 описаний встречается в тексте). Подобные описания должны были подсказать слушателю, знакомому с культурным контекстом времени, что за люди участвуют в событиях саги, каков их статус. Оружие, которое носит при себе человек раннего средневековья, позволяет составить о нем первичное представление: как о его достатке, так и о его заслугах, потенциальной опасности контактов с ним. В условиях раннеклассового общества оружие служило социальным маркером, обозначающим принадлежность к тем или иным слоям, группировкам, кланам.

В тексте встречаются и два особых легендарных меча — это меч по имени Орна, описанный следующим образом: «В той битве воитель Огма нашел меч Тетра, короля фоморов и назывался тот меч Орна. Обнажил Огма меч и обтер его, и тогда он поведал о всех совершенных с ним подвигах, ибо по обычаям тех времен обнаженные мечи говорили о славных деяниях. Оттого воистину по праву протирают их вынужен из ножен. И еще, в эту пору держали в мечах талисманы, а с клинков вещали демоны, и все потому, что тогда поклонялись оружию люди, и было оно их защитой. О том самом мече Лох Летглас сложил песнь» [2]. По сути наблюдается не просто орудие, но и волшебный предмет, имеющий собственную историю и судьбу.

Важно отметить фразу «тогда поклонялись оружию люди, и было оно их защитой», в которой автор отсылает ко времени, вероятно, до установления современных ему религиозных представлений, когда воплощение бога-защит-

ника или бога-воина было отражено в виде меча, а особое отношение к нему имело большое значение для человека. Уместно вспомнить описание Геродотом скифского святилища Ареса, «В каждой скифской области по округам воздвигнуты святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве шириной и длинной почти в три стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка, три стороны ее отвесны, а к четвертой есть доступ... почти на каждом холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса» [1, с. 202].

Такой меч сам провоцирует героя совершать особые поступки, идти на подвиги, выполнять заложенный культурой код поведения. Это можно видеть на примере второго «легендарного» меча, встречающегося в «Похищении» — Меч Лейте из сидов:

«Вот был каков меч Фергуса, меч Лейте из сидов — словно радуга светился он в воздухе, когда заносили его для удара. Фергус, между тем, приподнял свою руку и снес верхушки трех холмов, что и до сей поры стоят, напоминая об этом, на болотистой равнине. Зовутся они три Маела Миде.

Когда же услышал Кухулин удары Фергуса по Окайн Конхобуйр, то молвил:

— Скажи, друг мой Лаэг, кто посмел нанести удары по Окайну господина моего Конхобара, пока я жив?

— Это могучий меч, огромный, словно радуга, проливает кровь, возбудитель сражения» [2].

Кроме мечей, с именем собственным, а также и необычным происхождением, в «Похищении» наделены еще несколько предметов: так называемые «сокровища Народа Дану», среди ко-

торых трон, распознающий короля, и котел, в котором не кончается пища. Выделяется среди сокровищ и особое оружие: «Из Горнаса принесли они копье, которым владел Луг. Ничто не могло устоять пред ним или пред тем, в чьей руке оно было. Из Финдиаса принесли они меч Нуаду. Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уже не мог от него уклониться, и был он воистину неотразим» [2]. Копье Луга, являющееся одним из ключевых предметов эпоса, так как именно им было суждено главному герою, Кухулину, убить троих королей и самому погибнуть от него. Меч с особыми свойствами указывает на встречающийся в германских источниках мотив оружия, которое, будучи вынутым из ножен, обязательно должно пролить кровь [3].

В мире древних кельтов, подчиненном строгому следованию ритуалам и гейсам, подобные мотивы ставят перед героями эпоса сложные моральные проблемы и заставляют любого человека, живущего внутри этой культуры иметь такое же особое отношение к оружию и последствиям своих действий. О культовой роли оружия может рассказать аспект его применения не только в битве, но и в ритуалах. В «Похищении» встречается описание [2] клятвы, которую требует Фер Диал от Медб:

*«Только тех в поручители я хочу,
Кем ты клятву дашь моему мечу –
Морем, землей, солнцем, луной!»*

Важно отметить особое состояние, которое придает человеку обладание в доспехи и оружие, которое он берет в руки. Это состояние описано в эпизоде подготовки Кухулина к войне, где после одевания он преображается, начинает кусать себя,

рычать, увеличивается в размерах: «Тут в первый раз исказился Кухулин, став многоликим, ужасным, неузнаваемым, диким. Вздогнули бедра его, словно тростник на течении, иль дерево в потоке, задрожало нутро его, каждый сустав, каждый член... Громовые удары сердца о ребра можно было принять за рычание пса или грозного льва, что напал на медведя. Факелы богинь войны, ядовитые тучи и огненные искры виднелись в воздухе и в облаках над его головой, да кипение грозного гнева, поднимавшееся над Кухулином» [4].

Такое поведение героя может свидетельствовать о том, насколько должно было меняться восприятие человека, взявшего в руки оружие, насколько такие люди, особенно впавшие в боевую ярость, были отличны от обычных людей. Если в германском эпосе воин-берсерк представлялся скорее схожим со зверем, чем с человеком [3], то описание Кухулина детально стремится показать, насколько он превращается в существо, совершенно отличное от привычного человеческого взору. В его характеристике присутствует полное искажение человеческого облика: «обратилось лицо его в красную вмятину», а «под оболочкою кожи чудовищно выгнулось тело, так что ступни, колени и голени повернулись назад, а пятки, икры и ляжки очутились впереди». Подробность описания обращает на себя внимание и говорит о том, насколько сильно герой мифа отличается от обычного человека, насколько воин перед битвой не таков как простые люди. Это описание могло служить своеобразным заклинанием, помогающем воину ощутить себя не человеком, что должно облегчить участие в битве и убийство.

Однако после боя Кухулин решил не

показываться людям в своем военном облике и сменил его на «дивный и кроткий», в котором был всем приятен, что также отражает переход воина из одного состояния в другое – подобные обряды фиксируются в этнографических и антропологических исследованиях почти у каждого этноса в той или иной форме. Оружие меняло человека и его социальный облик в глазах древних европейцев, влияло на его личность, характер, даже внешность. Кухулин часто впадает в боевой раж и не контролирует свои поступки. Аналогично описываются в исландских сагах и берсерки. В описании Снорри Струлусона [6], Один ослеплял и оглушал неприятелей и насылал на них панику, затуплял их оружие, в то время как верные ему воины сражались без кольчуг, были как волки и кусали свои щиты, а силой не уступали быкам. Так же указывается на их невосприимчивость к боли.

Подобное поведение порой демонстрируют и исторические кельты, описанные Титом Ливием – они бросаются в бой поодиночке, игнорируя команды вождей, стремясь к личной славе и исполнению личных амбиций, что приводило к крупным военным поражениям [8]. Схожее описание приводит и Страбон: «Все племя, теперь называемое галльским и галатским, помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво. Поэтому в состоянии возбуждения галаты устремляются в бой открыто и без оглядки, так что тем, кто захочет применить хитрость, их легко одолеть. Кто бы, когда и где ни пожелал под любым случайным предлогом раздражить галатов, найдет их готовыми встретить опасность, хотя

бы у них не было никакой поддержки в борьбе, кроме собственной силы и отваги» [5].

Схожесть этих описаний и ситуаций позволяет связать понимание древними европейцами сути воинского труда с его влиянием на человека. Оружие, взятое в руки, преобразовало героя, меняло его личность и его поступки. Безмерная отвага и личная доблесть считается присущей любому воину высокого происхождения, а оружие, требующего особого ухода, должно стимулировать осознанность его поступков. В сочетании эпические произведения древности позволяют нам взглянуть не только на идеальный мир древних кельтов и германцев, но и на предостережения, которые они вписывали в свою мифологию. Часто героическое поведение становилось причиной больших бед для целого племени, что и показано в тексте «Похищения».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Геродот. История в девяти книгах. М.: Книга по требованию, 2012. 599 с.
2. Похищение быка из Куальнге / пер. Т.А. Михайловой, С.В. Шкунаева; отв. ред. Н.Я. Рыкова. М.: Наука, 1985. 496 с.
3. Сага о Хервер и Хейдрекке / пер. Т. Ермолаева // Северная слава [сайт]. – URL: <http://norse.ulver.com/src/forn/hervor/ru.html> (дата обращения: 28.05.2015 г.)
4. Саги об Уладах / пер. С.В. Шкунаева. М.: Аграф, 2004. 640 с.
5. Страбон. География. – Л.: Наука, 1964. – 938 с.
6. Струлусон С. Круг Земной. М.: Наука, 1980. 687 с.
7. Цезарь Г. История галльской войны. М.: АСТ, 2009. 400 с.
8. Энциклопедия литературных произведений / под ред. С.В. Стахорского. М.: Вагриус, 1998. 656 с.

Шелудченко Н.П.

Московский государственный областной университет

ТОРГОВЫЕ, МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЕРМАНИИ И РОССИИ В IX–XVIII в.

Аннотация. В данной статье речь идет о торговых, межгосударственных и культурных связях Германии и России в IX–XVII вв. Выявляются содержание и причины различных связей, обусловленных соответствующими обстоятельствами. Обращается внимание на тот факт, что создавшуюся ситуацию хорошо понимали русские монархи и своей государственной политикой способствовали развитию указанных взаимоотношений. Все вышесказанное позволяет автору сделать вывод, что сотрудничество двух государств в различных областях было плодотворным и взаимовыгодным, принося большую пользу и выгоду обеим странам.

Ключевые слова: Ганзейский союз, миграция немцев, «Московия», Немецкая слобода, «бироновщина», процесс взаимопроникновения, немецкое Просвещение, социально-культурные связи.

N. Sheludchenko

Moscow State Regional University

TRADE, INTERSTATE AND CULTURAL RELATIONS THROUGH THE CONTEXT OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF GERMANY AND RUSSIA IN THE IX–XVIII CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the commercial, interstate and cultural relations between Germany and Russia in the IX–XVII centuries. The author reveals the contents and the reasons for different relationship caused by particular circumstances. Attention is drawn to the fact that the Russian monarchs realized that situation pretty well, so their state policy contributed to the development of the relationships. All the above-stated enables the author to conclude that cooperation between the two states in different fields was productive and mutually beneficial.

Key words: Hanseatic League, migration of Germans, "Muscovy", German settlement, "Biron's rule", the process of interpenetration, German Enlightenment, socio-cultural links.

Германия и Россия, несмотря на все сложности взаимоотношений, имеют многовековой период взаимодействия и сотрудничества. И эти связи уходят своими корнями в далекое прошлое. К примеру, германо-древнерусские торгово-экономические контакты за-

родились еще в конце IX - начале X вв. Свидетельством этому являются такие ключевые письменные источники, как Баварский географ (IX в.), Раффельштеттинский таможенный устав (начало X в.) и др. Там упоминаются русские купцы, которые были выделены в особую категорию торговых

людей, везших свои товары в германские земли со времен князя Олега [19, с. 97]. Изначально сотрудничество осуществлялось между Киевской Русью и южно-немецкими землями (Бавария). Есть основания считать, что известный торговый путь Киев – Краков – Прага – Бавария уже функционировал в IX в.

Как видим, торговые связи между немцами в силу хозяйственной необходимости и сравнительной близости расположения народов начинают складываться уже в период средневековья. Это был период начала существования и довольно бурного развития Киевской Руси, одного из мощнейших государств Восточной Европы, и могущественной Священной Римской империи – большим государством Центральной Европы, основанным в 962 г. германским королем Оттоном. Более полное название этого государства: «Священная Римская империя германской нации» – средневековая империя, включающая Германию, занимающая в империи господствующее положение, и другие королевства, герцогства и земли в основной Центральной Европе [2, с. 97].

Уже в X–XI вв. хозяйственная жизнь городов Киевской Руси расцветает, города становятся прежде всего торговыми центрами. По технике и качеству некоторых предметов торговли (эмали, тончайшего литья и др.) русские ремесленники опережали западноевропейских мастеров того времени [19, с. 77].

В указанный период, в то сложное, опасное средневековое время наиболее безопасным путем между указанными государствами был водный (морской или речной) путь. И в этой связи Балтийское море тогда играло роль очень

важного связующего звена в торговых отношениях между указанными государствами. Благодаря такому широкому и удобному водному пути (имелась удобная и относительно безопасная связь также по рекам), немецкие купцы уже в IX в. активно торговали и с Великим Новгородом [11].

Надо отметить, что Новгород был также одним из самых древних русских городов. Он впервые упоминается в Новгородской летописи в 859 г. С конца X в. Новгород стал вторым по значению центром могущественной Киевской Руси. Новгород расположен на стыке пути «из варяг в греки», что способствовало развитию в нем уже в указанное время ремесел, торговли, культуры. По поводу взаимоотношений ранней Руси с европейскими странами в качестве определенного дополнения хочется также сказать, что развитие культуры Киевской Руси происходило в определенной взаимосвязи со странами Европы, в частности с Германией. Известен факт, что еще в XII в. русский князь Андрей Боголюбский просил германского императора Фридриха Барбароссу прислать зодчих для строительства храмов в Суздале и Владимире. Искусствоведы до сих пор удивляются своеобразию владимирско-суздальской храмовой архитектуры, в которой есть черты германского стиля (романская базилика). «Исследователи просто сбились с ног, где только не разыскивая ее прообразы и прототипы – и в Византии, и в романском искусстве, и на Востоке» [5, с. 183].

Если говорить более конкретно, то мы располагаем достаточно достоверными данными, что в 60-е г. XII в. немецкие строители состояли на службе князя Андрея Боголюбского. При-

нимали участие в сооружении его загородной резиденции и Успенского собора во Владимире. В этом убеждает и выполненный в романском стиле внешний декор этих зданий и очевидные параллели между загородной резиденцией Боголюбского и императорской резиденцией Штауфенов в Гельхаузене [1, с. 11].

Что касается непосредственно Новгорода, то он был тогда торговым форпостом Руси на Балтике. И торговые связи Новгорода с зарубежьем уже в XI–XII вв. были достаточно активны, и здесь в то время существовали два иноземных торговых двора. Большую роль в торговле Новгорода с Европой в период средневековья сыграл Ганзейский союз, который окончательно оформился в XIV в. Новгород стоял на пересечении водных путей, которые имели прямой выход к Балтийскому морю. И как свидетельствуют многочисленные источники, наиболее интенсивно и масштабно велась новгородо-ганзейская внешняя торговля [19, с. 77].

Представительства (конторы) Ганзейского союза находились в крупных торговых центрах Европы, и самый восточный – в Новгороде. Могущество, влияние, связи Ганзейского союза с XIV в. все более усиливались, а иноземные торговые дворы в Новгороде вскоре были монополизированы ганзейским купечеством. Позднее немцы построили и свой гостинный двор с церковью Святого Петра [11]. Эти дворы стали центрами торговли не только между Новгородом и Ганзой, но также Русью и Центральной и Западной Европой. Ведущую роль в этой торговле сыграло немецкое купечество. Ганзейские купцы постоянно жили в Новго-

роде, имели там свои склады и дворы [9, с. 244]. Основным торговым партнером Новгорода был город Любек. В Новгород ганзейские купцы везли металлы, такие, как серебро, железо, медь, свинец; соль, красители, сукно, стекло, вино, сельдь, пряности и другие товары. Главными экспортными товарами Новгорода были меха, воск, лен, кожа и высококачественные кожаные изделия, а также охотничьи птицы (соколы и кречеты, имевшие огромный спрос в Европе, в частности, в Германии) [19, с. 81]. В Новгороде благодаря торговле также развивались и культурные связи. Примером тому служит использование романских и готических форм в ювелирном искусстве, официальное признание Ливонских монет средством платежа в 1410–1420 гг. и многое другое [1, с. 11]. Особо следует сказать о влиянии готического и романского искусства в оформлении фасадов новгородских храмов во второй половине XIV – начале XV вв. В 30-е г. XV в. немецкие мастера создавали Грановитую палату Новгородского кремля [12, с. 117]. Так, Новгород, благодаря своим ганзейским (немецким) связям, сыграл большую роль в установлении первых российско-германских культурных контактов и при Московском дворе.

Отметим, что как раз в период становления Русского централизованного государства (XV – XVI в.) в России появилось уже довольно значительное количество немцев: в силу ряда обстоятельств миграция по всей Европе была отличительной особенностью немцев, и по мере усиления Русского государства этот процесс со стороны немцев усиливался. Среди них были ремесленники, медики, ученые, ратники, прибывшие по приглашению

русских властителей для развития отечественных ремесел, мануфактур, военного дела [18, с. 5]. В указанное время по мере усиления Москвы положение Новгорода, как самостоятельного мощного торгового центра, стало постепенно ослабевать. Но его торговые связи с Ганзейским союзом еще продолжались. Эта торговля приносила большую пользу обеим сторонам, тем не менее каждая из них имела свои интересы, цели и задачи.

Например, стимулируя развитие горнорудного и текстильного производства на Западе, Ганзейский союз замедлял развитие этих же отраслей на Востоке Европы (Руси). Сосредотачивая торговлю в руках немецких купцов, Ганза в определенной степени препятствовала деятельности местного купечества. Тем не менее, благодаря торговле с Ганзейским союзом, восточные районы (Новгород), в частности, получали сырье для металлообработки и ювелирного ремесла [11].

По мере дальнейшего роста могущества Русского централизованного государства развивались хозяйственные отношения, национальная экономика, укреплялись позиции местного купечества на Руси в конце XV – начале XVI вв. В силу этих обстоятельств обострились противоречия между Русским государством и Ганзейским союзом. Да и положение Новгорода также стало ухудшаться. В 1478 г. он был включен в состав Русского централизованного государства. Новгород перестал быть столицей самостоятельной боярской республики. Все вышесказанное привело к тому, что в 1494 г. был закрыт немецкий гостиный двор в Новгороде, да и сам Новгород утратил свое некогда могущественное положение.

Тем не менее образование в конце XV – начале XVI вв. Русского централизованного государства стало весьма заметным явлением в истории Европы: оно стало играть все более важную роль. В этот период усиливаются межгосударственные отношения между Священной Римской империей и Русским государством [11]. В частности, послы Священной римской империи способствовали налаживанию контактов, различных видов отношений между упомянутыми государствами и народами. Среди германских дипломатов были пытливые исследователи и даже талантливые писатели, которые оставили подробные, интересные описания своих поездок в Средневековую Русь – «Московию». Их описание, книги фактически «открыли» для Западной Европы эту далекую и загадочную «Московию» [11].

Как верно указывает немецкий исследователь Н. Ангерманн, «первые российско-немецкие культурные связи стали устанавливаться во времена правления великого князя Ивана III (1462–1505 гг.), что нашло свое отражение в русских и немецких письменных источниках [1, с. 10].

О том, что интерес к России в Германии возрастал, свидетельствует также и тот факт пристального внимания к русской истории, которой проявился в XVI в., когда немецкий барон З. Херберштейн (Герберштейн) заинтересовался Русью и призвал других иностранных ученых исследовать «русские Анналы» [20, с. 5]. Активизации отношений между Германией и «Московией», а также развитию и распространению различных знаний способствовало распространению книгопечатания.

Возникновение книгопечатания сыграло колоссальную роль в социально-политической и культурной жизни человечества. Подтверждением этому является ценное собрание книг Черниговского исторического музея. Например, в составе коллекции отечественных и иностранных старопечатных книг XVI-XVIII вв., принадлежавших Черниговскому историческому музею, 11 книг были изданы в различных городах Германии [19, с. 142]. Здесь были различные книги: по богословию, риторике, сочинения европейских гуманистов, учебники по истории. Пути проникновения, способы попадания немецких старопечатных книг тогда в Россию были связаны с купцами, русскими молодыми людьми, обучавшихся в различных университетах Германии [16, с. 7]. Распространение немецкой литературы в России в XVI в. было уже установившимся фактом. Это событие в свою очередь создавало условия для творческого усвоения и использования достижений западно-европейской общественно-политической и философской мысли, литературы и искусства XVI-XVIII вв. [19, с. 142].

Так что «Московия» уже в XVI в. становилась все более открытой для европейцев и прежде всего для немцев. Да и русская знать, в частности, русские цари старались также чаще общаться с иностранцами, живущими в Москве. История постоянного поселения немцев в Москве берет свое начало с середины XVI в., когда в ходе Ливонской войны (1558–1583 гг.) захваченные в ней немцы по приказу Ивана IV были ввезены в Москву и поселены в устье реки Яузы, в так называемой Старонемецкой слободе [1, с.

7]. Иноземцы, прежде всего выходцы из германских земель, приглашались Москву в качестве советников и специалистов, в первую очередь, военных. Уже в XVII в. русские цари стремятся закрепить немцев на русской службе пожизненно: наделяя их землей и даруя права русских дворян. Примечательно, что и в середине XVII в. среди представителей европейских стран немцы занимали прочно лидирующее положение [18, с. 5].

Уровень образования среди цивилизованных кругов населения русского общества постепенно повышался, и, как следствие этого, повышался интерес к своей собственной истории. В 1674 г. в Киеве появился первый учебник истории – «Синописис» И. Гизеля, получивший широкое распространение уже позднее, в эпоху Петра I.

В более позднее время, когда Петр I – царь-реформатор усилил контакты с европейскими странами, провел ряд успешных реформ и войн, преобразовав Россию в империю – одно из сильнейших государств континента.

Здесь надо отметить, что становление Российской империи также связано в определенной степени с немцами, не только в связи с упомянутыми обстоятельствами, но и в силу особого благоприятного расположения Петра I к ним. Как доказательство этого, в период Северной войны (1700-1721 гг.) в 1710 г. появились пресловутые петровские гарантии для потомков немецких рыцарей, живших в Лифляндии, которые перешли на службу царю [15, с. 575].

В XVIII в. немецкая миграция в Россию приобретает наибольшие масштабы. В указанный период резко усилился поток мигрантов в сильную,

перспективную Россию, особенно соседей – немцев из многочисленных сравнительно слабых германских государств образований. Надо сказать, что положение немецких мигрантов в России значительно отличалось от того, в котором немецкие иммигранты оказались в других странах. Если «богатая» Европа – прежде всего Англия и Франция, скорее третировала немцев, видя в них людей, ищущих какую-нибудь работу, или «жалких коммивояжеров; то в России на немцев как на нацию смотрели уважительно. В них видели и достойных военных противников, и народ, у которого многому можно поучиться» [3].

Все это привело к тому, что по крайней мере со времен Петра I привлечение немцев в Россию было возведено в систему, если не в ранг государственной политики. Что же касается немцев, приезжающих на постоянное жительство в Россию, то их готовность обрести здесь новую Родину, помимо всего прочего, основывалась на понимании, что на востоке Европы появилась новая великая держава, нахождение и трудовая деятельность в которой открывает новые жизненные перспективы.

Итак, становление Российской империи, как видим, в определенной степени было связано с немцами. Да и Россия, начиная с первой четверти XVIII в., играет все более заметную роль в европейской политике и в политике германских государств в частности. Этому способствовали не только политические интересы и династические браки, заключенные между немецкими и российским монархическими дворами, но и усиление международного авторитета России.

Свидетельством служит тот факт, что когда в Германии в 1700 г. была создана Академия наук и ее первым президентом стал известный ученый Г.В. Лейбниц, то уже в учредительном документе Академии была поставлена задача: уделить особое внимание научным контактам с Россией [19, с. 147]. Петр I вел неоднократные переговоры о культурных преобразованиях в России с Г.В. Лейбницем во время их встреч в 1711, 1712, 1716 гг. Лейбниц оставил для Петра целый ряд проектов, среди которых были проекты устройства каналов и улучшения судоходства России, соединение Азовского, Каспийского, Черного, Балтийского морей. Отношение Г.В. Лейбница к России было особое. Он выдвинул даже тезис о всемирно-исторической роли России в прогрессе человечества, предсказывая, что России суждено быть «посредствующим звеном между двумя мирами – Западным и Восточным» [4, с. 117].

Первая четверть XVIII в. стала важным этапом в развитии образования в России, временем создания светских все сословных школ, первых профессиональных учебных заведений, предназначенных для подготовки отечественных специалистов (инженеров, медиков и т.д.). Система образования в России находилась тогда в стадии становления и поэтому петровское правительство широко привлекало иностранцев.

Например, в московские учебные заведения были приглашены учителя из церковно-приходской школы Немецкой слободы [8, с. 35]. Заметную роль играли немцы и в деятельности учрежденной в 1724 г. Академии наук, имевшей тесную связь с Берлинской Академией наук. Благодаря таким свя-

зиям, количество немецких ученых мужей в России с каждым годом увеличивалось. Фактически Петербургская Академия наук была под патронажем немцев. Характерно, что когда Петр I проявил большую заботу по изданию книг по истории России, то первыми авторами таких трудов стали немцы, члены Петербургской Академии наук [14, с. 42]. Этот факт свидетельствовал, в частности, о том, что проникновение немцев в Россию и их влияние на императорский двор возрастало. Проникновение немцев еще более усиливается в период правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.), племянницы Петра I, выданной в свое время замуж за курляндского герцога. Воцаряется «бионовщина» – засилье иноземцев, главным образом немцев, во многих областях государственной и общественной жизни, в том числе и науки. Это обстоятельство вызвало большое недовольство русских людей, русского дворянства, что в конечном итоге привело к дворцовому перевороту и воцарению на российском престоле Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) – дочери Петра I.

Немцам пришлось пережить трудные времена. Но Елизавета Петровна поступила очень благоразумно. Она, руководствуясь государственными интересами, исходила из того, что Россия остро нуждается в использовании западных специалистов, но под контролем и руководством русских. Объяснением этому было также и то обстоятельство, что значительная часть немецкой диаспоры весьма успешно интегрировалась в русское общество, принадлежала к дворянскому или купеческому сословию и была составной частью господствующих классов.

Что же касается немецких ученых, то по замечанию российского исследователя Г.С. Жучкова, их серьезное отношение к науке нередко сочеталось с вторично-репродуктивным характером немецкой мысли [7, с. 34].

В период правления Елизаветы Петровны начался определенный подъем экономики России, усилились торгово-экономические и другие связи с Европой. Все это способствовало становлению просвещения, росту образованности. Как, например, показал анализ вновь найденных архивных документов, в первое десятилетие правления Елизаветы Петровны (1741–1751 гг.) научные и художественные контакты между Россией и Германией были особенно тесны и плодотворны [10, с. 9].

Сближение между Россией и германскими государствами еще более усилилось, когда в результате дворцового переворота императрицей была провозглашена Екатерина II (1762–1796 гг.), немка по национальности, патриотка России и Германии. Ее деяния как государственного деятеля были очень заметны и успешны. Влияние России в Европе и в Германии в частности возросло. Да и немцы в этой связи стали проявлять еще больший интерес к России.

Примечательна фигура немецкого историка на русской службе Г.Ф. Миллера, который хотя и стал одним из создателей весьма тенденциозной «норманнской теории» происхождения русского государства, вместе с тем выступил как собиратель разнообразных материалов по русской истории. Его так называемые «Миллеровские портфели» служат богатым источником для издателей и исследователей

[19, с. 143]. Г.Ф. Миллер много путешествовал по России, 10 лет жил в Сибири. Он хорошо знал русскую старину и был издателем русского журнала «Ежемесячные сочинения» [18, с. 111].

В частности, Г.Ф. Миллер и его коллега А.Ф. Бюшинг стояли у истоков углубленного взаимного интереса России и Германии [20, с. 20], способствуя своей деятельностью развитию русско-германских связей. Именно они, так же как и А.Л. Шлецер и Г.Л. Бахмийстер, создали соответствующий действительности образ России. Издававшийся Миллером журнал «*Sammlung russischer Geschichte*» (Собрание материалов русской истории) во многом формировал традиции взаимообогащения культур России и Германии [20, с. 21].

Что касается Германии, то в XVIII в. она называлась современниками «сверкающей страной гениев». И.В. Гете, Г.В. Гегель, Ф. Шиллер, И.Г. Гердер и многие другие немцы были яркими представителями европейской культуры и науки. Но и в России были уже тогда такие достаточно известные «отчества духовного отцы», как М.В. Ломоносов, Д.Н. Фонвизин, Г.Р. Державин, А.Н. Радищев, замечательный просветитель Н.И. Новиков, которого и по сей день в Германии считают «пионером» издательского дела и книжной торговли в России. Все же общий уровень образованности и грамотности в России был низок.

Тем не менее среди немцев интерес к большому восточному соседу возрастал, и в первую очередь к его литературе. Об этом Ф.М. Достоевский писал: «этот великий, гордый и особый народ...», познакомился с Россией, благодаря переводам сочинений Кантемира,

Ломоносова, Фонвизина, Державина, Радищева и др. Эти знания, несмотря на их самобытность, находили отклик в немецком самосознании [6, с. 26].

Особый интерес представляют взгляды на Россию известного ученого, мыслителя, крупнейшего представителя немецкой культуры XVIII в. И. Гердера. Эта личность была уникальной даже в богатейшей палитре немецкой культуры. И. Гердер, характеризуя русских чрезвычайно лестно, отмечал их «особенности»: умственную подвижность, прекрасную восприимчивость, широту охвата, талантливость, отзывчивость, природное дружелюбие, упорство, а также несомненную внутреннюю противоречивость, излишнюю податливость внешним впечатлениям [2, с. 26].

И. Гердер предупреждал русских об опасности втягивания во внутренние дразги Запада, призывал сохранять свою особенность и оригинальность. В конце XVIII в. Гердер писал, что с Россией надо работать, чтобы сделать из нее модель для остального человечества [22, с. 27].

Тем временем различного рода связи между Россией и Германией в XVIII в. расширялись. Чтобы представить себе, насколько глубоким был временами процесс взаимопроникновения экономики и культур обеих стран достаточно одного такого факта: во второй половине XVIII в. 8% населения Санкт-Петербурга составляли немцы [3].

В этой связи ранее мы уже упоминали о петровских гарантиях для потомков немецких рыцарей. Петр I заботился и о создании наибольших привилегий для представителей новой волны немецких купцов, хлынувших в Россию. Дочь Петра I, императрица

Елизавета также, как мы отмечали, окружала немцев своим вниманием. Императрица Екатерина II, немка по происхождению, еще более благоволила к немцам и специальными указами от 1762 и 1763 гг., предоставила немцам льготные условия для переселения в Россию [18, с. 6]. Да и российско-германские контакты, тем более в области культуры, еще более усилились. В связи с этим следует обратить внимание на такой известный факт: когда Екатерина II задумала создание императорского собрания как художественно ценной коллекции, то первые крупные приобретения, заложившие коллекцию Эрмитажа, были сделаны в Германии [17, с. 74].

В XVIII в. проявилась хорошая тенденция в русско-германских связях и в области образования. Например, учрежденная в 1724 г. Петербургская Академия наук стала устанавливать связи с германскими высшими учебными заведениями. Это объяснялось спецификой XVIII в., когда только что зародившиеся учебные заведения были малочисленны и слабы, и лишь сотрудничество с другими научными центрами могло способствовать их развитию и росту научных кадров. К примеру, способные русские студенты могли проходить обучение в Германии. В частности, в 1736 г. М.В. Ломоносов вместе с другими русскими студентами проходил обучение в известном тогда во всей Европе Марбургском университете.

Уже позже, когда М.В. Ломоносов станет выдающимся ученым и по его инициативе в 1755 г. в России будет открыт первый русский университет в Москве, научные связи обеих стран еще более усилятся. Это мож-

но было видеть на примере плодотворного сотрудничества Петербургской и Берлинской Академий, когда там трудились два великих ученых – М.В. Ломоносов и Л. Эйлер. Более того, количество немецких ученых в научных центрах России все увеличивалось. К примеру, в Московском университете на протяжении первых ста лет его существования осуществляли научную и педагогическую деятельность 63 преподавателя и профессора немецкого происхождения [13, с. 71]. Примерно такая же ситуация возникла и в области искусства. В 1757 г. по инициативе известного тогда русского мецената и знатока искусства И.И. Шувалова и при активном участии М.В. Ломоносова была учреждена Академия художеств, которая способствовала укреплению международного престижа России. В своей деятельности Академия художеств была ориентирована на тесные контакты с Европой. Для преподавания в Академии привлекались известные европейские скульпторы и художники, среди первых приглашенных были немецкие мастера кисти и резца [21, с. 144]. Немецкие мастера воспитали целую плеяду первоклассных русских мастеров. И уже позже работы русских графиков XVIII – первой половины XIX вв. поступали в крупные собрания Берлина и Дрездена, Парижа и Лондона [21, с. 148].

На фоне такого сотрудничества научных центров Германии и России во второй половине XVIII в. получили широкое распространение и идейные воззрения немецкого Просвещения.

Одним из центров культурного влияния в Москве стал Московский университет, в стенах которого получили образование многие видные дея-

тели русской культуры: Д.И. Муравьев, И.П. Тургенев, А.С. Грибоедов, П.Я. Чаадаев. Весьма примечательно, что одно время ректором Московского университета был известный профессор немец по происхождению И.А. Гейм [13, с. 42]. Как и прежде, немецкие преподаватели приглашаются в Россию [18, с. 115-116], а российские студенты обучаются в различных вузах Германии.

Таким образом, подводя некоторые итоги вышеизложенному, можно утверждать, что торговые, межгосударственные и социокультурные связи между Россией и Германией уходят своими корнями в далекое прошлое и обусловлены объективными закономерностями их исторического развития. Конечно, этому в первую очередь способствовала их сравнительная географическая близость, хозяйственные потребности и сложившиеся условия. Так что сотрудничество между Германией и Россией в рассматриваемое время было многогранным и плодотворным в различных областях и приносило взаимную выгоду обеим странам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ангерманн Н. У истоков культурных связей Московского государства и немецких земель (конец XV и начало XVI в.) // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы. XVI – начало XX века. Материалы Международной научной конференции (15-16 февраля 1999 года). Ответ ред. д.и.н. Ю.А. Петров. – М., 1999. 160 с.
2. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 23. М., 1976. 97 с.
3. Время новостей. 2000. 17 ноября. Тематическое приложение «Германия» к газете.
4. Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношение Лейбница к России и Петру Великому. М., 2008. 807 с.
5. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. М., 1988. 318 с.
6. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: в 15-ти томах. Т. 14. Л., 1989.
7. Жучков Г.С. Немецкое просвещение XVIII века. – М., 1990. 245 с.
8. Ковригина В.А. Немецкие преподаватели в системе образования Москвы первой четверти XVIII века// Немцы в общественной и культурной жизни Москвы. XVI – начало XX. М., 1999. 160 с.
9. Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб., 1911. 305 с.
10. Маркина Л.А. К вопросу о русско-немецких художественных связях середины XVIII века // Россия и Германия. Контакты и взаимовлияния XVIII-XX век. Ред. О.С. Северцева, И.А.Гутт. М., 1994. 166 с.
11. Материалы выставки: «Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры» / Выставка организована ФРГ в Москве летом 2012 года в здании Исторического музея, в честь Германии в России (июнь 2012-июнь 2013).
12. Петров Д.А. Письменные источники об архитектурных связях Новгорода и Пскова с немецкими городами в XV веке // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. 202 с.
13. Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1977. 175 с.
14. Платонов С. Сочинения по русской истории. Т. 1. СПб. 1993. 736 с.
15. Полное собрание законов российской империи (ПСЗРИ). Тип. II Отделения собственного Е.И.В. Канцелярии. Собр 1. Т. IV. СПб., 1830. 893 с.
16. Рукописная и печатная книга / ред. коллегия: А.А. Сидоров (председатель) и др. – М., 1975, 258 с.
17. Савинская Л.Ю. Немецкие художники

- и русские коллекционеры // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. Сб. Статей. / Ответ. Ред. Л.В. Славогородская. СПб, 1998, 327 с.
18. Савченко И.А., Овсянников В.П. Россия – Германия: история взаимоотношений: Монография. Тольятти, 2005. 343 с.
19. Савченко И.А. Очерки истории российско-германских связей IX – начало XX веков. Самара, 2002. 175 с.
20. Сапожникова Г.Н. Россия и Германия: у истоков взаимопонимания // Германия и Россия: События, образы и люди. Вып.3. Материалы международной конференции «Россия и Германия: опыт и уроки взаимоотношений в XIX – XX вв.» Воронеж, ВГУ, 13-14 октября, 1999. Воронеж, 2000. 233 с.
21. Целищева Л.Н. Немецкие художники в Петербургской академии художеств // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. Сб. статей. Отв. Ред. Л.В. Славогородская. СПб., 1998. 327 с.
22. Шнепс-Шнеппе М. Немцы в России. – М., 2011. 351 с.

УДК 94

Мишин А.В.*Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)*

ГЕРМАНО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1920-х гг.

Аннотация. В статье исследуются германо-югославские отношения в период от окончания Первой мировой войны до установления королевской диктатуры в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1929 г. Выбор временного отрезка 1920-х гг. обусловлен как показательный период для выстраивания отношений индустриального и аграрного государства в тяжелый для обеих стран период. Проводится анализ реальных причин сближения бывших противников в рамках экономической и политической ситуации 1920-х гг., показаны предпосылки будущих тесных отношений между двумя государствами в 1930-е гг. Используется ряд редких документов, находящихся в архивах Германии.

Ключевые слова: германо-югославские отношения, межвоенный период (1918-1939), история дипломатии, Малая Антанта, Густав Штресеман.

A. Mishin*Institute of the World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

GERMAN-YUGOSLAVIAN RELATIONS THROUGH THE CONTEXT OF THE EUROPEAN DIPLOMACY OF THE 1920S

Abstract. The article analyzes the German-Yugoslavian relations from the end of the WW I till the establishment of the king's dictatorship in the Kingdom of SHS in 1929. The choice of time period of the 1920s is determined by the fact that it was a model for developing the relationship between an industrial and an agrarian state during a heavy period for both countries. The analysis of the real causes for closer relations of former enemies under the economical and political circumstances of the 1920s is done. The background of the future close relations during the 1930s is shown. Some rare documents from German archives are used.

Key words: German-Yugoslavian relations, period between wars (1918-1939), history of diplomacy, the Little Entente, Gustav Stresemann.

Взаимоотношения югославских народов и Германии представляют собой многовековую историю. Некоторые из этих народов на протяжении длительного времени проживали в Австро-Венгрии, где ведущим был немецкий этнос. Новый этап отношений между названными сторонами наступил после Первой мировой войны, ког-

да впервые было образовано единое государство южных славян, ставшее субъектом международной политики. В 1920-е гг. Европа переживала один из самых тяжелых периодов своей истории. И страны-победительницы, и побежденные были вынуждены разрабатывать новые политические и экономические концепции и вступать в неоднозначные и зачастую не

планируемые союзы, продиктованные сложностью ситуации. В данной статье предпринята попытка проследить процесс формирования германо-югославских отношений в ситуации обязательств перед другими европейскими государствами и зависимости от них. В отечественной исторической науке это малоисследованная тема.

Отправной точкой в германо-югославских¹ отношениях является 1920-й г., когда между государствами произошел обмен дипломатическими представителями. На протяжении 1920-х гг. Германию в Белграде представляли Ф. фон Келлер (1920-1924) и Ф. Ольсхаузен (1924-1928). Роль первых двух немецких посланников (*Gesandten* – именно так именовался глава немецкой дипломатической миссии в Королевстве СХС. – прим. авт.А.М.) в развитии германо-югославских отношений велика: они не просто выполняли указы Берлина, но, имея определенные собственные позиции, зачастую определяли формат взаимодействия сторон.

В начале 1920-х гг. Германия внимательно изучает ситуацию в Королевстве СХС. Немецкие политики и журналисты анализируют внутреннее положение страны, основы создания нового государства, его предысторию. Авторы статей и донесений не скрывают, что Королевство интересует их далеко не только как самостоятельный объект изучения, но и как возможный фигурант внешнеполитических отношений Германии. Сближаясь с Югославией, Берлин, в частности, надеялся ослабить контакты Югославии с

Францией и использовать балканское государство «в качестве орудия своей политики, направленной на развал Версальской системы в Юго-Восточной Европе и превращение ее в сферу влияния Германии» [1, с. 110].

Немецкие дипломаты единодушны в оценке положения в Королевстве СХС с конца 1920-х до начала 1930-х гг. как крайне сложного. Но вызывать эти конфликты, которые впоследствии привели к кризису власти и управления, стали еще в начале десятилетия. «Ни в одном государстве мира внутривластная политическая ситуация не связана так с внешнеполитическим положением, как в Югославии»², – писал в своем донесении от 15 декабря 1931 г. сотрудник германского посольства в Белграде. Кроме очевидных проблем Королевства, каковыми являлись межнациональные и межконфессиональные сложности, в донесении анализируется так называемый «кошмар коалиций», в котором оказалась страна, то есть запутанность внешнеполитических контактов, постоянный поиск надежных союзников.

Изначально Югославия являлась союзницей Франции, находившейся во враждебных отношениях с Италией, контактировать с которой Королевство также было вынуждено. Свои обязанности накладывало на Королевство и членство в Малой Антанте. Поддерживая связи со странами из разных коалиций, молодое государство прилагало максимум усилий для того, чтобы выжить. Известно, что по окончании Первой мировой войны наибольшая угроза новому государству исходила

¹ Официальное наименование государства – Королевство Югославия, принято с 1929 г., в 1918-1928 гг. оно именовалось Королевством сербов, хорватов и словенцев.

² Bayerisches Hauptstaatsarchiv (материалы главного государственного архива Баварии, Мюнхен). II 4157/02 DRIM6.

больше всего от Италии, Венгрии, Болгарии. Более широкую поддержку Германии Королевство находило в отношении Австрии, в некоторых сферах которой мечтали о восстановлении монархии Габсбургов; против чего выступали не только страны, возникшие после распада Австро-Венгрии, но и сама Германия, которая уже имела планы по присоединению Австрии к своей территории.

За развитием югославо-германских отношений внимательно следила Великобритания. Стремясь сохранить статус центральной державы-победительницы, Великобритания была не заинтересована в усилении континентальных держав и прежде всего – побежденной Германии. Укрепление позиций Германии в таком важном стратегическом регионе, как Балканы, не входило в планы Великобритании. Действуя в интересах безопасности своего государства, британские дипломаты прослеживали процесс сближения Берлина и Белграда и составляли в МИД донесения, которые являются одним из источников в процессе изучения германо-югославских отношений. Так, по их мнению, в 1922 г. эти отношения улучшаются, торговый оборот активизируется вследствие крупной материальной выгоды, которую Сербия получила от немецких репараций в виде готовой продукции. В поле зрения британских наблюдателей попадают все аспекты отношений между этими государствами – и политические, и экономические, и идеологические. В документе отмечается, что Германия, стремясь устранить остатки неприязненного отношения к себе, развернула в Королевстве СХС активную пропаганду как с помощью

печати, так и другими способами, в частности, путем расширения продаж немецкой литературы [4, док. 89].

Ощутимым ударом по формирующимся германо-югославским отношениям являлась оккупация странами Антанты Рурской области в 1923 г., в результате которой со стороны Германии временно перестали поступать репарации. Королевство крайне нужно было как в денежных выплатах, так и в поставках готовой продукции? однако выступать с жесткими требованиями к Германии опасалось. Ситуация осложнялась еще и тем фактом, что не поддержать Францию и Бельгию в их действиях Королевство также не могло по причине союзнических отношений. Премьер-министр югославского государства Н. Пашич в своей речи перед Скупщиной (югославский парламент. – прим. авт. А.М.) 3 июля 1923 г. в целом одобрил ввод войск Антанты в Рейнскую зону, используя при этом стандартную риторику о жесткой необходимости следования условиям Версальского договора и вине Германии перед странами-победительницами¹. В то же время известно, что в начале года югославский премьер-министр обращался к военному министру Веймарской республики с просьбой о закупке современных ружей и орудий, ссылаясь на крайнюю отсталость югославской армии².

Немецкий посланник Ф. Келлер в донесении, направленном в МИД Германии 30 ноября 1923 г., конкретизирует сложившуюся ситуацию. Дипломат

¹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (материалы Политического архива Министерства иностранных дел Германии, Берлин). R73 120.

² Там же.

заявляет, что с момента вступления в должность ему не приходилось наблюдать в правительственных кругах такого возбуждения и перемены настроения. Югославская сторона, со слов дипломата, оценивает ситуацию как катастрофическую, и это касается не только экономики, но и политики. Министр иностранных дел Королевства М. Нинчич попросил своего собеседника передать в Берлин просьбу о том, чтобы не прекращались уже начатые поставки [2, IX, док. 29] Донесение Ф. Келлера проникнуто сочувствием к Югославии и стремлением каким-то образом разрешить проблему.

Ситуация, связанная с оккупацией Рура, еще раз продемонстрировала теснейшую связь политики и экономики. Только в свете этого постулата, а также с учетом сложнейшего внешнеполитического положения Королевства СХС может быть понятна позиция Пашича: глава правительства одновременно выступает с защитой Германии, даже просит немецкие власти о помощи и открыто становится на сторону ее врагов. Подобные события наглядно выявляли сложности в развитии германо-югославских отношений, непрерывное приспособление Королевства к меняющейся международной обстановке и попытки избежать чрезмерной враждебности со стороны отдельно взятой сильной державы.

Во второй половине 1920-х гг. политика Германии по отношению к Югославии становится более продуманной и целенаправленной. Улучшение экономической конъюнктуры в Веймарской республике после Рурского кризиса стараниями канцлера, а затем министра иностранных дел Г. Штресмана позволили Берлину возобновить

планы по расширению сферы влияния, в частности, активизировать югославский аспект своей внешней политики. Во второй половине десятилетия отношения двух стран становятся все более включенными в международный контекст. Эта тенденция явно просматривается в донесениях Ф. Ольсхаузена, который в 1924 г. сменил Ф. фон Келлера на посту немецкого посланника в Белграде. По мнению Г.-П. Хепфнера, автора диссертации «Политика Германии в отношении Юго-Восточной Европы в Веймарский период», деятельность Ф. Ольсхаузена во многом укрепила германо-югославские отношения [5, с. 103].

Ряд докладов дипломата представляет собой развернутую программу выстраивания отношений с Королевством СХС. Таков, в частности, доклад, от 2 января 1926 г. Ф. Ольсхаузен считает необходимым более активное развитие германо-югославского сотрудничества, однако, такое, чтобы оно не вызывало недовольства третьей стороны. Прежде всего, стоит считаться с французским влиянием в Белграде. По мнению автора донесения, активное сближение Германии с Королевством может помешать разрядке, которая наступила между Германией и Францией после Локарнских соглашений. По-прежнему, важной задачей для немецкой дипломатии является ослабление Малой Антанты с целью изоляции Чехословакии – эта мысль находит отражение в послании Ф. Ольсхаузена. Следует добиваться «отхода Югославии от Чехословакии, – считает посланник, – так, чтобы Чехословакия в будущем не могла рассчитывать даже на моральную поддержку Королевства».

Ослаблению Малой Антанты будет способствовать и сближение с прежними врагами, и прежде всего с Венгрией – это направление внешнеполитической деятельности постулирует Ф. Ольсхаузен. Посланник излагает и свое видение германо-югославско-русских отношений. Стабильным отношениям Германии и Советской России не повредят контакты Берлина и Белграда, однако, нельзя допустить сближения Москвы и Белграда, ибо через Королевство Россия сможет влиять на балканскую ситуацию. Следует заметить, что это, впрочем, не было реально возможным из-за идеологической несовместимости монархической Югославии и советского государства. Однако Ф. Ольсхаузен привлекает внимание МИДа Германии к недавно состоявшемуся визиту министра иностранных дел Турции в Королевство; в оценке немецкого посланника турецкий дипломат выглядит «рупором югославско-русского сближения в ракурсе противостояния Западу» [3, III, док. 18].

Германия была заинтересована не только в заключении договора с Королевством СХС, но и в активизации взаимодействия югославского государства с Италией, результатом которого предполагалось заключение договорных отношений между этими странами. Преодоление итало-югославских противоречий, в частности, по албанскому вопросу, создавало для Германии возможность успешно решать на Балканах свои экономические задачи. Представляет особый интерес телеграмма министра иностранных дел Германии Г. Штреземана, отправленная посланнику Ф. Ольсхаузену в Белград 12-го апреля 1927 г. Штрезе-

ман как опытный политик излагает свое видение проблемы. Переговоры между Белградом и Римом он считает лучшим средством для нормализации отношений между этими странами. Г. Штреземан признает, что для Муссолини это будет не простое решение, к тому же необходимо перестроить и общественное мнение. Глава немецкого МИДа делает важное заявление о том, что Германия готова быть посредником на этих переговорах. Королевство с готовностью приняло это предложение. Г. Штреземан перечисляет конкретные действия, которые должны предпринять немецкие дипломаты. Он ставит перед немецкой дипломатией задачу консолидировать усилия Германии, Франции и Англии по нормализации итало-югославских отношений. Весьма примечательно, что он советует делать это с большой осторожностью и прямо заявляет: «От прямого демарша мы должны отказаться» [3, V, док. 80].

Во второй половине 1920-х гг. Германия все больше воспринимается балканскими странами как гарант стабильности в этом регионе. Показательно обращение к германскому министру иностранных дел Г. Штреземану болгарского посланника в Берлине по поводу инцидента, имевшего место в Македонии в 1927 г. О беседе с болгарским дипломатом Г. Штреземан сообщает в немецкое посольство в Белграде 10 октября 1927 г. В Македонии, являвшейся частью Королевства СХС, Болгария имела свой интерес, к тому же в Македонии проживало значительное количество болгар. Болгарский посланник рассказал главе германского МИДа о волнениях, связанных с арестом югославскими властями сорока македон-

ских студентов. Впоследствии часть из них умерла, часть – оказалась подвержена психическим заболеваниям. Королевство, по словам болгарского дипломата, стремится возложить всю ответственность за случившееся на Болгарию, которая будто бы намерена дестабилизировать ситуацию на Балканах. Штреземан определил позицию немецкой дипломатии в этом вопросе следующим образом: «Германия очень заинтересована в обеспечении мира на Балканах, в то же время Германия не может вмешиваться в балканские дела; немецкое вмешательство может даже усугубить ситуацию» [3, VIII, док. 19]. Болгарское правительство через своего посланника обратилось к Г. Штреземану с просьбой о том, чтобы Германия озвучила свою позицию – заинтересованность в мире на Балканах – перед югославскими властями.

Казалось бы, не имеющая принципиального значения информация, изложенная болгарским посланником, была тем не менее для Германии столь важна, что Г. Штреземан отправляет в немецкое посольство в Белград специальный документ, в котором интерпретируется беседа с болгарским дипломатом. Несмотря на то, что министр иностранных дел просто заявил представителю Болгарии о невмешательстве Германии в балканские дела, Берлин внимательно следил за ситуацией на Балканах и использовал ее в своих интересах. Выстраивая отношения с Королевством СХС, немецкая сторона не пренебрегала никакими фактами, ситуациями и контактами, которые могли бы расположить к ней власти Королевства. Вместе с тем сотрудничество с монархией Карагеоргиевичей являлось лишь одним из

аспектов внешней политики Германии и всегда рассматривалось ею в данном контексте.

К концу 1920-х гг. Германия заметно упрочила свое положение в Восточной и Юго-Восточной Европе. Произошло сближение Берлина и Вены, что, как известно, вызывало большие опасения не только во Франции и Чехословакии, но и в Италии. Однако же эта ситуация не вызывала беспокойства в Королевстве СХС. Проекты Берлина находили там живой отклик. Достаточно сказать, что за девять лет до аншлюса Австрии югославские политики одобрили этот план [3, XIII, док. 199]. Германия воспринималась югославским государством как сильный и надежный союзник, способный оказать помощь в решении как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических проблем.

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. складывались двусторонние отношения Королевства СХС и Германии. Несмотря на то, что государства имели в Европе разный политический вес, их контакты были взаимовыгодны. Германо-югославские отношения 1920-х гг. являются важной сферой не только внешней политики двух стран, но и европейской политики в целом, так как они определяли позицию экономически сильной и промышленно развитой Германии по отношению к аграрным странам Восточной и Юго-Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Зубарева Е.Ю. Дунайский пакт и французская система союзов в 1933-1934 гг. // Франция и Россия: культурные контакты / под ред. Т.Ю. Загряжиной. – М.: МГУ, 2010. – С. 77-114.
2. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik, 1918-1945: Aus dem Archiv des

- Auswärtigen Amts. [Serie A: 1918-1925, Bd. I-XIV]. – Baden-Baden: Imprimerie nationale; Frankfurt a. M./Baden-Baden: Keppler-Verlag; Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1950-1995.
3. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik, 1918-1945: Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. [Serie B: 1925-1933, Bd. I-XXI]. – Baden-Baden: Keppler-Verlag; Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1966-1983.
4. Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji (Godišnji izvestaji Britanskog poslanstva u Beogradu, 1921-1938): u 2 knj. Knj. 1 (1921-1930). – Zagreb: Arhiv Jugoslavije – Globus, 1986. – 709 s.
5. Höpfner H.-P. Deutsche Südosteuropapolitik in der Weimarer Republik: Diss. Fr. a. M. – Bern, 1983. – 396 s.

УДК (73+728.1) «1954»

Балуев А.Ю.*Московский государственный областной университет***ФАКТОРЫ УСПЕХА ИНТЕРВЕНЦИИ США В ГВАТЕМАЛЕ В ИЮНЕ 1954 г.**

Аннотация. В статье описан ход и результаты проведения интервенции США в Гватемале в июне 1954 г. Основываясь на ряде документов, изданных по инициативе Государственного департамента США, автор анализирует процесс подготовки интервенции, проведение и завершение операции, делая вывод о тесной связи событий с деятельностью Центрального разведывательного управления (ЦРУ). В статье дан анализ деятельности ЦРУ также в соседних с Гватемалой странах, которая в процессе взаимодействия с Государственным департаментом стала эффективным фактором при подготовке интервенции США в Гватемалу.

Ключевые слова: Гватемала, США, ЦРУ, Кастильо Армас, Хакобо Арбенс, интервенция, военная хунта.

A.Baluev*Moscow State Regional University***FACTORS OF THE USA'S INTERVENTION SUCCESS
IN GUATEMALA IN JUNE, 1954**

Abstract. The article is devoted to the issue of successful realization of the USA's intervention in Guatemala in June, 1954. Being based on a number of the documents published in 2003 in the collection «Foreign policy of the United States, 1952-1954, Guatemala» published on the initiative of the US State Department, the author analyzes: the process of preparation of the intervention by the USA; the course of operation and its completion. The author comes to the conclusion about its close connection with the Central Intelligence service (CIA) activities. The article also analyzes the CIA activities in the neighbouring to Guatemala countries. Their interaction with State Department turned out to be an effective factor in the process of preparation of the USA's intervention to Guatemala.

Key words: Guatemala, the USA, the CIA, Castillo Armas, Jacobo Arbenz, intervention, military junta.

В мае 1954 г. проект ЦРУ «PBSUCCESS» (операция «Успех») вступил в свою решающую фазу: были определены планы, содержащие принципы последующего после операции переустройства гватемальского общества. Они заключались в создании умеренного авторитарного режима, так как

демократия представлялась неосуществимой альтернативой в силу прочности патриархальных традиций в сознании гватемальского народа, и правительственной хунты. Фактически США готовы были ее признать уже в конце мая 1954 г., оказав ей при этом экономическую и техническую помощь [3, с. 298-299]. В течение 6 меся-

цев в стране должно было удерживаться чрезвычайное положение для того, чтобы перейти к стабильности и обеспечению защиты прав американского бизнеса. Монополия «Юнайтед Фрут Компани» (ЮФКО) была под особой защитой нового правительства, но лишь до той степени, до которой это не стало порождать нестабильность установленного режима. Компания должна была платить налоги и конкурировать с национальным бизнесом.

Согласно документам ЦРУ, в результате подготовки активной фазы операции «Успех» агентами ЦРУ в Никарагуа была проведена переподготовка 85 человек из повстанческой группы Кастильо Армаса, в числе которых были 30 руководителей диверсионных групп, 16 командиров ударных частей, 4 штатных сотрудника, 13 радиооператоров, а также 19 человек, которые не смогли получить определенной квалификации [3, с. 417]. Помимо этих людей, для вторжения на территорию Гватемалы в Гондурасе и Эль-Сальвадоре было подготовлено 267 человек. Было заготовлено 89 тонн военного оборудования, которое к началу операции было переброшено к Гватемало-Гондурасской границе. Территория Гватемалы делилась на 9 стратегических зон, в каждую из которых направлялся агент для организации внутренней оппозиции [3, с. 418]. По засекреченным каналам в страну поставлялось оружие для этих групп. Именно силами этой оппозиции, а не ударными частями Армаса, должен быть осуществлен захват этих зон. Таким образом, основную борьбу с правительством Хакобо Арбенса Гусмана должны были вести сами гватемальцы, чтобы потом у Государственного департамента США была

возможность объявить, что события в Гватемале есть восстание гватемальского народа против своего правительства. Однако в начале июня ЦРУ еще не определилось со списком лиц, которые подлежали арестам или ликвидации, так как не знало всех имен [3, с. 302]. В заявлении Директора по планированию ЦРУ Уиснера Аллену Даллесу от 14 июня 1954 г., опубликованном в тот же день в «Нью-Йорк Таймс» под названием «Друзья Гватемалы» («The Friends of Guatemala»), в печать попала только информация, обличающая коммунистов [3, с. 328-329; 1, с. 71-72].

Непосредственно перед началом операции «Успех» правительство Арбенса произвело аресты оппозиционных лидеров, а министр иностранных дел Ториэльо ездил в Сальвадор на переговоры с Президентом Осорио, однако положительного для Гватемалы результата не добился [3, с. 330]. Этот факт говорит, что Арбенс знал о скором вторжении в Гватемалу. Несмотря на это в ЦРУ было решено, что уцелевшая оппозиция гораздо шире, чем та ее часть, которая попала в тюрьму. Еще до начала вторжения около 100 человек пересекли границу с Гондурасом и перешли на сторону К. Армаса. 15 июня 1954 г. Джон Даллес дал интервью, в котором высказал мнение, что в Гватемале назревает антикоммунистический путч, так как народ не может больше терпеть коммунистический террор. Тем самым он решил упредить любые разговоры о назревающем конфликте в Гватемале, выразив официальную точку зрения США, высказанную еще на X Конференции ОАГ в Каракасе, которой впоследствии будут придерживаться США [4, с. 1168-1169]. А уже 16 июня

1954 г. было принято решение о начале операции, так как дальнейшее промедление, по мнению аналитиков ЦРУ, будет способствовать уменьшению шансов на успех [4, с. 1169; 5, с. 566-574]. Фактически решение определилось в телефонной беседе А. Даллеса и Дж. Даллеса 16 июня 1954 г., в которой были согласованы последние детали операции [3, с. 336].

Встреча представителей ЦРУ и Министерства обороны США состоялась в тот же день, ее целью было обсуждение шагов [4, с. 1171], которые предпримут США в случае свержения Арбенса. Они включали в себя планирование эвакуации, признание и возможную экономическую помощь правительству-преемнику от США и т.д. В качестве профилактических мер были обсуждены и дата Конференции ОАГ в Монтевидео (6 июля 1954 г.), обсуждение на ней Пакта ОАГ. ЦРУ также требовало снизить распространение документов с «коммунистическим жаргоном», распространяемой Гватемальской Рабочей партией [4, с. 1171-1172]. В новом правительстве был заинтересован также президент Гондураса Осорио, для которого наиболее предпочтительным являлось авторитарное правление генерала Е. Фуэнтеса, нежели демократа Арбенса [3, с. 371]. Накануне вторжения ЦРУ было обеспокоено преследованиями гватемальской оппозиции полицией, что могло «деморализовать» силы Армаса, однако даже в случае их поражения США были готовы продолжать операцию [3, с. 342-343]. Планировалось также минимизировать потери гражданского населения в связи с вероятностью начала гражданской войны [3, с. 339].

18 июня 1954 г. в 20 часов 20 минут после выступления по радио «Комитета Национального освобождения», объявившего о «начале часа восстания честных, христианских, любящих свободу людей» [3, с. 347], ударные части подполковника К. Армаса пересекли границу Гондураса с Гватемалой в четырех местах [3, с. 449; 4, с. 1173], о чем Дж. Даллес известил Д. Эйзенхауэра [4, с. 1173]. Первая группа направлялась на Пуэрто-Барриос, вторая – на Гвалан, третья – на Чикимулу, четвертая – на Эскипулас. Армас двигался впереди своих людей по дороге на Эскупулас в старом автофургоне. Перед рассветом самолеты Р-47 подвергли бомбардировке склады горючего в Пуэрто-Барриос и Сан-Хосе [2, с. 184]. ЦРУ предполагалось создать видимость крупномасштабного воздушного сражения с целью внести «хаос» во внутреннюю обстановку страны [3, с. 348-349]. Не используя всего потенциала своего ВВС, ЦРУ рассчитывало, оказав психологический эффект повернуть армию Гватемалы против правительства [3, с. 350]. При этом Правительство США не хотело политического резонанса как внутри своей страны, так и во всем мире, в результате чего ЦРУ была дана команда – придерживаться первоначального плана вторжения и не допустить эскалации конфликта [3, с. 350-351].

Правительство Гватемалы объявило, что началось вторжение в страну и дало строгие предписания войскам не вступать в бой с захватчиками в пограничной зоне, чтобы не предоставлять Госдепартаменту США ни малейшего повода говорить об «агрессии Гватемалы против Гондураса». Именно поэтому захватчики не встретили в начале

своего пути значительного сопротивления и столкнулись лишь с небольшими гарнизонами. В 12 км от границы, на гватемальской территории, наемники стали лагерем. Стоит отметить арест Армасом всех лиц, подозревавшихся в связях с правительством. Стратегия К. Армаса заключалась в том, чтобы дожидаться падения правительства Гватемалы, а затем победоносно войти в ее столицу [2, с. 184]. Одновременно самолет сбрасывал на столицу антиправительственные листовки, а во время последующих рейдов бомбил и обстреливал из пулеметов некоторые стратегически важные объекты столицы.

20 июня гватемальское правительство сделало заявление в ООН, что два американских летчика бомбили гватемальский город Кобан, а затем совершили вынужденную посадку в Тапачуле (Мексика). Бомбардировки наиболее важных стратегических объектов Гватемалы должны были, по мнению ЦРУ, заставить гватемальскую армию принять ту или иную сторону в конфликте [3, с. 355-356]. Первичной целью пилотов США были военные гарнизоны и склады, однако возможная бомбардировка президентского дворца могла стать существенным психологическим фактором для итоговой победы [3, с. 356-357]. Примером в данном случае являются бомбежки нефтяных хранилищ «Матаморос» в Гватемале, что, по мнению ЦРУ, было серьезным ударом по режиму Гусмана и исключало возможные проблемы с ООН, которые возникли бы в случае подобного инцидента в городе [3, с. 379]. Подобные действия ЦРУ грозили серьезными экономическими проблемами [3, с. 379-380], что могло

подорвать моральный дух армии и настроить ее против режима. При этом представитель США в этой организации Генри Кэбот Лодж категорически отрицал, что вторжение в Гватемалу инспирировано его правительством. «Сложившаяся обстановка не есть агрессия, – заявил он, – а представляет собой восстание гватемальцев против гватемальцев» [2, с. 185]. Опровержение причастности США к бомбардировкам было высказано 19 июня 1954 г. представителем Госдепартамента П. Керролом, заявившим, что в данном регионе «нет американских самолетов» (впрочем он упомянул о нескольких сброшенных самодельных бомбах, сославшись на пилота Пайпера Кабса) [4, с. 1173]. В тот же день радиостанция «Голос освобождения» заявила от имени повстанцев: «Мы – те, кто несет национальную независимость. Как 15 сентября 1821 г. мы освободили вас от испанского трона, так и сегодня мы освобождаем вас от коммунизма» [3, с. 372].

19 июня Гватемала обратилась в Совет Безопасности (СБ) ООН и Межамериканский комитет сторонников мира (IAPC, орган ОАГ) с требованием принятия срочных мер, чтобы предотвратить возможную агрессию Гондураса и Никарагуа [1, с. 239-245; 6, с. 96-99]. Причиной обращения Гватемалы в СБ ООН стало экономическое давление со стороны США, а также позиция СССР, наложившего вето на колумбийско-бразильскую резолюцию [4, с. 1182]. Фактически Гватемала ждала поддержки СССР [3, с. 372]. Интерес представляет факт, что Англия и Франция выразили в СБ ООН готовность поддержать советскую инициативу отправить в Гватемалу междуна-

родных наблюдателей. Примерно в то же время А. Даллес предложил немедленно отправить в Гватемалу дополнительные самолеты, что было вызвано боевой потерей самолета США в Гватемале, а также форсированием ситуации в связи с тем, что информация об этом могла попасть к другим странам ОАГ, следящим за ситуацией. В данном случае ЦРУ не рекомендовало бомбить гражданские объекты, за исключением военных [3, с. 358, 359-361]. В связи с этим было созвано совещание Эйзенхауэра, Аллена Даллеса и Генри Голланда [4, с. 1177], выступившего (правда, безрезультатно) с возражениями правового порядка [2, с. 185].

Утром 22 июня ВВС США был совершен обстрел бензохранилища «Шэлл», в результате которого Гватемалой было потеряно около 60000 галлонов горючего [3, с. 373]. В тот же день ЦРУ получило информацию от некоего военного лица в г. Гватемала, что из-за больших потерь в национальной армии в результате бомбардировки города ситуация может выйти из под контроля и армии придется захватить власть в свои руки [3, с. 373-374]. Такой ход событий не устраивал ЦРУ, что вынудило усилить бомбардировки и помощь Армасу, чтобы тянуть время и добиться отставки Арбенса, начать переговоры Армаса с военными [3, с. 374-375, 367-368]. В расчет США принимался фактор эвакуации из Гватемалы граждан США [3, с. 375; 4, с. 1180-1182], что могло стать серьезным политическим ударом по престижу Гватемалы в ООН. Распространение ложной информации о событиях на «фронте» и «бегстве» многих коммунистов, а также ежедневные бомбардировки Гватемалы должны были, по

мнению ЦРУ, сломить правительство Арбенса [3, с. 376]. Последним шагом должно было стать соглашение президента Осорио и Армаса [3, с. 377] относительно будущего правительства Гватемалы. 24 июня, через два дня после секретного совещания в Белом доме, самолет Р-47 совершил налет на город Гватемалу, обстреляв с бреющего полета склады бензина и выведя из строя радиостанцию.

ЦРУ распространялись ложные донесения о значительном численном превосходстве сил вторжения, что не соответствовало действительности. ЦРУ было в курсе всей информации, получаемой правительством с фронта. Секретные радиооператоры ЦРУ включались в военную радиосвязь и на волнах военных радиостанций передавали дезинформационные сообщения, еще более усложнявшие обстановку. 25 июня самолет Р-47 вновь совершил налет на город Гватемалу. В этот же день Информационное агентство США дает добро ЦРУ на размещение в прессе и на радио без приписки конкретного источника (USIS) лжесвидетельств о деятельности «коммунистов» и «Кремля» как на территории Гватемалы, так и за ее пределами, включая ОАГ и Совет Безопасности ООН [3, с. 383-384]. Подобной деятельностью должны были заниматься и люди Армаса на территории Гватемалы [3, с. 382]. 26 июня, используя ответ Молотова на заявление Гватемалы в ООН от 19 июня 1954 г., как повод для подозрения о «контроле Москвы» над Арбенсом, а также письмо ОАГ за подписью 10 его членов от 26 июня о созыве срочной Конференции ОАГ по «проблеме коммунизма» в Центральной Америке и решение Сената США от 25 июня о поддержке Ка-

ракасской Декларации Солидарности стран ОАГ, США фактически удалось снять с себя подозрения в организации интервенции и контрреволюции в Гватемале и установить необходимый для себя «моральный климат» в Западном полушарии [3, с. 384-385]. В тот же день ЦРУ инициирует сообщение о эвакуации граждан США из Гватемалы, что фактически означало успешное выполнение психологической части операции «Успех» [3, с. 386-387].

После длительного маневрирования посла США Перифуа 27 июня Арбенс подал в отставку [3, с. 449]. В течение этого дня американский посол встретился в президентском дворце с министром иностранных дел Ториэльо а затем совещался с главнокомандующим гватемальскими вооруженными силами полковником Карлосом Энрике Диасом и с группой влиятельных офицеров [4, с. 1188-1189]. Посол в сопровождении американских офицеров встретился с гватемальской делегацией в составе Санчеса, Паринелло, руководителя ВВС Джирона и с временным президентом полковником Сарти. Задачей США в данном случае было удостовериться, что Армас в случае своего прихода к власти сохранит привилегированное положение монополии США ЮФКО [3, с. 387], договорится с военными [3, с. 387-388] и будет иметь четкий план действий, необходимый для успешного окончания операции [3, с. 388-389]. ЦРУ попыталось представить ситуацию в Гватемале, как обыкновенный военный переворот, оказывая давление на СМИ и интерпретируя ситуацию, как «угрозу коммунистического заговора» [3, с. 390-392]. В результате политической борьбы между Монзоном, Армасом и

Диасом власть захватил проамерикански настроенный Армас, при этом она переходила поочередно к Диасу, Монзону и Армасу.

29 июня самолет подверг город Гватемалу сильной бомбардировке. Он взорвал радиостанцию и сбросил две бомбы в центр форта Матаморос – основного военного объекта города [3, с. 397]. По мнению ЦРУ, организовавшего инцидент, это должно было стать решающим фактором [3, с. 393] в борьбе за президентский пост в Гватемале. При этом учитывалось, что Армас должен был выступить по радио уже после бомбардировки [3, с. 396]. Подобные маневры должны были пройти быстро и без помех [3, с. 399]. После прихода к власти Армаса планировалось развертывание в Гватемале антикоммунистической пропаганды в прессе, что привело бы к освобождению этой страны от коммунистических элементов [3, с. 399-400]. США и ЦРУ устраивала именно кандидатура Армаса, который, по их мнению, мог в скором времени возвратиться к методам генерала Уби-ко, реформировав Трудовой кодекс и предоставив американским монополиям новые права в Гватемале [3, с. 394]. Устранение Арбенса являлось лишь первым шагом на пути США к установлению новых порядков в Гватемале, вторым должен был стать скорейший приход к власти Армаса [3, с. 395, 396]. Уже 28 июня 1954 г. ЦРУ начало предварительные переговоры с Армасом о прекращении военных действий [3, с. 392].

30 июня 1954 г. в Сальвадор для участия в переговорах вылетел Перифуа вместе с папским нунцием Дженнаро Веролино, присоединившись там к Армасу и полковнику Монсону.

Переговоры в Сан-Сальвадоре были нацелены на установление перемирия, достижение политического урегулирования и устранение разногласий между Армасом, который хотел осуществить захват г. Гватемалы, введя в него войска, и Монсоном, настаивающим на сохранении контроля над гватемальской армией. В связи с этим участие в переговорах Перифуа было необходимо. Президент Осорио действовал как посредник, а посол Мак-Дермотт занимался подготовкой встречи [4, с. 1199].

Переговоры в Сальвадоре между Правительственной хунтой и Армасом оказались под угрозой 29 июня, когда, по информации воздушного атташе США в Гватемале полковника Мартина, возникла угроза заговора с целью уничтожения полковников Диаса и Санчеса, в следствие чего был возможен распад Хунты. Диас и Санчес в срочном порядке вышли из Хунты, а их место заняли Х.Л. Круз и М. Дюбуа, ближайшие сторонники Монсона [4, с. 1197]. По словам Дж. Даллеса, со ссылкой на пресс-секретаря Президента США Дж.С. Хагерти, Эйзенхауэр «мог испытывать большое удовлетворение от происходящих событий в Гватемале», откуда были изгнаны «все пособники коммунистов». ЦРУ удалось найти выход из непростой ситуации [3, с. 414]. Лидеры США и ЦРУ [3, с. 410] уже не сомневались в успехе операции, что подтверждают телеграммы из офиса ЦРУ в штаб-квартиру по проведению операции во Флориде [3, с. 408-409]. В задачу ЦРУ входило лишь удостовериться в благонадежности Армаса как «символа антикоммунизма» [3, с. 411, 413].

Монсон и Армас заключили 2 июля взаимоприемлемое соглашение: Монсон остался главой, но лишь до фор-

мального избрания хунтой нового руководителя. Пакт был подписан в Зале почета президентского дворца. В случае возможного срыва переговоров ЦРУ рассчитывало добиться своей цели, используя самолеты С-47 и F-47 [3, с. 415] для бомбардировки территории Гватемалы. Армас вылетел в Чикимулу, а на следующий день он вновь появился в городе Гватемала, прибыв сюда на принадлежавшем американскому посольству самолете [2, с. 187]. На переговорах был согласован окончательный состав правящей хунты, что фактически предопределило стратегический перевес в правящей верхушке правительства Гватемалы сторонников Армаса [4, с. 1202-1208]. Он был поставлен перед выбором – возглавить хунту либо стать президентом страны [3, с. 414-415], и выбрал второй вариант.

В Гватемале было создано правительство, а президент одновременно являлся главнокомандующим Армии. Монсон на ближайших выборах президента не должен был выдвигать свою кандидатуру [4, с. 1200-1201]. Итог переговоров удовлетворил не только США, но и ОАГ [3, с. 405-406] члены которой были заинтересованы в стабилизации обстановки в Центральной Америке. Результатом военного переворота, инициированного ЦРУ при покровительстве США, стало укрепление в Гватемале проамериканского режима Армаса, а также создание новой хунты. Добившись этого, США решило ряд задач, главной из которых было укрепление финансовых позиций в Центральной Америке и упрочение господства получившей поддержку правительства Гватемалы фруктовой монополии ЮФКО.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Annals of the Organization of American States. 1954. Vol. 5. 755 p.
2. Cullather N. Secret History: The CIA's Classified Account of Its Operations in Guatemala, 1952-1954 / Sec. ed. Stanford: Stan. Univ. Press. 2006. 224 p.
3. Foreign Relations of the United State, 1952-1954: Guatemala. Washington: Dep. of State, 2003. 451 p.
4. Foreign Relations of the United State, 1952-1954: The American Republics [Vol. IV]. Washington: Dep. of State, 1983. 1676 p.
5. Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight D. Eisenhower. Washington: National Archives of the US, 1954. 1258 p.
6. Yearbook of the United Nations, 1954. N.Y.: UN, 1955. 656 p.

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.8

Хлопов О.А.

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

УКРАИНСКИЙ ФАКТОР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЫ

Аннотация. В статье анализируются особенности и различные этапы формирования энергетической политики Европейского Союза. Отмечается, что повышенный спрос на газ и его транзит через Украину в европейские страны актуализирует проблему энергетической безопасности ЕС. Автором подчеркивается, что страны ЕС заинтересованы в расширении альтернативных маршрутов импорта газа и включения энергетического комплекса Украины в сферу своего экономического влияния. В условиях «ценовых войн» и политического кризиса Россия выступает надежным партнером и поставщиком энергоресурсов и создает устойчивую основу для энергетической безопасности ЕС.

Ключевые слова: газ, нефть, газопровод, энергетическая безопасность, спрос и потребление, ЕС, Украина.

O.Khlopov

Russian State University for the Humanities, Moscow

UKRAINIAN FACTOR IN ENSURING EUROPEAN ENERGY SECURITY

Abstract. The article analyses the characteristics and different stages of forming European Union energy policy. It is emphasized that the rising demand for gas and its transit through Ukraine to the European countries actualize the problem of EU energy security. The author underlines that the EU countries are interested in enlarging alternative routes to import gas and include Ukraine energy industry into the sphere of their economic influence. In the conditions of «price wars» and political crisis Russia comes out as a reliable partner and supplier of energy resources and creates the stable ground for the EU energy security

Key words: oil, gas, gas pipeline, energy security, demand and consumption, EU, Ukraine.

Одной из ведущих тенденций глобального развития является обострение конкурентной борьбы за

© Хлопов О.А., 2015.

энергоресурсы. Страны-потребители, производители и транзитеры стараются в наибольшей степени обезопасить свое энергетическое будущее за счет

навязывания своих правил игры, развития своих конкурентных преимуществ [10].

Энергетическая безопасность в настоящее время становится одной из важнейших экономических и политических проблем внутренней и внешней политики развитых и развивающихся государств. Современная система энергетической безопасности Европы сформировалась, как ответная реакция на нефтяное эмбарго арабских стран в страны западной Европы и США в 1973 г.

Западноевропейские государства создали в 1974 г. Международное энергетическое агентство (МЭА) и приняли международную энергетическую программу с целью сокращения зависимости своих экономик от импортной нефти и стимулирование развития альтернативных видов топлива и энергии.

В последние годы страны ЕС разрабатывали и приняли ряд новых документов, которые направлены на усиление обеспечения энергетической безопасности в Европе. В 1991 г. была подписана Европейская энергетическая хартия, политическая декларация о намерении поощрять энергетическое сотрудничество между Востоком и Западом. В 1994 г. был ратифицирован 30 государствами, включая большинство стран СНГ, европейских стран, Японии, Австралией и Монголией «Договор к Энергетической хартии» (ДЭХ). Россия после долгих переговоров отказалась ратифицировать Хартию. Главный акцент в ДЭХ был сделан на проблеме транспортировки энергоносителей и на защите потребителя и поставщика от посягательств третьей стороны.

В начале XXI в. Европейским Союзом (ЕС) были приняты документы,

расширяющие содержание энергетической безопасности: «Энергетическая стратегия Европейского Союза до 2020 г.» (*EU Energy 2020 Strategy*), «Энергетическая дорожная карта до 2050 г.» (*Energy Roadmap 2050*). В январе 2014 г. Европейская комиссия опубликовала свои руководящие принципы энергетической политики до 2030 г.

Сегодня энергетическая политика ЕС переживает период интенсивных изменений. Государства-члены традиционно преследовали свои собственные интересы в обеспечении поставок нефти и газа, не ориентируясь на общие единые руководящие принципы энергетической политики ЕС. Отсутствие общей политики стало предметом острой критики со стороны ЕС. Ситуация начала меняться лишь после российско-украинского газового кризиса 2009 г., когда в 2011 г. вступил в силу общеевропейский *«третий пакет» энергетических реформ* в области газа и электроэнергетики.

«Газовые конфликты» между Украиной и Россией по вопросам цен и условий транзита (в зимы 2005-2006, 2007-2008, и 2008-2009), приведшие к сбою поставок газа в европейские страны, актуализировали проблему транзита российского газа через Украину и вызвали острые дискуссии среди членов ЕС относительно возможности диверсификации маршрутов и новых условий сотрудничества с Россией.

В основе «газового конфликта» лежат проблемы переходного периода рыночной экономики. Лояльное отношение российской стороны к тарифной политике стран СНГ привели к донорству России в пользу бывших союзных республик. 60–80% транзита российских энергоносителей в Евро-

пу в 1990-е гг. проходило через украинскую трубопроводную систему. Правительство президента Л. Кучмы подписало в 2002 г. десятилетний контракт с «Газпромом» о поставках газа по фиксированной цене \$50 за тысячу кубометров, который обеспечивал украинской промышленности огромные конкурентные преимущества на мировых рынках.

С начала 2000-х гг. тарифная политика стала меняться, к чему оказались не готовы украинские партнеры. Это привело к напряженности двустороннего энергетического диалога. (Сегодня эксперты оценивают размеры инвестиций России в украинскую экономику в виде сниженных цен на энергоносители, а также льготных кредитов и вложения средств в совместные проекты, включая предоставления украинским товарам режима наибольшего благоприятствования на российских рынках, около \$ 35 млрд [4]).

Энергетические реформы в рамках «третьего пакета» направлены на либерализацию рынка электроэнергии и газа. Он включает шесть законодательных актов, предусматривающих ограничения для вертикально интегрированных компаний на право владения и управления энерготранспортными сетями со стороны. По оценкам Европейской комиссии, это повысит конкуренцию и снизит цены на энергию. *Главная цель – сократить зависимость от импорта российского газа.* Для реализации этой цели предполагается объединить довольно разобщенный энергетический рынок и уничтожить национальные барьеры в торговле электроэнергией и природным газом путем повышения безопасности поставок и развития кон-

куренции на уровне Евросоюза [9]. Наиболее дискуссионные аспекты третьего «энергopakета» – выделение электроэнергетических и газотранспортных сетей, а также расширение прав и возможностей национальных энергетических регуляторов и свободы выбора [6].

Руководство «Газпрома» и правительство России выступило против этих новаций, полагая, что Еврокомиссия пытается контролировать рынок и что эти нововведения направлены против «Газпрома» как главного поставщика трубопроводного газа в Европу. Так, требования третьего энергopakета обязывают «Газпром» обеспечить доступ к своей «трубе» другим поставщикам, которые изъявляют желание снабжать газом Европу. Если таковых нет, часть газотранспортных мощностей все равно должна оставаться в резерве.

В конце 2012 г. Президент РФ В. Путин по результатам прошедшего в Брюсселе саммита Россия – ЕС заявил, что Россия рассчитывает на достижение компромисса с Евросоюзом по поводу применения норм третьего энергopakета к российским проектам. Россия представила на рассмотрение Евросоюза новый проект соглашения по трансграничным газопроводам, выводящий проекты «Северный поток» и предполагаемый «Южный поток» из-под действия третьего энергopakета [8].

События в Украине, отказ России от реализации строительства трубопроводного проекта «Южный поток» и договоренности с Турцией о строительстве газопровода через Черное море создало новую ситуацию для энергетической безопасности в Европе, и вывели проблему энергетической без-

опасности в повестку дня внешней политики ЕС.

Политический кризис на Украине подтолкнул ЕС к принятию обновленной редакции «Стратегия энергетической безопасности Европы» (European Energy Security Strategy) в мае 2014 г., в которой отмечается, что, кроме диверсификации традиционных поставок энергоресурсов (газ, нефть), необходима и диверсификация поставок ядерного топлива для всех европейских АЭС.

Документ предлагает восемь основных компонентов стратегии энергетической безопасности ЕС. В краткосрочной перспективе: 1) немедленные действия, направленные на повышение способности ЕС справиться с ситуацией в случае значительных перебоев в поставках в течение зимы 2014-2015 гг.; 2) укрепление механизмов солидарности реагирования на чрезвычайные ситуации, в том числе координации оценки рисков и планов действий в чрезвычайных ситуациях; а также защита стратегической инфраструктуры.

В долгосрочной перспективе: 1) сокращение потребления энергии; 2) построение хорошо функционирующего и полностью интегрированного внутреннего рынка; 3) увеличение производства энергии в ЕС; 4) дальнейшее развитие энергетических технологий; 5) диверсификация внешних поставок и соответствующей инфраструктуры; 6) улучшение координации национальных энергетических политик и выработка единой внешней энергетической политики [16].

Сегодня ЕС импортирует 53% потребляемой энергии: 90% импорта приходится на сырую нефть, 66% – природный

газ, 42% – твердое топливо (включая уголь), 40% – ядерное топливо.

За последние годы резко увеличилась доля газа в энергетическом балансе ЕС. Если в 1960 г. она составляла менее 2%, то в 2000 г. – более 22%. Планируется, что к 2030 г. этот показатель достигнет 29%. Согласно реалистичному сценарию, объемы потребления в Европе будут расти, достигнув к 2020 г. 700 млрд куб. м в год, по сравнению с показателем 2014 г. на уровне 650 млрд куб. м.

Главными поставщиками газа в ЕС являются Россия, Алжир и Норвегия. В 2013 г. доля поставок российского газа в страны ЕС составили 39% от всего импорта или 27% от всего потребления газа. Незначительные объемы импортируются также из Ливии, Египта. Дальнейшее значительное наращивание поставок из Норвегии и Алжира, других крупных поставщиков газа в ЕС проблематично. Запасы газа в Северном море ограничены, а их добыча довольно дорога. Алжир имеет значительные залежи газа, но увеличение его поставок сдерживается необходимостью строительства подводных газопроводов, стоимость которых значительно выше, чем на суше. Поэтому объективно главным и надежным поставщиком является только Россия.

Ввиду повышения спроса в ближайшие годы «Газпром» планирует довести объем поставок газа в страны Европы до 155–160 млрд куб. м. Россия экспортировала в Европу в 2014 г. 147 млрд куб. м. У России имеются возможности увеличения поставок в ЕС и благодаря этому удовлетворение возрастающего спроса.

ЕС исходит из того, что его глобальные энергетические интересы могут

быть наилучшим образом реализованы: 1) через диверсификацию поставок нефти и газа из других стран, 2) если страны-поставщики энергоресурсов будут применять правила внутреннего рынка ЕС; 3) через включение газотранспортной системы (ГТС) Украины в единый энергетический комплекс ЕС. Газотранспортная система Украины (ГТС) является второй в Европе и одной из крупнейших в мире, состоит из магистральных газопроводов протяженностью 37,6 тыс. км в одностороннем исчислении, 71 компрессорной станции, распределительных сетей, газохранилищ, компрессионных и газорегулирующих станций.

Реализации политики энергетической безопасности ЕС сегодня осуществляется на трех основных направлениях. Во-первых, создание Южного газового коридора, который позволил бы европейцам получать газ с Каспия. Во-вторых, получение, в перспективе, сжиженного природного газа (СПГ), транспортируемого в Европу морским путем, а также собственная добыча сланцевого газа. В-третьих, использование включения энергетически мощностей и природных ресурсов Украины в свою экономическую систему.

Для реализации своей энергетической стратегии страны ЕС подписали множество двусторонних энергетических соглашений с государствами Центральной Азии, Азербайджаном, Алжиром, Египтом. В то же время, с целью диверсификации его источников, Евросоюз планирует строительство газопроводов из Прикаспийских стран в обход территории России и привлечение газа из Ирана и Ирака.

Противоречивая и неконструктивная позиция ЕС относительно «Юж-

ного потока» привела к отказу России от реализации этого проекта. «Южный поток» – газопровод, который должен был пройти по дну Черного моря из России в Болгарию, а оттуда в другие страны Европы с суммарной мощностью в 63 млрд куб м в год. Формально главным препятствием на пути «Южного потока» стала позиция Болгарии, которая, ссылаясь на третий энергетический пакет, фактически воспрепятствовала строительству трубопровода на своей территории.

Альтернативой российского «Южного потока» ЕС выбрал проект Южного газового коридора, к которому относятся: газопровод Nabucco, TAP (Трансадриатический газопровод), ITGI (интерконнектор Турция-Греция-Италия) и AGRI (проект по транспортировке азербайджанского газа в Центральную Европу через Румынию).

В конце 2011 г. Турция и Азербайджан подписали меморандум о взаимопонимании по созданию консорциума, который будет строить газопровод TANAP для поставки природного газа с азербайджанского месторождения «Шах Дениз» в Европу через турецкую территорию.

Однако разрабатываемые в каспийских странах месторождения пока не могут предоставить для новых трубопроводов необходимые объемы углеводородных ресурсов. Так же, как не смогут решить данную проблему и поставки туркменского газа, который Брюссель хочет получить через иницилируемый Транскаспийский газопровод. Однако в итоге ЕС так и не удалось добиться от Ашхабада подписания конкретных документов.

Таким образом, *идея ЕС о создании альтернативных газопроводов, в ка-*

честве ключевой задачи по снижению зависимости от поставок российского газа, превратилась в самоцель и оказалась чрезмерно политизированной.

В этой ситуации возрастает роль Украины, которая также заявила о формировании независимой энергетической политики от России и включении украинской экономики и энергетической транспортной системы в европейскую.

В результате распада СССР и разрушении единого энергетического пространства, Украина стала не только импортировать российский газ, но и превратилась в крупнейшего транзитера его в Европу.

Сложности российско-украинских отношений обусловлены тем, что, во-первых, Украина сегодня стремится укрепить свою государственность исключительно на основе противостояния с Россией. Во-вторых, Запад делает все, чтобы не допустить интеграцию между Украиной и Россией. В то же время экономическая взаимозависимость Украины и России очень велика. Однако политические приоритеты (радикальный разворот на Запад), большая геополитика (стратегические интересы США, ЕС и России), внутриполитических кризис и гражданская война стали преобладать над экономической целесообразностью, что и определило современных кризисный характер двухсторонних отношений.

Стремление правящей политической элиты Украины интегрироваться с Западом, что автоматически ведет к отдалению от России, явилось сдерживающим фактором в реализации проектов совместного сотрудничества и побудило обоих партнеров к поиску альтернатив. Россия стала искать

новые рынки сбыта экспорта углеводородных ресурсов в обход Украины. Страны ЕС обратились к поиску новых альтернативных источников и маршрутов импорта газа и нефти, через выработку единой энергетической стратегии. Украина заявила о способности покончить с зависимостью от экспорта российского газа.

Так, Президент Украины Петр Порошенко в своем выступлении в институте Европы при Цюрихском университете заявил, что через два года стране не понадобится российский газ. «Я полностью убежден, что через два года нам вообще не будет нужен российский газ. Это очень важный фактор энергетической независимости моей страны». Президент Украины подчеркнул, что из европейских стран уже запущен реверс «голубого топлива», а европейские и американские инвесторы приглашены к процессу модернизации газотранспортной системы, а также предприняты меры по энергоэффективности [11].

Ранее «Нафтогаз» и польская компания «Gaz System» договорились о строительстве нового газопровода длиной 110 км, по которому Украина может получать в год 10 млрд куб м газа из Польши. Согласование технико-экономического обоснования строительства интерконнектора планируется завершить к лету 2015 г. [12].

Украина располагает своими запасами нефти и газа. Ежегодно в Украине добывается 3-4 млн тонн нефти и около 20 млрд куб. м природного газа. По добыче нефти Украина уверенно опережает все восточноевропейские страны, за исключением примерно равной ей по этому показателю Румынии (4,1 млн тонн нефти в год). При этом она

уступает главным европейским нефтедобытчикам – Дании (10,1 млн тонн в год) и Норвегии (87,5 млн тонн в год).

Днепровско-Донецкая впадина является крупнейшей нефтегазоносной областью Украины. В Сумской, Полтавской, Черниговской и Харьковской областях разведаны и эксплуатируются месторождения качественной нефти. Некоторые из них содержат значительное количество сопутствующего природного газа, используемого для газификации окружающих городов и сел. Второй по значимости объем нефти – Карпатский регион, но ее запасы здесь значительно истощены. В настоящее время нефтепромыслы эксплуатируются в районах городов Борислава (Львовская область), Долины и Надворной (Ивано-Франковская область). В Причерноморско-Крымском нефтегазоносном регионе разведаны относительно небольшие месторождения нефти.

В отличие от нефти масштабы запасов и добычи природного газа в Украине значительно крупнее. Газовая промышленность Украины зародилась на Прикарпатье в 1920-е гг. В 1940 г. в Предкарпатье сосредоточивалось 87% добычи газа всего СССР. Основные газовые месторождения расположены на территории Львовской, Ивано-Франковской, Полтавской и Харьковской областей. Здесь была создана система газопроводов, наиболее протяженные из которых – Дашава – Киев – Москва, Рудки – Минск – Вильнюс – Рига.

Значительные месторождения природного газа открыты в равнинной части Крымского полуострова и прилегающих к ней участках шельфа Черного и Азовского морей. Некоторые специалисты отмечают сходство гео-

логического строения шельфа Черного и Азовского морей с богатыми нефтью регионами Персидского залива и Каспийского моря и даже предрекают в недалеком будущем возможность открытия здесь нефтяных запасов мирового значения [7].

Воссоединение Крыма с Россией дает Москве доступ к неизученным ресурсам Черного моря. По выводам некоторых исследований, эти воды имеют потенциал Северного моря. При этом Черное море рассматривалось еще правительством В. Януковича как основной шанс для Украины ослабить зависимость от России в обеспечении своей энергетической безопасностью [15].

На территории Украины существуют два крупных месторождения сланцевого газа. На востоке страны расположено Юзовское месторождение, которое находится на территории Луганской, Донецкой и Харьковской областей. На западе страны расположено Олесское месторождение сланцевого газа, Оно находится на территории Львовской и Ивано-Франковской областей. Управление энергетической информации США оценивает украинские сланцевые запасы в 1,2 трлн куб м [19]. Однако точные запасы и возможная прибыль, которую можно получить от разработки месторождений сланцевого газа на Украине, пока не ясны.

По оценкам некоторых экспертов, одной из причин военно-политического конфликта является *борьба за нефть и сланцевый газ Украины* [1]. Ряд публикаций в СМИ утверждали, что это одна из причин «евромайдановской» революции в феврале 2014 г. эта революция и последующий военный конфликт на Донбассе спровоци-

рованы американскими компаниями, заинтересованными в добыче сланцевого газа на территории страны [13].

В ноябре 2013 г. (всего за несколько недель до «Майдана» начала демонстраций в Киеве), представители компании «Chevron» подписали соглашение на 50-летний срок с украинским правительством на разработку нефти и газа в Западной Украине. По оценке газеты «New York Times», «Chevron» потратит \$ 350 млн на разведку месторождений нефти и газа, и объем инвестиций может составить \$ 10 млрд. Лицензию на разведку газа получили две компании: американская «Chevron» – на Олесское месторождение на западе страны, британо-нидерландская «Shell» – на Юзовское месторождение на востоке [14].

Объявляя сделку, Президент Украины В. Янукович заявил, что это позволит Украине полностью удовлетворить свои потребности в газе полностью к 2020 г. По оптимистическому сценарию, экспорт энергетических ресурсов к 2020 г. ряд экспертов оценили как «еще один шаг к энергетической независимости от России» [18].

Компания «Royal Dutch Shell» также подписала соглашение в 2014 г. с правительством Януковича, чтобы изучить формирование сланцев в Восточной Украине. Многочисленные нефтяные компании, включая «Chevron», «Shell», «ExxonMobil», «Repsol» и даже «PetroChina» показали заинтересованность в развитии своих оффшорных проектов в Крыму.

Однако ряд экспертов настаивают, что запасы нефти, природного газа и сланцевого газа не так велики, как предполагалось ранее [2]. В Украине не было произведено практически

никаких исследований относительно реальных запасов сланцевого газа, а разведаны запасы просто сланцев как полезных ископаемых. Для того чтобы снять противоречия в оценках запасов углеводородов, государственный украинский энергохолдинг «Нафтогаз» по результатам тендера выбрал американскую копию «Ryder Scott Co. LP», которая проведет геологоразведку и независимую оценку запасов углеводородов на существующих и перспективных нефтегазовых месторождениях Украины, а также ее дочерних структур «Нафтогаза».

При наличии существенных природных запасов и потенциалов страны ЕС готовы рассматривать Украину в качестве своего стратегического партнера и союзника, вовлекая ее в сферу своих экономических и геополитических интересов через усиление экономического сотрудничества и объединения транспортных энергетических систем.

США также заинтересованы в интеграции Украины в энергетическую политику ЕС. Для этой цели они предлагают реформировать украинскую экономику, осуществить фундаментальную программу реформ в области энергетического ценообразования, ликвидировав многочисленные скидки и субсидии на энергию для повышения конкуренции украинской промышленности на мировом рынке [17].

Однако главная цель США - рассматривать и использовать Украину и ее экономических потенциал как средство сдерживания усиливающейся мощи России и вовлечения Украины не столько в орбиту экономических интересов Европейского Союза, сколько в свои политические интересы и геополитические интересы.

литическую стратегию через усиление украинского военного потенциала и оказания политической поддержки.

Лозунг о европейской интеграции Украины не снят с повестки дня. Но в настоящее время ни Украина, ни Европейский Союз из-за военного конфликта на востоке к этому не готовы. Однако Европа серьезно рассчитывает на значительный энергетический потенциал Киева для обеспечения собственной энергетической безопасности [5], и не поддерживает продолжение вооруженного конфликта, призывая к скорейшему прекращению боевых действий. В то же время в ближайшей перспективе европейская экономика не сможет обойтись и без российского газа.

Кризис на Украине заставил руководство России выработать позицию по определению и защите национальных интересов России в условиях давления Запада и США. Транзитный характер, незавершенность процесса формирования политической и социально-экономической архитектуры постсоветского пространства и обусловленные этим риски стали в фокусе пристального внимания российских экспертов и политологов к украинским событиям [3].

Разрыв производственных связей с РФ, приватизация американскими компаниями трубопроводной системы Украины приведут к резкому ослаблению Украины как потенциального геополитического союзника России, полностью переведя ее в статус «стратегического партнера» США. (Хартия о стратегическом партнерстве Украины и Соединенных Штатов Америки была подписана министром иностранных дел Украины и госсекретарем США в декабре 2008 г.)

Таким образом, возникает достаточно продолжительный переходный период. Украинская правящая элита хочет использовать его для подготовки к интеграции энергетических секторов Украины и ЕС. Россия также заинтересована в скорейшем прекращении вооруженного конфликта, а «Газпром» кардинально пересматривает новые возможности и условия контрактов на поставку газа в Украину и Европу с целью приведения его в соответствие с новой ситуацией и современной практикой эволюции энергетической политики ЕС.

Очевидно, что европейцы должны быть не меньше России заинтересованы в том чтобы в целом снизить вероятность транзитных газовых кризисов. Россия заинтересована в создании системы транспортировки газа в Европу, почти полностью исключаящей шантаж со стороны того или иного транзитного государства. Это серьезный вклад России в решение проблемы укрепления общеевропейской экономической стабильности как надежного партнера ЕС.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адясов И. За сланец Донбасса // Lenta Ru 28.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/05/27/slanets/> (дата обращения 05.02.2015).
2. Заявления властей о крупных запасах сланцевого газа в Украине сильно преувеличены // Geonews.com. 18.04. 2013 - [Электронный ресурс]. URL: <http://geonews.com.ua/news/detail/zayavleniya-vlastej-o-krupnyh-zapasah-48896> (дата обращения 21.03.2015).
3. Егоров В.Г, Комлева Н.А., Феофанов К.А., Волобуев О.В., Абрамова Ю.А., Абрамов А.В., Гонзалес Д.А., Багдася-

- рян В.Э., Фодорченко С.Н., Муштук О.Э., Постников Н.Д. Украинский кризис 2013-2014: причины и последствия (круглый стол). 2014 // Электронный журнал Вестник МГОУ № 1, 2014 <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4730-> [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/538> (дата обращения 20.03.2015).
4. Ищенко Р. С треском провалившееся государство // Однако. Февраль-март (176) 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnako.org/blogs/s-treskom-provalivsheesya-gosudarstvo/> (дата обращения 20.03.2015).
 5. Лавренюк А. Об энергетической стратегии ЕС и о месте Украины // Украинфорум 30.05.2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ukrinform.ua/rus/news/ob_energeticheskoy_strategii_es_i_o_meste_ukraini_1638172 (дата обращения 08.02.2015).
 6. Мельникова С. «Третий энергопакет ЕС»: принять нельзя отказаться // ТЭК. Стратегии развития № 2, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.tek-russia.ru/issue/articles/articles_137.html (04.02.2015).
 7. Нефть и газ Украины // Деловой журнал Neftegas RU .[Электронный ресурс]. URL: <http://neftegas.ru/analysis/view/7677> (дата обращения 25.01.2015).
 8. РФ представила ЕС новый проект соглашения по трансграничным газопроводам / РИА-Новости 21.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://1prime.ru/Energy/20121221/758661198.html> (дата обращения 17.01.2015).
 9. РФ против, чтобы законы по третьему энергопакету имели обратную силу // РИА Новости 16.11.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20121116/911064740.html> (дата обращения 05.02.2015).
 10. Танайлов С.В. Геополитика и энергетическая безопасность // Вестник МГОУ № 2, 2011 <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4730-> [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/5848> (дата обращения 03.02.2015).
 11. Украине через два года не нужен будет российский газ – Порошенко // Zn.Ua 19.01.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://zn.ua/ECONOMICS/ukraine-cherez-dva-goda-ne-nuzhen-budet-rossiyskiy-gaz-poroshenko-164480_.html (дата обращения 06.02.2015).
 12. Яценюк: Украина и Польша договорились о строительстве газопровода // Информационное агентство Regnum 19.01.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1885949.html> (дата обращения 06.02.2015).
 13. Ahmed N. Ukraine crisis is about Great Power oil, gas pipeline rivalry // The Guardian 06.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/environment/earth-insight/2014/mar/06/ukraine-crisis-great-power-oil-gas-rivals-pipelines> (дата обращения 01.02.2015).
 14. Chevron and Ukraine Set Shale Gas Deal // New York Times 05.11.2013.- [Электронный ресурс]. URL: http://www.nytimes.com/2013/11/06/business/international/chevron-and-ukraine-sign-deal-on-shale-gas.html?_r=0 (дата обращения 01.02.2015).
 15. Daly J. How Will Russia's Annexation of Crimea Affect Energy Markets? // Oil Price. Com 17.03.2015.- [Электронный ресурс]. URL: <http://oilprice.com/Geopolitics/International/How-Will-Russias-Annexation-of-Crimea-Affect-Energy-Markets.html> (дата обращения 03.02.2015).
 16. European Energy Security Strategy. European Commission Brussels 28.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0330&from=EN> (дата обращения 01.02.2015).

17. Goldthau A. Boersma T. The Ukraine Challenge and Europe's Energy Needs Collide // National Interest 10.09. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-ukraine-challenge-europes-energy-needs-collide-11244> (дата обращения 05.02.2015).
18. Ukrainesigns\$10billionshalegasdealwith Chevron // Reuter 05.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/11/05/us-ukraine-chevron-idUSBRE9A40ML20131105> (дата обращения 06.02.2015).
19. Ukraine Country Analysis Note // Energy Information Administration. March 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eia.gov/countries/country-data.cfm?fips=UP> (дата обращения 01.02.2015).

УДК 32.019

Малькевич А.А.*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского***Горбатова Н.В.***Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (г. Москва)*

МИФОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения политической мифологии в процессе политической социализации молодежи. Авторы изучают функциональные аспекты политической мифологии, которые в наибольшей степени задействованы в процессе социализации, а также некоторые приемы и технологии формирования политических мифов. Авторы анализируют взаимосвязь политической социализации и национально-государственной идентичности, цивилизационным фоном для формирования которой у молодых людей является и политическая мифология.

Ключевые слова: политическая социализация, молодежь, национально-государственная идентичность, политические мифы, глобализация.

A. Malkevich*Omsk State University named after F.M. Dostoevsky***N. Gorbatova***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

MYTHOLOGY AS A FACTOR OF YOUNG PEOPLE'S POLITICAL SOCIALIZATION

Abstract: The article discusses the possibility of using political mythology in the process of political socialization of youth. The authors studied the functional aspects of the political mythology, which are most involved in the process of socialization, as well as some of the techniques and technologies of political myths. The authors analyze the relationship of political socialization and the nation-state identity. Political mythology is one of the civilization backgrounds for forming this kind of identity of the young people.

Key words: political socialization of youth, national and state identity, political myths, globalization.

События, разворачивающиеся в мировом политическом пространстве, отчетливо показывают, что в мире обостряется борьба за мировые ресурсы и экономическое господство. Однако экономическое противостояние тща-

тельно маскируется в идеологические одежды и преподносится как борьба за демократические свободы и политические права граждан национальных государств. Главной составляющей происходящей политической борьбы в современном мире остается информа-

ционное противоборство, включающее распространение идей, ценностей, мифов, подкрепляющих идеологию и актуальные политические доктрины властвующей элиты. Родоначальник сетевого подхода к анализу современного общества и политического процесса М. Кастельс отмечал, что глобальная экономика – чрезвычайно политизирована, «ведь процессы формирования новой экономики в отдельно взятой стране в высокой степени зависят от инициированных властными элитами политических процессов, проходящих в государстве» [4, с. 100].

Вооруженное противостояние на Украине, граничащем с нами государстве, отчетливо выявило отставание России в области сохранения и распространения своего культурно-символического влияния, своей идеологии и национальной культуры на постсоветском информационном пространстве. Радикальному настрою значительной части украинской молодежи по отношению к России способствовало широкое распространение фашистской идеологии, историко-политических мифов о Степане Бандере и его борьбе за свободу украинцев. Эти мифические конструкции вытеснили мифы и легендарные истории общего советского прошлого, в котором украинец и русский были братьями. И это неудивительно, ведь именно в периоды кризисов национальное сознание может резко политизироваться и мифологизироваться, что связано с поиском новой национальной идентичности. Известные исторические события и личности получают новую мифологическую интерпретацию, более соответствующую политике, проводимой правящей элитой, или же выводятся

из общественного дискурса как неприемлемые для власти. В настоящее время происходит целенаправленная мифологизация сознания украинского общества со стороны находящейся у власти политической группы. Примеров тому много, в частности процесс мифологизации иллюстрирует Указ президента Украины Петра Порошенко подписанный 25 февраля 2015 г. о чествовании памяти князя Владимира, 1000-летие со дня смерти которого отмечается в 2015 г. Цель проводимых мероприятий, сказано в этом указе, «сохранение и утверждение традиций украинской государственности, напоминание о роли исторического наследия Руси-Украины в их становлении, признание важности принятия христианства для развития украинского общества как неотъемлемой части европейской цивилизации». Фактически указ официально вводит в политический оборот новое название древнего государства Русь-Украина. В его тексте дается поручение кабинету министров Украины (при участии Национальной академии наук Украины и общественных организаций) разработать и утвердить план мероприятий по чествованию памяти князя Киевского Владимира.

В рамках тысячелетней годовщины на Украине собираются провести ряд «научных» мероприятий, которые направлены на пропаганду теории «Руси-Украины» и «событий украинской истории соответствующего периода». Предлагается провести торжества, выпустить в обращение монеты и почтовые марки, посвященные деятельности великого киевского князя Владимира Святославича. К этой работе должны подключиться заграничные диплома-

тические учреждения Украины, которые проведут мероприятия, посвященные памяти князя Владимира.

Таким образом, пишет журналист интернет-ресурса «Военное обозрение» Александр Самсонов, «в Мало-россии-Украине продолжают украинизацию общей истории Русской земли. Прямо на наших глазах миф о существовании «древнеукраинского государства Русь-Украина» окончательно закрепляется на государственном уровне» [8].

В итоге уже сегодня нашим соседом на юге является не дружественный нам народ, составляющий значительную часть «славянского мира», а страна, в которой часть населения, молодежи в том числе, ни духовно, ни ментально, ни культурно не будет связана с Россией и русским народом.

Зарубежный исследователь политических мифов Э. Кассирер, анализируя мифологию фашизма, утверждал, что именно прошлое играло решающую роль в вопросах жизни и смерти целых наций. По Кассиреру, миф XX в. – это миф полностью рационализированный; превращенный в отработанную технику воздействия на массовое сознание. Он писал: “XX век породил “технику” мифологического мышления, не имеющую аналогов в истории. С этого момента мифы стали изобретаться и производиться в том же самом смысле и теми же самыми методами, как изобретаются и производятся пулеметы и боевые самолеты. И использовались мифы с той же целью, что и боевая техника – для внутренней и внешней войны”. Сегодня, еще в большей степени, чем в XX в., мифотворчество является политической технологией, влияющей на массовое со-

знание, а главным пространством, где разворачивается борьба за умы молодежи, остается информационное поле, где осуществляется политическая коммуникация [3, с.158].

В условиях глобализации и обострения геополитических отношений с ведущими мировыми державами особенную актуальность для России приобретают проблемы политической социализации молодежи. Процесс политической социализации является постоянным, а от его эффективности и от качества усвоенных молодыми людьми ценностей зависит стабильность политического режима в стране и даже сохранение страны как самостоятельного государства.

Социологи констатируют, что сегодня российская молодежь представляет собой «заявительно патриотичную группу, со слабыми познаниями в истории страны, более лояльную к Западу (чем более старшие поколения россиян – прим. авт.), при этом с симптоматикой латентного недовольства» [6]. На фоне одобрения деятельности президента РФ и партии власти (в сентябре 2014 г. около 80% респондентов доверяли Путину, 56% – «Единой России») 45% молодых людей готовы принять участие в акции протеста против фальсификаций на выборах, а 24% хотели бы уехать за границу навсегда. Несмотря на заявления молодых респондентов о своем патриотизме (почти 61% из них считают себя патриотами) многие плохо знают историю своей страны: 41% – не смогли ответить, с кем Россия воевала в 1812 г., 72% – не смогли назвать год окончания Первой мировой войны.

Политическая социализация – процесс многосоставной, включающий

воздействие на индивидуальное сознание значительного количества факторов. В связи с этим отечественный исследователь К.В. Рубчевский определяет политическую социализацию как «процесс усвоения личностью социального и политического опыта, накопленного обществом и сконцентрированного в культурных традициях, в групповых и коллективных ценностях, нормах, статусном и ролевом поведении» [4, с. 149]. На практике политическая социализация индивида осуществляется через интериоризацию культурных норм и ценностей общества. Интерес к процессу политической социализации становится тем активнее, чем больше он может оказать влияние на усвоение индивидом норм и ценностей общества и формирование вектора общественного развития соответственно интересам власти. Социализация тесно связана и включает в себя процесс идентификации личности. Самоидентификация и самоопределение личности предполагает получение ответов на вопросы «Кто «Я»? На кого «Я» похож»? Вместе с тем идентификация невозможна без формирования в сознании образа чужого, того, на кого «Я» не похож. При этом образ врага присутствует в большинстве национальных мифологий и становится одним из ключевых в кризисные периоды. «Идентичность включает некий образ границы, отделяющий себя от других: своих и чужих, друзей и врагов и т.д. На этом пересечении возникают симпатии, антипатии, неприязненное и дружественное отношение, ненависть, образы врагов и/или друзей и т.д.» [2, с. 5].

В современном мире особую актуальность приобретает проблема на-

ционально-культурной идентичности. Связано это с процессами глобализации, которые становятся причиной возникновения глобального кризиса идентичности. С. Хантингтон писал: «Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как «народ в поисках идентичности», теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет «борьбу за национальную идентичность» с Тайванем, поглощенным «задачей разложения и переформирования национальной идентичности». [9, с. 35-36] В Сирии и в Бразилии налицо, как утверждают аналитики, «кризис идентичности», Алжир переживает «разрушительный кризис идентичности», в Турции упомянутый кризис вызывает непрекращающиеся споры касательно национальной идентичности, а в России «глубочайший кризис идентичности» воскресил конфликт XIX столетия между западниками и славянофилами – противники никак не могут договориться, европейская ли страна Россия или все-таки евразийская. Свобода циркуляции информации, нарастающие тенденции формирования сетевых сообществ, в том числе и политических, вопреки территориально-географическим границам государств, широкое распространение унифицированных ценностей и моделей поведения (вплоть до внедрения стиля унисекс в одежде, отрицающего гендерные отличия) – все это выступает дополнительными факторами, про-

воцирующими кризис национальной идентичности в молодежной среде.

В связи с этим формирование у молодых людей национально-государственной идентичности должно быть одним из приоритетов государства как формы политической самоорганизации общества на ограниченной географической территории. Такая идентичность формируется на пересечении национально-исторической, социально-психологической, социокультурной, политико-культурной и других сфер. Профессор К.С. Гаджиев отмечает, что в содержание национально-государственной идентичности входят установившиеся особенности национальной культуры, этнические характеристики, обычаи, верования, мифы, нравственные императивы и др. «Очевидно, что каждый великий народ, создавший свое национальное государство, формирует собственную национальную идею, главное предназначение которой состоит в определении национально-государственной идентичности и в ряду других народов... Национальная и геополитическая идентичность включает множество компонентов, таких как мировоззрение, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческая память, этно-национальные образы, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы и др.» [2, с. 14]. Политическая мифология выступает в процессе политической социализации в качестве национально-культурного (цивилизационного) фона.

Политическая мифология остается актуальным феноменом культурного и информационного пространства. При этом данный феномен не может рассматриваться исключительно как архаическая форма мышления. Несмо-

тря на приоритетное положение науки в современном мире, использующей рациональные формы мышления и апеллирующей к логике и результатам, в массовом и индивидуальном сознании сохраняются и иные методы познания мира – чувственное, художественно-образное, символическое. Они создают и поддерживают религиозные, мифологические и иные формы мышления.

Содержание и структура политической мифологии в современном российском обществе требует дальнейшего изучения, однако применительно к политической социализации молодежи именно функциональный аспект политической мифологии представляется наиболее важным.

Политические мифы обладают функциональностью и способствуют формированию политической идентичности молодых людей и, в конечном итоге, их политической социализации. Перечислим наиболее важные из функциональных аспектов.

Гносеологический аспект. С точки зрения гносеологии миф призван объяснить природу и существующую систему политической власти. Для объяснения и даже оправдания социального и материального неравенства, власти одних людей над другими хорошо работает как религиозный миф, так и миф о демократии. Один объясняет существование власти как божественное установление, а другой утверждает, что таково желание большинства и санкционирует существующий строй. Фактически политическая мифология есть совокупный, иносказательно выраженный коллективный опыт взаимодействия различных субъектов в их отношении к институтам власти и со-

хранении политического суверенитета [7, с. 31]. Этот опыт помогает молодым гражданам разобраться в существующей структуре политической власти, ее функциях, усвоить социально приемлемые формы политического поведения.

Мировоззренческий аспект мифов реализуется в создании системы ценностей, определяемой в соответствии с общественными интересами племени, общины, города, государства. Индивиду в процессе политической социализации необходимо усвоить и принять эту систему, чтобы оставаться включенным в социум. Закрепление системы ценностей, как правило, обеспечивается участием граждан в общественных ритуалах и обрядах, – как минимум, в качестве зрителей. Политические выборы разных уровней можно причислить к ряду политических ритуалов, участие в которых возможно только по достижении определенных возрастных границ или при наличии гражданства. Принимать участие в выборах в России можно с 18 лет, а быть избранным только с 21 года. В недавнем прошлом ритуал политических выборов мог свидетельствовать о принадлежности индивида к группе избранных: принадлежность к определенной экономической (имущественные цензы) или гендерной (отсутствие права голосовать у женщин и наличие такого права у мужчин) группам.

Функция моделирования поведения в плане политической социализации молодежи представляется наиболее интересной, поскольку предполагает целенаправленное воздействие сначала на сознание индивидов, а в конечном счете – и на поведение.

В XX в. исследование возможностей мифологии как технологии управления массовым сознанием было достаточно активным. Уже упоминавшийся нами Э. Кассирер сосредоточил свое внимание на изучении техники создания политических мифов. В качестве основных элементов он указывал следующие: работу над смысловым содержанием политических сообщений и перенос смысла сообщения с содержательного аспекта на эмоциональный; введение новых обрядов и ритуалов, использование кратких речевых форм (девизов, слоганов) для суггестивного воздействия на массы; политические пророчествования, предсказывающие переход ныне живущих в сакральное пространство и/или время.

Современные исследования данного аспекта политической мифологии достаточно подробно раскрывают различные приемы и способы использования политических мифов и мифологем в политических процессах и в частности в политической социализации.

Доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Баранов указывает, что в целях сохранения полезной для общества политической информации и ради удобства ее трансляции из поколения в поколение, используется отработанный в рамках ранней («классической») мифологии способ стереотипизации. Смысл его таков, что некоторая часть полезной для общества информации исключается из сферы возможного критического анализа и становится устойчивым фундаментом социального бытия [1].

Исследуют отечественные ученые и отдельные приемы в технологии создания политических мифов. Так, Л.А. Мутовкин указывает, что создание мифов происходит при помощи различных приемов: смещение условий и возможностей воображаемых миров и контекста их материального воплощения или создание института «информационных миссионеров», толкователей тех или иных событий, фактов, явлений [5].

Важно отметить, что особенность современной политической сферы состоит в том, что властный ресурс и возможность осуществлять властные полномочия во многом перемещается из объективной реальности в информационную и символическую сферы. Основным местом функционирования политической символики и мифологии становится виртуальный мир, созданный электронными средствами коммуникации, проще говоря, масс-медиа.

Основным и главным транслятором мифов в российском социуме в целом и в молодежной среде в частности являются масс-медиа, взявшие на себя роль «четвертой власти». Среди функций, выполняемых масс-медиа в обществе, помимо информационной есть функции социализации и воспитания, а также мобилизационная функция. Через СМИ осуществляется внедрение и трансляция политических мифов и мифологем. Примеров тому немало как в истории, так и на современном этапе. Достаточно вспомнить, как в Советском Союзе тиражировались через газеты и радио образы Героев Труда А.Г. Стаханова, П.Н. Ангелиной и других, которые соответствовали социалистической картине мира.

Сегодня мы наблюдаем разворачивающееся в медийном пространстве противостояние российской и европейской мифологических картин мира. Известные медийные персонажи, журналисты и блогеры, оппозиционеры (К. Собчак, А. Навальный, И. Яшин и другие), демонстрируют приверженность идеологии либерализма. Защищая либеральные принципы политического устройства, западную модель демократии, они одновременно демонстрируют личный миф «об успешной карьере и удавшейся жизни». И этим дополнительно подтверждают правильность избранной ими системы ценностей, что не может не привлекать молодых людей, воспринимающих данную картину мира как правильную. В такой системе координат многие исторические события, легендарные истории и устоявшиеся традиции, создающие цивилизационный фон российской государственности и русского этноса, легко подвергаются сомнению и/или просто отрицаются как неверные. Примером таких попыток является, например, опрос, инициированный телеканалом «Дождь». Журналисты телеканала предложили обсудить вопрос, нужно ли было оборонять Ленинград, или правильнее было бы сдать его фашистам.

Таким образом, в процессе социализации молодые люди идентифицируют себя с различными политическими ценностями, идеями, а также принимают как достоверные мифологические конструкции, соответствующие распространенным в их социальной, профессиональной, политической группе идеям. Однако одной из важных задач государства в современных геополитических условиях становится формиро-

вание национально-государственной идентичности, необходимой для сохранения российской государственности. С учетом необходимости формирования такого типа идентичности у молодых людей должны разрабатываться основы молодежной государственной политики, направленной на социализацию молодых граждан России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов Н.А. Социология политического мифа [Электронный ресурс] // Персональный сайт Н.Баранова. URL: <http://nicbar.ru/index.htm> (дата обращения: 15.01.2015).
2. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-17.
3. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С. 154-164.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Мutowкин Л.А. Политические мифы в процессе манипуляции сознанием [Электронный ресурс] // URL: <http://www.promgups.com/blog/wp-content/uploads/2006/12/10.pdf> (дата обращения: 10.02.15).
6. Паутова Л. Противоречивая молодежь: казусы общественного мнения [Электронный ресурс] // Фонд общественное мнение. URL: <http://fom.ru/blogs/11747> (дата обращения: 18.02.2015).
7. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
8. Самсонов А. Миф о «европейской Руси-Украине» [Электронный ресурс]. // Военное обозрение. URL: <http://topwar.ru/69904-mif-o-evropeyskoj-rusi-ukraine.html> (дата обращения: 28.02.2015).
9. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

УДК 94(470+571) «1990/2015»

Павловский В.Г.*Московский государственный областной университет*

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления государственной гражданской службы в современной России после развала СССР. Особое внимание отводится административной реформе, проводимой в нашей стране. В ходе реализации административных реформ осуществляется комплекс мер, направленных на совершенствование правовых основ государственной службы. Ключевым вопросом в России остается борьба по противодействию коррупции. Создаются новые нормативные документы для укрепления государственности.

Ключевые слова: государственное управление, государственная служба, гражданская служба, власть, реформа, административная реформа, коррупция, кадровая политика, общество.

V. Pavlovsky*Moscow State Regional University*

ISSUES OF STATE CIVIL SERVICE DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the issues of state civil service development in modern Russia after the collapse of the USSR. Special attention is given to the administrative reform carried out in our country. A complex of measures aimed at improving the legal foundations of public service is carried out while the administrative reforms are being implemented. The key issue is to combat corruption in Russia. New regulations for strengthening the statehood are being created.

Key words: public administration, state service, civil service, authorities, reform, administrative reform, corruption, personnel policy, society.

Начало XXI в. характеризуется активным процессом становления новой российской государственности, адекватной современному гражданскому обществу, цивилизованным институтам государственного управления. Машина советского государственного управления разрушена, а институты местного управления гражданского общества и нового демократического государственного управления, толь-

ко начинают создаваться. Российское общество переживает глубокие изменения в сферах власти и управления, экономики и социальной сферы, политики и морали, межнациональных отношений и других сфер жизни. Глубокое изучение государственной гражданской службы в поисках новых путей становления российской государственности предпринимают ученые-обществоведы и практические работники современной российской

действительности, выявляя оценку ростков нового в создании эффективных институтов государственной власти и общества.

Возможность безболезненного, постепенного, перехода России к новой системе общественных отношений в середине 80-х г. прошлого века, была безнадежно упущена. Перераспределились права руководителей и предприятий, усилилось социальное неравенство, ведомственность, стихийное перерождение системы изменило весь жизненный уклад советского общества. Советская общественно-политическая система фактически лишается поддержки в обществе и перерастает быть легитимной. Ее крах становится вопросом времени.

Крушение Советского Союза Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал крупнейшей геополитической катастрофой XX в. [6, с. 242].

Разрушение единого союзного государства остро поставило проблему обеспечения самостоятельного государственного существования и становления новой российской государственности, четкого конституционного определения и закрепления формы государственного устройства России – федерации, формы правления – республики и демократической формы политического режима в стране.

В конце 1991-1992 гг. правовая основа российской государственности была довольно противоречивой. Она базировалась, как составная часть Союза, на законах, унаследованных от СССР, и законах РСФСР. Противоречивость конституционной базы России была объективно обусловлена ее эволюционным переходом к новым принципам построения общества и

государства, взаимоотношений между ними. Законодательное оформление новой российской государственности, путем принятия отдельных поправок к действующей Конституции РСФСР, указов Президента РСФСР, законов, деклараций, вначале шло постепенно. Многие поправки к Конституции РСФСР и другие законодательные акты принимались в острой борьбе двух политических сил – реформаторов и их оппонентов, которые все более поляризовались в течение 1992-1993 гг.

Противостояние между исполнительной властью и Советами обострялось с каждым разом сильнее, особенно на федеральном уровне. Тенденции в преобразованиях государственного аппарата и правовом развитии России получали свое начало преимущественно в 1992-1993 гг. Главные стратегические направления развития лишь формируются, несмотря на большое количество изданных актов, а может быть, именно в силу этого. Задача правового обеспечения жизнедеятельности государства и общества решалось двумя способами: изданием актов общего значения (актов широкого радиуса действия, основ, кодексов) и конкретных, регулирующих отношения, узконаправленных норм, которые представляются законодательно наиболее важными и актуальными.

Формирование главным образом нового управленческого аппарата, регламентирующего порядок организации и систему государственной службы в России потребовало принятия специального Указа.

Указом Президента Российской Федерации было утверждено Положение о федеральной государственной служ-

бе 22 декабря 1993 г. Тем самым было официально положено начало реформирования государственной гражданской службы в Российской Федерации.

На повышение эффективности управления были нацелены, прежде всего: Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003-2005)» [1, с. 532]; Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 «О Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации 2009-2013 годы»».

В.В. Путин с первых дней пребывания на своем посту Президента Российской Федерации заявил о необходимости проведения, причем в одной связке, административной реформы, а также реформы государственной службы. Реформирование государственной гражданской службы – важная часть проводимой в нашей стране административной реформы. В «Российской газете» 23-24 декабря 1993 г. были опубликованы тезисы концепции реформирования государственной гражданской службы, в которых на начальном этапе ставилось больше проблем, чем предлагалось решений. Осознанию и осмыслению реальности стратегических направлений способствовал такой новый государственный институт для нашей страны, как послание Президента России Федеральному Собранию. Для будущих концептуальных разработок теоретической модели административного реформирования государственной власти, с их помощью постепенно сформировалась идейно-мировоззренческая база.

1996-1998 гг., характеризуются усилением организационного аспекта

управления реформированием государственной службы.

С августа 1996 года по март 1998 год было предложено 12 вариантов концепции административной реформы с разделами по реформированию государственной гражданской службы [7, с. 196-209].

1999-2000 гг. в управлении процессом реформирования государственной гражданской службы стали переломными. Помимо «политического заказа» появляется реально действующая сила реформы в лице команды второго Президента Российской Федерации В.В. Путина. Важнейшим шагом в процессе реформирования стало использование «административного ресурса» – Центра стратегических разработок, имеющего статус предвыборного штаба В.В. Путина. [10, с. 10]

Впервые прозвучала идея разработки Кодекса государственной службы, которая была сформулирована в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (1997 г.). Результатом трехлетней работы к началу 2000 г. явился подготовленный Кодекс государственной службы РФ.

Кодекс государственной гражданской службы Российской Федерации насчитывал 221 статью, которые объединялись в 29 глав по 11 разделам: «Поступление на государственную гражданскую службу»; «Прохождение государственной гражданской службы»; «Основы государственной гражданской службы»; «Освобождение государственного гражданского служащего от замещаемой должности или увольнение с государственной гражданской службы»; «Поощрение и служебная дисциплина на государственной гражданской службе»; «Го-

сударственное пенсионное обеспечение гражданских служащих и членов их семей»; «Споры, связанные с государственной гражданской службой»; «Государственное управление гражданской службой»; «Финансирование государственной гражданской службы»; «Соблюдение законодательства о государственной гражданской службе»; «Заключительные и переходные положения» [11, с. 10]. Неясность идеологических установок, отсутствие системных представлений, каким должно быть правовое обеспечение при разработке проекта Кодекса, не позволили придать документу силу федерального закона. В некоторых государствах (США, Казахстан, Украина) для государственных служащих выработан специальный этический кодекс. В России этические кодексы для себя работали отдельные государственные органы. Например, такого рода кодекс принят и регулирует деятельность государственных служащих в Счетной палате Российской Федерации.

Президент РФ 12 августа 2002 г. подписал Указ № 885, в котором утвердил «общие этические принципы служебного поведения государственных гражданских служащих» [4, с. 21]. Следовательно, в государственной гражданской службе есть правовая и моральная составляющие. Уже сделана заявка на такую научную дисциплину, как «служебное право», а для моральной составляющей предлагается «этический кодекс государственных гражданских служащих» [8, с. 288]. Эти предложения, в одном и другом случае, конечно, будут относиться к разряду желаемых, но они пока не осознаются реальной властью в должной мере.

В России, начиная с 2003 г., в сфере государственной гражданской службы проводится административная реформа, которая проходит в несколько этапов. Специалисты в области государственной службы современной России насчитывают четыре этапа ее постсоветского развития: создания и первоначального становления (декабрь 1993 – июль 1995 г.), правового оформления (июль 1995 г.), правового и организационного развития (июль 1995 – август 2001 г.), а с августа 2001 г. начинается этап ее реформирования и развития, который в свою очередь включает в себя также ряд подэтапов.

Реформирование системы государственной службы Российской Федерации, начавшееся в 2000 – 2001 гг., прошло ряд последовательных этапов.

Первый этап – подготовительный (с конца 2000 до августа 2001 г.). в период формирования научного концептуального подхода к модернизации института государственной службы России. Этот этап завершился принятием «Концепции реформирования системы государственной гражданской службы Российской Федерации», утвержденной 15 августа 2001 г. Президентом РФ. Концепция стала руководством к действию для разработки Федеральной программы реформирования государственной гражданской службы.

Второй этап – с ноября 2002 по декабрь 2005 г., в период принятия и реализации федеральной программы «Реформирование государственной гражданской службы Российской Федерации (2003-2005 годы)» [5, с. 429-458], от 19 ноября 2002 г. № 1336 утвержденной указом Президента Российской Федерации. На этом этапе

принимаются базовые федеральные законы «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, которые устанавливают правовые и организационные основы системы государственной гражданской службы России, а также правовые, организационные и финансово-экономические основы государственной гражданской службы. Задачи этого этапа реформы не были реализованы в полной мере.

Третий этап – с декабря 2005 по декабрь 2007 г. Этот период преобразований государственной службы связан с принятием и реализацией указа Президента Российской Федерации «О продлении срока реализации федеральной программы «Реформирование государственной гражданской службы Российской Федерации (2003-2005 гг.)» на «2006-2007 годы» от 12 декабря 2005 г. № 1437.

Четвертый, современный этап – с марта 2009 по декабрь 2013 г. Этот этап модернизации отечественной государственной службы установлен указом Президента РФ «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» от 10 марта 2009 г. № 261. Нужно отметить, что 2008 год выпал из программы реформирования государственной службы России [9, с. 285].

Новые подходы, которые реализуются в ходе реформирования государственной гражданской службы, должны обеспечить приведение системы государственной службы в соответствие со сложившимися экономическими, культурно-историческими, со-

циально-политическими условиями, а также с международно-правовой практикой.

Государственная гражданская служба в ходе реформирования приобретает новые черты. Укрепляются новые тенденции открытости государственной гражданской службы, доступности ее для граждан, деятельности только в рамках демократических законов, стабильности в интересах общества. Реформы не разрушают старое, в отличие от революции, а, опираясь на достигнутое, все ценное и лучшее, сохраняя преемственность, создают новое, отвечающее требованиям времени. Государственные реформы только тогда можно считать успешными, когда они решают стоящие перед обществом проблемы и вопросы, способствуют социально-экономическому развитию страны, повышают качество жизни граждан.

Известно, что иногда необходимость реформ «назревает раньше, чем народ созреет для реформы» [2, с. 368]. Кроме того, реформы должны проводиться с учетом объективных предпосылок, потребности общества. «Многие реформы, навязанные сверху, не воспринятые народом, обречены на неудачу» [6, с. 428].

В условиях разрушенной экономики и утерянных позиций на мировых рынках в последнее десятилетие прошлого века Россия была вынуждена одновременно восстанавливать государственность, создавать новую для нас рыночную экономику, отстаивать демократические завоевания народа, защищать в борьбе с международным терроризмом целостность страны. Чтобы расти быстрее, чем остальной мир, опережать другие страны, и в тем-

пах роста, и в качестве товаров и услуг, и в уровне образования, науки и культуры, мы должны в непростых условиях глобальной конкуренции занимать достойные позиции. Главная задача власти – благополучие и достойная жизнь россиян. Определенную роль в улучшении ситуации жизни россиян должны сыграть и уже играют, но хотя и с разной степенью успешности, четыре хорошо известных приоритетных национальных проекта – «Образование», «Здоровье», «развитие АПК», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».

Однако следует идти дальше. Необходимо разработать систему, определяющую эффективность работы руководителей и членов законодательных органов власти – Государственной Думы в целом и ее депутатов, Совета Федерации и его членов, депутатов законодательных (представительных) органов субъектов Федерации и руководителей этих органов. Нужны научно разработанные системы объективной оценки результатов деятельности и эффективности труда каждого ответственного работника, органов исполнительной власти субъектов РФ, а также лиц, занимающих должности в сфере государственной службы. Многие вопросы организации государственной гражданской службы и кадровой политики их деятельности до сих пор еще не решены и требуют дальнейшей разработки.

В настоящее время актуализировалась задача создания системы управления государственной службой Российской Федерации. Требуется решение следующих задач: разработка принципов формирования этой системы, выявление правового статуса и функций,

определение места и роли структурных элементов, а также норм взаимоотношений с другими государственными органами. Для решения этих задач требуется принять специальный закон «О федеральном государственном органе управления государственной службой Российской Федерации».

Проведенные исследования приводят к выводу о необходимости взаимодействия органов управления государственной службы с другими органами. При этом вопросами, представляющими взаимный интерес, становятся: развитие конкурсной системы заполнения вакантных должностей государственной службы; организация прохождения и прекращения службы; подготовка, переподготовка и повышение квалификации государственных служащих; формирование и использование кадрового резерва для замещения государственной гражданской службы; введение Сводного реестра государственных гражданских служащих Российской Федерации; вневедомственный контроль выполнения нормативных правовых актов о государственной гражданской службе.

Проблемы, которые стоят сейчас перед государственной гражданской службой, в том числе и борьба с коррупцией в России, требуют принимать новые законы в рамках осуществляемой в настоящее время административной реформы. Необходимость законодательного регулирования вопросов государственной гражданской службы предусматривается Конституцией Российской Федерации. Однако целостная и комплексная система правового обеспечения государственной гражданской службы в Российской Федерации отсутствует [3, с. 227].

Оценивая и учитывая опыт последнего десятилетия XX в. и учитывая все его плюсы и минусы, важно не забывать, что это – опыт переходного состояния общества, опыт кризисного развития. Упрочение стабилизационных процессов и тенденций в государственной гражданской службе РФ требует новых подходов и решений. Результатом должны стать новые предложения в области законотворчества. Следует заняться серьезно анализом нормативной базы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Административные реформы в России: история и современность / Под общей редакцией докт. экон. наук, проф. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2006. 645 с.
2. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. 1994. 368 с.
3. Игнатов В.Г. Государственное и муниципальное управление в России. Теория и организация: учеб. пособие. – 6-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д : «МарТ»; Феникс, 2010. 645 с.
4. Граждан В.Д. Государственная гражданская служба: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2011. 620 с.
5. Гришковец А.А. Правовое регулирование государственной гражданской службы в Российской Федерации. М., 2003. С. 429-458.
6. История государственного управления России: учебное пособие / В.В. Моисеев. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2010. 440 с.
7. Краснов М. Сатаров Г. История первой попытки административной реформы (1997-1998) // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 196-209.
8. Основы государственной службы и кадровой политики: учебник для студентов / В.В. Черепанов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 679 с.
9. Старилов Ю.Н. Служебное право: Нравственные основы государственной службы России: учебное пособие / под общ. ред. В.М. Соколова. М., 2003. 288 с.
10. Управление государственной гражданской службой Российской Федерации: монография / под общ. ред. А.И. Турчинова. М.: Изд-во РАГС, 2009. 242 с.
11. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции». Новосибирск, 2012. 16 с.
12. Федеральный закон от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». М.: Проспект, 2012. 16 с.
13. Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Новосибирск, 2010. 64 с.

УДК 32

Калачев Д.Н.*Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)***СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ**

Аннотация. В статье анализируется сложившаяся система международной безопасности. Основное внимание в статье уделяется нахождению основных параметров системы международной безопасности. Основываясь на синергетическом подходе, предложенном С.П. Капицей для описания явления демографического перехода, автор выделяет четыре параметра системы международной безопасности: окружающая природная среда и ресурсы; демографический рост, массовая миграция и неравномерность процесса развития регионов мира; информация, наука и технология; глобальная экономика и глобализация. Данные факторы развития ведут к изменению природы международной стабильности.

Ключевые слова: международная безопасность, параметры, синергетика, глобализация, демографический переход.

D. Kalachev*Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)***CONTEMPORARY SYSTEM OF INTERNATIONAL
SECURITY: BASIC PARAMETERS**

Abstract. The article analyses the current system of international security. The main attention is paid to finding the basic parameters of the international security system. Based on synergetic approach proposed by S. Kapitsa to describe the phenomenon of demographic transition, the author identifies four parameters of the system of international security: the natural environment and resources; population growth, mass migration and uneven development of regions of the world; information, science and technology; global economy and globalization. These factors lead to a change of the nature of international stability.

Key words: international security, parameters, synergetics, globalization, demographic transition.

Международная безопасность понимается нами как внутреннее состояние (свойство) системы международных отношений, которое обеспечивает жизнедеятельность и взаимодействие государств, их региональных объединений и мирового сообщества в целом, а также защищенность их жизненно важных интересов от различных воз-

никающих угроз. В организационном аспекте международная безопасность включает в себя также систему мер, направленных на снижение уровня межгосударственных конфликтов и обеспечение военно-стратегической устойчивости в мире, а также на расширение сотрудничества между различными государствами и нациями для противодействия общим угрозам.

© Калачев Д.Н., 2015.

Центральным элементом действующей с середины XX в. системы международной безопасности принято рассматривать Организацию Объединенных Наций (с ее Советом Безопасности), созданную 24 октября 1945 г., а основными средствами реализации ее решений – систему политических, экономических и военных санкций, установление предельных уровней сил сдерживания, а также соответствующих ограничений на применение вооруженных формирований и всех форм вооруженной борьбы; а, в крайнем случае, и миротворческие операции.

В первые годы после окончания «холодной войны» предполагалось, что ООН будет играть качественно новую роль в деле обеспечения международной безопасности. Но, как признает сама Организация, этот период длился недолго, и вскоре стало очевидным, что ООН «поменяла оковы «холодной войны» на смиренную рубашку самодовольства государств-членов и безразличия великих держав. Хотя именно Организация Объединенных Наций разработала концепцию безопасности человека, сама она оказалась плохо подготовленной к обеспечению такой безопасности» [3].

Свою главную задачу в XXI в. ООН видит в том, чтобы «добиться нового, более глубокого понимания системы коллективной безопасности во всех ее ипостасях и со всеми ее функциями, обязанностями, стратегиями и учреждениями, поскольку только в этом случае система коллективной безопасности будет эффективной, экономически рациональной и справедливой» [3].

В свою очередь, региональные системы безопасности по своей природе несут ограниченный характер, их фор-

мирование идет с учетом конкретной обстановки, складывающейся в том или ином регионе мира. Наиболее развитые формы получила система *европейской безопасности*, ядром которой в начале XXI в. рассматриваются такие организации, как Европейский Союз (ЕС) (1951 год, Парижский договор и создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС)), Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (1 августа 1975 года, Хельсинкские соглашения) и Организация Североатлантического Договора (НАТО) (4 апреля 1949 года).

Выступая «за достижение подлинного единства Европы, без разделительных линий», приоритетным направлением российской внешней политики является развитие дву- и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ), а в качестве ключевого инструмента поддержания стабильности и обеспечения безопасности на пространстве СНГ определяется Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [5]. Кроме того, Российская Федерация рассматривает обеспечение безопасности и неприкосновенности границ стран – членов ОДКБ в качестве приоритета и военного планирования [1, с. 40].

1.

Переходя к разбору параметров¹ современной системы международной безопасности, состояние которой часто описывается как «безопасность

¹ Здесь параметр рассматривается как переменная величина, значение которой передается системе из внешней среды.

после окончания холодной войны» [6, с. 51], необходимо рассмотреть существующие различные точки зрения на процессы, которые определяют развитие мирового сообщества в целом как единой системы.

Так, помимо фактора научно-технической революции А.И. Уткин выделяет «десять мощных сил» [7, с. 18] мирового исторического процесса, а именно:

1) реализация геополитической мощи главным победителем в «холодной войне» – США, и экстраполяция их влияния на глобальном уровне, что повлекло за собой формирование однопольусной системы мира;

2) глобализация и бурный экономический рост в индустриальном треугольнике мира (Северной Америке, Западной Европе и Восточной Азии), в результате которого развитое меньшинство доминирует над преобладающим большинством населения земного шара;

3) ослабление государств-наций на фоне усиления влияния ТНК и негосударственных структур, создающих нерегулируемые процессы, что в итоге порождает хаос в мировой системе;

4) обращение государств к новой идентичности на основе обращения к исконной традиции и религии;

5) грозящая глобальным взрывом поляризация материального неравенства между бедным большинством и богатым меньшинством населения мира (характеризующееся ранее как противостояние Север – Юг);

6) феноменальный демографический рост населения земли, преимущественно бедной его части;

7) неожиданный подъем новых ги-

гантов, прежде всего Китая (а также Индии, Бразилии и др.);

8) иммиграция – смещение колоссальных масс населения в зоны чуждых им цивилизационных установок;

9) конфессиональное разобщение человечества;

10) сокращение планетарной ресурсно-сырьевой базы на фоне расширения индустриальной зоны.

В коллективной монографии «Безопасность личности, общества, государства» под редакцией академика О.А. Колобова, представляющей результаты инновационных научных исследований актуальных проблем безопасности, выделяются следующие ключевые движущие силы изменений мировой системы:

1) демография;

2) природные ресурсы и окружающая среда;

3) наука и технология;

4) глобальная экономика и глобализация;

5) национальное и международное управление;

6) будущие конфликты;

7) изменение природы международной стабильности [2, с. 77-78].

Отмечая *ускорение демографических изменений и изменений в окружающей среде*, исследователь приходит к выводу, что главным фактором, влияющим на мировую политику на рубеже XX – XXI вв. является *глобализация*, основы которой были заложены Соединенными Штатами сразу вслед за Второй мировой войной. Стратегия США состояла из трех элементов: обеспечение безопасности, демократизации и экономического развития. Были созданы соответствующие институты: НАТО, система поддержки

некоммунистических режимов, программы восстановления Германии и Японии, ГАТТ, Международный Валютный Фонд и Всемирный банк [2, с. 6-7]. Основным же итогом всеобщей глобализации явилось такое новое международно-политическое положение, которое предполагает взаимозависимость всех государств планеты и совершенно новую парадигму миропонимания, направленную на глубокую сопряженность социальных связей и общественных институтов в пространстве и во времени [2, с. 146]. Но наступление эпохи тотальной глобализации несет в себе *противоречие между усиливающейся потребностью мира в единой экономике и господством национально-государственной формы хозяйствования* [2, с. 15].

Другим важным фактором, влияющим на современную мировую политику, и основной движущей силой глобализации, с точки зрения исследователей, является *информационная революция* [2, с. 7]. Причем информационная эпоха способствовала двум важнейшим взаимодействующим тенденциям в развитии организаций: *росту влияния малых групп и развитию сетевых форм организации*, что в результате ослабляет иерархические структуры, к которым относится и государство. Сдвиг от сравнительной скудости к обилию информации позволяет индивидам обходить иерархии, контролирующие или ограничивающие информацию. В свою очередь, развитие сетей создает *новые угрозы*, поскольку не только гражданское общество, но и такие группы, как *террористы и преступники*, также извлекают пользу из развития сетевых форм. К тому же иерархиям очень трудно

противостоять сетевым формам. В то же время многие институты современного государства (например, вооруженные силы) не могут обходиться без иерархий [2, с. 23-24]. Таким образом, информационная революция приводит к изменению роли государств в мировой политике, росту значения сетевых форм организации, изменению форм международного конфликта.

Анализ ведущих тенденций формирования новой системы международной безопасности, предпринятый В.М. Кулагиным [6, с. 52-60], опирается на следующие факторы развития мировой политики и международных отношений:

- 1) глобализация;
- 2) демократизация мира;
- 3) научно-технический прорыв (в том числе, информационная революция и внедрение высоких технологий в военное дело);
- 4) кризис международного права и международное вооруженное вмешательство;
- 5) существенные изменения в распределении экономической мощи (в частности, ускорение экономического развития стран БРИКС¹);
- 6) изменение глобальной повестки дня после окончания «холодной войны» – возрастание приоритетности невоенных областей мирового взаимодействия (экономической, экологической, гуманитарной);
- 7) *новая триада угроз*: международный терроризм², распростране-

¹ Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика.

² Особенно резкий рост террористической активности наблюдается после 2001 г. Например, по данным Национального контртеррористического центра (National Counterterrorism Center (NCTC)) (США), в 2007 г. число терактов

ние оружия массового поражения и средств его доставки, а также внутренние вооруженные конфликты.

В свою очередь, Организация Объединенных Наций выделяет шесть блоков угроз международной безопасности, которыми мир должен заниматься в предстоящие десятилетия:

1) экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию;

2) межгосударственный конфликт;

3) внутренний конфликт, включая гражданскую войну, геноцид и другие массовые зверства;

4) ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие;

5) терроризм;

6) транснациональная организованная преступность [3].

Интересен, с нашей точки зрения, и Доклад Национального Совета по разведке США (National Intelligence Council) «Глобальные тренды 2025: трансформирующийся мир» [8], в котором исследуются ключевые тенденции и драйверы развития мировой системы для целей прогнозирования. В подготовке данной работы принимали участие многочисленные интеллектуальные центры, консалтинговые фирмы, академические учреждения, и сотни экспертов по всему миру.

Приведем основные тезисы доклада. С повышением роли Китая, Индии и других развивающихся стран и ростом влияния негосударственных акторов – фирм, этнических и религиозных организаций и преступных сетей, складывается тенденция к образованию *глобальной многополюсной си-*

стемы (а). Вернее всего, Китай, Индия, и Россия не последуют за западной либеральной моделью, а вместо этого используют отличающуюся модель «государственного капитализма» (б). Происходит беспрецедентное смещение в относительном богатстве и экономической мощи с Запада на Восток (в). Соединенные Штаты остаются самой сильной державой, но перестают быть доминирующей (г). Продолжение роста мировой экономики, сопряженное с увеличением численности населения еще на 1,2 млрд. чел. к 2025 г., окажет давление на энергетические, продовольственные и водные ресурсы планеты (д). Число стран с «молодой» популяцией¹ в «дуге неустойчивости» (пролегает от области Анд Латинской Америки через Африку в районе Сахары, Ближний Восток, Кавказ и северные части Южной Азии) уменьшится, но в нескольких из них останутся траектории роста (е). Вследствие быстрых изменений в регионе Ближнего Востока увеличивается конфликтный потенциал и вероятность его распространения (ж). Терроризм вряд ли исчезнет к 2025 г., но его привлекательность могла бы уменьшиться, если продолжится экономический рост на Ближнем Востоке и будет сокращена безработица молодежи. Вероятность террористических атак с применением химического, биологического, или, что менее вероятно, ядерного оружия увеличится, поскольку расширяются процессы распространения технологий и ядерных программ (и, возможно, оружия). Практические и психологические последствия таких нападений усилятся во все более и более глобализирующемся мире (з). При условии

в мире достигло 14499, что на 26% больше, чем в 2005 г. и в разы больше, чем в 2001 г.

¹ Где велика доля населения моложе 15 лет.

высоких нефтяных и газовых цен главные экспортеры – такие, как Россия и Иран, существенно увеличат уровни национальной мощи, при этом ВВП России предположительно приблизится к уровню Великобритании и Франции. Длительное падение цен, возможно подкрепленное фундаментальным переходом к новым источникам энергии, могло бы снизить долгосрочный потенциал стран-производителей как глобальных и региональных игроков (и). Изменение климата, вероятно, усилит дефицит ресурсов, особенно дефицит воды (к). Развивающиеся страны проявляют двойственное отношение к глобальным институтам, как ООН и МВФ, но оно могло бы измениться с развитием их роли на глобальной сцене. Азиатская интеграция может привести к более мощным региональным институтам, а НАТО столкнется с жесткими вызовами стратегии расширения зоны ответственности блока со стороны снижения военного потенциала Европы. Традиционные альянсы будут слабеть (л). Следующие 20 лет перехода к новой международной системе сопряжены с рисками. Стратегическая конкуренция, наиболее вероятно, будет концентрироваться вокруг торговли, инвестиций, а также технологических новшеств и завоеваний, но не исключен сценарий гонки вооружений и территориального расширения (подобно девятнадцатому столетию) (м).

Таким образом, рассмотренные нами работы разнятся как по числу, так и по составу характеристик международных процессов, что в первую очередь объясняется разнообразием целей исследований.

2.

По мнению С.П. Капицы¹, исходя из идей синергетики, всю совокупность населения мира следует рассматривать как самоорганизующуюся систему, и «в настоящее время наиболее существенно то, что человечество переживает демографический переход»² (ДП) – фундаментальное явление в развитии цивилизации. ДП характеризуется гиперболическим ростом численности населения Земли на коротком историческом интервале в пределах ста лет (около 1950–2050 гг.) и затрагивает все стороны бытия: экологические, энергетические, информационные, экономические, социально-политические и т.п. Рост, включающий все виды человеческой деятельности, учитывает также развитие науки и техники, как системного фактора. Принимая закон развития неизменным, следует полагать, что определяющими факторами станет не исчерпание ресурсов, а перенаселение или прогресс науки и медицины в изменении алгоритма роста, поэтому следует искать иную причину изменения и ограничения воспроизводства населения как главной функции общества. Его изменение определяется не внешними условиями, а внутренними, в первую очередь – ограничением скорости роста, определяемой природой

¹ Капица С.П. – доктор ф.-м.н., профессор, лауреат Государственной премии, лауреат премии им. Калинга (ЮНЕСКО), почетный член Российской Академии Естественных Наук, президент Евразийского физического общества.

² Настоящий момент истории характеризуется как демографический переход между двумя фазами развития человечества – гиперболическим ростом численности населения и его насыщением около стационарного уровня, оцениваемого в пределах 12–13 млрд. чел. См., например [4]

ума человека и количественно выраженной во времени, затраченном на его образование. Влияние же глобальных условий может сказаться лишь в следующем приближении, когда деятельность человека станет планетарным фактором в коэволюции биосферы и человечества. Этот существенный вывод находится в противоречии с традиционными представлениями о ресурсном ограничении роста. В итоге, в отличие от принципа Мальтуса¹, следует принять принцип информационного демографического императива.

В работах С.П. Капицы показано, как устойчивость общего роста связана с быстрыми внутренними цивилизационными процессами, имеющими меньший масштаб и устойчивость, чем основное, охваченное глобальным взаимодействием, развитие. Западные страны к настоящему времени находятся в завершающей стадии ДП, и его центр сместился в Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). В настоящее время потеря устойчивости в системе возможна при прохождении развивающихся стран через ДП в ситуации, близкой к той, в которой находилась Европа в начале XX в. Сопряженная с процессом массированная миграция уже приводит к противоречиям, проявляющимся в современном мире. Увеличивающаяся неравномерность развития различных регионов может стать причиной потери устойчивости и, как следствие, привести к войнам. Наличие же ядерного оружия может как удерживать равновесие, так и угрожать глобальной безопасности. Поэтому при рассмотрении вопро-

сов безопасности наряду с военной, экономической и экологической безопасностью, следует учитывать и демографический фактор безопасности и стабильности мировой системы, который должен принимать во внимание не только количественные параметры роста населения, но и качественные, в том числе этнические.

* * *

Резюмируя вышеизложенное, предположим, что определяющими параметрами системы международной безопасности являются:

- 1) окружающая среда и природные ресурсы;
- 2) демографический рост, массовая миграция и неравномерность процесса развития регионов мира;
- 3) информация, наука и технология;
- 4) глобальная экономика и глобализация.

Данные факторы развития человеческой цивилизации как целого влекут за собой многочисленные следствия, сопряженные в свою очередь с изменением природы международной стабильности, что предъявляет новые требования к системам национального и международного управления. Все возможные внешние угрозы устойчивости системы международной безопасности лежат внутри описанного выше явления демографического перехода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Агентство «Военинформ» Министерства обороны Российской Федерации, 2003. 103 с.

¹ Подход Т. Мальтуса: рост населения идет быстрее, чем растут возможности его обеспечения продовольствием.

2. Безопасность личности, общества, государства: Монография. В 2-х т. Кол. авт. / Под общей ред. Акад. О.А. Колобова. Т. 1. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара. 2008. 475 с.
3. Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. – ООН. – 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/secureworld/part1.htm> (дата обращения 01.09.2014).
4. Капица С.П. Общая теория роста человечества: Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. М.: Наука, 1999. 136 с.
5. Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт: [сайт] – 2008. – 12 июля: URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения 01.09.2014).
6. Кулагин В.М. Международная безопасность: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. 318 с.
7. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, Эксмо, – 2006. – 640 с.
8. Global Trends 2025: A Transformed World. – NIC. – 2008 [Электронный ресурс]. URL: www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html (дата обращения 01.09.2014).

УДК 329+323.21

Керимов А.А.*Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)*

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье охарактеризован процесс становления и развития партийной системы в постсоветской России. Автор рассматривает политические партии как фундаментальный элемент демократической системы и на основе проведенного анализа выявляет роль и значение политических партий в процессе легитимации политической власти. Выявлены проблемы и факторы, препятствующие становлению полноценной партийной системы, которая в демократических обществах является одним из основных инструментов легитимации политической власти.

Ключевые слова: политическая партия, многопартийность, партийное строительство, оппозиция, легитимация власти.

A. Kerimov*Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Yekaterinburg*

THE DEVELOPMENT OF POLITICAL PARTIES AS A FACTOR IN THE LEGITIMATION OF POLITICAL POWER

Abstract. The article is devoted to the study of the process of formation and development of the party system in post-Soviet Russia. The author considers political parties as a fundamental element of the democratic system and on the basis of the conducted analysis reveals the role and importance of political parties in the process of legitimation of political power. The article reveals the problems and the obstacles to becoming a full-fledged party system, which is one of the main instruments of legitimation of political power in democratic societies.

Key words: political party, multi-party system, party building, opposition, legitimation of power.

Анализ проблем, обозначенных в данной статье, логично начать с определения основополагающих понятий и категорий. Так, политическую партию будем рассматривать как «организованную группу единомышленников, представляющую интересы части народа и ставящую своей целью их реализацию путем завоевания государственной власти или участия в ее осуществлении» [13], а политическую власть – как власть, действующую в

политическом поле, включающую не только государственные структуры, но и общественную сферу – общественные организации, движения, преследующие политические цели.

Формирование современных политических партий в России относится к рубежу 1980-1990-х гг. Они возникли как идеологические образования и были отражением процесса зарождения «политического плюрализма на основе отрицания монополизма коммунистической идеологии и противо-

поставления ей демократических ценностей» [15, с. 51]. Но эти объединения в политологическом смысле не были партиями и могли претендовать лишь только на статус «протопартий», поскольку процесс дифференциации в обществе социально-классовых интересов еще не был завершен, не были выработаны четкие программные установки. Эти объединения были слабо организованы, малочисленны, не располагали развитой сетью региональных отделений и не могли рассчитывать на широкую общественную поддержку. «Руководство партий, состоявшее в подавляющем своем числе из интеллигентской среды, не отличалось дисциплинированностью. Партии больше походили на кружки единомышленников с отсутствием четких программ и ориентации на конкретные гражданские группы» [8, с. 80].

Как отмечают российские политологи, «протопартиям не удалось стать связующим звеном между обществом и властью. Они не сумели стать ни массовыми объединениями, претендующими на поддержку определенного социального слоя, ни универсальными партиями избирателей, стремящимися представлять интересы самых широких слоев общества. Они превратились в некую систему, ориентированную на мобилизацию социальной поддержки с целью обеспечения победы представителей элиты, желающих институционализировать свое участие в публичной политике через выборы» [3, с. 37-38].

Несмотря на достаточный длительный срок партийного строительства в современной России, этот процесс до сих пор проходит таким образом, что вновь создаваемые партии практи-

чески всегда оказываются группами, «ориентированными не столько на выполнение типичных функций посредника между государством и гражданским обществом, сколько на поддержание межэлитных связей» [14, с. 63]. Малочисленность партий и их организационно-структурная слабость по-прежнему не позволяют им укорениться на периферии страны. Достаточно констатировать, что «только 5,4% россиян являются членами политических партий и общественных движений. Из них три четверти (75,6%) – члены «Единой России», большинство которых демонстрируют свое членство в партии «по долгу службы» во властных структурах» [9, с. 83].

Недееспособность современных политических партий России объясняется тем, что они действуют в слабо структурированной социальной среде с разрушенными старыми и не сформировавшимися новыми связями, с крайне низким уровнем гражданского самосознания. Партии не справляются и «с формулированием коллективных ценностей и целей социума, демонстрируя полную идеологическую эклектику. Тем самым они дезориентируют избирателей, затрудняя для них идентификацию с партией, чем осложняют и осуществление политического выбора» [5, с. 14]. Некоторые политологи предрекали постепенное усиление роли партий в политической жизни общества. Они исходили из того, что политические партии будут наращивать свою социальную базу, в обществе произойдет процесс размежевания на основе идейно-политических установок [10, с. 81-83]. Но как показывает реальная политика, всего этого не произошло, российские поли-

тические партии по-прежнему слабы, более ориентированы на обслуживание интересов элиты. Они не смогли внедриться в общественном сознании, не сумели создать значительную социальную базу и, как на Западе, стать важным политическим институтом самоорганизации общества, поскольку, в отличие от Западе, где центр тяжести в политике переносится в публичную сферу, в России преобладают закрытые практики, контролируемые неконституционными структурами и отношениями. На этом фоне политические партии лишаются возможности реального участия в процессах управления обществом.

По типологии М. Шугарта и Дж. Кэри [18] конституционное устройство современной России можно определить как президентско-парламентскую республику, которая характеризуется наличием всенародно избранного президента; предоставлением главе государства права назначать и смещать членов правительства; доверием парламента к правительству; правом президента на роспуск парламента¹. Логика существования и функционирования президентско-парламентского режима предполагает наличие в парламенте партийного большинства, находящегося под контролем президента. Такая потребность вытекает из природы конституционных полномочий, которыми наделен президент. Практически монопольное право на назначение главы правительства, подбор членов кабинета министров, принятие решения об отправке

в отставку состава кабинета и многие другие полномочия обязывают главу государства искать поддержку среди парламентариев. В условиях отсутствия цивилизованных форм и моделей взаимодействия между различными ветвями власти, продолжающегося экономического кризиса, несложившегося гражданского общества актуализируется вопрос о создании партии власти. И с точки зрения президентской власти стремление к созданию в парламенте собственной опоры в лице контролируемой партии является логичным и оправданным.

Установление президентского контроля над парламентом посредством формирования партии власти способствует преодолению нестабильности системы, предотвращает вероятность частых смен правительства и минимизирует угрозу роспуска парламента. Такой контроль усиливает влияние президента на законодательный процесс. Располагая большинством в парламенте, партия власти добивается принятия даже непопулярных законов. Наличие партии власти в парламенте, если при этом она еще и располагает большинством мандатов, снимает с повестки вопрос о надобности создания коалиций, которые в переломных моментах представляются не очень прочными и легко распадаются. Имея под контролем дисциплинированную партию, президент тем самым освобождает себя от необходимости вмешательства в законотворческий процесс.

Наличие партии власти выгодно и самой правящей элите, поскольку она получает определенные гарантии своей политической безопасности. При встраивании в систему и соблюде-

¹ См. в Интернете пер. на рус. извлечений из книги («Шугарт М., Кэри Дж. Президентские системы» / <http://pavroz.ru/files/shuqartcareyps.pdf>).

нии установленных правил игры она практически исключает возможность быть отправленной в отставку. Такая стабильность выгодна и с финансовой точки зрения, поскольку не актуализируется вопрос о выделении средств на формирование нового кабинета министров, организацию и проведение парламентских выборов. Таким образом, «российский институциональный дизайн порождает необходимые стимулы к принятию стратегии, ориентированной на создание партии большинства в парламенте» [4, с. 8].

Реальные действия власти свидетельствуют о том, что партийное пространство в современной России проектируется и целенаправленно отстраивается. Политические партии для элиты служат инструментом формирования и контроля финансовых потоков, борьбы между различными группировками, и, таким образом, партия как политический институт в либерально-демократическом понимании на российском политическом пространстве практически перестает существовать. Искажение сути партии как политического института в современной России имеет тенденцию к превращению в устойчивую систему на долгосрочной основе. Факторы, обуславливающие такую перспективу, кроются в отсутствии в социальной структуре общества зрелого среднего класса, следовательно, системы развитых институтов гражданского общества; слабости низового уровня демократии; неупорядоченности в обществе экономических и социально-политических предпочтений; монолитности правящей политической элиты и отсутствии внутри нее системных разногласий; дефиците

устойчивых цивилизованных правил во взаимоотношениях власти и бизнеса; близости олигархов к верховной власти; низком уровне политической культуры общества и правового нигилизма; отсутствии эффективного механизма рекрутирования талантливых специалистов во властные структуры.

Итак, итогом эволюции партийного строительства в современной России стало тотальное доминирование в электоральном пространстве партии власти. Этот процесс завершился реформой партийной системы 2005-2007 гг., установившей жесткие правила функционирования избирательной системы и существенно сузившей сферу политической конкуренции. Как отмечают В.Г. Егоров и А.А. Морозов, действующая власть, «реализовав удачный политический проект в виде «Единой России», без особых рисков выстроила свои «правила игры» для политических партий. В обмен на фактическое обслуживание моноцентричной вертикали, партии, согласившиеся на эти «правила», могли рассчитывать на привилегию рекрутирования своих представителей в парламент» [7, с. 22].

Под напором гражданских выступлений с конца 2011 г. до весны 2012 г. власть предприняла шаги навстречу протестному движению. Политическая повестка дня наполнилась новым содержанием. Общество возлагало определенные надежды на заявленную либерализацию избирательного законодательства – упрощение регистрации политических партий, процедуры их допуска к выборам, политический плюрализм и конкуренцию, доступ оппозиции к СМИ, в первую очередь к федеральным телеканалам и т. д. «Из уст интеллектуалов (Б. Краснова, Л.

Шевцовой, Б. Пастухова) зазвучали даже призывы создать Конституционное совещание с целью изменения действующей Конституции РФ или принятия новой» [2, с. 98].

Результатом уступки власти обществу стало принятие закона, упрощающего процедуру создания и регистрации политических партий. «Новая корректировка вектора политического развития предполагала создание многопартийной системы широкой плюралистической ориентации. Только за год действия этого закона число зарегистрированных партий увеличилось почти в десять раз – с 7 до 64. Ожидалось появление амбициозных, претендующих на лидерство партий и общественных движений, что должно было повлечь за собой серьезное переструктурирование социальных интересов, политических взглядов и предпочтений, возможностей их выражения на федеральном и региональном уровнях. Однако среди зарегистрированных политических партий самого разного толка действительно сильных, конкурентоспособных проектов так и не появилось» [9, с. 77]. В то же время итоги исследовательского проекта «Идеальная партия России», проведенного преподавательско-студенческим коллективом Московского государственного областного университета при поддержке Московского областного отделения Российского общества политологов, свидетельствуют о наличии в обществе спроса на партии самого различного толка. При этом необходимо отметить выявленный исследовательской группой парадокс российского политического поля, который заключается в том, что при наличии спроса на социал-демократи-

ческую идеологию, в партийной системе современной России популярной социал-демократической партии нет [1, с. 123].

Результатом реформирования политического пространства России в 2000-е гг. стало создание синтетической партийной системы, формируемой за счет специальных партийных проектов, стратегически управляемых из администрации президента. Правящие круги хотя и официально декларировали курс на развитие и укрепление политических партий, однако их реальные действия имели совершенно противоположный эффект. «Вместо слабой многопартийной системы, которую Россия имела в 1990-е гг., – отмечает Я.Ю. Шашкова, – страна получила даже не однопартийную систему, а скорее беспартийную систему, в которой номинальные партии не обладают никакими рычагами влияния на общественное развитие, остаются слабыми» [16, с. 186].

Возникает закономерный вопрос, почему в России процесс становления полноценной партийной системы затруднен, какие факторы препятствуют успешному завершению партийного строительства? Прежде всего, необходимо признать тот факт, что в современной России «партии пока не являются естественным порождением общества, не срослись с ним, не транслируют в должной мере волю общества во власть, не иницируют идеологию и ценностные основания государственных решений, слабо влияют на качество государственной политики и формирование политической элиты» [6, с. 96]. Еще одна причина, тормозящая процесс становления партийной системы в современной России, за-

ключается в придании ей декоративного характера, который выражается в отсутствии борьбы в политической сфере самостоятельных, признанных обществом и равных партий-соперников, реально конкурирующих и сменяющих друг друга во власти. Это одна из главных проблем партийной системы в России. В стране нет сложившейся партийной системы, где политические элиты были бы биполярными и вместе с тем сбалансированными институтами партийной системы.

Взамен имеется монополия одной партии, одного национального лидера, которые занимают господствующие позиции в политической системе, формируют государственные структуры и направленность их деятельности. Все это является следствием авторитарного политического режима, следствием незаинтересованности правящей элиты в реальной конкуренции, наличии сильных политических оппонентов, ибо это привело бы к естественному отбору лучшей политической элиты, ее подконтрольности обществу, закономерной смене элиты на выборах. Более того, сегодня главными акторами политического процесса являются не партии, включая «Единую Россию», а независимая от них правящая государственная элита, обеспечивающая себе легитимность не в политической борьбе «на равных», во главе созданных ими партий со своей идеологией и местом в политическом пространстве, а путем прямого обращения первых лиц государства ко всему российскому электорату в качестве национальных лидеров без каких-либо иных альтернатив. Элита в исполнительной власти, монопольно контролируя масс-медиа и информационно-пропагандистские

каналы влияния на сознание россиян, взяла на себя все традиционные функции партий: идеологические, кадровые, функции артикуляции общественных интересов и т.д. Правящая элита подменила собой политическую силу – организацию, которая призвана формировать и направлять партийное и государственное руководство. Тем самым мы наблюдаем уже не сращивание партии с государством, не подмену государства партийной элитой, как это было в советской политической системе, а замещение государством, правящей элитой самой партии как института гражданского общества. Первичным и базовым элементом стала государственная политическая элита, а не гражданское общество и его порождение – политические партии.

Не менее важная причина слабости партийной системы, на наш взгляд, заключается в отсутствии в России коалиционной политики, вызванной антикоалиционными установками и амбициями политических лидеров и существующим в стране политическим режимом. Конституция наделяет президента весьма значительными полномочиями, в том числе почти безраздельным господством над правительством. Перекос полномочий в пользу президента, бесспорно, приводит к ограничению полномочий парламента, что не может не сказываться на процессе партийного строительства. По мнению С. Мэйнуоринга, президентские режимы не благоприятствуют образованию партийных систем с числом партий более двух [17], а сочетание же президентско-парламентской модели с пропорциональной избирательной системой, как отмечает А. Лейпхарт, является неудачным вы-

бором для развития молодых демократий [11, с. 137].

Применительно к российскому партийному строительству подобное сочетание дает целый ряд негативных эффектов. Во-первых, российские партии, даже будучи напрямую представленными в составе правительства, не могут реализовывать свои партийные программы, поскольку политика правительства зависит даже не от его состава и композиции, а от позиции президента и его администрации. Если правительство представляет собой орган, подотчетный только президенту, то ни партийная идеология, ни коалиционные договоренности не могут быть основой правительственной политики, и в этом случае перед представителями партий встает дилемма: либо выйти из правительства в случае явного несогласия с проводимым курсом, либо полностью следовать правительственному курсу, отказавшись от партийной идентичности.

Во-вторых, поскольку Государственная дума не обладает влиянием на состав и политику правительства, отпадает потребность в создании проправительственных коалиций фракциями парламента. Таким образом, противостоящее президенту парламентское большинство оказывается перед выбором между стратегией радикального противостояния всем инициативам исполнительной власти без малейшей надежды на успех и стратегией «врастания во власть», чреватой потерей идентичности и утратой электоральной базы.

В-третьих, роль института президентства и президентских выборов в

России столь велика, что к ним вполне применима формула Х. Линца – «победитель получает все» [12, с. 55]. В условиях президентско-парламентского режима в России данное обстоятельство усугубляется тем, что президент, в отличие от правительства, не несет политической ответственности за результаты своей деятельности. Следовательно, добившись успеха, победивший кандидат может игнорировать свои прежние обязательства по отношению к партнерам по предвыборной коалиции.

Наконец, президент, по Конституции РФ находящийся над всеми ветвями власти, не только не заинтересован в формировании коалиций, но и вынужден отвергать планы по созданию дееспособной, самостоятельной «президентской» партии, поскольку существование такой партии ставило бы его под контроль части политической элиты страны. Для президента подобная зависимость невыгодна, и поэтому попытки создания реальной «партии власти» регулярно проваливаются.

Итак, в условиях нынешнего политического режима в России ситуация отнюдь не благоприятствует образованию новых правящих партий и коалиций. И для оппозиционных коалиций дело обстоит не лучше, поскольку они тут же оказываются перед угрозой превращения либо в полу-ответственную оппозицию, не готовую к участию в правительстве и не имеющую шансов на вхождение в его состав, либо в полуоппозицию, не представленную в правящей группировке, но готовую в нее войти без фундаментальных изменений правительственного курса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Исследовательский проект «Идеальная партия России» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 1. С. 122-124.
2. Альтернативы развития: Россия между модернизацией и деградацией (Политологические очерки) / под ред. Ю.А. Красина. М.: Ин-т социологии РАН, 2013. 139 с.
3. Галкин А.А., Красин Ю.А. Сильная демократия – альтернатива авторитаризму. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. 47 с.
4. Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6-14.
5. Грызлов Б.В. Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2001. 20 с.
6. Дорожкин Ю.Н., Даминдарова Ф.В. Партии в современной России: реальные политические акторы или их имитация? // Власть. 2014. № 11. С. 92-97.
7. Егоров В.Г., Морозов А.А. Особенности современного российского партогенеза // Власть. 2012. № 9. С. 21-25.
8. Козодой В.И. Борьба радикалов и реформаторов в процессе партийного строительства в Сибири летом 1991 г. // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 312. С. 79-83.
9. Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. 2014. № 4. С. 76-96.
10. Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Логос, 1999. 431 с.
11. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. № 2. С. 135-146.
12. Линц Х. Опасности президентства // Полис. 2001. № 5. С. 54-55.
13. Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.А. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
14. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. № 1. С. 61-82.
15. Холодковский К.Г. Парламентские выборы 1999 года и партийное структурирование российского общества // Полис. 2000. № 2. С. 45-53.
16. Шашкова Я.Ю. Российская партийная система в 2012 г.: изменения при неизменности // Публичная политика 2012: сб. ст. СПб.: Норма, 2013. С. 180-186.
17. Mainwaring S. Presidentialism, Multipartyism and Democracy: The Difficult Combinations // Comparative Political Studies. 1993. Vol. 26 (№ 2). P. 198-228.
18. Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. NY: Cambridge University Press, 1992. 332 p.

УДК 324:329(470) Единая Россия

Епифанов А.С.*Московский государственный областной университет*

ПАРТИЯ ВЛАСТИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Начиная с 1999 г. каждые выборы проходят на фоне тенденций усиления вертикали власти и консолидации ресурсов в руках административной элиты. Изменения в выборном законодательстве сделали наиболее эффективной предвыборной стратегией для партии власти стратегию лояльности административной элите и ее конвертирование в административный ресурс, который используется для воздействия на электоральное поведение избирателя. Электоральная тактика административной элиты состоит в отказе от партийно-идеологических стратегий и переносе акцентов предвыборной агитации на прагматические технологии опоры на образ популярного лидера.

Ключевые слова: партия, выборы, избирательный процесс, электорат, демократия, политическая элита.

A. Epifanov*Moscow State Regional University*

THE RULING PARTY IN ELECTORAL PROCESSES IN MODERN RUSSIA

Abstract. Since 1999 elections are yearly held against the trend of strengthening the vertical of power and consolidation of resources in the hands of the administrative elite. Changes in the electoral law made loyalty to the administrative elite to be the most effective campaign strategy for the ruling party. The author states that conversion of such loyalty into the administrative resource can be used for influencing the electoral behavior of voters. Electoral tactics of the administrative elite consists of the refusal of party-ideological strategies and focusing the election campaign on pragmatic technologies relying on the image of a popular leader.

Key words: party, elections, electoral process, electorate, democracy, political elite.

В период демократизации российского общества прежние – авторитарные – технологии легитимации власти, по объективным причинам, деактуализировались. «В XX веке Россия (Советский Союз) оказалась своеобразным <...> «кладбищем» идеологий, показав примеры крушения политико-идеологических построений, более или менее успешно реализовавшихся в иных условиях. Так, глобальный

кризис «советской модели» общества наглядно показал, по меньшей мере, односторонность теоретических оснований ортодоксального коммунизма. Не менее ограниченными проявили себя в последующие годы и теоретические постулаты догматического антикоммунизма, подобно своему предшественнику обещавшего народу скорое и гарантированное наступление «светлого будущего» в результате глобального разрушения прежней си-

стемы и смены господствующего типа собственности» [16, с. 10]. Соответственно, с начала 1990-х г. механизм выборов стал инструментом конструирования новых идеологий, выполняя также в последние десять лет роль механизма консервации политического режима управляемой демократии.

Всеобщие выборы, осуществляющиеся на основе всеобщего и равного избирательного права, являются основным механизмом воспроизводства институционального ядра демократической политической системы. Большинство исследователей связывает выборы с процессами консервации, стабилизации, рекрутирования и ротации политических элит на основе процедуры волеизъявления населения, выражения населением доверия – недоверия политическим лидерам и институтам, соответственно с процессами легитимации власти и стабилизации – консервации политического режима [3; 4; 6; 7; 11; 12; 14].

В традиционных демократиях выборы являются также способом диагностики состояния и тенденций развития политической системы: оценки степени популярности политических лидеров, партий, программ, идеологий, целей и задач политического развития. В ходе выборов тестируются, закрепляются и усваиваются гражданами и политиками политические традиции, нормы и ценности, осваиваются новые технологии политической борьбы, участники политических процессов приобретают опыт конкурентной борьбы и продвижения своих партий, программ, кандидатов.

Выборы могут быть инструментом контроля населения за деятельностью партий и лидеров: электоральное по-

ведение и электоральный выбор граждан указывают на степень доверия граждан правящим политическим силам или оппозиции.

Электоральные процессы и электоральное поведение граждан являются также формой проявления политической культуры граждан: если выбор граждан рационален и последователен и собственно содержание выбора зависит от участников голосования, а конкурентная борьба партий и лидеров осуществляется на основе равных возможностей и честных правил; выборы актуализируют и высвечивают сформированность политической культуры участия. Пассивность избирателей при активности субъектов политики, широкое использование административных ресурсов, деструктивных технологий в конкурентной борьбе свидетельствуют о несформированности политической культуры участия, что, в свою очередь, создает возможности для политической элиты широкого применения манипулятивных технологий воздействия на политическое сознание и политическое поведение граждан.

Выборные процессы – своего рода концентрат политических процессов в целом: электоральные процессы сопровождаются значительным нарастанием «плотности», интенсивности политической жизни. Политика выходит на первый план социального пространства, конкуренция партий, лидеров и идеологий, как правило, вытесняет на второй план события социальной и культурной жизни, экономические проблемы, внешнеполитические тенденции. Выборы часто отождествляются с понятием «избирательная кампания», в денотативном

ядре которого заложена идея борьбы, противостояния, конкуренции. Так, в соответствии со словарем С.И. Ожегова слово «кампания» следует понимать как: «1. Военные действия против кого-нибудь, война (устар.). 2. Период плавания или военных операций флота (спец.). 3. Мероприятия для осуществления очередной важной общественно-политической или хозяйственной задачи. 4. Продолжительность цикла каких-нибудь непрерывных производственных процессов» [10, с. 231].

Немаловажно, что в понятии «кампания» заложена идея о необходимости краткосрочной мобилизации всех ресурсов, которые направляются на достижение определенной цели. То есть любая кампания – это активная, интенсивная, ресурсозатратная деятельность, нацеленная на достижение максимального эффекта. В случае с избирательной кампанией речь идет об электоральном эффекте – получении максимально возможного числа голосов избирателей. Поэтому А.И. Соловьев определяет избирательную кампанию как «всю совокупность действий, предпринимаемых партиями, избирательными объединениями или кандидатами и их командами для достижения своих предвыборных целей» [18, с. 534]. Таким образом, – целеустремленность и активность деятельности политических субъектов, которые ограничены во времени в возможностях достижения цели.

Борясь за власть или укрепляясь в политической системе, политические субъекты в ходе избирательной кампании не только расходуют ресурсы, но и производят, помимо собственно институциональной конфигурации политической системы, политические

нормы, отношения, технологии, и в этом отношении, избирательная кампания является «производительным политическим трудом» [13, с. 281].

В избирательной кампании присутствует ярко выраженный психологический компонент, поскольку в ходе предвыборной борьбы все участники предвыборной гонки применяют внушающие или убеждающие технологии воздействия на политическое сознание аудитории, конструируя тем самым политическое поведение избирателей. В избирательной кампании также широко применяются маркетинговые технологии, которые с 60-х г. XX в. являются производными маркетингового подхода к избирательной кампании, поскольку, в определенном смысле, «маркетинговый подход к организации избирательных кампаний – настоятельная необходимость, диктуемая конкурентным характером современной политической жизни» [8, с. 90]. При этом маркетинговый подход, действительно, универсален и применяется всеми участниками избирательных процессов; фиксируя это обстоятельство, необходимо «помнить смысл маркетинга и не сводить новый теоретико-технологический подход к банальной пропаганде или оглупляющей рекламе. Суть дела состоит в определении того, куда направить основные усилия кампании; что принесет наибольшую отдачу; как правильно распределить всегда ограниченные ресурсы» [8, с. 90].

Выборы являются результирующим образованием не только деятельности акторов политического процесса, но и избирательной системы, в формате которой они действуют. Избирательная система, по определению А.В. Баранова и Н.В. Гришина,

представляет собой «целостную совокупность не только норм права, регламентирующих способы определения итогов выборов и порядок распределения мест между их участниками, но и всех акторов, участвующих в них; институтов государственной власти, занятых организацией избирательных кампаний» [1, с. 433]. К основным параметрам, характеризующим содержательную сторону избирательной системы, относятся содержание голосов, система суммирования голосов, правила конвертирования голосов в мандаты и уровень поддержки партий и кандидатов [5; 19].

Российская Конституция предусматривает, в качестве основных форм выборного волеизъявления граждан на федеральном уровне, выборы в Государственную думу и выборы Президента РФ. Вместе с тем и Конституция, и российская традиция делают институты Президента и Государственной думы несопоставимыми по институциональной весомости, количеству и качеству доступных властных ресурсов, в связи с чем президентские выборы также являются значительно более значимым политическим событием, чем выборы в Государственную думу. С начала 90-х гг. поведение электората на выборах Президента имеет непосредственное отношение к личности кандидата. Относительно значимый компонент идеологии имел место лишь в выборах 1996 г., когда предвыборная кампания Б.Ельцина строилась политтехнологами на идее антагонизма реформ, демократического будущего и отжившего коммунистического прошлого. Все другие кампании были, как правило, деидеологизированы, и акцент с идеологии переносился на

личности кандидатов. Выборы, в которых в качестве кандидата участвовал В. Путин, и его предвыборные кампании были исключительно персонифицированы.

В контексте этих тенденций выборы в Государственную думу в последние годы почти лишились самостоятельного ценностного смысла, идеологическая компонента этих выборов почти полностью была выхолощена и замещена прагматической. В результате, сегодня они почти не несут нагрузки в качестве основного демократического формата для волеизъявления граждан, поведения, в котором мнение избирателя определяло бы развитие страны на время полномочий избранных депутатов Государственной думы. Скорее, в последние пятнадцать лет «выборы Государственной Думы считаются лишь «репетицией» перед президентскими» [1, с. 434].

Значимость парламентских выборов снижена в силу еще нескольких обстоятельств: уменьшения эффективности политических партий и конкурентной составляющей на выборах, снижения индексов электоральной подвижности (с 69% в 2003 г. до 34 % в 2007 г. [17, с. 191-211]), незначительного разрыва во времени между парламентскими и президентскими выборами. Все это понижает уровень интереса избирателей к выборам в Государственную думу, дополнительно акцентируя выборы Президента.

Каждые следующие выборы, начиная с 1999 г., проходили при усилении вертикали власти и консолидации всех ресурсов в руках административной элиты. При этом как характер выборных процессов, так и итоги голосования определялись интересами

правлящей элиты и, соответственно, не самими партиями, а стратегией государства по распределению административного ресурса в ходе предвыборного периода и в процессе самого голосования.

Со стороны населения наблюдаются следующие тенденции, определяющие отношение граждан к сути и итогам выборов:

- понимание невозможности реально контролировать партии и депутатов при исполнении ими возложенных народом полномочий;
- несформированность рациональных представлений граждан о сути и роли партий в политических процессах, о представительской демократии и представительских функциях депутатов и партий;
- несформированность знаний о партийной и избирательной системах России и законодательном процессе;
- незначительные рейтинги доверия партиям при высоких рейтингах доверия Президенту [2, с. 250-251].

Отказ после выборов 2003 г. от смешанной и переход к пропорциональной избирательной системе, концентрация инициативы по формированию партий и их закреплению в избирательной системе России у федеральной элиты стали факторами усиления партий власти и формирования той стратегии избирательной кампании, которая, показав свою эффективность, становится все более технологически проработанной к каждому последующим выборам в Государственную думу или законодательные собрания регионов РФ. Партии регистрируются и допускаются к выборам при условии прохождения всех барьеров, созданных административной элитой.

Доказав лояльность действующей исполнительной власти, партии приступают к осуществлению предвыборной кампании, сплываясь вокруг фигуры лидера региона и государства и концентрируя в своих руках административные и информационные ресурсы региона и государства. Как пишут А.В. Баранов, Н.В. Гришин, такая стратегия «обслуживает интересы федеральной исполнительной власти, обеспечивает монопольный контроль над СМИ. Автономные от власти партии снижают статус от системной оппозиции к формальной, а радикальная их часть теряет право участия в выборах» [1, с. 434].

Эффективность такой стратегии участия в выборах для партий власти закреплялась изменениями в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» 2002 г., благодаря которым статус все российских партий в регионах значительно возрос. Дальнейшие изменения в выборном законодательстве (введение нормативного запрета на агитацию «против всех» и отмена соответствующей строки в бюллетенях, дополнительное регламентирование доступа партий к государственным средствам массовой информации, запрет на формирование предвыборных партийных блоков) сделали единственно эффективной предвыборной стратегией для партии стратегию лояльности административной элите и ее конвертирование в административный ресурс, который используется для воздействия на электоральное поведение избирателя.

Выборы в Государственную думу 2007 г. закончились не только победой партий власти («Единая Россия» – 64%,

КПРФ – 11,6%, ЛДПР – 8%, «Справедливая Россия» – 7,7% [1, с. 434]), но и привели к снижению эффективного числа парламентских партий как индикатора уровня политического плюрализма с 6,4 до 1,9 [20]. То есть политический режим зафиксировался в состоянии, при котором должностные лица и законодательные органы власти избираются, но не сменяются, а российское государство может быть отнесено к демократическим без сменяемости.

Следует отметить, что с 1990 г. прошло достаточно избирательных циклов, чтобы зафиксировать тенденцию трансформации политического режима в направлении «демократии без сменяемости», поскольку мы признаем, что «оценка практической реализации двух минимально необходимых для демократии порядков (выборности и сменяемости) должна производиться по прошествии не менее чем трех избирательных циклов с момента падения предшествующего тоталитарного или авторитарного режима. За этот период либо практика проведения в установленные сроки свободных и честных выборов и смены по их результатам должностных лиц приобретает устойчивый характер, либо проявится целенаправленное подавление правящим режимом политической конкуренции, в том числе и в процессе выборов» [9].

Некоторое ослабление этих тенденций наблюдались в период выборов в Государственную думу 2011 г., поскольку ряд факторов, в первую очередь, экономический кризис и некомпетентность региональных элит по его преодолению, создали основания для некоторой консолидации оппози-

ционных сил. Вместе с тем результаты выборов показали, что, несмотря на то, что большинство избирателей не считали партию «Единая Россия» самостоятельной политической силой и рассматривали ее как инструмент в руках Президента, тем не менее авторитет В. Путина был достаточным условием для ее победы на выборах, хотя она и набрала меньше голосов избирателей, чем на предыдущих выборах. Такое отношение электората к партии власти создает благоприятные условия для прагматического использования образа В. Путина в качестве ресурса ее электорального позиционирования.

Президентские выборы 2012 г. показали политическую производительность такой стратегии: на фоне экономического кризиса, роста протестных настроений, большинство избирателей (63,6%) проголосовали за кандидатуру В.В. Путина, и поддержка лидера страны была значительно выше поддержки партии власти. Этот факт можно рассматривать также как свидетельство эффективности электоральной тактики административной элиты, которая состоит в отказе от партийно-идеологических стратегий и тактик и переносе акцентов предвыборной агитации на прагматические технологии опоры на образ популярного лидера.

Помимо интересов политической элиты важным фактором, обеспечивающим относительную эффективность этой тактики, является фактор непреодоленности в политической культуре российского общества таких компонентов, как клиентелизм, персонализация, сакрализация верховной власти, этатизм, подданство. Действительно, «в патерналистской «иерархии отцов», – одной из главных иерархий в

России, – центральной фигурой выступает «царь-батюшка». Безоговорочное и безусловное подчинение, подкрепляемое верой во всемогущество, непорочность и мессианские масштабы личности вождя, характеризует его как разновидность характерного для россиян подданического типа политического поведения» [15, с. 20].

Характеризуя совокупность нормативного регламентирования избирательных процессов и технологий, применяемых партией власти и административной элитой в проведении избирательных кампаний, можно характеризовать избирательную политику государства, которая наиболее ярко проявляет себя в избирательной стратегии партии власти, и определить ее как электоральный авторитаризм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов А.В., Гришин Н.В. Реформы избирательной системы России: политические эффекты // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 433-437.
2. Баранов А.В. Политическая социология. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. 414 с.
3. Егорова-Гантман Е.В. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М.: Николло-Медиа, 2003. 336 с.
4. Жуков К., Карнышев А. Азбука избирательной кампании. М.: ИМА-Пресс, 2001. 328 с.
5. Любарев А.Е. Избирательные системы и российское электоральное законодательство // Полис. 2003. № 4. С.120-121.
6. Малкин Е. Сучков Е. Основы избирательных технологий. - 3-е издание, расш. и дополн. – М.: Русская панорама, 2002. 464 с.
7. Мальцева Н.А. Грязные избирательные технологии: мифы и реальность. М.: Новости, 2003. 208 с.
8. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1998. 247 с.
9. Нисневич Ю.А. Уровень коррупции как индикатор качества реализации политических и государственных порядков полиархической демократии // Полития. 2012. № 1 (64). С. 187-199.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. / Под. общ. ред. С.П. Обнорского.- 2-е изд. исправленное и дополненное. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 848 с.
11. Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
12. Панарин И.С. Информационная война и выборы. М.: Городец, 2003. 416 с.
13. Пирогов А.И. Политическая психология. М.: Академический Проект: Трикста, 2005. 368 с.
14. Почепцов Г.Г. Информационно-Политические технологии. М.: Центр, 2003. 384 с.
15. Растимешина Т.В. Культурное наследие и подданическая политическая культура российского общества // Власть. 2012. № 2. С. 18-22.
16. Смолин О.Н. Политический процесс в современной России. М.: Велби, 2004. 366 с.
17. Сморгун Л.В. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. М., 2010. № 4. С. 191-211.
18. Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М.: Аспект-Пересс, 2000. 560 с.
19. Таагепера Р., Шугарт М. Описание избирательных систем // Полис. 1997. № 3. С. 114-136.
20. Центральная избирательная комиссия РФ. Официальный сайт. электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/>

УДК 327

Панов А.И.

Московский государственный областной университет

КУДА ВЕДЕТ НАС ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?

Аннотация. Анализируется современный процесс глобализации, рассматриваются объективные и субъективные условия формирования единого глобального государства. Практические результаты этого процесса к началу XXI в. позволяют сделать определенные выводы и спрогнозировать будущее человечества. По заключению автора, современная модель глобализации, осуществляемая в форме борьбы за мировое господство и утверждение силы над разумом, может привести к уничтожению человечества. Альтернативой такой глобализации служит антиглобализм.

Ключевые слова: глобализация, человечество, мировое правительство, гегемонизм, антиглобализм.

A. Panov

Moscow State Regional University

WHERE DOES GLOBALIZATION DRIVE US?

Abstract. This article analyzes the current process of globalization, as well as the objective and subjective conditions for the formation of a single global state. Theoretical concepts and practical results of this process in the XXI century make it possible to draw some conclusions and make prognoses for the future of the mankind. The author comes to the conclusion that modern model of globalization being implemented in the form of the struggle for world domination and the approval power over the mind can bring to the destruction of the humanity. Anti-globalism is the alternative to such globalization.

Key words: globalization, humanity, world government, hegemonism, anti-globalism.

Современный процесс глобализации предполагает политическую, экономическую и культурную интегра-

© Панов А.И.

Статья отражает точку зрения автора на процесс глобализации и опубликована в качестве приглашения к научной дискуссии по данному вопросу.

цию и унификацию стран и народов. Такая интеграция неизбежно предполагает концентрацию власти в одной точке, в одних руках. После уничтожения Советского Союза на роль единственного мирового лидера претендуют США, однако в последнее время на

мировую политическую арену стали выходить новые политические акторы, претендующие на роль организаторов глобализации.

В порядке значимости их можно распределить следующим образом: Западная Европа в формате ее различных союзов; Китай – прямо не претендующий, но постепенно захватывающий мировую экономику и сильно укрепляющийся в военном отношении; Индия – мощно подпирająca лидеров во всех отношениях; Бразилия и страны Южной Америки. Конечно, каждый из этих акторов имеет свое представление о глобальном мире, видит себя лидером процесса глобализации.

Актуализация вопроса о глобализации произошла в связи с необходимостью изменения сложившегося социального, политического и международного порядка. Исчезновение Советского Союза как крупнейшего геополитического игрока привело к попыткам создания однополярного мира. Проявлением последнего стали:

1. Увеличение перемещения капиталов.

2. Рост международной торговли, опережающий в ряде случаев внутренний валовой продукт отдельных стран.

3. Создание сетевой системы производств, унифицированной продукции и массовой миграции рабочей силы в зоны развитых производств.

4. Складывание мировой финансовой системы, выходящей из-под юрисдикции национальных государств.

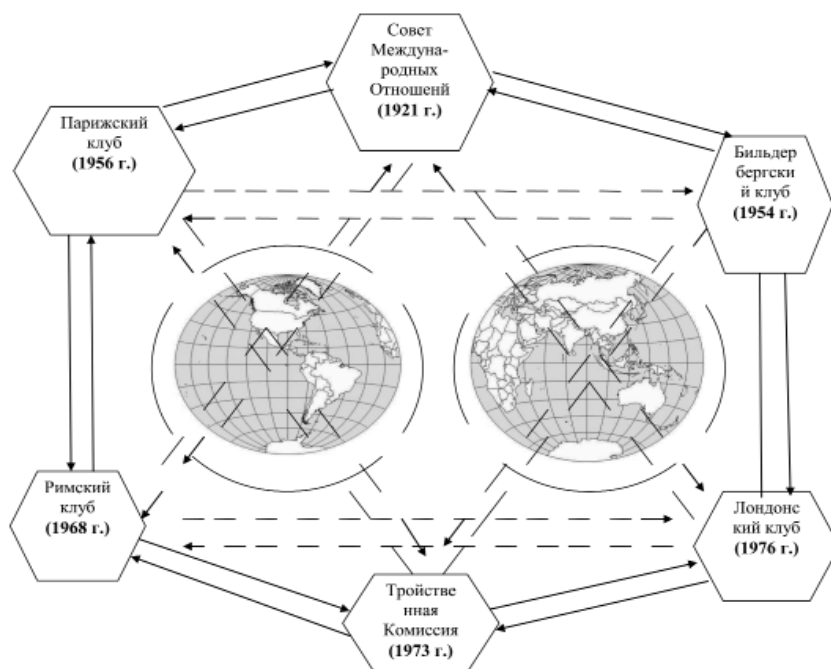
5. Усиление воздействия информа-

ции как средства манипуляции миллионами граждан.

6. Стремление нивелировать этнические особенности и идентичность отдельных народов под флагом утверждения общечеловеческой культуры.

Как видно, минусов у глобализации гораздо больше, чем плюсов. Глобализация создает единое государство будущего, представляющее собой единую территориальную мировую организацию политической власти в масштабе всей планеты (см. рис. 1).

Первоначально территориальные единицы будут называть себя по названиям бывших суверенных государств. Осуществление власти в этом случае приведет к необходимости создания мирового правительства. Его создание открыто обсуждалось уже давно. Так утверждает современный американский политолог Линдон Ларуш: «После смерти Сталина, в 1955 году Хрущев послал своих официальных представителей в Лондон на устроенную Расселом конференцию “Парламентарии мира за организацию мирового правительства”. Сам факт проведения такой конференции имел огромное историческое значение и серьезные последствия по обе стороны Атлантического океана. Представители Хрущева публично выразили солидарность с идеями Рассела. Иными словами, Хрущев поддержал идею создания мирового правительства, и с тех пор в СССР и в мире начались серьезные политические подвижки» [1].

Источник: [4, с. 165]

Рис. 1. Система взаимодействий основных организаций процесса глобализации

Таким образом, политические последствия глобализации опасны для суверенных государств [3, с. 59]. Сочетание суверенитета, территории и легитимности (независимость) национальных государств в процессе глобализации девальвируются и вообще теряют политический смысл. Прав политолог Летуновский П.В., утверждая: «...Поскольку в условиях глобализации цепь взаимосвязей, приводящих к возникновению многих угроз национальной безопасности страны, начинается с объективного несовпадения интересов участников глобальной экономической системы, то при разработке современных направлений укрепления национальной безопасности государства крайне необходим учет тенденций, влияющих на обороноспособность государства» [2, с. 15].

Очевидно, именно этим объясняется активное укрепление Вооруженных Сил в России в последнее время.

Губительность охарактеризованной выше модели глобализации осознается в обществе. Решительными противниками унификации мира стали антиглобалисты.

Антиглобалистское движение иногда позиционируют себя как «новый антикапитализм», как форму протеста против политики глобализации, установления нового мирового порядка, проводимой транснациональными корпорациями (ТНК) в угоду капитализму.

В моральном плане антиглобалисты стремятся разрушить нарисованную западной пропагандой легенду о наступлении «рая» после полного торжества глобализма на планете Земля.

В идеологическом плане антиглобализм противостоит неолиберализму с его концепцией всеобщей маркетизации. Политика жесткого рыночного диктата на практике приводит к упадку многих национальных производств, уничтожению традиционных народных промыслов и ремесел, национальных сельскохозяйственных культур, подрывает продовольственный суверенитет стран.

Разрушение национальных культур приводит к крушению национальных идеалов. Как утверждает ученый В.А. Шишкин: «Условия современных вызовов глобализации национальным культурам, навязывания России ценностей утилитаризма, индивидуализма и всеобщей конкуренции, ранее не свойственных русской культуре, актуализируют проблему исследования русского национального идеала, проблему влияния идеала на различные стороны бытия культуры, а также методологическую проблему определения его самого в структуре национального самосознания, философского анализа структуры национального самосознания» [5, с. 5]. Идеи нивелирования национальных культур проводятся в жизнь неолиберальной идеологией. Поэтому глобализм и неолиберализм рассматриваются как две тесно связанные концепции современной идеологии капитализма и мирового империализма.

В России антиглобализм стал развиваться, ориентируясь на солидарность с международными антиглобалистами в их борьбе за иную модель интеграции, против подчинения России и других стран требованиям и правилам ВТО, МВФ, НАТО, ТНК и т.д. Организует это движение ряд неправительственных организаций и социальных

движений – профсоюзных, экологических, научных, студенческих, а также леворадикальных групп.

Таким образом, глобализм и антиглобализм представляют собой идеологии двух разных социальных движений: с одной стороны, богатых, стремящихся к единовластному управлению планетой, с другой – в основном наемных работников, стремящихся сохранить свою самобытность как на личностном уровне, так и на национально-государственном.

Хочется надеяться, что поиск решений, удовлетворяющих всех участников, может привести к гармоничному развитию человечества на планете Земля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ларуш Л. Блеск и нищета Новой Римской империи. Интервью с известным американским мыслителем и «диссидентом». [Электронный ресурс] // Библиотека думающего о России. Июль 2001 года. patriotica.ru/actual/larush_... (Дата обращения: 20.01.15 г.)
2. Летуновский П.В. Защита Отечества в контексте национальной безопасности // Право и безопасность. 2012. № 2(42). С. 14-18.
3. Панов А.И. Политические аспекты современного процесса глобализации // Материалы IX интерактивной конференции Международного научно-аналитического проекта. Всеукраинский академический союз. Одесса, 2011. С. 59–63. URL: <http://gisap.eu/ru/node/499>.
4. Политология в структурно-логических схемах / Авт.-сост. А.И. Панов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Эйдос, 2011. 188 с.
5. Шишкин В.А. Национальный идеал как общий закон развития культуры: монография / под редакцией А.И. Гурьева. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. 225 с.

НАШИ АВТОРЫ

Аверченко Марина Александровна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры истории экономической науки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Москва); e-mail: KOD352@mail.ru

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин Пятигорского государственного лингвистического университета; e-mail: zaven2005@yandex.ru

Архипов Станислав Витальевич – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: arkipst@mail.ru

Балуев Андрей Юрьевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: balueff.andrew@yandex.ru

Батюченко Анна Александровна – аспирант Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук (г. Москва); e-mail: anna@batyuchenko.ru

Варшавский Дмитрий Игоревич – кафедра новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: mr.varshavski@mail.ru

Горбатова Наталья Валентиновна – кандидат политических наук, доцент кафедры управления общественными отношениями Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва); e-mail: gorbatova.nv@yandex.ru

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

Горячева Варвара Руслановна – старший преподаватель кафедры истории экономической науки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Москва); e-mail: zancia@rambler.ru

Епифанов Андрей Сергеевич – аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; e-mail: epifanoff.a@gmail.com

Ермаков Дмитрий Николаевич – доктор политических наук, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, академик Российской академии социальных наук, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: dermakow@ya.ru

Ершов Константин Петрович – аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных знаний Российского государственного университета туризма и сервиса (г. Москва); e-mail: ershovKP@mos.ru

Калачев Дмитрий Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и политологии Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ); e-mail: rybina82@mail.ru

Керимов Александр Алиевич – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург); e-mail: Kerimov68@mail.ru

Климова Любовь Владимировна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: klimovalubov@mail.ru

Козьякова Наталия Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: nat5985@yandex.ru

Кузнецова Ольга Дмитриевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой истории экономической науки Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва); e-mail: KOD352@mail.ru

Кулянов Роман Валериевич – аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных знаний Российского государственного университета туризма и сервиса (г. Москва); e-mail: rkulyanov@mail.ru

Лавренов Сергей Яковлевич – доктор политических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета (МГЮА); e-mail: lavrs2009@yandex.ru

Луков Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета; e-mail: lev74@mail2000.ru

Малькевич Александр Александрович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, кафедры политологии Омского государственного университета им.Ф.М. Достоевского; e-mail: alexander.malkevich@gmail.com

Мишин Алексей Владимирович – соискатель Института всеобщей истории РАН (г. Москва); e-mail: Futurum2006@yandex.ru

Монин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России; e-mail: grand_mgimo@mail.ru

Орлова Анна Сергеевна – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета; e-mail: annaorl888@gmail.com

Павловский Василий Григорьевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: Pavlovskii.Vasilii@mail.ru

Панов Анатолий Иванович – доктор политических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: ponchik.92@mirbis.ru

Политаев Петр Петрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: p.politaev@mail.ru

Рассохо-Анохина Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова (г. Санкт-Петербург); e-mail: docfilm@mail.ru

Саберов Федор Константинович – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии (г. Санкт-Петербург); e-mail: tehnoprapor@rambler.ru

Сеничев Вадим Евгеньевич – аспирант кафедры истории древнего мира Московского государственного областного университета; e-mail: heldar@mail.ru

Скаковский Александр Александрович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: uomostorico@gmail.com

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: kaF-nim@mgou.ru

Соколов Анатолий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, начальник научно-исследовательского центра (заместитель научного руководителя фундаментального многоотомного труда "Великая Отечественная война 1941-1945 годов») Военного университета Минобороны России; e-mail: sam.am2009@yandex.ru

Терняев Андрей Павлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории экономической науки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Москва); e-mail: 27an@mail.ru

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва) univer619@mail.ru

Шелудченко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: and75@mail.ru

Яснитский Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: kaF-nim@mgou.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия и архив журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2015. № 3

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор Н.Л. Борисова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 18,25, усл. п.л. 17.

Подписано в печать 19.06.2015. Заказ № 2015/06-04.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а